ИСТОРІЯ

38-й АРТИЛЛЕРІЙСКОЙ БРИГАДЫ.

Составилъ той же бригады поручикъ *Бѣльковичъ*.

Подъ редакціею артилеріи генералъ-маіора Чернявскаго.

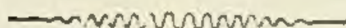

ТИФЛИСЪ.
1884.

Типографія Штаба Кавказскаго военнаго округа.

Напечатано по распоряженію Его Сіятельства Командующаго войсками Кавказскаго военнаго округа.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Формированіе 38-й артилерійской бригады. Размѣщеніе батарей и условія стоянокъ. Смотры въ 1867-мъ и 1868-мъ годахъ. Нововведенія. Перемѣна штабъ-квартиры 3-й батареи. 1870-й годъ и ожиданія Высочайшаго пріѣзда. Смотръ Главнокомандующаго. Сформированіе 4-й батареи. Смотръ Главнокомандующаго въ 1872-мъ году. Переформированіе 2-й четырехъ-фунтовой батареи въ девяти-фунтовую. Смотръ Великаго Князя въ 1873-мъ году. Пожаръ въ парковомъ сараѣ. Перемѣна нумераціи батарей. Упраздненіе бригаднаго лазарета. Сформированіе въ 1874-мъ году двухъ новыхъ батарей и приведеніе бригады въ шести-батарейный составъ. Лагерный сборъ въ 1875-мъ году подъ Пятигорскомъ и успѣхи бригады. Занятія 5-й батареи на владикавказскомъ полигонѣ. 1876-й годъ.

38-я артилерійская бригада была сформирована въ маѣ 1864-го года изъ трехъ батарей—батарейной, облегченной и нарѣзной (съ четырехъ-фунтовыми орудіями, заряжаемыми съ дула). Всѣ батареи были расположены вблизи Пятигорска, по квартирамъ: первая въ станицѣ Есентукской, вторая въ Кисловодскѣ (тамъ же и штабъ бригады, въ казенныхъ зданіяхъ, тѣсныхъ и довольно неудобныхъ) и третья въ станицѣ Бургустанской. Назначеніе командировъ батарей—подполковника Вахрамова, капитановъ Парфененко и Ахвердова, послѣдовало 13-го мая 1864-го года. Командиръ же бригады генералъ-маіоръ Тигерстетъ вступилъ въ командованіе ею 22-го іюня того же года. Бригада, на основаніи приказа по кавказской арміи отъ 18-го іюля 1864-го года, подчинена была начальнику артилеріи терской области.

Нижніе чины, расположенные по квартирамъ у жителей,

получали отъ нихъ приварокъ за установленную казенную плату, и отношенія ихъ къ хозяевамъ были хороши; только одна нарѣзная батарея имѣла поводъ жаловаться на придирки и дурное обращеніе съ нею бургустанскаго населенія, но и это обстоятельство скоро измѣнилось къ лучшему вслѣдствіе вмѣшательства командира 1-й бригады терскаго казачьяго войска. Артилерія во вновь сформированную бригаду была доставлена, черезъ георгіевскій арсеналъ, изъ дубовскаго и астраханскаго складовъ; пріемъ и передача ея въ батареи, во избѣжаніе недоразумѣній, производились при посредствѣ командира арсенала. Хотя перевозку артилеріи въ штабъ-квартиры батарей слѣдовало произвести ихъ собственными средствами, но Главнокомандующій, не желая отвлекать командировъ и офицеровъ отъ ихъ дѣятельности и трудовъ, всегда неразлучныхъ съ формированіемъ новой части, предоставилъ ее подрядчику.

Офицеры для укомплектованія трехъ батарей, въ числѣ двадцати трехъ человѣкъ, равно и нижніе чины, поступили изъ упраздненныхъ резервныхъ батарей кавказской гренадерской, 19-й, 20-й и 21-й артилерійскихъ бригадъ. Многіе изъ офицеровъ не прибыли вовсе, а нѣкоторые впослѣдствіи переведены въ другія части. Батареи, по распоряженію Главнокомандующаго, освѣжались старослужилыми нижними чинами, которые прибывали взамѣнъ рекрутъ, исключаемыхъ по разнымъ причинамъ изъ списочнаго состоянія.

Артилерійское имущество было принято изъ георгіевскаго арсенала. Такъ какъ закрытыхъ помѣщеній пока для него не было, то командиры батарей просили объ отпускѣ имъ для устройства ихъ по 500-тъ рублей единовременно. Но Главнокомандующій, имѣя въ виду, что батареямъ не придется долго оставаться въ ихъ штабъ-квартирахъ, приказалъ опредѣлить наименьшую стоймость предполагаемыхъ построекъ и отпустить деньги изъ свободныхъ суммъ, состоявшихъ въ распоряженіи командующаго войсками терской области. Вслѣдствіе этого, каждой батареѣ пришлось получить только по 50 рублей; но при этомъ, строительный матеріалъ велѣно вывозить хозяйственнымъ способомъ безплатно изъ лѣсныхъ

участковъ, которые были одновременно съ симъ отведены для этой надобности управляющимъ округомъ кавказскихъ минеральныхъ водъ. Въ октябрѣ 1864-го года помѣщенія были уже готовы.

Въ общемъ, расположеніе батарей представлялось въ слѣдующемъ видѣ: каждая батарея занимала среднимъ числомъ до 200-тъ дворовъ, на пространствѣ около трехъ квадратныхъ верстъ, и, въ случаѣ тревоги, могла собраться и приготовиться къ движенію приблизительно черезъ часъ. Во всѣхъ батареяхъ, кромѣ 2-й, зданія подъ канцелярію, учебныя команды, кухни, мастерскія, цейхгаузы (которые, впрочемъ, были только въ 1-й и 2-й батареяхъ), склады для провіанта и фуража отводились отъ обывателей или же устроивались на артельныя средства. Канцелярія 2-й батареи находилась въ наемномъ частномъ домѣ; прочія же перечисленныя помѣщенія были устроены въ зданіяхъ упраздненнаго укрѣпленія Кисловодскаго, принадлежавшихъ инженерному вѣдомству. Всѣ помѣщенія, какъ во 2-й батареѣ, такъ и въ прочихъ, были темны, тѣсны, неудобны и требовали исправленій. Пороховые погреба были устроены только для 1-й, 2-й и впослѣдствіи сформированной 4-й батареи; они были недостаточны для храненія всего количества пороха. Ни въ одной батареѣ не было карцеровъ.

Бригадный лазаретъ на 18-ть кроватей былъ устроенъ въ станицѣ Есентукской, въ трехъ смежныхъ чистенькихъ домикахъ. Всѣ вещи для него и деньги по 28½ коп. на каждаго человѣка для покупки медикаментовъ были получены изъ ставропольской коммисаріатской коммисіи.

Мѣстомъ бригаднаго лагернаго сбора былъ назначенъ городъ Георгіевскъ, куда собиралась для практической стрѣльбы и 39-я бригада. Хотя для двухъ бригадъ лагерное мѣсто было тѣсное и неудобное, но имъ поневолѣ пришлось удовлетворяться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, потому что въ окрестностяхъ Пятигорска не было участковъ для рубки дровъ. Только въ 1867-мъ году сдѣлано было нѣкоторое отступленіе—и бригадный лагерный сборъ, по случаю проѣзда Главнокомандующаго чрезъ Кисловодскъ, былъ назначенъ близь станицы Есентукской. Здѣсь бригада имѣла честь представиться на смотру Его Императорскому Высочеству.

Государь Великій Князь остался ею доволенъ. Въ концѣ августа бригада все-таки выступила къ Георгіевску и тамъ оставалась до окончанія лагернаго времени.

Во время этихъ лагерныхъ сборовъ бригадное управленіе оставалось на своемъ мѣстѣ, въ Кисловодскѣ, но съ 1868-го года, по приказанію Его Императорскаго Высочества, должно было выступать вмѣстѣ съ батареями. Въ лагерь выводилось по четыре орудія отъ каждой батареи въ запряжкѣ, а прислуга и ѣздовые на полный составъ батареи. Въ 1868-мъ году, въ лагерѣ подъ Георгіевскомъ, Его Императорское Высочество опять изволилъ произвести смотръ батареямъ, но на этотъ разъ явились и нѣкоторые недостатки, на которые Государю Великому Князю благоугодно было тутъ же обратить вниманіе бригаднаго командира,— такъ что этотъ смотръ нельзя назвать благополучнымъ.

Начиная съ 1867-го года бригада снабжалась разными вновь выходившими въ свѣтъ уставными правилами. Такъ, въ февралѣ этого года были объявлены составленныя въ гвардейской артилеріи и одобренныя артилерійскимъ комитетомъ правила орудійнаго ученія при четырехъ-фунтовыхъ, заряжаемыхъ съ казны, пушкахъ. Въ мартѣ же 1868-го года были присланы дополненія къ этимъ правиламъ и затребованы мнѣнія командировъ батарей о пригодности и примѣнимости ихъ. Послѣ лагерныхъ сборовъ, въ продолженіе которыхъ изучались эти правила, командиры 1-й и 2-й батарей, у которыхъ гладкія орудія были уже замѣнены нарѣзными, дали отвѣтъ въ положительномъ смыслѣ, но командиръ 3-й батареи сказать ничего не могъ, такъ какъ у него въ батареѣ нарѣзныя орудія, заряжающіяся съ казны, не были еще получены. Въ февралѣ 1869-го года вышелъ уставъ орудійнаго ученія. Онъ тотчасъ былъ разосланъ по батареямъ и по испытаніи оказался вполнѣ удовлетворяющимъ своему назначенію; въ августѣ же препровождены правила перекладки съ лафета на лафетъ и подвязыванья подъ передокъ мѣдныхъ, заряжающихся съ казны, нарѣзныхъ 9-ти-фунтовыхъ пушекъ. Окружное артилерійское управленіе предписало послѣ лагеря выяснить этотъ вопросъ и примѣнимость всѣхъ предложенныхъ по немъ правилъ, побатарейно. Но такъ какъ

9-ти-фунтовыя мѣдныя, заряжаемыя съ казны, пушки имѣлись только при 1-й батареѣ, то командиръ ея подполковникъ Будде только одинъ изъ всѣхъ и донесъ о своевременной пригодности правилъ.

Однообразіе жизни батарей, прерываемое только этими обстоятельствами, не нарушалось затѣмъ до 1870-го года никакими выдающимися явленіями, если только не считать перемѣну штабъ-квартиры 3-й батареи. Въ августѣ 1868-го года она, наконецъ, избавилась отъ неуживчивыхъ жителей Бургустанской станицы и перемѣщена, вслѣдствіе разрѣшенія Главнокомандующаго, въ станицу Кисловодскую. Всѣ офицеры стали получать квартирныя деньги по 1-й категоріи, объявленной въ приказѣ по войскамъ кавказской арміи 1867-го года за № 102-мъ,—и отъ этого стало едва ли не хуже, потому что квартиры вообще были дороги, въ особенности въ Кисловодскѣ и Есентукахъ, а въ курсовое время къ нимъ и приступиться было нельзя. Дрова также были не дешевы—по 27-ми рублей сажень, и вслѣдствіе этихъ двухъ неблагопріятныхъ условій офицеру доставало квартирныхъ денегъ только на полгода.

1870-й же годъ принесъ всѣмъ радостную вѣсть о намѣреніи Государя Императора посѣтить кавказскій край. Въ формальномъ предписаніи объ этомъ окружнаго артиллерійскаго управленія отъ 5-го февраля было выражено, что Его Величество, во время поѣздки, соизволитъ осмотрѣть и артиллерію. Въ виду этого, приказами по округу за №№ 70-мъ и 71-мъ, всей кавказской артиллеріи предписано было собраться подъ Владикавказомъ къ 25-му іюля, а до этого времени батареямъ находиться съ 1-го мая въ лагеряхъ при своихъ штабъ-квартирахъ. Такъ какъ время сбора подъ Владикавказомъ предназначалось исключительно для строевыхъ занятій, то предписаніемъ окружнаго артиллерійскаго управленія отъ 22-го марта 1870-го года за № 3148-мъ, было приказано: 1) батареямъ 38-й бригады произвести практическую стрѣльбу при своей штабъ-квартирѣ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ командира бригады, который и обязывался выбрать и указать соотвѣтственное для стрѣльбы мѣсто; 2) батареи должны

были до выступленія во Владикавказъ заготовить фуражъ на періодъ 1870-го—1871-го годовъ и въ это же время выдержать лошадей на подножномъ корму.

Подготовка нижнихъ чиновъ въ строевомъ отношеніи началась съ раннею весною. Сначала было обращено особое вниманіе на одиночную выправку людей, а потомъ на ученья и маневрированія цѣлыми частями и на ѣзду офицеровъ и фейерверкеровъ. Всѣ негодныя и помятыя трубы были замѣнены новыми; во всѣхъ батареяхъ была выписана изъ Москвы новая конская аммуниція и велѣно приступить къ однообразной переокраскѣ артиллеріи—впрочемъ, 1-й батареѣ только съ полученіемъ желѣзныхъ девяти-фунтовыхъ лафетовъ, которые прибыли лишь весною. Изъ этихъ и многихъ другихъ приготовленій было ясно видно желаніе представиться Августѣйшему Посѣтителю въ возможно лучшемъ видѣ, и желаніе это было у всѣхъ одинаково, отъ генерала до послѣдняго солдата.

На основаніи приказа по артиллеріи кавказскаго военнаго округа отъ 30-го апрѣля 1870-го года за № 86-мъ, батареи выступили во Владикавказъ въ четырехъ-орудійномъ составѣ, при двухъ зарядныхъ ящикахъ и одномъ запасномъ лафетѣ, съ смотровою одеждою для нижнихъ чиновъ *). Расчетъ прислуги и ѣздовымъ былъ взятъ на полную батарею, такъ что изъ вторыхъ полубатарей былъ сформированъ пѣшій баталіонъ, для командованія которымъ слѣдовало назначить, на основаніи предписанія окружнаго артиллерійскаго управленія отъ 17-го іюня 1870-го года за № 7381-мъ, особаго офицера и въ помощь ему баталіоннаго адъютанта. Составленный такимъ образомъ баталіонъ долженъ былъ практиковаться все время въ пѣшемъ строю.

Но увы! общее желаніе не осуществилось, потому что Государь Императоръ въ тотъ годъ не изволилъ посѣтить Кавказа, и войска, собранныя подъ Владикавказомъ, удостоились видѣть только Главнокомандующаго, прибывшаго въ лагерь 21-го августа вече-

---

*) Люди имѣли на себѣ укороченныя драгунскія шашки на поясной портупеѣ, прежніе же тесаки и поясныя портупеи съ лопастями отмѣнены во всей артиллеріи приказомъ военнаго министра отъ 24-го января 1868-го года за № 28.

ромъ. Его Высочество изволилъ провести въ средѣ артиллеристовъ 22-е, 23-е и 24-е числа, и въ продолженіе этихъ дней произвелъ смотръ и стрѣльбу всѣмъ батареямъ, бывшимъ въ сборѣ. Послѣдняя, впрочемъ, была неудачна, въ особенности во 2-й и 3-й батареяхъ; причина этому заключалась, вѣроятно, въ излишней торопливости орудійной прислуги. 27-го августа батареи выступили въ свои штабъ-квартиры.

Періодъ лагернаго сбора запечатлѣлся смертью командира бригады генералъ-маіора Тигерстета, скончавшагося въ іюлѣ мѣсяцѣ. Вмѣсто него назначенъ, приказомъ по артиллеріи кавказскаго военнаго округа отъ 31-го іюля, командиръ 3-й батареи кавказской гренадерской Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича артиллерійской бригады полковникъ Томиловъ. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что къ концу года личный составъ бригады и батарей значительно обновился.

Въ 1871-мъ году, въ 38-й артиллерійской бригадѣ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 28-го января, была сформирована четвертая батарея. Въ предписаніи окружнаго артиллерійскаго управленія отъ 4-го марта за № 2126-мъ, по этому поводу было сказано слѣдующее: „Государь Императоръ, въ 28-й день января мѣсяца, между прочимъ Высочайше повелѣть соизволилъ: сформировать нынѣ же четвертыя батареи въ 38-й и 39-й артиллерійскихъ бригадахъ съ четырехъ-фунтовыми, заряжающимися съ казны, пушками". Основанія для формированія батарей были слѣдующія: 1) батареи эти должны содержаться на службѣ по Высочайше утвержденному штату, объявленному въ приказѣ по военному вѣдомству 1870-го года за № 232-мъ, въ обыкновенномъ мирномъ составѣ, при 8-ми орудіяхъ, съ 2-мя зарядными ящиками на каждое; запряжка же должна быть расчитана только на четыре орудія и два зарядныхъ ящика; 2) вновь сформированныя батареи должны быть пополнены людьми изъ тѣхъ бригадъ, при которыхъ онѣ будутъ формироваться, въ томъ числѣ какое окажется возможнымъ; недостающее же до положеннаго штата число людей назначить по распоряженію главнаго артиллерійскаго управленія. При этомъ товарищъ Фельдцейхмейстера генералъ-адъютантъ Баранцовъ

предписалъ: 3) формируемыя батареи немедленно пополнить лошадьми изъ батарей тѣхъ бригадъ, при которыхъ онѣ будутъ формироваться, причемъ обратить особенное вниманіе на возможно скорѣйшее пополненіе батарей лошадьми, въ видахъ немедленнаго обученія ихъ въ конномъ строю: убылыхъ же лошадей старыхъ батарей пополнить покупкою другихъ; 4) въ составъ вновь формируемой батареи 38-й бригады назначить строевыхъ нижнихъ чиновъ по 30-ти человѣкъ (въ томъ числѣ 3 фейерверкера) отъ всѣхъ батарей бригады; остальныхъ же, недостающихъ до штата, назначить изъ частей артиллеріи кавказскаго военнаго округа по усмотрѣнію начальника артиллеріи, генералъ-лейтенанта Немчинова. Нестроевыхъ же нижнихъ чиновъ назначить изъ всѣхъ частей округа въ такомъ числѣ, въ какомъ признается возможнымъ.

Для пополненія лошадьми вновь формировавшейся батареи были выдѣлены по 2 строевыя лошади отъ каждой батареи, и упряжныхъ артиллерійскихъ—девять отъ 1-й батареи и по 8-ми отъ 2-й и 3-й батарей. Сверхъ того, командиру бригады были предложены слѣдующіе запросы: а) въ какой изъ станицъ, находящейся не въ далекомъ разстояніи отъ штаба бригады, возможно будетъ расположить батарею; б) кого изъ офицеровъ назначить во вновь формируемую батарею изъ старыхъ батарей бригады; в) такъ какъ батарея должна была формироваться при своей штабъ-квартирѣ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого командира бригады, то возможно ли помѣстить батарею временно въ Кисловодскѣ, и не будетъ ли это стѣснительно для людей и лошадей расположенныхъ уже тамъ батарей?

Лошади, переданныя изъ старыхъ батарей во вновь формируемую 4-ю батарею, слѣдовало пополнить въ самомъ непродолжительномъ времени ремонтеру, которому на покупку ихъ были ассигнованы деньги изъ главнаго артиллерійскаго управленія; что же касается до остальныхъ убылыхъ на мѣстѣ лошадей, то покупка ихъ была возложена на командировъ батарей, подъ отвѣтственностью командира бригады. Командиромъ вновь формировавшейся 4-й батареи былъ назначенъ командиръ роты дагестанской крѣпостной артиллеріи капитанъ Шредерсъ, которому предписано от-

правиться въ Кисловодскъ и сейчасъ же приступить къ формированію 4-й батареи, на основаніи инструкціи, изложенной въ докладѣ начальника артилеріи округа, утвержденномъ Главнокомандующимъ и сообщенномъ въ бригаду 1-го апрѣля 1871-го года за № 306. Инструкція обязывала командира бригады сдѣлать слѣдующія распоряженія:

Для пополненія вновь формируемой батареи офицерами, кромѣ назначенныхъ къ переводу въ оную поручиковъ Жалкевскаго и Корниловича, назначить изъ старыхъ батарей еще трехъ—что не должно было чувствительно ослабить наличный ихъ составъ въ этихъ батареяхъ; изъ 20-й же артилерійской бригады былъ назначенъ старшій офицеръ капитанъ Неймейеръ. Для укомплектованія батареи нижними чинами было предписано назначить изъ старыхъ батарей по 3-ри фейерверкера отъ каждой, въ числѣ которыхъ должно быть по одному унтерному; одинъ изъ всѣхъ девяти долженъ былъ удовлетворять званію фельдфебеля; затѣмъ—отъ каждой батареи по одному трубачу, по 2-ва бомбардира-лабораториста и отъ 1-й батареи 6-ть, а отъ 2-й и 3-й по пяти бомбардировъ; канонировъ отъ 1-й батареи 19-ть, а отъ 2-й и 3-й по двадцати; наконецъ—по одному ученику изъ окружной фейерверкерской школы. Нестроевые нижніе чины: отъ 1-й батареи—1-нъ мастеровой деревяннаго и 1-нъ металлическаго дѣлъ, отъ 2-й батареи—1-нъ мастеровой деревяннаго дѣла, и отъ 3-й батареи—два мастеровыхъ деревяннаго дѣла и одинъ обозный унтеръ-офицеръ. Такъ какъ всѣхъ этихъ нижнихъ чиновъ еще далеко недоставало до положеннаго штата, то, по распоряженію начальника артилеріи округа, были назначены изъ 20-й артилерійской бригады 2-ва фейерверкера и 54-ре канонира, часть которыхъ могла быть обращена въ обозные рядовые и лазаретные служители, фельдшерскій ученикъ и 2-ва мастеровыхъ металлическаго дѣла; изъ 21-й Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны бригады—4-ре фейерверкера, мастеровой шорнаго дѣла и младшій мастеровой металлическаго дѣла. Писаря были назначены изъ кубанской крѣпостной артилеріи. Хотя въ предписаніи начальника артилеріи округа отъ 1-го апрѣля 1871-го года за № 3060 и

говорилось, чтобы нижніе чины, назначенные къ переводу во вновь формируемую батарею, были бы хорошей нравственности и не штрафованые, но это далеко не было выполнено. Только благодаря энергіи и постоянной дѣятельности капитана Шредерса, ввѣренная ему батарея въ скоромъ времени поставлена на должную ногу. Для образованія во вновь формировавшейся 4-й батареѣ экономической харчевой суммы, начальникъ артилеріи округа предписалъ выдѣлить причитающіяся деньги на каждаго переведеннаго нижняго чина изъ экономическихъ харчевыхъ суммъ старыхъ батарей. Для укомплектованія 4-й батареи лошадьми были выдѣлены по 2-вѣ строевыхъ лошади отъ каждой старой батареи; что же касается до упряжныхъ артилерійскихъ, то таковыхъ отъ 1-й батареи было выдѣлено 9-ть, а отъ 2-й и 3-й батарей по 8-ми. Изъ 25-ти упряжныхъ артилерійскихъ лошадей должно было быть 18-ть орудійныхъ и 7-мь ящичныхъ. Такъ какъ убылыхъ лошадей изъ старыхъ батарей предполагалось въ скоромъ времени пополнить молодыми лошадьми, то было предписано командиру бригады, чтобы лошади, назначенныя на укомплектованіе 4-й батареи, были хорошаго качества и по возможности одной масти. Нижніе чины формируемой батареи, до окончательнаго устройства хозяйственной части, были прикомандированы на довольствіе къ расположенной въ Кисловодскѣ старой батареѣ. 1-го мая 1871-го года 4-я батарея была окончательно сформирована—о чемъ капитанъ Шредерсъ донесъ 12-го іюня 1871-го года за № 125.

Новая батарея своей штабъ-квартиры пока не имѣла. Хотя командиръ бригады полковникъ Томиловъ сильно хлопоталъ о томъ, чтобы оставить ее въ Кисловодскѣ и представлялъ тому причиною всѣ выгоды совмѣстнаго расположенія батарей, а затѣмъ въ крайнемъ случаѣ рекомендовалъ Есентуки и даже станицу Суворовскую, но ходатайство его не имѣло успѣха, потому что въ Кисловодскѣ не было готовыхъ помѣщеній для размѣщенія всей 4-й батареи, а чтобы привести въ порядокъ тамошній казачій постъ и полуразрушенную казарму, требовалась весьма солидная сумма въ 1000 рублей, отпустить которую оказалось невозможнымъ. Поэтому, остановились на станицѣ Лысогорской, находящей-

ся между Пятигорскомъ и Георгіевскомъ. Стоянка въ ней была далеко не изъ удобныхъ. Не говоря уже о лихорадкахъ, отъ которыхъ такъ много приходилось страдать людямъ, Лысогорская станица отличалась историческою грязью. Стоило только хоть небольшому дождю вспрыснуть землю, какъ почва тотчасъ раскисала, и грязь дѣлалась буквально по колѣна; конечно, въ такую пору не только нельзя было вывести батарею на ученье, но и самому невозможно было выдти изъ дома. Нижніе чины размѣщались въ самыхъ непригожихъ хатахъ стараго украинскаго времени; квартиры офицеровъ не имѣли ни малѣйшихъ удобствъ; даже для помѣщенія командира батареи и его семейства была отведена чуть-ли не курная изба; конечно, онъ и не вошелъ въ нее, а нанялъ себѣ хуторъ, расположенный въ разстояніи около версты отъ станицы; но хуторъ этотъ, къ несчастью, оказался не на твердомъ грунтѣ, а на толстомъ прогнившемъ слоѣ навоза. Такое некомфортэбльное помѣщеніе не могло не отражаться постоянно на здоровьи всей семьи Шредерса, и постоянныя лихорадки не оставляли ее. Лошади сначала были поставлены въ самой станицѣ, но впослѣдствіи командиръ батареи выпросилъ деньги на постройку помѣщеній. Онѣ были возведены удобно, прочно, очень дешево и прикрыли собою не только лошадей, но и артилерію.

И такъ, 1871-й годъ былъ довольно важнымъ періодомъ въ жизни 38-й бригады: она усилилась и, если можно выразиться, окрѣпла. Многимъ она была обязана ея почтенному командиру, котораго, къ прискорбію, лишилась въ слѣдующемъ году: полковникъ Томиловъ, завладѣвшій общимъ расположеніемъ, полный силъ, преданный труду, скончался отъ апоплексическаго удара. На его мѣсто назначенъ, приказомъ по артилеріи кавказскаго военнаго округа отъ 28-го апрѣля 1872-го года за № 118-мъ, и утвержденъ другимъ приказомъ 15-го іюня за № 182-мъ, командиръ 4-й батареи 20-й артилерійской бригады полковникъ Проскуряковъ (Ѳедоръ).

Въ 1872-мъ году бригада, по распоряженію Его Высочества, была выведена лагеремъ въ гор. Майкопъ. Его Высочество изволилъ смотрѣть тамъ бригаду и остался несовсѣмъ доволенъ ея

состояніемъ. Вскорѣ послѣ смотра подъ Майкопомъ появилась холера, сначала между жителями, потомъ забралась и въ лагерь; конечно, при подобныхъ условіяхъ дальнѣйшее продолженіе лагернаго сбора было немыслимо, потому что съ каждымъ днемъ число больныхъ холерою все болѣе возрастало. Тогда, по ходатайству начальника лагеря генерала Своева, войска были распущены по своимъ штабъ-квартирамъ и бѣжали отъ Майкопа, какъ отъ зачумленнаго мѣста: напримѣръ, 4-я батарея 38-й бригады дѣлала переходы по 40-ка и 50-ти верстъ безъ дневокъ—что, конечно, и спасло нижнихъ чиновъ отъ распространенія между ними холерной эпидеміи.

1873-й годъ не прошелъ безслѣдно: предписаніемъ окружнаго артилерійскаго управленія отъ 28-го марта, основаннымъ на приказѣ по военному вѣдомству отъ 22-го января 1873-го года за № 30-мъ, вторую четырехъ-фунтовую батарею 38-й бригады велѣно переформировать въ девяти-фунтовую. Приказъ этотъ въ одинаковой мѣрѣ коснулся всей кавказской артилеріи. Такъ какъ штатъ девяти-фунтовой батареи значительно шире, чѣмъ четырехъ-фунтовой, то 2-я батарея, при переформированіи, пополнилась людьми изъ прочихъ батарей бригады. Вслѣдствіе происшедшаго оттого недочета людей въ остальныхъ батареяхъ, начальникъ артилеріи округа сдѣлалъ распоряженіе объ увеличеніи пятидесятью человѣками числа новобранцевъ, которые должны были поступить въ томъ году въ бригаду. Осенью того же года во 2-ю батарею, вмѣстѣ съ ремонтомъ, были приведены добавочныя орудійныя лошади согласно девяти-фунтовому штату. Прежнія орудія сданы въ георгіевскій артилерійскій складъ, и оттуда же получены взамѣнъ ихъ мѣдныя девяти-фунтовыя нарѣзныя пушки, заряжающіяся съ казны, на желѣзныхъ лафетахъ. Къ осени батарея окончательно была переформирована.

Въ 1873-мъ году, въ концѣ апрѣля, бригада выступила въ лагерь къ Пятигорску. По прибытіи на мѣсто, батареи тотчасъ приступили къ практической стрѣльбѣ, а затѣмъ были приведены изъ четырехъ-орудійнаго въ восьми-орудійный составъ. Въ іюнѣ прибыла вся 38-я пѣхотная дивизія и два драгунскихъ полка.

Въ началѣ іюля изволилъ пожаловать Его Императорское Высочество Главнокомандующій и 11-го числа произвелъ смотръ всѣмъ войскамъ. Послѣ церемоніальнаго марша, которымъ Великій Князь остался вполнѣ доволенъ, 38-я артиллерійская бригада удостоилась услышать отъ Главнокомандующаго, что Его Высочеству „весьма пріятно видѣть батареи 38-й бригады въ такомъ удовлетворительномъ состояніи послѣ недавняго приведенія въ 8-ми-орудійный составъ".

Слѣдующій день былъ назначенъ для смотровой стрѣльбы. Какъ на грѣхъ, гроза была до того сильна, что громъ и молнія почти не прерывались; подулъ порывистый и весьма неблагопріятный для стрѣльбы вѣтеръ, а, къ довершенію бѣды, батареямъ была указана позиція на мѣстности крайне волнистой и пересѣченной; мишени, и безъ того плохо видимыя, иной разъ совсѣмъ скрывались подъ густою завѣсою дождя.

1-я, 2-я и 3-я батареи были расположены, на разстояніи 1020-ти саженей отъ цѣли; 4-я же батарея стрѣляла на 810-ть саженей. Послѣ нѣсколькихъ очередей, батареи были передвинуты всѣ на одну дистанцію въ 600-тъ саженей. Не смотря, однако, на всѣ невыгоды и неудобства, результаты были достаточно удовлетворительные: по оцѣнкѣ средняго числа пробоинъ, приходившихся на каждый выстрѣлъ, въ 1-й батареѣ оказалось 12-ть, во 2-й— 10-ть, въ 3-й—10-ть и въ 4-й—11½.

По окончаніи стрѣльбы бригада выстроилась въ полубатарейную колонну справа. Его Императорское Высочество, объѣхавъ ее, изволилъ благодарить отдѣльно каждую батарею. Послѣ этого, батареи прошли пополубатарейно церемоніальнымъ маршемъ, и каждая полубатарея вновь удостоилась похвалы Государя Великаго Князя. Въ заключеніе, Его Высочество изволилъ выразить благодарность полковнику Проскурякову за хорошее состояніе бригады и за успѣхи ея во всѣхъ отношеніяхъ, сравнительно съ прошлымъ годомъ. Батареи, хотя вымокшія насквозь, но довольныя и веселыя, пришли въ лагерь. Людямъ была роздана водка и усиленная порція мяса, а офицеры собрались въ табльдотъ и заключили благополучный смотръ веселою пирушкою. Погода перемѣни-

лась, лагерь окончательно оживился: раздались пѣсни, заиграла музыка, и на передовой линейкѣ, среди развеселѣвшихъ солдатъ, появились плясуны. Ликованіе продолжалось до темноты. Солдаты вскорѣ улеглись, но музыка не переставала, сопровождая и поддерживая офицерскую пирушку; лагерь затихъ только къ разсвѣту.

Но вотъ, вдали зарокоталъ барабанъ—сначала робко, какъ бы извиняясь въ нарушеніи общаго покоя, а потомъ разгонистѣе, живѣе, громче: черезъ минуту къ нему присоединился другой, третій—и пошла такая дробь, что ужъ тутъ было не до сна. Всѣ вскочили съ только-что пригрѣтыхъ постелей, и многіе спросонья не могли понять, что все это значитъ; но, вразумленные товарищами, что это бьютъ тревогу, они хватали первую попавшуюся въ руки вещь и натягивали ее вовсе не на предназначенное мѣсто. Смотришь, иной надѣлъ сапогъ не на ту—и притомъ на босую—ногу; другой—опоясывается портупеею вмѣсто того, чтобы перекинуть ее черезъ плечо; третій силится облечь свои формы въ шаровары передомъ назадъ. Когда всѣ уразумѣли дѣйствительность—общая суета улеглась. Лошади были вмигъ обамуничены, и батареи, въ четыре часа утра, 13-го іюля, стояли совершенно готовыя къ выступленію; у офицеровъ хотя и были заспанныя лица, но это дѣлу нисколько не вредило. По тревогѣ былъ произведенъ Его Высочествомъ односторонній маневръ всѣмъ войскамъ пятигорскаго лагеря, а затѣмъ, спустя нѣсколько часовъ—боевая стрѣльба всѣмъ войскамъ. Отъ 38-й артилерійской бригады приняла въ ней участіе только 1-я батарея. Ей пришлось стрѣлять опять съ двухъ позицій: первая была въ 800-хъ слишкомъ саженяхъ и командовала надъ мишенями, поставленными въ косвенномъ положеніи относительно фронта батареи, а вторая въ 600-хъ слишкомъ саженяхъ. Съ этой позиціи пришлось дѣйствовать снизу вверхъ. При счетѣ пробоинъ опредѣлилось двѣнадцать на каждый выстрѣлъ.

15-го іюля войска, раздѣленныя на два отряда, выступили на маневры. Бригада также была разбита на два противуположные отряда. 16-го числа, съ разсвѣтомъ, начались двусторонніе маневры и окончились къ 12-ти часамъ пополудни. Его Импера-

торское Высочество остался очень доволенъ всѣми войсками, а въ особенности артилеріей, относительно которой изволилъ замѣтить, что всѣ движенія батарей дѣлались правильно, выборъ позиціи и моментъ открытія огня очень удачны и согласовались вполнѣ съ ходомъ самаго маневра. Проѣзжая мимо возвращавшихся въ лагерь батарей, Его Высочество изволилъ подозвать полковника Проскурякова и повторить то, что было сказано послѣ смотровой стрѣльбы. 17-го іюля Главнокомандующій оставилъ Пятигорскъ, поблагодаривъ еще разъ командировъ бригады и батарей, а также и офицеровъ. Такимъ образомъ, окончился памятный для бригады смотръ; еще и теперь часто слышишь о немъ отъ старыхъ офицеровъ.

Въ августѣ 1873-го года случилось слѣдующее, выходящее изъ ряда, происшествіе: 21-го числа, въ пять часовъ пополудни, надъ Кисловодскомъ разразилась ужасная гроза, столь свойственная горной природѣ. Молнія ударила въ сарай, гдѣ находился паркъ 2-й батареи, и мгновенно охватила его пламенемъ, а часоваго свалила съ ногъ и оглушила. Сбѣжавшіеся тотчасъ нижніе чины оттащили часоваго и начали спасать артилерійское имущество; но всѣ усилія ихъ были тщетны: могли вытащить изъ огня только три передка и два зарядныхъ ящика; доступъ же къ остальнымъ сдѣлался крайне опасенъ, такъ какъ начались частыя воспламененія зарядовъ и даже разрывы снарядовъ. На эту суматоху скоро прихлынула толпа зѣвакъ, и еслибы прапорщикъ Подеревскій не догадался разставить цѣпь, за которую не велѣлъ никого пропускать, то, пожалуй, безъ печальныхъ случаевъ не обошлось бы, потому что осколки разорвавшихся гранатъ то и дѣло свистѣли и шипѣли по всѣмъ направленіямъ. Бушеваніе разсвирѣпѣвшаго пламени и непрошенная канонада продолжались довольно долго, потому что нельзя было принять никакихъ мѣръ. На этомъ основаніи всѣ только стояли, сложа руки, смотрѣли и выжидали. Огонь, наконецъ пресытился, уничтожилъ все и, не имѣя больше пищи, сталъ потухать. Тутъ вскрылась печальная и неприглядная картина разрушенія: недогорѣлые ящики, разныя деревянныя принадлежности, банники, колеса, баклаги и т. п. валялись въ хаоти-

ческомъ безпорядкѣ. Въ заключеніе, крыша рухнула, и весь этотъ сумбуръ скрылся съ глазъ. Изъ всего артилерійскаго имущества батареи, годными послѣ пожара оказались только тѣла восьми орудій, восемь желѣзныхъ лафетовъ безъ колесъ и желѣзная оковка отъ ящиковъ, передковъ и колесъ; все остальное было поглощено пожаромъ.

Объ этомъ чрезвычайномъ происшествіи было донесено Государю Императору и начальнику артилеріи округа, а также сообщено военному прокурору. Но послѣдній, не найдя признаковъ преступленія, дѣло прекратилъ. Убытки, конечно, пополнила казна.

Въ концѣ 1873-го года, въ виду предстоявшаго приведенія артилерійскихъ бригадъ въ шести-батарейный составъ, была произведена перемѣна нумераціи четырехъ-фунтовыхъ батарей: третья батарея названа четвертою, а четвертая—пятою, и такимъ образомъ между второю девяти-фунтовою и новою, четвертою, четырехъ-фунтовою оставленъ свободный № 3-й.

Въ началѣ 1874-го года бригадный командиръ полковникъ Проскуряковъ, приказомъ по артилеріи кавказскаго военнаго округа отъ 14-го января, назначенъ командиромъ 39-й артилерійской бригады, а командиръ сей послѣдней полковникъ Куликовскій—на его мѣсто. Вскорѣ по вступленіи, новый командиръ, приказомъ по бригадѣ, послѣдовавшимъ въ мартѣ мѣсяцѣ, упразднилъ бригадный лазаретъ, какъ несоотвѣтствовавшій цѣли, для которой онъ былъ устроенъ. Полковникъ Куликовскій въ этомъ случаѣ былъ совершенно правъ, потому что устроивать бригадные лазареты полезно и удобно только въ мѣстахъ совмѣстнаго расположенія цѣлой бригады, гдѣ заболѣвшій нижній чинъ можетъ сейчасъ же лечь на мѣсто; но когда батареи отдалены другъ отъ друга и отъ штаба бригады на значительное разстояніе, да еще стоятъ на путяхъ сообщенія неудобныхъ къ передвиженію даже и здороваго человѣка, то цѣль ихъ ни въ какомъ случаѣ не достигается. Взамѣнъ бригаднаго лазарета полковникъ Куликовскій приказалъ открыть въ каждой батареѣ пріемный покой на четыре кровати, и наблюденіе за этими покоями ввѣрилъ: въ Кисловодскѣ—старше-

му врачу бригады надворному совѣтнику Склотовскому, въ станицѣ Ессентукской—врачу конно-казачьей батареи терскаго войска, а въ станицѣ Лысогорской—классному медицинскому фельдшеру Мордвинову, который и былъ прикомандированъ къ 5-й батареѣ.

Ожидаемое формированіе новыхъ батарей послѣдовало въ августѣ мѣсяцѣ 1874-го года при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 3-я девяти-фунтовая и 6-я четырехъ-фунтовая были пополнены офицерами и нижними чинами изъ старыхъ батарей бригады; происшедшая же отъ этого убыль въ штатахъ батарей была возмѣщена съ прибытіемъ новобранцевъ и съ выпускомъ новыхъ офицеровъ изъ училищъ. Формируемыя батареи предполагалось поставить въ гор. Георгіевскѣ, но такъ какъ тамъ не имѣлось никакихъ для этого построекъ, то, приказомъ по артилеріи округа отъ 17-го августа 1874-го года за № 280, предписано было офицеровъ и нижнихъ чиновъ, назначенныхъ къ переводу въ 3-ю и 6-ю батареи, оставить при старыхъ батареяхъ впредь до устройства въ гор. Георгіевскѣ помѣщеній. Послѣднія строились инженернымъ вѣдомствомъ; но сооруженіе кухонъ и пекарень было поручено завѣдывающему георгіевскимъ арсеналомъ подполковнику Сенаторскому, который успѣшно и удобно приспособилъ для нихъ находившійся въ Георгіевскѣ сарай. Въ одной изъ пекарень помѣщался и караулъ, потому что караульнаго дома не было. Цейхгаузовъ для интендантскаго имущества и для конской аммуниціи также не было, и вся сбруя хранилась въ ящикахъ. Лошадей, назначенныхъ къ переводу изъ старыхъ батарей бригады въ вновь формируемыя, также приказано было оставить при своихъ батареяхъ впредь до особаго распоряженія, которое послѣдовало только по устройствѣ инженерами конюшенъ на двѣ батареи. Командирами вновь формировавшихся батарей, приказомъ по артилеріи кавказскаго военнаго округа отъ 17-го августа 1874-го года за № 280, были назначены: 3-й девяти-фунтовой—бывшій командиръ 1-й роты александропольской крѣпостной артилеріи подполковникъ Босяцкій, а 6-й четырехъ-фунтовой—состоявшій при окружномъ артилерійскомъ управленіи подполковникъ Витцель. Оба они прибыли почти одновременно въ половинѣ сентября, вслѣдъ затѣмъ

выѣхали въ Георгіевскъ и тамъ къ первому ноября окончательно сформировали каждый свою батарею.

Въ 1875-мъ году всѣ батареи, кромѣ 5-й, отправленной на владикавказскій полигонъ, находились въ лагерномъ сборѣ подъ Пятигорскомъ, вмѣстѣ съ 38-ю пѣхотною дивизіею, двумя драгунскими полками и конною кубанскою батареею. Во второй половинѣ іюля пріѣхалъ Главнокомандующій и произвелъ смотръ, начавшійся 21-го и кончившійся 29-го числа. На церемоніальномъ маршѣ, какъ въ конномъ, такъ и въ пѣшемъ строю, Его Императорское Высочество нашелъ бригаду въ очень хорошемъ состояніи. На боевой стрѣльбѣ всѣ батареи стрѣляли очень хорошо, лучше же всѣхъ 2-я батарея. Его Высочество, вполнѣ удовлетворившись результатами смотра, подозвалъ полковника Куликовскаго и сказалъ ему:

—Надѣюсь, что бригада у тебя будетъ и въ нравственномъ отношеніи такъ же хороша, какъ и въ остальномъ, что Я видѣлъ.

23-го іюля было произведено отрядное линейное ученье. Тутъ бригада еще разъ отличилась, и Его Высочество замѣтилъ, что все велось разумно и сообразно съ требованіемъ военнаго искусства. Недавно сформированныя 3-я и 6-я батареи были на всѣхъ смотрахъ и ученьяхъ вмѣстѣ съ старыми батареями. На отрядномъ линейномъ ученьи, при обходномъ движеніи, 3-й и 6-й батареямъ приходилось взобраться на большую крутизну. Надо было видѣть, съ какою ловкостью и лихостью исполнили вновь сформированныя батареи этотъ трудный маневръ, и, конечно, удостоились особенной благодарности. Въ матеріальномъ отношеніи, по наружному виду, Его Высочество нашелъ, что 2-я и 4-я батареи стоятъ выше остальныхъ, въ особенности же 4-я, гдѣ матеріальная часть, по внѣшнему осмотру, была найдена безукоризненною. 1-я батарея оказалась хуже другихъ, такъ какъ въ двухъ орудіяхъ и въ одномъ ящикѣ аммуниція была старая и неудовлетворительная.

Съ 25-го по 29-е іюля были произведены двусторонніе маневры; отъ 3-й и 6-й батарей было по одному взводу, запряженному старыми лошадьми, но съ фейерверкерами на молодыхъ.

Новыя батареи такъ же хорошо перенесли всѣ трудности похода, какъ и старыя. По окончаніи маневровъ, Его Высочество, собравъ всѣхъ начальниковъ частей и обратясь къ нимъ, сказалъ:

—Я нашелъ бригаду въ очень хорошемъ состояніи, стрѣльбу отличною у всѣхъ и въ особенности во 2-й и 1-й батареяхъ; на линейномъ ученьи и на маневрахъ распоряжались покойно, не суетясь, и примѣняясь къ мѣстности. Всѣмъ, что Я видѣлъ, Я очень доволенъ. Благодарю.

Объѣхавъ всѣ части и поблагодаривъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, Великій Князь оставилъ лагерь.

5-я батарея пробыла на полигонѣ съ 1-го августа по 1-е октября и была на смотру начальника артилеріи кавказскаго военнаго округа. Сказать правду, лагерный сборъ подъ Владикавказомъ мало принесъ пользы строевому образованію батареи—да, вѣроятно, и всѣмъ бывшимъ тамъ войскамъ, потому что имъ приходилось тратить большую часть времени на устройство лагернаго мѣста, заросшаго высокою и толстою травою. Впрочемъ, съ этимъ, пожалуй, можно было бы помириться; но главное состояло въ томъ, что не было мѣста ни для стрѣльбы, ни для конныхъ и пѣшихъ ученій батарей. Выѣдетъ батарея, напримѣръ, на стрѣльбу, снимется съ передковъ—а мишеней за травой не видно. Ну, и приходилось прежде всего эту траву, да кустарники, снимать и рѣзать. Конечно, сдѣлать эту операцію на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ саженей не трудно, но равнять нѣсколько квадратныхъ верстъ тяжело и долго. Вслѣдствіе этого, у батареи оставалось слишкомъ мало времени для ея занятій.

Въ 1876-мъ году командиръ 1-й батареи полковникъ Будде вышелъ въ отставку, и на его мѣсто назначенъ полковникъ Бучкіевъ. Другихъ явленій, заслуживающихъ вниманія, въ бригадѣ въ теченіе года не было, и онъ въ ея быту догорѣлъ тихо, безтревожно.

II.

Приведеніе батарей 38-й бригады въ усиленный мирный составъ. Мобилизація. Выступленіе изъ штабъ-квартиръ и прибытіе въ Тифлисъ. Дальнѣйшее движеніе. Участіе 2-й батареи 38-й бригады въ составѣ войскъ эриванскаго отряда съ 18-го іюня до послѣднихъ чиселъ сентября 1877-го года.

Къ 1877-му году только четыре батареи 38-й артилерійской бригады находились въ усиленномъ мирномъ составѣ, съ запряжкою на восемь орудій и восемь ящиковъ; 3-я же и 6-я батареи были приведены въ этотъ составъ только въ концѣ января 1877-го года, а до того времени имѣли запряжку на четыре орудія безъ ящиковъ и заключали въ себѣ: 3-я—9-ть строевыхъ и 26-ть упряжныхъ артилерійскихъ лошадей, а 6-я—9-ть строевыхъ и 18-ть упряжныхъ. Для пополненія же комплекта всѣхъ лошадей до штата военнаго времени, онѣ были доставлены въ Георгіевскъ ремонтерами капитаномъ Рутковскимъ и д. ст. совѣт. Дитерихсомъ только въ мартѣ мѣсяцѣ и тотчасъ же розданы по батареямъ. Съ этой минуты началась мобилизація бригады, окончившаяся въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда войска кавказской арміи уже перешли турецкую границу.

Наличный составъ бригады ко времени мобилизаціи былъ слѣдующій:

Названіе частей.	СТРОЕВЫХЪ.							НЕСТРОЕВЫХЪ.							АРТИЛЛЕРІИ.			
						лошадей.						обозныхъ						
	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Фейерверкеровъ.	Трубачей.	Рядовыхъ.	Строевыхъ.	Артилерійск.	Врачей.	Фельдшеровъ.	Ветеринаровъ.	Писарей.	Унтеръ-офицеровъ.	Рядовыхъ.	Подъем. лошадей.	Число зап. орудій.	Число зап. ящик.	Обозъ интендантск.	и артилерійскаго.
Управленіе бригады.	1	2	»	1	»	1	»	1	»	»	6	»	1	»	»	»	»	»
1-я батарея. . . .	1	4	5	2	235	9	79	»	1	»	1	»	4	6	8-9ф	8	5	5
2-я батарея. . . .	1	4	10	4	249	9	79	»	»	1	»	1	3	6	8	8	5	5
3-я батарея. . . .	1	1	8	4	183	9	79	»	1	1	1	1	3	4	8	8	2	5
4-я батарея. . . .	1	4	13	4	167	9	62	»	»	1	1	1	»	6	8	8	6	4

5-я батарея. . . .	1	3	15	4	177	9	62	.	1	1	2	1	3	4	8	8	2	4
6-я батарея. . . .	1	3	11	4	169	9	62	.	.	.	2	.	3	4	8	8	2	4
Итого. . . .	7	21	62	23	1180	55	423	1	3	4	13	4	17	30	48	48	22	27

Призывные нижніе чины были назначены въ бригаду по первому плану мобилизаціи изъ Воронежской губерніи; но въ іюлѣ 1876-года это распоряженіе было измѣнено, и 236-ть человѣкъ были назначены изъ Вятской и Костромской, а 223 человѣка изъ Ставропольской губерній. Они начали подходить съ половины апрѣля 1877-го года, и когда всѣ прибыли, то въ бригадѣ оказалось сверхъ штата до 350-ти человѣкъ. Въ виду этого и согласно распоряженію окружнаго артилерійскаго управленія, отъ бригады было выдѣлено, по совершенномъ обмундированіи, 292 человѣка, и изъ нихъ 191, со всѣми письменными свѣдѣніями, переданы въ концѣ мая въ распоряженіе начальника кавказскихъ артилерійскихъ парковъ, а 101—въ распоряженіе начальника строеваго отдѣла передоваго артилерійскаго запаса *). Оставшійся же и затѣмъ еще излишекъ былъ распредѣленъ поровну между батареями.

Положеніе обоза было слѣдующее: до 1-го января 1877-го года, бригадное управленіе не имѣло обоза, а въ батареяхъ онъ

*) Запасные нижніе чины были выдѣлены изъ каждой батареи въ слѣдующемъ количествѣ: изъ 1-й батареи 55-ть человѣкъ въ паркъ, изъ 2-й батареи 62-ва человѣка въ передовой запасъ, изъ 3-й батареи 52-ва человѣка въ паркъ, изъ 4-й батареи 40-къ человѣкъ въ передовой запасъ, изъ 5-й батареи 42-ва человѣка въ паркъ и изъ 6-й батареи 41-нъ человѣкъ въ паркъ. Командиръ бригады, въ виду предписанія о томъ, чтобы, въ случаѣ выступленія батарей въ походъ, оставить въ штабъ-квартирахъ для охраненія казеннаго имущества непремѣнно старыхъ солдатъ, но никакъ не прибывшихъ изъ запаса, ходатайствовалъ объ уменьшеніи числа нижнихъ чиновъ, предназначенныхъ для передачи въ парки и въ артилерійскій запасъ на 52-ва человѣка, такъ какъ это число людей въ началѣ года было откомандировано въ помощь ремонтеру и въ батареи не возвратилось. Но ходатайство его оказалось запоздалымъ и не достигло цѣли, потому что окружное артилерійское управленіе уже сдѣлало распоряженіе объ откомандированіи нижнихъ чиновъ отъ ремонтной команды къ своимъ частямъ.

былъ старой конструкціи, на деревянныхъ осяхъ, и безъ сомнѣнія, ни въ какомъ случаѣ не могъ бы выдержать продолжительнаго похода. Объ этомъ было своевременно донесено окружному артилерійскому управленію, съ представленіемъ вѣдомости, въ которой означено было количество подвижныхъ средствъ батарей, а именно: въ 1-й батареѣ—5-ть фургоновъ, во 2-й—5-ть, въ 3-й—2, въ 4-й—6-ть, въ 5-й—2 и въ 6-й—2. Изъ этой вѣдомости видно, что въ трехъ батареяхъ не было положенныхъ штатомъ 5-ти фургоновъ. Имѣя это въ виду, начальникъ артилеріи округа предписалъ, отъ 27-го декабря 1876-го года за № 19163-мъ—привести въ готовность обозъ въ батареяхъ, а управленію бригады, на имѣющуюся сумму, завести 2 фургона съ упряжью на 8-мь лошадей. Конечно, батареи не стали передѣлывать свой старый обозъ, а прямо завели новый нѣмецкаго образца, не испрашивая на то отъ казны никакого пособія. Обозъ этотъ былъ готовъ къ 1-му апрѣля 1877-го года, въ слѣдующемъ количествѣ: въ управленіи—2 фургона, въ 1-й батареѣ—5-ть, во 2-й—4-ре, въ 3-й—2, въ 4-й—5-ть, въ 5-й—2 и въ 6-й—2. Изъ прежняго числа повозокъ, въ 4-й батареѣ исключена одна повозка троечной запряжки для возки мундирной одежды. Но все же въ батареяхъ не доставало фургоновъ до положеннаго числа. Тогда окружное артилерійское управленіе сдѣлало распоряженіе, въ концѣ января 1877-го года, объ отпускѣ 2-й батареѣ 200 руб. на обзаведеніе однимъ фургономъ, сгорѣвшимъ при пожарѣ артилерійскаго парка, а 3-й, 5-й и 6-й батареямъ по 925 рублей на обзаведеніе тремя недостающими въ каждой изъ нихъ фургонами съ упряжью; вскорѣ затѣмъ предписано было завести въ управленіи бригады и въ каждой батареѣ по два фургона съ парною запряжкою, для перевозки офицерскихъ вещей. Фургоны эти были на лицо къ 5-му апрѣля. Такимъ образомъ, въ теченіе всей кампаніи въ управленіи бригады служили 4-ре фургона, а въ каждой изъ батарей по семи. Деньги же на фургоны для перевозки офицерскихъ вещей были отпущены отъ интендантства по слѣдующему расчету: на каждый фургонъ 160 руб., на каждую лошадь 100 руб., на сбрую для каждой лошади 25 руб. Офицерскіе фургоны парной за-

пряжки были отличительнымъ предметомъ 38-й артиллерійской бригады, такъ какъ прочія бригады кавказскаго округа ихъ не имѣли.

Относительно обоза было предписано 19-го октября 1876-го года за № 14285-мъ, чтобы батареи, взамѣнъ стараго форменнаго, имѣвшагося у нихъ по табели, приложенной къ приказу по военному вѣдомству 1868-го года № 172, завели бы: девяти-фунтовыя—по 4-ре, а четырехъ-фунтовыя—по три фургона дышловой четверочной запряжки; старый обозъ былъ оставленъ въ пользу батарей. Второй же батареѣ, у которой сгорѣлъ весь обозъ, и которая осталась безъ всякихъ средствъ для заведенія новаго обоза, было отпущено отъ казны 1268 руб. 60 коп.; на эту сумму она и построила свой обозъ. 5-я батарея, при сформированіи ея въ 1871-мъ году, получила на заведеніе обоза 405 руб., и должна была на эти деньги устроить или пріобрѣсти двѣ телеги (по 50 руб. каждая), купить четыре подъемныхъ лошади (тоже по 50 руб. на лошадь) и сбрую (за 105 руб.). Но такъ какъ батарея обоза не строила, то получила въ 1876-мъ году дополнительныхъ 534 руб. 80 коп. и на всю сумму 939 руб. 80 коп. завела три фургона съ упряжью. Такъ же точно было поступлено въ 3-й и 6-й батареяхъ. Что же касается до 1-й и 4-й батарей, то онѣ строили обозъ безъ расхода для казны.

Приказомъ по бригадѣ отъ 5-го апрѣля, батареямъ было предписано окончательно изготовиться для похода къ 24-му числу. Распоряженіе это было исполнено въ точности, даже были ввинчены боевые винты; только въ одной 1-й батареѣ недоставало 29-ти лошадей, которыя еще не прибыли. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля офицерамъ были отпущены деньги на вторыхъ лошадей.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, по приказанію начальника артиллеріи округа, была произведена при штабъ-квартирахъ батарей практическая стрѣльба въ половинномъ размѣрѣ. Она имѣла то важное значеніе для новобранцевъ призыва 1876-го года, что почти уравняла ихъ познанія съ старыми солдатами. Да и вообще, благодаря особенному вниманію, съ которымъ велось ихъ обученіе, они и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ весьма мало отличались отъ остальныхъ, и вслѣдствіе этого бригада почти обошлась безъ за-

пасныхъ нижнихъ чиновъ, которыхъ, по выдѣленіи въ паркъ и въ передовой запасъ, осталось всего 161-нъ человѣкъ; 1-я, 2-я и 5-я батареи и вовсе даже не комплектовались запасными. „Да и слава Богу, говорили потомъ офицеры этихъ батарей, что насъ избавили отъ этого народа, который совершенно отвыкъ даже отъ основъ воинской дисциплины“! На практикѣ, кромѣ того, выходило такъ, что новобранецъ всѣми силами старался исполнять все, что отъ него требовалось, а запасный, напротивъ, признавая за собою нѣкоторый авторитетъ, любилъ иной разъ, какъ говорится, и „помудрствовать лукаво“, и мудрствованія эти приходилось искоренять съ немалымъ трудомъ.

Батареямъ 38-й артилерійской бригады не пришлось во время минувшей войны дѣйствовать вмѣстѣ: онѣ были разбросаны по разнымъ мѣстамъ края и за границею. Причина тому неизвѣстна, но все же нельзя не замѣтить, что такое разъединеніе крайне усложняло всякія сношенія между штабомъ бригады и батареями. Непосредственное участіе въ дѣлахъ съ непріятелемъ принимали только четыре батареи, которыя и находились въ четырехъ разныхъ отрядахъ: въ главныхъ силахъ, въ эриванскомъ, ардаганскомъ и ріонскомъ.

Состояніе бригады, по мобилизаціи ея, т. е. въ первыхъ числахъ мая, было следующее:

Названіе частей.		Строевыхъ.						Нестроевыхъ.							Артил.		Обоз.		
						Лошад.						Обозн.							
	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Фейерверкеровъ.	Трубачей.	Рядовыхъ.	Строевыхъ.	Упряжныхъ артилерійскихъ.	Врачей.	Фельдшеровъ.	Ветеринар. фельдш.	Писарей.	Унтеръ-офицер.	Рядовыхъ.	Подъемныхъ.	Число запр. орудій.	Число запр. ящик.	Интендантскихъ.	Артилерійскихъ.	Въ томъ числѣ новобран. неоконч. 6-ти мѣс. обр.
Управ. бриг.	1	2	»	1	»	1	»	1	»	»	6	»	2	9	»	»	4	»	»
1-я батарея.	1	4	18	7	289	5	154	»	1	»	1	»	3	18	8	24	7	4	57
2-я батарея.	1	4	19	4	309	9	179	»	»	1	2	3	4	18	8	24	7	4	61
3-я батарея.	1	1	17	3	294	9	180	»	1	1	1	3	5	18	8	24	7	4	62
4-я батарея.	1	4	20	5	223	9	144	»	»	1	1	2	2	18	8	16	7	3	42
5-я батарея.	1	4	21	7	237	9	144	»	1	1	2	1	3	18	8	16	7	3	53

6-я батарея.	1	3	16	6	239	9	144	.	.	.	2	1	5	18	8	16	7	3	69
Итого. .	7	22	111	33	1591	51	942	1	3	4	15	10	24	111	48	120	46	21	344

Батареи выступили изъ своихъ штабъ-квартиръ, согласно распоряженію Главнокомандующаго, въ разное время: 2-го мая—2-я и 3-я, 5-го мая—5-я, 16-го—1-я и 4-я и 18-го—6-я. Только за пять дней до выступленія 1-й батареи, прибыли къ ней давно жданныя 29-ть лошадей и пошли въ походъ, не бывъ ниразу въ упряжи. Движеніе батарей происходило слѣдующимъ образомъ: 2-й батареѣ назначено было слѣдовать до станціи Минеральныя воды походнымъ маршемъ, а потомъ—по желѣзной дорогѣ до гор. Владикавказа, гдѣ и ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Хотя путь отъ Кисловодска до Минеральныхъ водъ, на разстояніи 60-ти верстъ, и хорошо шоссированъ, но движеніе батареи, въ особенности на первомъ переходѣ, было довольно медленное, потому что почти на каждой верстѣ замедлялъ его тяжелый обозъ и мало выѣзженыя молодыя лошади. Но, конечно, впослѣдствіи, время и привычка взяли свое: лошади привыкли къ тягѣ, объѣздились, и все пошло хорошо. Батарея прибыла на Минеральныя воды 5-го числа и на слѣдующій день приступила къ нагрузкѣ. Для нагрузки она была раздѣлена на три эшелона: первые два состояли изъ полубатарей съ людьми, орудіями, ящиками и лошадьми, и двинулись послѣдовательно 6-го числа ночью, а третій, заключавшій въ себѣ артилерійскій и интендантскій обозы и запасныхъ лошадей, двинулся 7-го числа въ четыре часа утра. При нагрузкѣ встрѣтилось нѣкоторое затрудненіе съ пугливыми лошадьми, которыя, несмотря на приставленный къ вагону дебаркадеръ, никакъ не хотѣли войти въ назначенное для нихъ помѣщеніе. Но солдаты скоро примѣнились и къ этому неудобству: видя, что увѣщанія и понуканія на нѣкоторыхъ лошадей не дѣйствуютъ, двое изъ нихъ, наиболѣе сильные и здоровые, хватили первую упрямую лошадь за заднія ноги и безцеремонно втащили ее въ вагонъ. Примѣръ подѣйствовалъ отлично, и послѣдующія уже не упрямились, а только отфыркивались, и хотя нехотя, но все же

лѣзли въ странную для нихъ конюшню.

8-го мая батарея собралась во Владикавказѣ и простояла тамъ два дня; 11-го числа она выступила по военно-грузинской дорогѣ въ Тифлисъ.

Много всякихъ впечатлѣній пало на воображеніе лицъ, впервые ознакомившихся съ грандіозною, подавляющею горною природою. Десять дней довольно тяжелаго марша (включая туда же и двѣ дневки) значительно были облегчены тѣмъ, что разрѣшено было взымать подъ извозъ тяжестей 12-ть обывательскихъ подводъ. Этимъ оказана не малая услуга тяжело снаряженной батареѣ. Съ ночлега выступали обыкновенно въ 6-ть часовъ; пройдя версты 4-ре или 5-ть, дѣлали привалъ на $^1/_4$ часа; потомъ, на половинѣ пути становились для отдыха часа на полтора или на два и далѣе уже шли безостановочно до новаго ночлега. Самые большіе переходы были въ 31-ну и 33-ри версты. На станціяхъ Ларсъ и Коби батарея располагалась въ кибиткахъ, предназначенныхъ исключительно для проходящихъ войскъ, а на прочихъ станціяхъ—въ палаткахъ. На перевалѣ еще лежалъ глубочайшій снѣгъ. Дорога хотя и была расчищена отъ заваловъ и заносовъ, но мѣстами столь грязна и испорчена, что лошади проваливались по брюхо. Къ довершенію горя, пошелъ сильный дождь, преслѣдовавшій батарею до самаго Тифлиса и не оставлявшій на людяхъ изо дня въ день сухой нитки; даже обсушиться не было возможности. Каждый, кто не извѣдалъ еще далекаго похода, понялъ въ это время всѣ тягости его. Аммуниція также сильно страдала отъ постоянныхъ дождей и сырости: она совсѣмъ сѣла и ужасно натирала несчастныхъ лошадей, для которыхъ военно-грузинская дорога, конечно, осталась надолго памятною.

Батарея привела съ собою въ Тифлисъ едва только половину здоровыхъ лошадей; всѣ остальныя частью подбились, а частью оказались съ израненными спинами и холками. Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство слѣдуетъ отнести столько же къ причинамъ, ни отъ кого независѣвшимъ, сколько съ другой стороны и къ особенной нѣгѣ и холѣ, которыми обставляютъ нашу артиллерійскую лошадь у себя дома. Преодолѣвъ всѣ испытанія, батарея,

наконецъ, 20-го мая прибыла въ Тифлисъ и расположилась на предмѣстьи Верѣ.

3-я батарея, выступивъ изъ Георгіевска, въ тотъ же день прибыла на станцію желѣзной дороги Незлобную. Командиръ батареи хотѣлъ тотчасъ же приступить къ нагрузкѣ, чтобы на другой же день двинуться во Владикавказъ, но завѣдывающій передвиженіемъ объявилъ ему, что, по случаю чрезмѣрнаго движенія войскъ по желѣзной дорогѣ, батарея будетъ отправлена только черезъ два дня. Такимъ образомъ, она прибыла во Владикавказъ лишь 6-го мая. Расположившись тамъ въ помѣщеніяхъ 20-й артиллерійской бригады, батарея, согласно предписанію владикавказскаго коменданта, на третій день выступила въ Тифлисъ. Военно-грузинская дорога опять дала себя почувствовать: первые три перехода были еще довольно сносны, и особенныхъ затрудненій не случилось; но переходъ отъ Коби до Млеты былъ просто невыносимъ. На этомъ пути построены тоннели для огражденія проѣзжающихъ отъ снѣжныхъ заваловъ. Надо видѣть эти прочныя сооруженія, чтобы составить себѣ понятіе о той громадной силѣ, которой они должны противодѣйствовать; но, не смотря на это, снѣжныя лавины нерѣдко сокрушаютъ эти преграды. Въ описываемое время снѣгъ, заваливпій одинъ довольно большой тоннель, сильно подталъ и, просачиваясь сквозь сводчатую крышу, образовалъ внутри такую невылазную грязь, что лошади положительно отказывались тянуть. Солдаты измучились и выбились изъ силъ, и только благодаря ихъ особенной энергіи, батарея выбралась, наконецъ, на дорогу и пришла на ночлегъ уже къ ночи. 17-го мая она дневала въ Душетѣ. Офицеры и нижніе чины помѣстились хотя и въ крытыхъ помѣщеніяхъ, но не имѣвшихъ ни оконъ, ни дверей, и вѣтеръ, какъ бы забавляясь ихъ положеніемъ, свистѣлъ и гудѣлъ немилосердно по всѣмъ направленіямъ. Послѣ полудня командиръ батареи получилъ телеграмму окружнаго артиллерійскаго управленія, чтобы въ Тифлисъ не слѣдовать, а дойдя до станціи Мцхетъ, нагрузиться въ вагоны, направиться въ м. Сурамъ и тамъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Въ телеграммѣ, между прочимъ, было сказано, что начальникъ артиллеріи произведетъ батареѣ смотръ.

Вечеромъ же получено было и предписаніе окружнаго штаба о перемѣнѣ маршрута. 19-го мая, при приближеніи батареи къ мцхетской станціи, прапорщикъ Шосте былъ посланъ впередъ справиться о томъ, пріѣхалъ ли начальникъ артиллеріи, и доложить ему, что батарея подходитъ. Но начальникъ артиллеріи, за болѣзнью, не прибылъ, а вмѣсто себя поручилъ осмотрѣть батарею полковнику Костевецкому. Послѣдній же, произведя ей наружный осмотръ, подробное изслѣдованіе всей ея матеріальной части возложилъ на начальника владикавказскаго полигона поручика Валицкаго, который нашелъ все въ исправности. На другой день была дневка. Но ее нельзя назвать отдыхомъ, потому что люди почти цѣлый день возились съ нагрузкой артиллеріи, обоза и лошадей. Къ утру 21-го числа батарея была готова къ отправкѣ. Такъ какъ платформы и вагоны поти-тифлисской желѣзной дороги меньше владикавказскихъ, то вся батарея была раздѣлена на эшелоны, и отбытіе ихъ было расчитано такимъ образомъ, чтобы послѣдующій эшелонъ выѣхалъ двумя часами позже предыдущаго. 1-й эшелонъ, нагруженный артельною повозкою, кухнею и большею частью артиллеріи, отправился въ пять часовъ утра; за нимъ послѣдовалъ второй эшелонъ съ остальною артиллеріею и частью лошадей—конечно, при людяхъ; въ составъ третьяго эшелона вошли всѣ остальныя лошади, а въ составъ четвертаго, тронувшагося въ 11-ть часовъ—обозъ. При каждомъ отдѣленіи находился одинъ офицеръ, на отвѣтственности котораго лежала разгрузка эшелона. Къ семи часамъ вечера батарея была разгружена на станціи Михайлово и сейчасъ же передвинулась на двѣ версты впередъ къ селенію Чалы. Но въ Чалахъ оказался недостатокъ фуража, поэтому подполковникъ Босяцкій перевелъ батарею въ м. Сурамъ. Тамъ стоянка была удобная во всѣхъ отношеніяхъ: прекрасная вода позволяла людямъ имѣть всегда чисто приготовленную пищу; совершенно ровное мѣсто дало возможность разбить безупречно правильный лагерь, а молодая и тучная трава удовлетворила лошадей какъ нельзя болѣе. Батарея простояла въ Сурамѣ съ 25-го по 31-е число. Въ это время какъ люди, такъ и лошади, успѣли совсѣмъ прійти въ порядокъ. Даже артиллерія за-

мѣнила свой дорожный грязный костюмъ новымъ чистенькимъ и опрятнымъ. Въ этотъ періодъ назначались ученья: пріемы при орудіяхъ, пѣшій строй, даже бывали и конныя ученья. 31-го числа, послѣ обѣда, когда предполагалось произвести пѣшее по конному, была получена телеграмма о немедленномъ выступленіи въ гор. Озургеты, въ распоряженіе командующаго войсками пріонскаго края. Ученье, конечно, было забыто, и всѣ тотчасъ же засуетились. На лицахъ былъ написанъ особенный энтузіазмъ и желаніе скорѣе достигнуть предѣльнаго пункта и какой нибудь цѣли.

1-я батарея выступила изъ станицы Есентукской 16-го мая, въ два перехода прибыла на станцію Минеральныя воды вполнѣ благополучно, не смотря на то, что имѣла въ строю часть лошадей, совершенно неподготовленныхъ къ запряжкѣ; 18-го мая, въ 11-ть часовъ ночи, она приступила къ нагрузкѣ перваго эшелона, который отправился черезъ три часа; за нимъ двинулись два другіе эшелона, и всѣ собрались во Владикавказѣ 20-го мая. Послѣ дневки, батарея выступила въ Тифлисъ форсированнымъ маршемъ. Весь путь она совершила въ семь дней съ одной дневкой, на ст. Млеты. Начальникъ артилеріи, произведя ей смотръ въ Тифлисѣ, нашелъ ее въ хорошемъ состояніи. 31-го мая она получила приказаніе отправиться въ пріонскій край.

5-я батарея выступила изъ станицы Лысогорской 5-го мая и въ тотъ же день прибыла на станцію Незлобную, но тутъ была задержана двое сутокъ по тѣмъ же причинамъ, какъ и 3-я. 9-го числа она собралась во Владикавказѣ, а 10-го выступила въ Тифлисъ. Благодаря малому калибру орудій и ихъ сравнительной легкости, батарея при движеніи затрудненій не встрѣчала. Лошади прекрасно втянулись съ первыхъ же переходовъ, и хотя кое-гдѣ, въ особенности на перевалѣ, была страшная грязь, но препятствіе это батарея одолѣла легко. 19-го мая она прибыла въ Тифлисъ, а 22-го представилась на смотру Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему. Подполковникъ Шредерсъ предвидѣлъ этотъ смотръ, но не зналъ, въ какой день и часъ онъ будетъ произведенъ, и утромъ, 22-го мая, отправился изъ лагеря въ городъ.

Возвращаясь на Веру, онъ услышалъ позади себя стукъ быстро катившагося экипажа. Невольно оглянувшись назадъ, Шредерсъ глазъ съ глазомъ встрѣтился съ Главнокомандующимъ. Его Высочество, поровнявшись съ Шредерсомъ, остановилъ экипажъ, подозвалъ его къ себѣ и сказалъ: „Я ѣду смотрѣть твою батарею"—и затѣмъ покатилъ далѣе. Подполковникъ Шредерсъ остался какъ прикованный къ мѣсту, тѣмъ болѣе, что не было ни вокругъ, ни впереди ни одного извощика, который бы его домчалъ до лагеря прежде Главнокомандующаго и вывелъ бы такимъ образомъ изъ чрезвычайно затруднительнаго положенія. Однако, медлить было нельзя—и подполковникъ Шредерсъ пустился пѣшкомъ догонять исчезавшій вдали экипажъ. Но скоро судьба сжалилась надъ нимъ и послала ему ангела-спасителя въ образѣ одной догадливой и чрезвычайно любезной дамы. Проѣзжая въ фаэтонѣ, она издали видѣла, какъ Великій Князь разговаривалъ съ Шредерсомъ; потомъ, поровнявшись съ нимъ, подхватила палету его крайнюю озабоченность и, вѣроятно, хотя приблизительно сообразила въ чемъ дѣло. Остановивъ фаэтонъ, она предложила его Шредерсу, а сама пошла пѣшкомъ. Искренно поблагодаривъ благодѣтельную незнакомку, Шредерсъ вскочилъ въ экипажъ и, что было духу, помчался на Веру. Вскорѣ онъ нагналъ коляску Его Высочества, но обогнать ее уже не могъ и съ сокрушеннымъ сердцемъ долженъ былъ слѣдовать позади ея. А между тѣмъ, поспѣшить въ лагерь до пріѣзда туда Великаго Князя было болѣе чѣмъ необходимо. Раздумывая, какъ бы это устроить, Шредерсъ въ это время подъѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ колесная дорога пошла зигзагами то вверхъ, то внизъ, а узкая тропинка вела въ гору и непосредственно въ лагерь батареи по прямой линіи. Бросивъ фаэтонъ, Шредерсъ, что называется, взлетѣлъ по тропинкѣ наверхъ и опередилъ Великаго Князя минуты на три. Во время его отсутствія, въ батарею было дано знать о предстоящемъ смотрѣ, поэтому она уже стояла наготовѣ въ конномъ строю. Вскочивъ въ палатку, Шредерсъ моментально переоблачился въ мундиръ, сѣлъ на лошадь и, застегиваясь наскаку, въ два мига стоялъ передъ батареею. Въ это время подъѣхалъ и Главнокомандующій. Когда Шредерсъ

отрапортовалъ Его Высочеству, то Великій Князь, видимо довольный лихостью его, сказалъ ему: „что, поспѣлъ?" Сдѣлавъ смотръ батареѣ, Главнокомандующій остался ею очень доволенъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Батарея находилась въ Тифлисѣ до 17-го августа и нѣсколько разъ получала приказанія о выступленіи, но ни одно изъ этихъ приказаній не осуществлялось. Получится оно—и сейчасъ же все всполошится; черезъ нѣсколько же часовъ отмѣняется—и прежнее положеніе возстанавливается. Эти маленькія тревоги не мѣшали однако батареѣ получить четыре новыхъ орудія, взамѣнъ прежнихъ, пришедшихъ въ негодность. Вся матеріальная часть и сбруя, пострадавшая во время похода по военно-грузинской дорогѣ, приведена была въ полнѣйшую исправность. Офицеры и солдаты нерѣдко скучали болѣе или менѣе праздною жизнью, такъ какъ ожиданія ихъ, что вотъ-вотъ выступятъ за границу, не исполнялись; притомъ же и чрезвычайная жара донимала окончательно. Для возбужденія дѣятельности въ людяхъ, ихъ занимали пѣшими и конными ученьями, пріемами при орудіяхъ и проѣздками.

Между тѣмъ, три другія батареи давно уже дѣйствовали на боевомъ полѣ. Послѣ смотра, произведеннаго 20-го мая въ Тифлисѣ 2-й батареѣ исправляющимъ должность начальника артиллеріи генералъ-маіоромъ Семчевскимъ, вечеромъ было получено предписаніе окружнаго штаба о выступленіи 23-го числа въ Александрополь. Сдавъ 21-го мая команду призывныхъ нижнихъ чиновъ въ передовой артиллерійскій запасъ, батарея на слѣдующій день перемѣнила всѣ свои старыя орудія на новыя и тотчасъ же, именно въ 12-ть часовъ дня, вмѣстѣ съ 5-ю батареею и только-что прибывшимъ пятигорскимъ полкомъ, представилась на смотру Его Высочеству. 23-го числа, уже отдохнувъ и оправившись немного послѣ похода по военно-грузинской дорогѣ, батарея двинулась въ Александрополь. Разстояніе въ 275-ть верстъ, все почти по шоссированной дорогѣ, было пройдено въ 11-ть переходовъ съ тремя дневками. Такъ какъ на протяженіи первой станціи отъ Тифлиса въ Александрополь не было воды, и такой переходъ могъ бы крайне утомить и людей, и лошадей, то батарея была направлена

кружнымъ путемъ черезъ сел. Коды. Этотъ путь хотя былъ и длиннѣе, но не столь утомителенъ. Вообще, при слѣдованіи по александропольскому шоссе, батарея была поставлена въ значительно лучшія условія, чѣмъ на походѣ по военно-грузинской дорогѣ. Погода установилась свѣтлая и теплая; люди и лошади чувствовали себя гораздо бодрѣе; поврежденныя и заболѣвшія лошади оправились, и по прибытіи 5-го іюня въ Александрополь, все болѣе или менѣе пришло въ надлежащій порядокъ. Въ Александрополѣ 2-я батарея должна была простоять до 8-го іюня, а потомъ, по распоряженію командующаго дѣйствующимъ корпусомъ, слѣдовать черезъ Кюрюкъ-Дара на присоединеніе къ главнымъ силамъ, которыя въ это время были расположены подъ Карсомъ. Но предположенію этому не суждено было осуществиться, такъ какъ 7-го іюня александропольскій комендантъ получилъ телеграмму начальника штаба дѣйствующаго корпуса, чтобы батарею безотлагательно направить въ составъ войскъ эриванскаго отряда, положеніе котораго въ это время было весьма затруднительное. 8-го іюня 2-я батарея выступила въ Эривань. Ей слѣдовало идти по такъ называемой „царской" дорогѣ, пролегающей до Эривани на семьдесятъ верстъ; но такъ какъ по этому пути она не могла слѣдовать безъ прикрытія, и даже довольно сильнаго, потому что онъ почти касался турецкой границы, прикрытіе же могло бы ослабить наши главныя силы, то, во избѣжаніе непріятнаго случая быть застигнутою непріятелемъ, батарею повернули обратно на Делижанъ и оттуда уже на Эривань. По этой дорогѣ хотя было совсѣмъ безопасно, но приходилось сдѣлать 200-ти верстъ. 13-го числа батарея пришла въ Делижанъ. Здѣсь на дневкѣ командиръ получилъ телеграмму отъ эриванскаго военнаго губернатора, чтобы двигаться форсированнымъ маршемъ, такъ какъ того требовали особыя военныя обстоятельства на эриванскомъ театрѣ нашихъ дѣйствій. 18-го іюня батарея явилась по назначенію. Прибытіе ея въ городъ значительно ободрило жителей, которые радостно встрѣтили ее въ лицѣ своихъ представителей и пригласили всѣхъ чиновъ на обѣдъ въ городскомъ саду. Конечно, солдатамъ это было на руку: послѣ походной жизни они вполнѣ воспользовались угощеньемъ.

Въ Эривани и окрестностяхъ войскъ почти не было. Эриванскій отрядъ находился далеко, и Баязетъ былъ въ осадѣ. Храбрые защитники его были поставлены совершенно въ безвыходное положеніе: не было у нихъ ни большаго запаса продовольствія, ни даже воды, при добываніи которой людямъ приходилось подставлять свой лобъ подъ пули. Между Баязетомъ и Эриванью у насъ было всего шесть ротъ, охранявшихъ склады и запасы отряда, да три сотни казаковъ, разставленныхъ на пограничныхъ постахъ. До прибытія батареи къ эриванскому отряду, по „царской" дорогѣ подтянулись на молоканскихъ фургонахъ двѣ роты александропольскаго полка. Изъ образовавшихся такимъ образомъ восьми ротъ пѣхоты и трехъ сотенъ, военный губернаторъ Рославлевъ сформировалъ небольшой отрядъ. Двѣ роты онъ расположилъ въ Эривани въ видѣ резерва, а шесть ротъ и три сотни послалъ, подъ командою генералъ-маіора Келбали-хана Нахичеванскаго, по дорогѣ къ Баязету, за чингильскій перевалъ. Вотъ всѣ войска, которымъ предстояло удерживать массы курдовъ, грозившихъ ежеминутно обрушиться на Эривань. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ прибытіе батареи было для жителей Эривани какъ бы самымъ цѣннымъ подаркомъ. Батареѣ, впрочемъ, не пришлось долго оставаться на мѣстѣ: 20-го іюня, по приказанію генерала Рославлева, она двинулась форсированнымъ маршемъ къ сел. Игдырь. На другой день, съ невѣроятно утомленными отъ страшнѣйшей жары людьми и лошадьми, она прибыла въ Игдырь. Здѣсь послѣдовало приказаніе—отдѣлить полубатарею и, съ двумя сотнями казаковъ, направить ее на чингильскія высоты для присоединенія къ отряду Келбали-хана. Въ восемь часовъ вечера полубатарея, съ однимъ запаснымъ лафетомъ, тронулась въ путь. При ней находилось три оберъ-офицера; лошади были въ усиленной запряжкѣ и настолько утомлены, что положительно отказывались тянуть орудія въ гору, поэтому выступили изъ Игдыря на буйволахъ и быкахъ. Но и этимъ сильнымъ и привычнымъ къ большимъ тягамъ животнымъ приходилось иной разъ совсѣмъ не подъ силу. Только на другой день, въ 11-ть часовъ пополудни, полубатарея и сопровождавшія ее двѣ сотни казаковъ подтянулись

5

на Чингиль и присоединились къ бывшему тамъ отряду. Походъ этотъ, не смотря на крайнія затрудненія, не привелъ ровно ни къ какимъ результатамъ. Дѣло въ томъ, что генералъ Тергукасовъ, съ своимъ отрядомъ, отступалъ въ это время изъ предѣловъ Турціи черезъ караванъ-сарайскій перевалъ къ сел. Игдырь. Генералъ же Келбали-ханъ, опасаясь, вслѣдствіе этого, быть отрѣзаннымъ отъ главныхъ силъ, отдалъ приказъ о поспѣшномъ отступленіи своего малочисленнаго отряда также къ Игдырю. Отступленіе началось 23-го іюня съ разсвѣтомъ. Насколько труденъ подъемъ на Чингиль, настолько же тяжелъ былъ и спускъ, въ особенности для бѣдныхъ ящичныхъ коренниковъ, которые должны были сдерживать на себѣ всю тяжесть ящичнаго груза. Несчастныя животныя совершенно садились на заднія ноги, изъ которыхъ подковы то и дѣло выскакивали вмѣстѣ съ гвоздями. Конечно, о новой ковкѣ нечего было и думать, и бѣднягамъ приходилось испытывать громадныя тягости на неподкованныхъ копытахъ. Жаль было смотрѣть на нихъ, хотя люди дѣлали невѣроятныя усилія, чтобы по возможности облегчить животныхъ. Наконецъ, былъ данъ отряду трехчасовой отдыхъ, послѣ котораго полубатарея безостановочно дошла, въ девять часовъ вечера, до Игдыря. 26-го іюня сюда же явился эриванскій отрядъ, и съ этого числа батарея вступила въ составъ его. Состояніе ея было слѣдующее: офицеровъ, съ командиромъ батареи—5, фейрверкеровъ—10, нижнихъ чиновъ, безъ писарей и обозныхъ, 263; лошадей всѣхъ 204; больныхъ нижнихъ чиновъ—10 и въ командировкѣ—26 человѣкъ.

Всѣмъ извѣстно теперь бывшее положеніе эриванскаго отряда, когда турецкая армія Измаила-паши, сказать попросту, гнала его къ Игдырю. Но, благодаря генералу Тергукасову, отрядъ выбился благополучно изъ всѣхъ ужасныхъ затрудненій; мало того, онъ прикрылъ собою тысячи выселенцевъ и вывезъ до шестисотъ раненыхъ, которыми повозки были буквально завалены. О конструкціи этихъ повозокъ нечего и говорить: по устройству своему, большая часть изъ нихъ подходила къ арбѣ, такъ что страдальцамъ при каждомъ толчкѣ приходилось очень плохо. Нѣкоторые изъ нихъ отъ страшной боли лишались чувствъ, а прочіе только жа-

лобно стонали. Подобное бѣдственное положеніе отряда, конечно, сильно озабочивало въ пути генерала Тергукасова,—но что же онъ могъ сдѣлать!

По приходѣ въ Игдырь, генералъ Тергукасовъ приказалъ отряду Келбали-хана возвратиться на чингильскій перевалъ. Полубатарея, не успѣвъ еще вздохнуть, опять должна была вынести всѣ трудности этого втораго, вполнѣ отчаяннаго движенія по грязной дорогѣ. Положеніе ея было тѣмъ безотраднѣе, что на этотъ разъ буйволовъ и быковъ не было, и орудія предоставлены были собственнымъ средствамъ. На Чингиль пришли поздно вечеромъ 24-го іюня, измученные до крайности, и простояли тамъ съ отрядомъ до 27-го іюня. Хотя стоянка непродолжительная, но всѣ немного отдохнули, а эриванскій отрядъ, тѣмъ временемъ, нѣсколько оправился: раненые были сданы въ госпиталь, боевые запасы пополнены, продовольственная часть возстановлена, и 27-го числа всѣ войска эриванскаго отряда перешли на Чингиль, находящійся не въ далекомъ разстояніи отъ Баязета. Съ позиціи Келбали-хана ежедневно приходилось слышать перестрѣлку храбраго баязетскаго гарнизона, которая происходила съ курдами при розыскѣ и добываніи воды.

Прибывъ на Чингиль, генералъ Тергукасовъ усилилъ себя полубатареей (штабсъ-капитана Непенина) и четырмя ротами изъ отряда Келбали-хана, и двинулся въ тотъ же день навыручку Баязета. Составъ его войскъ былъ слѣдующій: шесть съ половиною баталіоновъ крымскаго и ставропольскаго полковъ, 3-й стрѣлковый баталіонъ, эриванскій мѣстный баталіонъ, двѣ роты александропольскаго крѣпостнаго полка, переяславскій драгунскій полкъ, три полка казаковъ, 20-ть пѣшихъ орудій 19-й и 38-й бригадъ и 4-ре конныхъ орудія. Не успѣлъ отрядъ сняться съ чингильскаго перевала, какъ полилъ сильный дождь. Измокнувъ до костей, войска къ ночи расположились въ восьми верстахъ отъ Баязета, при впаденіи рѣки Курду-Гулъ въ озеро Кара-Булахъ. Спустя немного, была разослана диспозиція на слѣдующій день, по которой полубатарея 2-й батареи 38-й артиллерійской бригады должна была находиться въ началѣ боя во второй линіи.

Общая численность и расположеніе турецкихъ войскъ были слѣдующія: Баязетъ былъ обложенъ двумя регулярными пѣхотными баталіонами и множествомъ иррегулярныхъ конныхъ и пѣшихъ частей, при одномъ полевомъ и трехъ горныхъ орудіяхъ. Войска эти находились подъ командою Мунибa-паши. 25-го іюня къ нимъ прибыли въ подкрѣпленіе одинъ баталіонъ редифа и одно горное орудіе изъ отряда Феикъ-паши, состоявшаго изъ 4½ баталіоновъ, двухъ эскадроновъ кавалеріи и 5-ти полевыхъ и 3-хъ горныхъ орудій, и расположеннаго въ трехъ часахъ пути отъ Баязета. Неподалеку отъ Феика, у Мысуна, былъ алашкертскій отрядъ Измаила-паши. Оба послѣдніе отряда, получивъ извѣстіе 27-го іюня отъ Муниба-паши, что къ Баязету подходятъ русскія войска изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, пошли на помощь къ осаждающимъ городъ войскамъ.

Наступилъ разсвѣтъ 28-го іюня. Баязетъ былъ видѣнъ какъ на ладони. Цитадель, въ которой засѣли наши храбрецы, возвышалась надъ всѣмъ городомъ; полное разрушеніе бросалось въ глаза. Вокругъ города стояли лагеремъ массы курдовъ, башибузуковъ и горцевъ, какъ бы сторожившихъ свою добычу. У нихъ съ ранней зари всѣ были на ногахъ. Какое-то особенное возбужденіе проглядывало на всѣхъ лицахъ; каждый изъ насъ ясно сознавалъ, что день предстоитъ трудный, и прійдется помѣряться съ непріятелемъ значительно превосходнымъ въ силахъ.

Войска построились въ боевой порядокъ. Грохнуло наше орудіе, зашипѣлъ снарядъ—и смерть противнику полетѣла по назначенію; вслѣдъ затѣмъ повсюду засвистѣли, зажужжали пули. Артиллеристы 2-й батареи, будучи подъ огнемъ въ первый разъ, стояли въ глубокомъ молчаніи, съ сосредоточенными думами на лицѣ. и лишь изрѣдка дѣлали замѣчанія по поводу какого нибудь удачнаго выстрѣла. Но видно было, что эти замѣчанія насильно слетали съ языка какъ бы для того, чтобы заглушить сильное напряженіе нервовъ. Лошади, при каждой ударявшейся въ землю и фурчавшей пулѣ, сначала вздрагивали, храпѣли, но потомъ, какъ бы сознавая невозможность отвратить опасность, подчинялись своему неисправимому положенію, опускали головы и

постепенно замолкали. Такое состояніе было наблюдаемо у лошадей не одинъ разъ, и его нельзя ничему болѣе приписать, какъ упадку бодрости и до весьма значительной степени развитому въ этомъ животномъ чувству покорности. Было много примѣровъ, что самая рьяная лошадь, попадая подъ выстрѣлы, мгновенно смирялась, притихала, смотрѣла тупо, понуривъ голову, и безусловно отдавалась своему распорядителю, какъ бы чувствуя надъ собою въ эту минуту болѣе чѣмъ когда нибудь всю силу его разума. Полубатарея, хотя и недолго, стояла въ бездѣйствіи, и эти минуты были, какъ обыкновенно, самыя тяжелыя. Въ девять часовъ утра она была вызвана въ боевую линію и, по указанію начальника артилеріи генералъ-маіора Барсова, заняла позицію лѣвѣе и нѣсколько впереди батареи 19-й артилерійской бригады, стрѣлявшей по турецкой горной батареѣ и по расположенному позади ея лагерю.

Цѣль для полубатареи была та же, что и для батареи 19-й артилерійской бригады, а потому, чтобы не тратить попусту снарядовъ на пристрѣлку, полубатарея поставила прицѣлъ на одинаковую высоту съ своей сосѣдкой и открыла пальбу обыкновенными гранатами. Дистанція была очень велика и соотвѣтствовала высотѣ прицѣла въ 104 линіи, такъ что приходилось подкапывать хобота орудій; мѣстность впереди была ровная и открытая. Турецкія горныя орудія хотя и отвѣчали на наши выстрѣлы, но снаряды ихъ не долетали; это ободрило артилеристовъ, и среди нихъ послышались уже успокоительныя рѣчи. Турки же, видя недѣйствительность своихъ горныхъ орудій, открыли огонь изъ дальнобойной батареи, расположенной на высотахъ за Баязетомъ. Сначала, во время пристрѣлки, снаряды этой батареи то перелетали, то не долетали; но потомъ почти всѣ стали ложиться на полубатарею. Чтобы по возможности предотвратить потери, орудія были разставлены на сорокъ шаговъ одно отъ другаго, и прислуга постоянно подвигала ихъ впередъ, выводя такимъ образомъ изъ сферы пораженія. Турецкіе снаряды почти не приносили вреда полубатареѣ, потому что, направляясь съ горы и къ тому же съ очень дальней дистанціи, а слѣдовательно по слишкомъ крутой траекторіи, зарывались глубоко въ землю и, при разрывѣ, выбрасывали

осколки кверху. Вообще, говоря о дѣйствіи турецкой артиллеріи въ минувшую кампанію, надо ей отдать справедливость въ умѣньи вести пристрѣлку; въ другихъ же случаяхъ она обнаружила значительные недостатки, такъ напримѣръ: 1) открывала огонь съ самыхъ дальнихъ, чуть не съ предѣльныхъ, дистанцій, вслѣдствіе чего дѣйствительность огня была слабая, а порча орудій скорая и вѣрная; и 2) очень рѣдко держалась системы массированія орудій, даже имѣла мало случаевъ совмѣстнаго дѣйствія одной батареи съ одного пункта и по одной цѣли.

Съ открытіемъ артиллерійскаго огня, была разсыпана и пѣхотная цѣпь. Два баталіона крымскаго пѣхотнаго полка, переходя отъ закрытія къ закрытію, устремились на лѣвую часть города (новый городъ); другіе же два баталіона ставропольскаго полка пошли влѣво, къ старому городу. Лишь только стрѣлки приблизились къ Баязету на хорошій ружейный выстрѣлъ, какъ посыпался на нихъ градъ пуль; стѣны баязетскихъ построекъ также усѣялись непрерывными полосками вспыхивающихъ дымковъ. Благодаря постояннымъ закрытіямъ, попадавшимся на пути, отрядъ нашъ въ это время не понесъ почти никакихъ потерь; осажденные же, заключившись въ стѣнахъ цитадели, также не дремали и съ успѣхомъ поддерживали атаку нашихъ внѣшнихъ войскъ, выбивая своимъ меткимъ огнемъ засѣвшаго въ домахъ противника. Для болѣе успѣшнаго пораженія непріятеля, занявшаго каменныя постройки внѣ огня съ цитадели, былъ вызванъ отъ полубатареи 38-й артиллерійской бригады взводъ, подъ командою подпоручика Волжинскаго. Избравъ удобную позицію, взводъ этотъ открылъ пальбу по непріятельскимъ стрѣлкамъ, бывшимъ за камнями, при высотѣ прицѣла въ 80 линій. Дѣйствія гранатъ по непріятелю, расположенному на каменистомъ грунтѣ, было очень хорошее, и оставалось сожалѣть, что, по условіямъ мѣстности, невозможно было подвезти на ту же позицію остальныя два девяти-фунтовыя орудія полубатареи. Въ разгарѣ боя, когда уже крымцы и ставропольцы подошли совсѣмъ къ городу и вели ожесточенную перестрѣлку, начальникъ штаба отряда, полковникъ Филиповъ, обратилъ вниманіе на одну высоту, которая, командуя всѣми непріятельскими

закрытіями, не была однако занята турками. По докладу объ этомъ полковника Филипова, генералъ Тергукасовъ направилъ туда двѣ роты 3-го стрѣлковаго баталіона и двѣ спѣшенныя сотни хоперскаго казачьяго полка. Между тѣмъ, вдали, грозно, хотя и медленно, спускались съ горъ черныя массы войскъ Фейка и Измаила пашей, подвигавшіяся на поддержку Мунiба-паши. Въ виду ихъ приближенія, начальникъ пѣхоты отряда генералъ-маіоръ Броневскій, вызвавъ изъ резерва $2^1/_2$ баталіона крымскаго и ставропольскаго полковъ, приказалъ имъ занять позицію на правомъ нашемъ флангѣ и сдерживать непріятеля; противъ наступавшаго же Измаила-паши выдвинулась колонна генералъ-маіора князя Амилахвари, состоявшая изъ всей кавалеріи, конной батареи и двухъ ротъ стрѣлковъ. Баталіоны исполнили задачу блестящимъ образомъ: завязавъ на флангѣ перестрѣлку, они заставили турокъ отступить съ большими потерями, а сами примкнули къ колоннѣ князя Амилахвари. Въ $4^1/_2$ часа пополудни показались на хребтѣ, командующемъ непріятельскими закрытіями, стрѣлки и казаки хоперскаго полка. Занятіе этого важнаго для насъ пункта удалось безъ всякихъ затрудненій, и турки, при первыхъ выстрѣлахъ, направленныхъ съ хребта, видимо начали колебаться. Наши войска, видя эту нерѣшительность, бросились въ штыки, молодецкимъ ударомъ опрокинули непріятеля, погнали его, ворвались на батареи, расположенныя позади города, перекололи артилерійскую прислугу и завладѣли орудіями. Преслѣдованіе турецкихъ войскъ продолжалось и за Баязетомъ до самаго лагеря, который, со всѣмъ имуществомъ, достался въ наши руки.

Узники баязетской цитадели были освобождены и спасены. Страшно было смотрѣть на нѣкоторыхъ изъ нихъ: худые, блѣдные отъ сильнаго голода, они походили на вставшихъ изъ гробовъ. Тергукасовъ самъ поѣхалъ поздравить храбрецовъ съ побѣдою и съ окончаніемъ ихъ мученическаго затворничества. Измаилъ-паша, подойдя къ Баязету и видя, что гарнизонъ уже освобожденъ, открылъ артилерійскій огонь по нашимъ обозамъ въ ту минуту, когда изнуренные наши плѣнники не успѣли выйдти изъ цитадели. Генералъ Тергукасовъ, усмотрѣвъ небезопасное положеніе всего

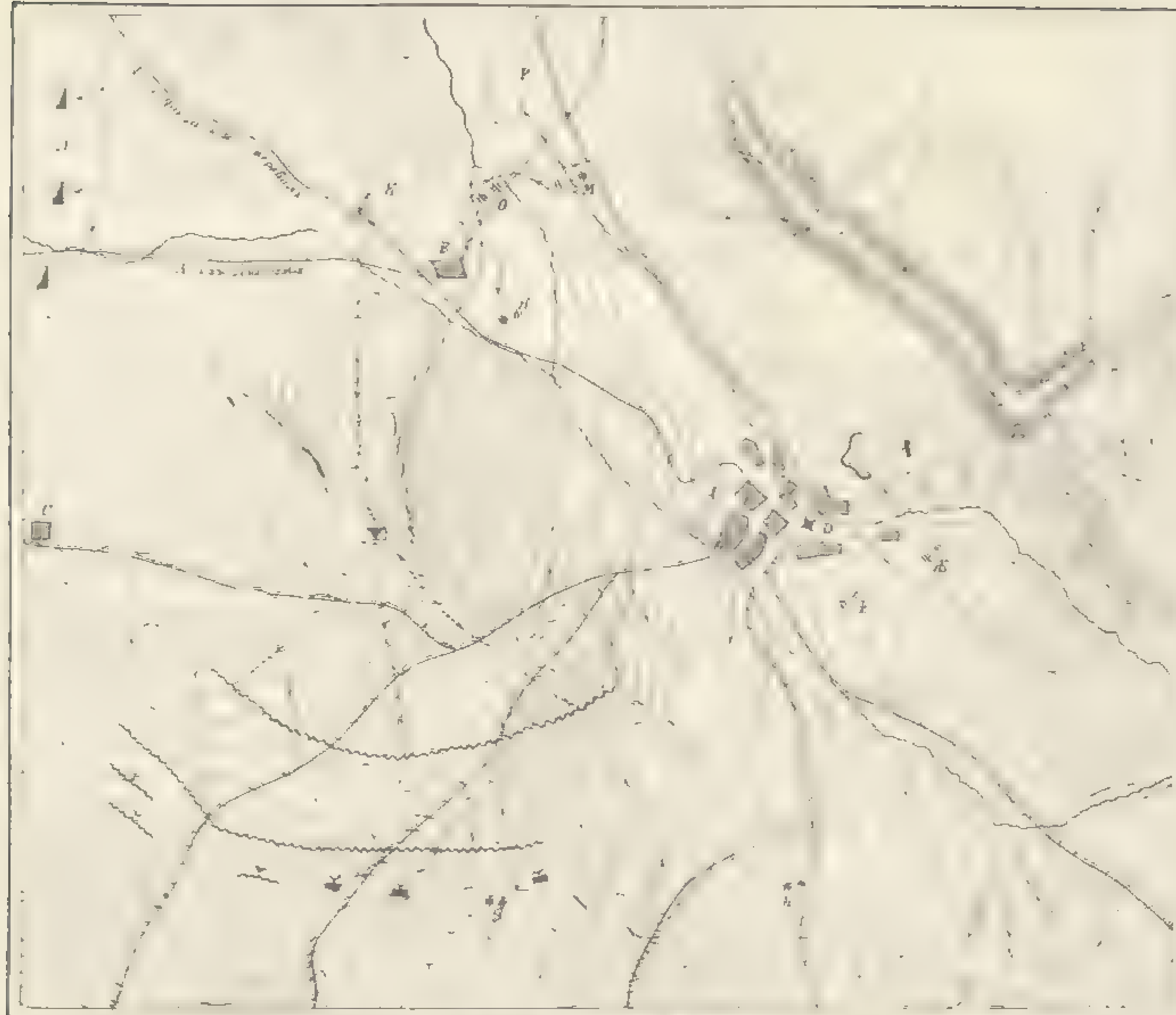
отряда, торопилъ выходящихъ изъ цитадели и приказалъ всѣмъ девяти-фунтовымъ орудіямъ отряда двинуться къ мѣсту расположенія вагенбурга, который обстрѣливался артилеріею Измаила-паши. Полубатарея тронулась на рысяхъ, съ посаженною прислугою, и въ седьмомъ часу вечера, занявъ новую позицію, открыла огонь обыкновенными гранатами по турецкой артилеріи. День клонился къ вечеру. Стрѣльба, будучи и безъ того очень рѣдкая, съ наступленіемъ темноты совсѣмъ замолкла. Турки, сознавъ свою оплошность, остановили безполезное наступленіе.

Такъ кончилось сраженіе 28-го іюня. Цѣль наша была достигнута блестящимъ образомъ и съ малыми потерями: во всемъ отрядѣ убито два нижнихъ чина и ранены—одинъ офицеръ и 20-ть нижнихъ чиновъ; въ полубатареѣ же контужены подпоручикъ Волжинскій и одинъ наводчикъ; убита одна артилерійская лошадь, и выпущено 120-ть обыкновенныхъ гранатъ, изъ коихъ 18-ть съ позиціи у вагенбурга по войскамъ Измаила-паши. Трофеями этого дня было 80 плѣнныхъ, четыре орудія—изъ нихъ три горныхъ, отличныя по своей меткости, системы Уитворта, и одно шестифунтовое; послѣднее оказалось съ подбитымъ станкомъ, а потому, по неимѣнію въ данную минуту средствъ къ перевозкѣ, было брошено въ кручу. Нижніе чины полубатареи получили три знака отличія военнаго ордена, а офицеры: поручикъ Штуссъ—орденъ св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ и подпоручикъ Волжинскій — св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость“.

Полубатарея оставалась на занятой ею около вагенбурга позиціи до 12-ти часовъ ночи, а затѣмъ подтянулась къ отряду, расположившемуся на ночлегъ ниже Баязета. Солдаты всю ночь не смыкали глазъ, и около разведенныхъ костровъ сидѣли и бесѣдовали. Главною темою для разговора, конечно, служили событія дня.

На слѣдующее утро, 29-го іюня, весь эриванскій отрядъ началъ отступать обратно къ чингильскимъ высотамъ. Приходилось совершить фланговый маршъ въ виду турецкой арміи. Для обезпеченія отъ удара непріятеля во флангъ, была выслана цѣпь стрѣлковъ. Какъ только войска тронулись, цѣпь завязала съ непріятелемъ довольно частую перестрѣлку, которая, впрочемъ, вскорѣ

ПЛАНЪ
Сраженія подъ Баязетомъ 28го Іюня.

[illegible] къ плану

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

К Колонна [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

М [illegible] 2й батареи 38 Арт. бригады

[illegible]

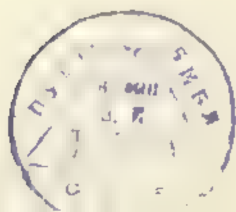
О [illegible] 19 Артил. Бригады

Р [illegible]

утихла. Турки даже и не думали трогаться съ занятаго ими еще вчера мѣста. Къ вечеру отрядъ безъ всякихъ потерь дошелъ до подошвы Чингиля. На орудія и ящики полубатареи было посажено по два человѣка изъ храбрецовъ, составлявшихъ баязетскій гарнизонъ, такъ какъ они были настолько слабы, что не могли слѣдовать пѣшкомъ. Переночевавъ у подножія Чингиля, отрядъ, 30-го іюня, поднялся на перевалъ; здѣсь, по приказанію генерала Тергукасова, полубатарея, эриванскій мѣстный баталіонъ, двѣ роты александропольскаго полка и пять сотенъ казаковъ, подъ командою полковника Преображенскаго, остались въ видѣ передоваго отряда, а прочія войска пошли въ Игдырь.

Послѣ баязетскаго сраженія, турецкія войска, подъ командою Измаила-паши, подтянулись къ Баязету и расположились лагеремъ по нижнему скату баязетскихъ горъ. Не смотря на значительное разстояніе, отдѣлявшее отъ нихъ нашъ передовой отрядъ, ихъ обширный лагерь былъ намъ виденъ очень хорошо, но нашего отряда они видѣть не могли, такъ какъ у насъ палатокъ не было, и люди расположились въ лощинѣ, подъ открытымъ небомъ. Днемъ, для охраненія и наблюденія за непріятелемъ, выставлялось на возвышенныхъ мѣстахъ нѣсколько казачьихъ пикетовъ; ночью же мѣры охраненія усиливались, и впередъ выдвигалось нѣсколько пѣхотныхъ секретовъ. Въ такомъ положеніи передовой отрядъ, никѣмъ нетревожимый, простоялъ до 3-го іюля.

Турки не предпринимали ничего; мы, за дальностью разстоянія, также не могли ихъ безпокоить своимъ огнемъ. Но 3-го іюля, на разсвѣтѣ, въ турецкомъ лагерѣ явилось особенное движеніе и оживленіе. Вскорѣ отъ лагеря отдѣлилось какое-то черное пятно, которое и начало подвигаться въ нашу сторону; смотря въ бинокль, можно было ясно отличить нестройную массу всадниковъ; нѣкоторые изъ нихъ гарцовали на своихъ коняхъ, другіе же ѣхали спокойно и неторопливо; масса подвигалась на нашу позицію, видимо замышляя что-то рѣшительное. Человѣку, смотрѣвшему въ первый разъ на этихъ воиновъ, навѣрно бы представилась картина поголовной рѣзни и уничтоженія нашего отряда; знакомый же съ дѣйствіями иррегулярной турецкой кавалеріи, ко-

нечно, остался бы совершенно спокоенъ, будучи увѣренъ, что громъ послѣдуетъ не изъ тучи. При видѣ грознаго наступленія турецкихъ кавалеристовъ, рота пѣхоты спустилась немного внизъ и заняла закрытую позицію, расчитывая на серьезное дѣло. Но оказалось, что достаточно было нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ, чтобы повернуть назадъ всю толпу, которая сразу показала нерѣшительность. Когда же начали спускаться нѣсколько сотенъ казаковъ—курды обратились въ совершенное бѣгство. Подобнаго рода тревоги повторялись три раза—3-го, 4-го и 6-го іюля, съ тою только разницею, что перестрѣлки продолжались до полудня, и въ нихъ принимали участіе двѣ роты пѣхоты и три сотни казаковъ. 9-го іюля на разсвѣтѣ турки опять закопошились и вновь противъ нихъ выступило нѣсколько ротъ пѣхоты и три сотни казаковъ. Противныя стороны сходились все ближе; наконецъ, у насъ вынесся бѣлый дымокъ, за нимъ другой, третій—и пошла отдаленная трескотня. Видно было, какъ, гарцуя на своихъ коняхъ и не рѣшаясь приблизиться къ намъ, турецкіе кавалеристы только отстрѣливались, носясь съ гикомъ по разнымъ направленіямъ впереди нашей цѣпи. Нѣсколько разъ храбрая кавалерія пускалась въ поголовное бѣгство, но, будучи поддержана подкрѣпленіями изъ главныхъ силъ, снова набрасывалась на насъ, не рѣшаясь, впрочемъ, подходить дальше извѣстнаго предѣла. Въ полдень стало замѣтно движеніе пѣхотныхъ турецкихъ частей, и тогда только настала работа для артиллеріи. По приказанію полковника Преображенскаго, двинулся на позицію первый взводъ 2-й батареи 38-й бригады и сталъ на гребнѣ, скрывавшемъ отъ турокъ наше расположеніе. По третьему снаряду онъ уже пристрѣлялся: дистанція опредѣлилась въ 1700 саженей. Не смотря на такое солидное разстояніе, мы, благодаря своему господству надъ турками, могли отлично наблюдать за паденіемъ снарядовъ. Метко ложились они между густыми массами непріятеля, и послѣ девятаго снаряда онъ пріостановилъ наступленіе; прекратилась также и перестрѣлка; курды и башибузуки сочли за лучшее убраться восвояси. Къ тремъ часамъ все затихло, и войска разошлись по своимъ бивакамъ.

Въ четыре часа пополудни на чингильскій перевалъ прибы-

ло подкрѣпленіе изъ главныхъ силъ отряда, состоявшее изъ одного баталіона таманскаго полка. У турокъ также показалась колонна съ артилеріею, остановившаяся у подножія чингильскаго перевала, около раззореннаго селенія Карабулаха, верстахъ въ шести отъ насъ. Турецкія орудія снялись съ передковъ и пытались добросить свои снаряды до нашего расположенія, но это оказалось невозможнымъ; пострѣлявъ немного и убѣдившись въ безполезности своихъ покушеній, турки отступили въ лагерь. Смерклось; солдаты поужинали. Въ это время позади нашего расположенія показалась колонна. То были два баталіона ставропольскаго полка и 5-я батарея 19-й артилерійской бригады. Такимъ образомъ, къ 9-му іюля нашъ незначительный отрядъ былъ подкрѣпленъ тремя баталіонами пѣхоты (таманскимъ и двумя ставропольскими) и одною батареею. Въ этотъ же день полковникъ Преображенскій передалъ командованіе всѣми войсками командиру ставропольскаго полка полковнику фонъ-Шаку.

До 16-го числа отрядъ нашъ съ каждымъ днемъ все усиливался. Дѣйствій противъ непріятеля никакихъ не предпринималось, и онъ, съ своей стороны, также бездѣйствовалъ. 14-го іюля во 2-й батареѣ 38-й бригады было получено 262-вѣ двухъ-ярусныя дистанціонныя трубки, которыя тотчасъ же были ввинчены въ картечныя гранаты вмѣсто одно-ярусныхъ, а послѣднія сданы въ складъ. 16-го числа іюля прибыла изъ Игдыря на чингильскій перевалъ вторая полубатарея 2-й батареи 38-й бригады, вмѣстѣ съ командиромъ полковникомъ Парфененко, а также и 1-я батарея 21-й артилерійской бригады. Отрядъ устроился и правильно разбилъ палатки. У турокъ замѣчалось также прибытіе подкрѣпленій; лагерь ихъ значительно увеличился, но все-таки до 23-го іюля никакихъ наступательныхъ дѣйствій, какъ съ нашей, такъ и съ непріятельской стороны не предпринималось.

Позиція наша въ это время представлялась въ слѣдующемъ видѣ: главныя силы отряда, т. е. пѣхота и артилерія, были расположены на чингильскомъ перевалѣ. Кромѣ чингильскаго перевала, были еще другіе три: зорскій, караванъ-сарайскій и абасъгельскій—всѣ удобопроходимые. На зорскомъ перевалѣ стоялъ

только одинъ казачій полкъ: караванъ-сарайскій же и абасъ-гельскій не были заняты нашими войсками, за недостаткомъ ихъ, поэтому и положеніе отряда на чингильскомъ перевалѣ было далеко небезопасное, такъ какъ турки могли пройти черезъ одинъ изъ незанятыхъ переваловъ, прорваться въ Эриванскую губернію и отрѣзать намъ отступленіе къ нашимъ главнымъ силамъ, расположеннымъ все на прежнемъ мѣстѣ, въ Игдырѣ.

Едва только настало утро 23-го іюля, какъ въ турецкомъ лагерѣ поднялось общее движеніе: видно было, какъ цѣлыя части двигались по разнымъ направленіямъ. Къ полудню начали показываться густыя массы пѣхотныхъ частей, которыя направлялись къ зорскому перевалу. Хотя чингильскій перевалъ и былъ очень удобенъ для движенія всѣхъ трехъ родовъ оружія, но турки видимо не рѣшались атаковать нашъ отрядъ и выдвинули только небольшое количество пѣхоты для демонстраціи, а главную атаку повели на полкъ казаковъ, занимавшій зорскій перевалъ. Сторожевая цѣпь, выставленная отъ полка, при видѣ наступающихъ массъ непріятеля, отступила назадъ. Трудно было и всему полку держаться подъ напоромъ превосходныхъ силъ—и онъ также началъ отступать, но отстрѣливаясь. Генералъ Тергукасовъ, получивъ извѣстіе о наступленіи турокъ на зорскій перевалъ, и зная, что казаки не въ состояніи удержать чуть не цѣлой арміи Измаила, приказалъ всему передовому отряду отступать на Игдырь. Въ данномъ случаѣ генералъ Тергукасовъ поступилъ правильно, такъ какъ не могъ послать на зорскій перевалъ подкрѣпленій, потому что онѣ, вслѣдствіе дурныхъ дорогъ и отдаленности перевала, могли бы запоздать; полкъ же, выдерживая долго напоръ непріятеля, могъ бы понести совершенно напрасныя потери и даже быть совсѣмъ уничтоженъ.

Приказаніе объ отступленіи было получено поздно вечеромъ. Перестрѣлка на зорскомъ перевалѣ замѣтно стала утихать, но видно было, что тамъ еще держались наши. Наступила ночь; перестрѣлка на перевалѣ стихла; казаки отступили и остановились въ нѣсколькихъ верстахъ отъ перевала, на которомъ уже утвердились турки. Въ чингильскомъ отрядѣ всѣ бодрствовали и съ разсвѣтомъ

начали отступать внизъ подъ гору. Какъ только войска тронулись, съ зорскаго перевала стали доноситься выстрѣлы: то казаки продолжали отстрѣливаться отъ преслѣдовавшихъ ихъ турокъ. Преслѣдованіе однако длилось не долго, и непріятель призналъ лучше утвердиться на самой вершинѣ перевала, чѣмъ пускаться въ опасное наступленіе. Вмѣстѣ съ зорскимъ переваломъ турками былъ занятъ и караванъ-сарайскій, на который ими заранѣе была разработана дорога. Къ вечеру этого же дня, 24-го іюля, всѣ войска наши подтянулись къ сел. Игдырь и къ утру разбили лагерь впереди этого селенія, между дорогами съ чингильскаго, зорскаго и караванъ-сарайскаго переваловъ. На покинутыхъ нами позиціяхъ виднѣлся уже лагерь непріятеля. 1-го августа полковникъ Парфененко сдалъ 2-ю батарею 38-й бригады подполковнику Колодѣеву, и самъ отправился въ Тифлисъ для принятія формировавшагося тамъ парка. До 5-го августа отрядъ не предпринималъ никакихъ дѣйствій, хотя турки иной разъ и пробовали спускаться, но, отойдя немного отъ своего лагеря, поворачивали назадъ, не рѣшаясь приблизиться даже и на дальній орудійный выстрѣлъ. Но 5-го августа, при совершенной темнотѣ, 2-я батарея 38-й бригады, въ составѣ прочихъ войскъ отряда, выступила по направленію къ абасъ-гельскому перевалу. Дорога была трудная: постоянные и довольно крутые подъемы крайне обезсиливали людей и лошадей, хотя послѣднія и были въ усиленной запряжкѣ. Начальникъ артиллеріи отряда генералъ-маіоръ Барсовъ распорядился, чтобы, при движеніи батарей изъ Игдыря по ровной мѣстности, онѣ брали съ собою всѣ восемь орудій въ шестерочной запряжкѣ, а при движеніи по мѣстности пересѣченной выступали только съ шестью орудіями; остальныя же два орудія оставляли бы въ Игдырѣ, взявъ отъ нихъ лошадей на усиленіе шести. Точно также было и въ данномъ случаѣ. Черезъ два дня марша, т. е. 7-го числа, отрядъ прибылъ въ брошенное армянами и разоренное селеніе Гюлюджи. Тяжелое впечатлѣніе производили рѣдко-гдѣ стоящія, одинокія, уцѣлѣвшія сакли; внутри селенія также все будто вымерло, и не было ни малѣйшаго движенія или звука, напоминающаго присутствіе человѣка; окрестности также не утѣшали глазъ: засѣян-

ныя когда-то и брошенныя теперь безъ присмотра поля краснорѣчиво говорили въ пользу кипѣвшей еще столь недавно тутъ дѣятельности; хлѣбъ большею частью былъ скошенъ и потоптанъ— вѣроятно, успѣвшими уже тутъ похозяйничать турками.

Селеніе находится въ 8-ми или 9-ти верстахъ отъ высшей точки абасъ-гельскаго перевала; весь путь отъ Игдыря до Гюлюджи скрытъ отъ глазъ турокъ. По приходѣ на мѣсто, генералъ Тергукасовъ приказалъ разбить лагерь около самаго селенія и выставить версты за двѣ впередъ отъ него дежурную часть, изъ батареи и баталіона пѣхоты. Цѣль движенія на Гюлюджи и происшедшаго вслѣдствіе этого раздвоенія эриванскаго отряда намъ была тогда неизвѣстна. 9-го августа, ночью, 2-я батарея 38-й бригады, съ однимъ баталіономъ пѣхоты, была направлена на передовую позицію. Конечно, эту ночь не пришлось никому сомкнуть глазъ, хотя все было спокойно. 17-го августа 2-я батарея простояла на мѣстѣ—если не считать движенія въ сторожевую часть. Ежедневно производились маленькія рекогносцировки, которыя, впрочемъ, сопровождались только разслѣдованіемъ путей, ведущихъ къ турецкому расположенію на перевалѣ. Пути эти всюду оказывались крайне неудовлетворительными, а потому пѣхота наша постоянно была занята разработкою ихъ. Подобнаго рода работы наводятъ на мысль, что мы желали сбить турокъ съ ихъ позиціи, и зайдя въ тылъ или во флангъ войскамъ, расположеннымъ на покинутомъ нами чингильскомъ перевалѣ, уничтожить ихъ при содѣйствіи оставшагося отряда въ Игдырѣ. Въ промежутокъ времени отъ 9-го до 17-го августа отрядъ былъ подкрѣпленъ прибытіемъ изъ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса двухъ полковъ 39-й пѣхотной дивизіи и трехъ батарей той же бригады. Вновь прибывшія войска расположились лагеремъ тутъ же. 17-го числа почти весь гюлюджинскій отрядъ двинулся по направленію къ турецкому расположенію. Артилерія шла по разработанной дорогѣ, которая, впрочемъ, скоро кончилась, и наступили такіе высокіе и крутые подъемы и спуски, что по нимъ могла проѣхать только арба съ усиленною запряжкою быковъ. Кромѣ того, на дорогѣ оказались разбросанными въ безпорядкѣ цѣлыя груды кам-

ней; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ за нихъ не видно было никакихъ признаковъ дороги. Конечно, движеніе оказалось невозможнымъ, а потому мы не могли ближе 6-ти или 7-ми верстъ подойти къ турецкимъ позиціямъ. Благодаря такому дальнему разстоянію, дѣло на сей разъ обошлось безъ выстрѣла. Пѣхота также не подходила близко, и вообще рекогносцировка 17-го августа показала намъ, что турецкая позиція въ этомъ пунктѣ можетъ пока считаться неприступною. Если и можно было ею овладѣть, то по прошествіи немалаго времени, въ продолженіе котораго всѣ войска отряда должны были неустанно работать надъ улучшеніемъ путей для подвоза артиллеріи. Пространствовавъ цѣлый день, 2-я батарея 38-й бригады, вечеромъ, вмѣстѣ съ отрядомъ, вернулась на бивакъ, гдѣ простояла до 1-го сентября.

Въ это время въ игдырскомъ отрядѣ, оставленномъ подъ командою полковника Самойлова, происходили частыя стычки съ непріятелемъ. Главныя изъ нихъ произошли въ ночь съ 25-го на 26-е и 28-го августа. Въ первую изъ нихъ курды, въ числѣ до 200-тъ человѣкъ, переправились около Гюлюджи черезъ рѣку Араксъ и напали на армянское селеніе Сардасабанъ, вырѣзали жителей и награбили много имущества. При отступленіи они были встрѣчены 50-ю человѣками таманскаго полка, которые, ружейнымъ огнемъ, повернули всю шайку обратно; вскорѣ она была настигнута двумя сотнями казаковъ, и награбленное имущество отнято и возвращено хозяевамъ. 28-го же августа, въ полдень, при палящемъ знoѣ, турецкая пѣхота спустилась съ горскихъ высотъ и атаковала наши войска, но получила такой отпоръ, что потеряла до четырехсотъ человѣкъ убитыми и ранеными.

Наконецъ, 1-го сентября 2-я батарея 38-й бригады, въ составѣ гюлюджинскаго отряда, двинулась обратно къ селенію Игдырь, и на другой день, подъ вечеръ, была въ семи верстахъ отъ Игдыря, у сел. верхніе Чурухчи. Здѣсь, вмѣстѣ съ двумя полками 39-й дивизіи, она остановилась и разбила лагерь. Такимъ образомъ, у Чурухчи образовался отрядъ, долженствовавшій обезпечивать нашъ крайній правый флангъ; командованіе имъ было ввѣрено генералъ-маіору Бропевскому.

По отступленіи нашего отряда изъ Гюлюджи, видъ турецкаго лагеря сильно перемѣнился: все пространство между караванъ-сарайскимъ и зорскимъ перевалами было усѣяно траншеями, батареями и прочными окопами и закрытіями: тамъ, гдѣ прежде видѣлся гладкій склонъ горы, покрытый только желтою, выжженною солнцемъ травою, теперь извивались кривыми, черными линіями турецкія траншеи, при взглядѣ на которыя невольно приходилось удивляться неутомимости турокъ въ самоокапываніи. Позиція непріятеля для атаки съ фронта стала неприступна; траншеи и батареи были расположены въ нѣсколько ярусовъ, причемъ, нижнія батареи отстояли отъ насъ на разстояніи дальняго орудійнаго выстрѣла. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, турки каждое утро пострѣливали по нашему лагерю. Сначала эта стрѣльба насъ безпокоила, а потомъ, когда всѣ убѣдились въ недѣйствительности ея, то перестали обращать на нее вниманіе.

5-го сентября, послѣ обычной утренней салютаціи, въ нашемъ отрядѣ ударили тревогу. Всѣ всполошились. Дежурная полубатарея сейчасъ же обамуничила и запрягла лошадей и приготовилась къ выступленію; но было приказано оставаться на мѣстѣ до разъясненія обстоятельствъ. Простояли часа два или три — и велѣно было выпрячь и разойтись по своимъ мѣстамъ.

6-го сентября, вечеромъ, по отряду пронесся слухъ, что турки имѣютъ въ виду одолжить насъ своимъ посѣщеніемъ въ предстоящую ночь. Тотчасъ былъ двинутъ передовой отрядъ версты на три впередъ, къ самой подошвѣ зорскаго перевала, къ находящемуся тамъ селенію Хошъ-Хабаръ. Отрядъ состоялъ изъ 2-й батареи 38-й бригады и двухъ баталіоновъ пѣхоты. Онъ двинулся съ закатомъ солнца, поздно вечеромъ пришелъ къ Хошъ-Хабару и занялъ позицію по лѣвую сторону деревни, причемъ батарея расположилась слѣдующимъ образомъ: 2-я полубатарея была выдвинута нѣсколько впередъ, и орудія ея были хорошо прикрыты землянымъ валомъ, идущимъ впереди канавы; валъ закрывалъ собою систему орудія вплоть до дула и имѣлъ толщину достаточную для предохраненія отъ пораженія снарядами; 1-я полубатарея была поставлена уступомъ позади, за толстой глиняной

стѣной, которою былъ обнесенъ расположенный спереди огородъ. Такъ какъ стѣна эта значительно превышала систему орудія, то было рѣшено ее свалить до уровня дула и образовать, такимъ образомъ, толстый и достаточно высокій брустверъ. Кромѣ означенныхъ прикрытій, у каждаго орудія были вырыты ровики для прислуги, сидя въ которыхъ она была уже совершенно скрыта отъ выстрѣловъ непріятеля. Позади орудій сейчасъ же стлалась недавно вспаханная и очень рыхлая земля; на этомъ пространствѣ были помѣщены передки, которые хотя и были открыты, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря мягкому грунту, сильно гарантированы отъ пораженія осколками. Сейчасъ же за пашнею начиналась высокая конопля, скрывавшая человѣка; въ нее были вдвинуты 1-е ряды зарядныхъ ящиковъ, которые, для большаго маскированія, были покрыты сверху тою же коноплею, травою и другою зеленью. Коновязь, а также вторые и третьи ряды зарядныхъ ящиковъ, были расположены совершенно скрытно отъ непріятеля, въ саду, позади селенія. Пѣхота расположила свои прикрытія по обѣ стороны батарей: по лѣвую сторону цѣпь была расположена за валомъ канавы, по правую же сторону—въ самомъ селеніи, въ саду, съ правой стороны батареи. Резервъ былъ поставленъ за саклями въ самомъ селеніи. Окончивъ работу по устройству позиціи, люди легли спать не раздѣваясь, около орудій. Ночь была довольно прохладная. Легкій вѣтеръ, налетая повременамъ на спящихъ солдатъ, освѣжалъ ихъ послѣ утомительнаго дневнаго зноя. Рано утромъ всѣ были на ногахъ. Вдали показалась какая-то наша колонна, сверкая щетиною штыковъ. Вскорѣ подошла она, въ составѣ двухъ баталіоновъ, на смѣну прикрытія, бывшаго у артиллеріи.

Легкій утренній туманъ поднялся въ верхніе слои атмосферы. Съ турецкой батареи грянулъ выстрѣлъ, и приближающееся шипѣнье снаряда ясно показало, что онъ былъ направленъ на 2-ю батарею 38-й бригады. Турки вѣроятно замѣтили движеніе, бывшее при смѣнѣ прикрытій, и не замедлили сдѣлать свою обычную утреннюю салютацію. Снарядъ съ жужжаніемъ промчался надъ батареею и шлепнулся влѣво отъ коновязи; трубка заглохла, и

разрыва не послѣдовало—лишь только большіе комья земли, взвившіеся кверху, позволили отличить мѣсто паденія снаряда. Прислуга наша засѣла въ ровики—и еще столь недавно совершенно мирная обстановка быстро перемѣнилась: валы, ровики и орудія сразу получили свое настоящее значеніе. Турки сдѣлали три выстрѣла и пріостановились; тогда 2-я батарея 38-й бригады, въ свою очередь, открыла огонь и быстро пристрѣлялась по турецкой батареѣ, до которой дистанція оказалась около 2000 саженей. Наши снаряды, одинъ за другимъ, попадали въ бруствeръ батареи, подымая цѣлыя облака пыли и дыма; но едва ли на такое большое разстояніе они могли нанести какой нибудь вредъ непріятелю. Затишье со стороны турокъ продолжалось недолго: въ одномъ концѣ ихъ расположенія взлетѣлъ клубъ дыма, за нимъ появился другой, и черезъ нѣсколько секундъ раскатились два выстрѣла. Началась канонада. Турецкіе снаряды то и дѣло падали на 2-ю батарею, зарываясь между орудіями и передками и попадая въ брустверы и закрытія. Не было такого мѣста, куда бы не долбнулъ хотя разъ турецкій снарядъ. Случалось, что отъ шести до девяти снарядовъ падали разомъ на батарею; нѣкоторые изъ нихъ разрывались, большинство же глохло въ рыхлой землѣ. Турки стрѣляли со всѣхъ своихъ батарей; мы отвѣчали. Сначала пальба велась часто, но потомъ командиры полубатарей сократили ее, видя, что на такое далекое разстояніе стрѣлять безполезно. Такъ длилось часа три. Генералъ Тергукасовъ приказалъ мало по малу вовсе прекратить стрѣльбу; у турокъ выстрѣлы также стали замѣтно рѣже. Наконецъ, еще черезъ полчаса обѣ стороны замолкли. Генералъ Тергукасовъ, думая, что у насъ масса убитыхъ и раненыхъ, прислалъ на батарею чуть не цѣлую роту санитаровъ и носильщиковъ, и самъ пріѣхалъ: но, къ счастью, санитары и носильщики оказались совершенно лишними. Не смотря на адскую трехъ-четырехчасовую канонаду, во 2-й батареѣ былъ раненъ осколкомъ только одинъ человѣкъ, и убито на коновязи двѣ лошади. Причинами такой ничтожной потери были хорошія закрытія, мягкій и рыхлый грунтъ и неудовлетворительное устройство турецкихъ снарядовъ, которые, имѣя малый разрывной за-

рядъ, во многихъ случаяхъ даже не разрывались, а просто разворачивались на нѣсколько частей; эти части всѣ оставались въ рыхлой почвѣ, не вылетая даже и кверху. Насколько стрѣльба была сильная, можно судить изъ того, что въ продолженіе какихъ нибудь 3—4-хъ часовъ на 2-ю батарею легло до 600 турецкихъ гранатъ, а ею было выпущено 127-мь *).

Такъ кончилась знаменитая канонада, которую пришлось выдержать батареѣ 7-го сентября. При другихъ условіяхъ она могла бы имѣть печальныя послѣдствія, но теперь, къ счастью, разрѣшилась ничѣмъ.

Остатокъ дня и ночь батарея провела спокойно. На слѣдующее утро опять началось то, что было вчера: какъ только разсвѣло, турки пустили во 2-ю батарею 38-й бригады, одну за другою, пять гранатъ; всѣ онѣ зарылись опять въ мягкую пахоть и тамъ замерли. Батарея, проученная опытомъ, на этотъ разъ не отвѣчала. До обѣда все было спокойно. Прикрытіе въ этотъ день не смѣнялось, и солдаты были заняты каждый своимъ дѣломъ: одни сидѣли и чинили платье, другіе лежали, вперивъ взоръ въ безпредѣльное небесное пространсво, наконецъ, третьи дремали, пригрѣтые теплымъ полуденнымъ солнышкомъ. Послѣ обѣда солнце начало грѣть еще сильнѣе, и каждаго клонило ко сну; но спать не удалось: часовъ въ двѣнадцать турки начали спускаться съ своихъ позицій. Весь нашъ лагерь моментально приготовился къ бою; прислуга стала у орудій. Какъ-разъ противъ 2-й батареи 38-й бригады спускалась съ горы одна турецкая пѣхотная колонна. Издали, конечно, трудно было отличить подробности: видна была только медленно двигающаяся черная масса, въ которой иной разъ поблескивало на солнцѣ гладко отшлифованное оружіе. Батарея выпустила по этой колоннѣ только три снаряда, которые легли такъ удачно, что турки повернули назадъ. По всему было замѣтно, что они только демонстрировали на нашъ фронтъ; глав-

*) Въ описаніи войны генерала Зыкова, томъ III, сказано, что турки выпустили болѣе 150 снарядовъ. Цыфра эта, по всей вѣроятности, ошибочная, такъ какъ показанное тутъ число снарядовъ взято со словъ бывшихъ въ этомъ дѣлѣ офицеровъ.

ная же атака велась ими на нашъ правый флангъ—по караванъ-сарайской дорогѣ. Видно было также, какъ они старались зайти намъ во флангъ, но это имъ не удалось, и всѣ ихъ попытки были парализованы бакинскимъ пѣхотнымъ полкомъ и батареею 19-й артилерійской бригады. Видя безуспѣшность въ достиженіи своихъ цѣлей, непріятель къ вечеру убрался восвояси. Въ этотъ день, 8-го сентября, во 2-й батареѣ не было никакихъ потерь. Въ отрядѣ же былъ раненъ командиръ бакинскаго полка полковникъ Ивановъ. Войска наши, потѣснивъ турокъ, заняли новую позицію по караванъ-сарайской дорогѣ. Позиція эта находилась въ трехъ верстахъ отъ сел. верхніе Чурухчи и оберегалась высылаемою туда ежедневно дежурною частью, состоявшею изъ полубатареи и одного баталіона.

9-го сентября, рано утромъ, на смѣну 2-й батареи 38-й бригады пришла 2-я батарея 39-й бригады. Чтобы не обратить вниманія турокъ, первая изъ этихъ батарей начала сниматься съ позиціи поорудійно, постоянно вытягиваясь на дорогу. Непріятель, дѣйствительно, не замѣтилъ смѣны, и все обошлось благополучно. Вскорѣ 2-я батарея 38-й бригады прибыла обратно въ селеніе верхніе Чурухчи. 10-го числа пошла на смѣну, для занятія позиціи на караванъ-сарайской дорогѣ, первая полубатарея 2-й батареи 38-й бригады, и съ этого дня смѣна для артилеріи на этой дорогѣ производилась черезъ каждыя сутки такимъ образомъ, что одна изъ полубатарей 38-й бригады смѣняла полубатарею 4-й батареи 19-й бригады, и наоборотъ *). Позиція, которую занимали полубатареи, была приспособлена къ оборонѣ: для каждаго изъ орудій былъ вырытъ ложементъ; мѣстность была расчищена отъ камней; для передковъ, позади ложементовъ, на склонѣ горы, были вырѣзаны ровныя площадки, вслѣдствіе чего передки прикрывались самымъ склономъ; зарядные ящики были расположены саженяхъ въ 50-ти за линіею орудій, около самой дороги; они также отлично прикрывались самой горой, на кото-

*) 10-го сентября отъ 2-й батареи былъ откомандированъ поручикъ Волжинскій къ 4-й батареѣ 19-й артилерійской бригады, по недостатку тамъ офицеровъ.

рой стояли орудія. По приходѣ на позицію, лошади тотчасъ же отпрягались и въ аммуниціи отводились на дорогу, гдѣ стояли цѣлыя сутки на коновязи. Баталіонъ, назначенный въ прикрытіе, располагался поротно, по обоимъ флангамъ полубатареи. Очередь въ занятіи позиціи на каравансарайской дорогѣ велась вплоть до 2-го октября.

14-го сентября, рано утромъ, первая полубатарея 2-й батареи 38-й бригады отправилась на обычную смѣну. Пришли, выпрягли лошадей, поставили ихъ на коновязь; люди, томимые страшной жарой, легли около орудій въ ложементахъ; отъ баталіона кубанскаго пѣхотнаго полка была выставлена сторожевая цѣпь. Со стороны турокъ все было спокойно, и они, вѣроятно, вслѣдствіе сильной жары, бездѣйствовали въ своихъ траншеяхъ. А жара, дѣйствительно, была такая, что почва растрескалась повсемѣстно. На всемъ пространствѣ, которое только могъ охватить глазъ, не было кусочка зелени: вездѣ былъ или раскаленный голый камень, или выжженная солнцемъ желтая трава; воздухъ былъ совершенно неподвиженъ, словно замеръ. Къ вечеру погода быстро начала мѣняться: тяжелыя свинцовыя облака начали показываться изъ за горъ; мало по малу они росли, образуя изъ себя темную тучу. Подулъ вѣтерокъ, поднялъ съ высохшей почвы маленькое облачко пыли и разнесъ его въ стороны. Черезъ минуту налетѣлъ уже сильный порывъ вѣтра, закружилъ пыль столбомъ и снова затихъ. Вдали послышался неопредѣленный гулъ: онъ становился все яснѣе—и вдругъ, страшный вихрь закрутилъ всѣмъ, что попадалось ему на пути. Цѣлыя облака пыли поднялись съ земли, препятствуя различать предметы даже за нѣсколько шаговъ. Положеніе было нехорошее, потому что непріятель могъ воспользоваться этою невзгодою и незамѣтно насѣсть на передовой отрядъ. Бдительность въ сторожевой цѣпи, конечно, была усилена, но отъ этого не было легче. Ночь уже наступала, а вѣтеръ все свирѣпствовалъ съ прежнею силою, такъ что невозможно было разслышать, еслибы кто либо изъ всей мочи кричалъ другому у самаго уха. Наконецъ, настала непроглядная темнота. Хотя вѣтеръ немного стихъ, но за то полилъ дождь какъ изъ ведра. Молнія

то и дѣло освѣщала какъ бы застывшихъ въ извѣстной позѣ людей; неумолкаемые раскаты грома эхомъ отдавались въ окружающихъ горахъ, усиливая и безъ того тяжелое впечатлѣніе. Безпокойная была эта ночь; къ счастью еще, что непріятель ничего не предпринималъ. Буря не прекращалась и на слѣдующій день, но съ разсвѣтомъ у всѣхъ отлегло отъ сердца.

Часовъ въ шесть утра, 15-го сентября, съ передоваго пикета прискакалъ казакъ; лошадь подъ нимъ была вся въ пѣнѣ. Оказалось, что онъ не даромъ скакалъ во весь духъ, такъ какъ извѣстіе, привезенное имъ, было очень важное: что турецкая кавалерія, съ нѣсколькими баталіонами пѣхоты, наступала по караванъ-сарайской дорогѣ, какъ-разъ противъ позиціи, занятой полубатареею 38-й бригады, еще не успѣвшею смѣниться. Вскорѣ непріятель показался, развернулъ свой длинный фронтъ и старался охватить насъ съ обоихъ фланговъ. Дѣлать было нечего, приходилось отстрѣливаться,—и полубатарея открыла огонь гранатою. Турки, будучи еще на довольно значительное разстояніе, открыли ружейный огонь. Наше пѣхотное прикрытіе также начало дымить изъ своихъ ружей, и черезъ нѣсколько минутъ закипѣла ожесточенная перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ. Въ лагерѣ при Чурухчи поднялась тревога: солдаты выбѣгали изъ палатокъ, на ходу надѣвая патронныя сумки, хватали ружья и становились въ строй. Черезъ минуту, два баталіона кубинскаго полка подвигались чуть не бѣглымъ шагомъ на выручку своихъ товарищей. Впереди, среди частой ружейной трескотни, то и дѣло слышались раскаты орудійныхъ выстрѣловъ. Вторая полубатарея 2-й батареи 38-й бригады не оставалась долго на мѣстѣ: на рысяхъ, съ посаженною прислугою, она двинулась къ мѣсту боя, и быстро поровнявшись съ первою полубатареею, потомъ оставила ее позади и поскакала далѣе. Долго ѣхала она вверхъ по караванъ-сарайской дорогѣ, а съѣхать въ сторону было некуда: по обѣимъ сторонамъ высились чуть не отвѣсныя кручи, взобраться на которыя не было никакой физической возможности. Продолжать движеніе дальше въ этомъ направленіи было безразсудно, такъ какъ можно было доѣхать до самаго непріятеля и все-таки остаться въ ущельи, въ глу-

бокой колоннѣ въ одно орудіе, а потому полубатарея повернула налѣво кругомъ и помчалась по той же дорогѣ обратно, ища удобнаго выхода изъ ущелья. Опять она поровнялась съ первою полубатареею; опять видны сквозь пороховой дымъ фигуры солдатъ и слышны оглушительные раскаты выстрѣловъ. Въ это время къ второй полубатареѣ поспѣла 4-я батарея 19-й бригады. Захвативъ съ собою часть лошадей 1-й полубатареи и припрягши ихъ, вторая полубатарея начала взбираться прямо на гору, стараясь выѣхать на позицію, занятую нашею пѣхотою, перешедшею въ наступленіе и успѣвшею выбить турокъ изъ ихъ передовыхъ укрѣпленій. Трудно приходилось бѣднымъ лошадямъ при восхожденіи на эту крутизну; и безъ того утомленныя продолжительной и быстрой ѣздой, несчастныя животныя положительно выбивались изъ силъ; нѣкоторыя лошади были сплошь покрыты пѣною, и слышно было только ихъ учащенное дыханіе. Въ эту минуту небо очистилось, погода прояснилась, и близко былъ гребень горы, гдѣ ясно можно было различить лежавшихъ солдатъ. Быстро выѣхала полубатарея на позицію и стала рядомъ съ 4-ю батареею 19-й бригады, которая поспѣла немного ранѣе. До турокъ было не болѣе 500 саженей; ясно были видны непрерывно мелькающіе дымки отъ выстрѣловъ непріятельской цѣпи; съ нашей стороны раздался орудійный выстрѣлъ изъ 4-й батареи 19-й бригады. Полубатарея 38-й бригады снялась съ передковъ, тотчасъ повернула орудія дулами впередъ, и вскорѣ громкій раскатъ пронесся по горамъ. Пѣхота участила свой огонь; турки, въ свою очередь, не жалѣли свинца. Пристрѣлка по непріятелю велась сначала гранатой, и послѣ пяти выстрѣловъ противникъ былъ схваченъ въ довольно точную вилку; цѣпь его начала мало по малу колебаться. Полубатарея, пристрѣлявшись точно обыкновенною гранатою, перемѣнила ее на картечную. Нѣсколько лошадей въ полубатареѣ было уже убито и ранено; третій нумеръ въ седьмомъ орудіи также свернулся подъ турецкою пулею. А залегшая, въ сторонѣ отъ батареи, пѣхотная цѣпь поднялась и двинулась впередъ, изрѣдка пострѣливая на ходу; все ближе подходила она къ турецкимъ заваламъ и, наконецъ, съ дружнымъ „ура“, бросилась впередъ. Турки не выдержали

штыковаго боя и отступили къ слѣдующимъ заваламъ. Полубатарея взяла въ передки и двинулась впередъ. Все ближе подходитъ она къ непріятелю, и все яснѣе бросается въ глаза картина боя. Навстрѣчу чаще и чаще начинаютъ попадаться носилки. Полубатарея приблизилась къ цѣпи, и занявъ позицію наравнѣ съ нею, открыла огонь. Картечныя гранаты метко и удачно разрывались надъ непріятельскою цѣпью.

Невыносимый жаръ и полнѣйшая неподвижность воздуха окончательно утомили людей: съ самаго утра не имѣя капли воды, они сильно страдали отъ жажды; лошади, также мучимыя жаждою, понуря головы, стояли неподвижно—а впереди еще много дѣла, и большаго запаса силъ и энергіи требовалось отъ людей и животныхъ. Къ двумъ часамъ пополудни непріятель выдвинулъ противъ насъ свою артилерію, и снаряды одинъ за другимъ начали ложиться вокругъ полубатареи; но она продолжала стрѣлять картечною гранатою. Дѣйствіе непріятельскихъ снарядовъ, имѣвшихъ, благодаря близкой дистанціи, настильную траекторію, оказывалось довольно сильнымъ: нѣсколько лошадей уже было убито осколками; людямъ также сильно доставалось. Такимъ образомъ, бой продолжался до поздняго вечера, и 2-я полубатарея перемѣнила нѣсколько позицій, подвигаясь впередъ вмѣстѣ съ пѣхотною цѣпью. Послѣдняя молодецки выбивала непріятеля изъ его заваловъ, сложенныхъ утромъ этого же числа. Къ вечеру войска были сильно утомлены непрерывнымъ боемъ и неотвязчивою жаждою. Одинъ бакинскій полкъ, какъ передаютъ участники этого сраженія, выбилъ турокъ изъ двадцати заваловъ. Наконецъ, день совсѣмъ склонился къ вечеру: солнце сѣло; вся окрестность подернулась легкою пороховою дымкою; выстрѣлы раздавались рѣдко—и съ наступленіемъ темноты все стихло. Войска остались на занятыхъ съ боя позиціяхъ; утомленные люди повалились въ безсиліи на землю. Только въ 12-ть часовъ ночи, по распоряженію начальника отряда, къ войскамъ были подвезены бурдюки съ водою. Ея досталось понемногу, только по чаркѣ: но и эта чарка производила свое оживляющее дѣйствіе: каждый, выпивъ свою порцію, утирался рукавомъ и, почмокивая губами,

отходилъ въ сторону, съ завистью продолжая смотрѣть на тѣхъ, которыхъ еще не миновала чаша сія.

Къ часу пополуночи турки отступили окончательно на свои старыя позиціи. Полубатареѣ 38-й бригады также приказано было отступать въ Чурухчи, на прежній бивакъ. По каменистой дорогѣ тронулась она въ совершенной темнотѣ; громадные камни, невидимые ночью, попадались подъ колеса, производя страшные толчки. Можно было опасаться за цѣлость колесъ, въ особенности въ ящикахъ, тяжесть которыхъ распредѣлялась только на два колеса. Опасенія, дѣйствительно, оправдались: не успѣла полубатарея сдѣлать и версты, какъ у одного изъ ящиковъ грохнуло колесо; но его скоро замѣнили другимъ и тронулись дальше. Прошли еще версты двѣ —и опять та же исторія: треснуло другое ящичное колесо и грозило ежеминутно разсыпаться. Опять пришлось продѣлать ту же процедуру. Часа въ три ночи 2-я полубатарея пришла въ Чурухчи; 1-я же присоединилась къ ней тогда, когда эта послѣдняя проходила мимо занятой ею позиціи. Вообще, надо замѣтить, что 2-я полубатарея все время занимала позиціи впереди 1-й; послѣдняя же стрѣляла только до прибытія 2-й полубатареи.

Потери батареи были слѣдующія: легко контуженъ пулею подполковникъ Колодѣевъ, который все время находился при 2-й полубатареѣ и не оставлялъ ее и послѣ контузіи; ранено два, сильно контужено пять нижнихъ чиновъ; убито и ранено 9-ть лошадей и поломано 2-ва ящичныхъ колеса. Выпущено 125-ть обыкновенныхъ и 123-ри картечныхъ гранаты.

Дѣло 15-го сентября у Халфалю, на зорскихъ высотахъ, было блистательнымъ дѣломъ эриванскаго отряда: до 9-ти горныхъ возвышенностей и болѣе 20-ти заваловъ было отнято у непріятеля, и будь только на этихъ возвышенностяхъ вода—мы бы могли, удержавшись на нихъ, продолжать, при надобности, наступленіе на Измаила-пашу: но вся бѣда была въ томъ, что воды тамъ не оказалось. Поиски за нею также не привели къ утѣшительнымъ результатамъ, а потому и пришлось отступить обратно къ Чурухчи. Такимъ образомъ, бой, веденный столь удачно, не привелъ ни къ

8

какимъ особеннымъ послѣдствіямъ, и важенъ былъ развѣ только въ томъ отношеніи, что парализовалъ рѣшительную попытку турецкихъ войскъ прорваться черезъ линію нашего расположенія и спуститься въ низменныя и теплыя мѣста.

Въ эриванскомъ отрядѣ въ этотъ день былъ контуженъ въ плечо генералъ-лейтенантъ Девель, и былъ раненъ пулею командиръ кубинскаго полка полковникъ Кабенинъ. За описанное дѣло 2-я батарея получила слѣдующія награды: штабсъ-капитану Ненинину—св Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ, поручику Штуссу—св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ, подпоручику Грязнову—св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ; нижнимъ чинамъ было пожаловано 8-мь георгіевскихъ крестовъ.

Послѣ 15-го сентября, 2-я батарея 38-й бригады продолжала поочереди съ 4-ю батареею 19-й бригады ходить на позицію при караванъ-сарайской дорогѣ. Въ концѣ мѣсяца она получила изъ запаса 11-ть лошадей на пополненіе убылыхъ. Въ этотъ періодъ времени начальникомъ отряда, составлявшаго правый флангъ всего эриванскаго отряда, былъ назначенъ, 17-го сентября, вмѣсто генералъ-маіора Броневскаго, начальникъ 39-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Девель.

III.

Участіе 1-й и 3-й батарей 38-й артиллерійской бригады въ военныхъ дѣйствіяхъ войскъ приріонскаго края съ 10-го по 20-е іюня 1877-го года. Прекращеніе боевой дѣятельности 1-й батареи и пребываніе ея въ Озургетахъ. Движеніе 3-й батареи въ составъ ардаганскаго отряда. Раздѣленіе, съ 25-го іюля, 3-й батареи на двѣ отдѣльныя полубатареи и дѣйствія второй полубатареи по 1-е сентября въ ардаганскомъ отрядѣ. Выступленіе изъ Тифлиса 17-го августа 5-й батареи и прибытіе ея въ Ахалцыхъ. Отправленіе въ сел. Годерзъ одного взвода 5-й батареи; движеніе остальныхъ трехъ взводовъ въ Ардаганъ и соединеніе ихъ 1-го сентября съ второю полубатареею 3-й батареи. Совмѣстная дѣятельность орудій 5-й батареи и второй полубатареи 3-й батареи въ составѣ ардаганскаго отряда до 11-го сентября.

Телеграмма окружнаго артиллерійскаго управленія, съ предписаніемъ о немедленномъ выступленіи 3-й батареи въ приріонскій отрядъ, была получена въ Сурамѣ 3-го мая уже послѣ обѣда. Поэтому пришлось не мало поработать надъ нагрузкою артиллеріи и прочихъ тяжестей на платформы. Однако, все-таки въ 6½ часовъ вечера тронулся первый эшелонъ, съ орудіями и зарядными ящиками; одинъ вагонъ былъ данъ для нижнихъ чиновъ и для кухни. Второй эшелонъ, съ частью лошадей и оставшеюся артиллеріею, выѣхалъ въ десять часовъ вечера, а третій—1-го іюня въ три часа утра; за нимъ, въ восемь часовъ, послѣдовалъ и четвертый эшелонъ, состоявшій изъ остальныхъ людей и обоза. На квирильской станціи третій эшелонъ соединился со вторымъ и оба прибыли одновременно на станцію Самтреди. По приказанію помощника Главнокомандующаго, находившагося въ Самтреди, батарея была разгружена и расположена на ночлегъ близъ почтовой станціи. На другой день она двинулась въ Озургеты.

Переходъ отъ Самтреди до Озургеты былъ совершенъ въ два дня не безъ препятствій и приключеній: прежде всего мостъ черезъ Ріонъ оказался непроченъ, такъ что о переправѣ черезъ него всей батареи разомъ нечего было и думать,—поэтому въ теченіе двухъ часовъ пропускали орудіе за орудіемъ. Потомъ, на другой

день, на пути отъ Чахатаура до Озургеты, случилось слѣдующее происшествіе: на узкой плотинѣ, ведущей къ мосту черезъ незначительную рѣчку, встрѣтился гуріецъ, въ своемъ туземномъ оригинальномъ костюмѣ. Лошади одного изъ орудій, увидя передъ собою неожиданно что-то для нихъ небывалое, испугались и бросились въ сторону; захваченные же врасплохъ ѣздовые не успѣли вовремя сдержать ихъ, и орудіе кувыркомъ полетѣло съ довольно высокой насыпи. Надо удивляться, что все обошлось сравнительно весьма благополучно. Лошади остались совершенно цѣлы, и будучи подняты и выпряжены, только фыркали; дышловой ѣздовой сильно ушибъ ногу, а въ орудіи сломанъ прицѣлъ и повреждена мушка; въ передкѣ же погнуты поручни. Не мало усилій и времени потребовалось для всей батареи, чтобы втащить снова орудіе и приспособить его для дальнѣйшаго движенія. Однако, не смотря на всѣ затрудненія, дѣло уладилось, и хотя въ Озургеты прибыли поздно, но безъ новыхъ задержекъ.

4-го іюня, въ семь часовъ утра, 3-я батарея была выстроена для смотра командующаго войсками и дальнѣйшаго движенія. Послѣ цѣлаго часа напраснаго ожиданія, оказалось, что генералъ Оклобжіо уже выступилъ изъ Озургетъ, вмѣстѣ съ пѣхотою, на экадійскія высоты. Вслѣдствіе этого, 3-я батарея, подъ прикрытіемъ одной роты, тронулась съ мѣста вслѣдъ командующему войсками. Дорога все время тянулась по невообразимо однообразной мѣстности, усѣянной какими-то старыми пнями и корчевьями. Крутые и длинные подъемы мѣнялись очень часто съ такими же спусками; люди и лошади устали ужасно, и по необходимости пришлось потерять много времени для постоянныхъ привалов. Разговоры и шуточки, въ которыхъ солдатъ нерѣдко находитъ удовольствіе и развлеченіе, быстро смолкли; люди какъ-то машинально передвигали ноги, не чувствуя ихъ подъ собою; на привалѣ всѣ бросались на землю на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ засталъ моментъ остановки. А тутъ еще опять случилось маленькое происшествіе, заставившее батарею простоять два часа совершенно напрасно. Положимъ, солдатамъ это было на руку, потому что они успѣли хорошенько отдохнуть, но бѣднымъ лошадямъ, оставав-

шимся безъ корма, было плохо. Дѣло въ томъ, что на одномъ очень крутомъ спускѣ ящичный коренникъ, не сдержавъ напора всего груза, сразу сѣлъ на всѣ четыре ноги—и, конечно, обѣихъ оглобель какъ не бывало. Началась подѣлка новыхъ. Пока рубили, судили и рядили, прошло два часа. А между тѣмъ день клонился къ вечеру, и до ночлега оставалось далеко. На закатѣ солнца 3-я батарея подошла къ муха-эстатскому лагерю и здѣсь получила приказаніе остановиться. Она расположилась у подошвы Муха-Эстате и не трогалась до 8-го числа, а къ этому же времени подтянулась и 1-я батарея. Выступивъ изъ Тифлиса 2-го іюня тремя эшелонами, она въ три перехода достигла до Озургеты и отсюда должна была въ одинъ переходъ (28-мь верстъ) прибыть также въ муха-эстатскій лагерь, въ составъ кобулетскаго отряда. Но подвигъ оказался немыслимъ: продолжительный дождь обильно смочилъ глинистую дорогу, по которой слѣдовала батарея: на подъемы, даже и не особенно значительные, она взбиралась съ большимъ трудомъ; лошади падали и выбивались изъ силъ, скользя безполезно по землѣ; на одинъ довольно крутой подъемъ батарея взбиралась болѣе трехъ часовъ; прислуга положительно изнемогала отъ постоянной работы. При этомъ, надо еще замѣтить, что батарея, будучи задержана въ Озургетахъ до полудня 6-го іюня, по случаю ввинчиванія боевыхъ винтовъ въ снаряды, выступила только въ первомъ часу. При всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, нечего было и думать о томъ, чтобы сдѣлать полный переходъ. На полпути батарея была застигнута совершенною темнотою, которая таинственнымъ покровомъ обняла всѣ окрестности, и поневолѣ пришлось остановиться на раскисшей отъ дождя почвѣ. Люди свалились кто гдѣ попало, и лишь нѣкоторые нашли мало-мальски сухое мѣстечко; большинство же провело ночь какъ бы въ даровой холодной ваннѣ.

На другой день, обогрѣваясь и высушаясь на ходу, батарея въ полдень подошла къ Лельскому посту, находящемуся въ четырнадцати верстахъ отъ Озургетъ, и расположилась на привалъ. Офицеры, встрѣтившіе ее на посту, никакихъ утѣшительныхъ извѣстій о дальнѣйшей дорогѣ не сообщили; они даже увѣряли,

что мы до сихъ поръ собирали только цвѣточки. Въ виду этого, мѣшкать на привалѣ не приходилось, и батарея, простоявъ минутъ сорокъ, тронулась далѣе. Тутъ-то началась истинная пытка. Одно изъ орудій три раза претерпѣвало крушеніе, опрокидываясь словно отъ усталости. Причиною этому было множество пней, торчавшихъ повсюду, и размытыя дождевой водой глубокія колеи. Пройдя версту отъ Лельскаго поста, батарея вступила въ гигантскій дѣвственный лѣсъ. Просѣка здѣсь была до того узкая, что можно было пройти только въ одно орудіе; ящичныя подручныя и подсѣдельныя лошади въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ ложились на коренниковъ, изъ боязни зацѣпиться за деревья, а что касается до обоза въ четверочной упряжкѣ, то онъ вовсе не могъ двигаться: какъ ни жались лошади другъ къ другу, а въ иныхъ мѣстахъ никакъ не могли пролѣзть между безмолвно стоявшими деревьями, какъ бы издѣвавшимися надъ ихъ усиліями. Только одолѣли это горе тогда, когда четверочную запряжку перемѣнили на выносную. Хотя впереди батареи шла команда рабочихъ, снабженная всѣмъ шанцевымъ инструментомъ, и устраняла по возможности препятствія, но такъ какъ для этого требовалось время, то задержекъ было очень много. Наконецъ, къ одиннадцати часамъ ночи удалось выползти изъ окаяннаго лѣса. Немного отдохнувъ, батарея двинулась далѣе среди глубокаго мрака, но не прошла и версты, какъ наткнулась на новое препятствіе: на дорогѣ оказался мостъ черезъ какую-то болотистую рѣчку *). За темнотою, качествъ его разсмотрѣть было нельзя, поэтому волей-неволей двинулись наавось. 1-е орудіе прошло благополучно; но лишь вступило на него второе—знаменитое сооруженіе рухнуло, и орудіе исчезло подъ нимъ въ вязкой тинѣ вмѣстѣ съ дышловыми лошадьми. Что же теперь дѣлать? недоумѣвали выбившіеся изъ силъ солдаты. Но разсуждали недолго: вся батарея бросилась навыручку и, при невѣроятныхъ усиліяхъ, въ часъ ночи, отвозами вытянула орудіе на берегъ. Не обошлось, конечно, безъ криковъ и перебранки, но эти вспомогательныя средства только пріободряли солдатъ.

Перетащивъ злополучное орудіе на другой берегъ, приступи-

*) 3-я батарея черезъ этотъ мостъ не проходила.

ли тотчасъ же къ сооруженію мостовой пастилки—благо, что за лѣсомъ не пришлось ходить далеко; часа черезъ два пастилка была готова, и люди на рукахъ перетащили еще три орудія.

Переправившіяся орудія отправились подъ командою одного изъ офицеровъ въ муха-эстатскій лагерь, до котораго оставалось четыре версты; остальная же часть батареи расположилась на ночлегъ опять среди болота. Не смотря на это неудобство, черезъ часъ люди спали какъ убитые; слышалось только въ разныхъ мѣстахъ равномѣрное храпѣніе; съ коновязи доносилось фырканье и ржаніе ссорящихся между собою лошадей, да изрѣдка громкія и полныя внушительнаго содержанія укрощенія ѣздоваго. Пошелъ дождикъ, непріятно шлепая по лужамъ и совершенно безъ надобности прохлаждая спящихъ солдатъ. Тамъ, гдѣ-то въ сторонѣ, вздохнула и болѣзненно закашляла запаленая лошадь: въ другомъ мѣстѣ ѣздовой, вѣроятно желая пройти между лошадьми, а можетъ быть и по привычкѣ, прокричалъ „прими"! И все опять заснуло. Съ разсвѣтомъ вторая часть батареи была на ногахъ и немедленно приступила къ окончательной починкѣ моста. Черезъ два часа все было готово—и переходъ черезъ этотъ Рубиконъ совершился благополучно: къ восьми часамъ утра 3-я батарея была въ муха-эстатскомъ лагерѣ.

9-го числа обѣ батареи, соединившіяся на Муха-Эстате, тронулись, по приказанію начальника кобулетскаго отряда генералъ-маіора Деппбекова, на позицію Самеба. Разстояніе было не болѣе пятнадцати верстъ, и хотя дорога была разработана, но повсюду попадались спуски и подъемы. Чтобы облегчить движеніе, генералъ Деппбековъ велѣлъ оставить на половинѣ дороги всѣ мѣшки съ овсомъ, фашины и другія тяжести. На всѣхъ трудныхъ мѣстахъ были разставлены рабочія команды отъ пѣхотныхъ частей—и не будь сдѣлано заранѣе этихъ распоряженій, то батареи окончательно бы зарѣзали своихъ изнуренныхъ лошадей. 3-я батарея, не смотря на постоянную помощь рабочихъ, выбилась, однако, изъ силъ и остановилась въ полуторы верстѣ отъ самебской позиціи. Было совсѣмъ темно. Несчастныя лошади положительно отказывались везти; удары нагаекъ на нихъ не дѣйствова-

ли—да жалко и безчеловѣчно было бить этихъ животныхъ, пожертвовавшихъ уже всѣмъ запасомъ своихъ силъ. Много пособія оказала батареѣ гурійская дружина; только при ея посредствѣ завязшія орудія были, наконецъ, вытащены и доставлены на Самеба, гдѣ и заночевали, не доходя до предназначенныхъ для нихъ ложементовъ. Одно изъ важныхъ препятствій для обѣихъ батарей составилъ опять мостъ черезъ рѣку Кинтриши: настилка его была очень подозрительной прочности, а потому приходилось отпрягать орудія и ящики и перетаскивать ихъ въ одиночку на рукахъ. Первая батарея заночевала на хуцубанскихъ высотахъ и пришла на Самеба только на другой день, 10-го іюня. Съ восходомъ солнца, командиры батарей и офицеры отправились осматривать наши позиціи. Взорамъ ихъ представилась слѣдующая картина: по склону самебскаго хребта, идущаго съ юго-востока на сѣверо-западъ и оканчивающагося вдающимся въ море мысомъ, были расположены, на протяженіи приблизительно трехъ верстъ, наши войска. Видъ съ нашей позиціи былъ очаровательный: направо—Черное море, раскинувъ свою необъятную ширь, уходило въ даль, подернутую синею дымкою; впереди тянулся, параллельно съ самебскимъ хребтомъ, другой хребетъ Квирике, составлявшій первую, почти неприступную, линію турецкихъ укрѣпленій. Гигантскія вѣковыя деревья покрывали весь южный склонъ нашего самебскаго хребта, и около ложементовъ, назначенныхъ для орудій *), деревья были уже подпилены, въ ожиданіи того момента, когда нужно будетъ ихъ свалить, чтобы дѣйствовать изъ орудій. Сѣверный склонъ Самеба представлялъ довольно крутой спускъ къ рѣкѣ Кинтриши, которая оживленно катила свои волны къ морю. Она отдѣляла деинбековскій курганъ отъ Столовой и Самеба; эти же двѣ послѣднія высоты были отдѣлены отъ турецкихъ позицій на хребтѣ Квирике рѣкою Кинтышъ.

---

*) Каждый нашъ ложементъ былъ устроенъ на два орудія; для передковъ же и для одного заряднаго ящика на орудіе были приготовлены помѣщенія, вырытыя возлѣ дороги, проходившей по откосу ниже ложементовъ. Помѣщенія эти, углублявшіяся въ откосъ, отлично прикрывали передки и ящики отъ выстрѣловъ.

Почти изъ центра кивринской линіи прямо на насъ смотрѣла самая сильная, такъ называемая „желтая“ батарея; лѣвѣе—„поддубная“; далѣе, на правомъ флангѣ, на полускатѣ аджарскаго хребта, небольшая батарея изъ 11—12 горныхъ орудій, а вправо отъ желтой батареи—еще двѣ другія. За этими батареями и соединявшими ихъ блиндированными траншеями высилась вторая линія укрѣпленій по хребту Дегви, а за нею—неприступные цихисдзирскіе верки, восходившіе нѣсколькими террасами—фронтомъ къ равнинѣ рѣкъ Кинтриши и Чолока. Все пространство между нашими и турецкими позиціями было застлано густымъ лѣсомъ и пересѣчено множествомъ овраговъ, съ быстрыми въ глубинѣ ихъ потоками. Турки, какъ подземные гномы, все копали свои укрѣпленія—о чемъ можно было судить по видимымъ въ бинокль кучкамъ земли, выбрасываемымъ на поверхность бруствера какъ бы дѣйствіемъ невидимой силы. Всѣ пришли къ заключенію, что взять непріятельскую позицію открытою силою немыслимо. Осмотрѣвъ и подробно ознакомившись съ мѣстомъ расположенія турецкихъ батарей, артилеристы возвратились въ свои мѣста, для того, чтобы приступить къ разстановкѣ орудій въ ложементахъ. 1-я батарея установилась окончательно въ 11-ть часовъ пополудни 10-го іюня, третья же стала въ ложементы только къ пяти часамъ вечера. Въ каждомъ ложементѣ были устроены самими артилеристами маленькіе погребки, для помѣщенія въ нихъ 20-ти снарядовъ (по 10-ти на орудіе).

Для замаскированія артилеріи, прикрыли папоротникомъ какъ самыя орудія, такъ равно и брустверы ложементовъ. За средними эполементами каждой батареи расположились фельдшера, со всѣми необходимыми аптечными принадлежностями. Въ тылу батарей, около рѣки Кинтриши, размѣстились обозы и кухни. Отсюда до рѣки были разставлены люди съ ведрами для доставки на батареи воды. Офицеры, распорядившись установкою орудій, собрались въ группы. Сначала разговоръ пошелъ, такъ сказать, въ минорномъ тонѣ, съ разными неблагопріятными предположеніями насчетъ предстоящаго боя, но потомъ принялъ оживленный и веселый характеръ.

1-я и 3-я батареи 38-й артиллерійской бригады какъ-разъ подоспѣли къ тому дню, когда командующимъ войсками рѣшено было произвести усиленную рекогносцировку непріятельскихъ позицій—для выясненія совокупности оборонительныхъ средствъ противника, его численности, вооруженія укрѣпленій и способовъ нашей атаки. По диспозиціи на 11-е іюня, войска были раздѣлены на двѣ колонны и резервъ. Батареи 38-й артиллерійской бригады получили слѣдующее назначеніе: 1-я должна была заставить замолчать „желтую" батарею и послѣ того направить свой огонь противъ безчисленныхъ пѣхотныхъ ложементовъ—сообразно съ обстоятельствами боя; 3-й батареѣ предстояло дѣйствовать по „поддубной" непріятельской батареѣ.

Солдаты, утомленные дневными работами, уснули съ закатомъ солнца. Крѣпокъ и беззаботенъ былъ ихъ сонъ. Бодрствовали одни только часовые; шаги ихъ какъ-то особенно отдавались въ ночной торжественной тишинѣ. Гигантскій лѣсъ былъ тихъ и неподвиженъ, какъ будто и его сковало обаяніе теплой лѣтней ночи, и только вдали слышался прибой морскихъ волнъ, будто таинственный рокотъ невидимыхъ великановъ, ведущихъ непонятную для людскаго слуха бесѣду. Поднялся туманъ и обдалъ сыростью и прохладою все, попавшееся подъ его покровъ. Съ моря понесся шумъ, ясно доказывавшій, что броненосцы разводили пары. Значитъ, недолго и до разсвѣта. Дѣйствительно, въ лѣсу чирикнулъ жаворонокъ, подулъ прохладный вѣтерокъ, шевеля листьями деревьевъ и какъ бы пробуждая ихъ отъ сна—и запестрѣлъ дневной свѣтъ; силуэты часовыхъ стали яснѣе; кое-гдѣ послышались голоса и, наконецъ, совсѣмъ разсвѣло. Подпиленныя нами гигантскія деревья были повалены, пали съ трескомъ—и на турецкую позицію открылся широкій и свободный обстрѣлъ. Люди стали на свои мѣста, зарядили орудія и ожидали сигнальнаго выстрѣла.

Взошло солнце; громадныя тѣни расползлись по скатамъ горъ. На лѣвомъ нашемъ флангѣ взлетѣлъ бѣлый клубъ дыма, послышался трескъ орудія, затѣмъ шипѣнье и отдаленный разрывъ снаряда. Солдаты, снявъ шапки, набожно перекрестились—и секунды черезъ двѣ батареи заговорили. По пристрѣлкѣ, дистанція оказалась въ

1100 саженей. Двадцать шесть девяти-фунтовыхъ орудій нашего центра разомъ накинулись на непріятельскую позицію, и въ особенности на „желтую“ батарею; спустя нѣкоторое время, вступили въ состязаніе и батареи нашего праваго фланга, расположенныя на Столовой горѣ. Пальба была адская: окрестность ревѣла и гудѣла безъ перерыва. На батареяхъ то и дѣло слышалось шлепанье невидимыхъ въ дыму снарядовъ, которые либо оставались тутъ же, задержанные въ своемъ полетѣ, либо, коснувшись земли, отскакивали отъ нея и съ жалобнымъ воемъ неслись дальше.

1-я батарея, стрѣлявшая по непріятельской „желтой“ батареѣ, по прошествіи 35-ти минутъ заставила ее замолчать. Неизвѣстно, были ли турецкія орудія подбиты, или же, въ виду нашего губительнаго огня, до времени свезены съ батареи. Затѣмъ, турки два раза возобновляли съ этой батареи свою пальбу, но каждый разъ могли поддерживать ее не болѣе 10-ти минутъ. Съ такимъ же успѣхомъ 1-я батарея вела стрѣльбу и противъ амбразурной батареи, обративъ затѣмъ огонь, для подготовки атаки, на непріятельскіе стрѣлковые ложементы, и не переставая, между прочимъ, повременамъ бросать снаряды и на желтую батарею, для того, чтобы воспрепятствовать тамъ производству какихъ нибудь работъ. Съ открытіемъ огня по ложементамъ, гранаты непріятеля еще чаще начали падать на батарею, но прислуга, одушевляемая своимъ командиромъ полковникомъ Бучкіевымъ, стойко и хладнокровно исполняла свои обязанности.

Что касается 3-й батареи, то она цѣлый день исключительно была занята своею „поддубною“ соперницею. Послѣдняя значительно командовала надъ нею, а потому турки вели свое дѣло успѣшнѣе насъ. Къ тому же, ихъ батарея, будучи защищена надежнымъ брустверомъ, не могла нести значительныхъ потерь, а картечными гранатами мы дѣйствовать не могли, вслѣдствіе непродолжительнаго горѣнія нашихъ дистанціонныхъ трубокъ на разстояніи 1100 саженей.

Артиллеристы, стоя на своихъ батареяхъ и не принимая непосредственнаго участія въ наступленіи колоннъ, которое происходило по всей боевой линіи, конечно, не могутъ, въ качествѣ оче-

видцевъ, дать точнаго понятія о подробностяхъ боя на разныхъ пунктахъ; но обрисовать общую картину атаки, которая видна была съ батарей—для каждаго изъ артилеристовъ возможно, и для всякаго историческаго описанія весьма полезно, потому что, въ связи съ разсказомъ участниковъ, она дастъ рельефное изображеніе всего, что происходило.

Въ девять часовъ утра, когда повидимому атака была достаточно подготовлена, взвилась сигнальная ракета, зарокотали барабаны, перекликнулись между собою рожки, раздался торжественный звукъ гимна— и обѣ колонны наши двинулись. Впрочемъ, первая, имѣвшая назначеніемъ атаку центра, должна была отвлекать пока вниманіе турокъ и ждать, когда лѣвая колонна собьетъ правый флангъ непріятеля. За обѣими колоннами тронулся и резервъ, обязанный прикрыть долину Кинтриши и нашу артилерійскую позицію.

Войска вступили въ лѣсъ и шли пока безъ выстрѣла, поражаемыя, однако, сильнымъ артилерійскимъ, а вскорѣ и ужасающимъ ружейнымъ огнемъ противника. Густота лѣса, необыкновенная пересѣченность мѣстности, деревья, перевитыя ползучими и вьющимися растеніями, глубокіе овраги и, наконецъ, исчезновеніе проводниковъ, мало по малу привели наши наступныя колонны въ такое положеніе, что не только баталіоны, но даже роты разрознились на части, и многіе солдаты, по два и по три вмѣстѣ, блуждали туда и сюда, розыскивая дорогу. А между тѣмъ, съ каждымъ шагомъ потери были все чувствительнѣе, и хотя артилерія выбивалась изъ силъ, чтобы надлежащимъ образомъ поддержать атаку пѣхоты, но за то и противная сторона видимо пренебрегала всѣми нашими снарядами—лишь бы не допустить насъ къ цѣли. Издали видно было, какъ, наконецъ, баталіоны, шедшіе на разные пункты, почему-то сбились въ одну массу, и какъ турки, воспользовавшись этимъ, усилили свой огонь до неестественнаго напряженія. Сознаніе ли крайней опасности, или безвыходное положеніе заставили 1-й и 4-й стрѣлковые, а также пластунскій баталіоны броситься впередъ и занять гребень на лѣвомъ берегу Кинтыша. Съ этой минуты то и дѣло взлетали съ

гребня сотни бѣлыхъ дымковъ, вскрывая приникшихъ къ землѣ людей. Одни изъ нихъ приподнимались и тутъ же опять падали, не обнаруживая затѣмъ никакого движенія; другіе быстро и усердно обшаривали свои патронныя сумы; третьи сносили или сводили съ гребня своихъ товарищей, и всѣ вмѣстѣ изображали ту подвижную картину, которую навѣрное не передавалъ до сихъ поръ въ дѣйствительности еще ни одинъ живописецъ.

Черезъ нѣкоторое время баталіоны начали поротно спускаться съ занятой позиціи и, перебѣгая множество балокъ и промоинъ, приближались ко второму гребню, находившемуся противъ желтой батареи. Но такъ какъ между двумя гребнями были мѣстами совершенно открытыя поляны, на которыхъ непріятель поражалъ атакующихъ убійственнымъ сосредоточеннымъ огнемъ, то потери наши становились громадны. Сперва можно было подумать, что люди падаютъ отъ усталости; вслѣдъ затѣмъ приходилось разочаровываться, потому что, упавъ разъ, они болѣе не вставали.

Видя такъ близко передъ собою наши войска, турки, наконецъ, пустили въ ходъ свои картечницы—и въ воздухѣ поднялся непріятный дребезжащій звукъ. Подъ этимъ адскимъ огнемъ, наши солдаты не только подвигались впередъ, но и разрушали, кто чѣмъ попало, разныя препятствія, встрѣчавшіяся на пути. Но вотъ, пробивъ грудью нѣсколько ложементовъ и очистивъ ихъ штыками, добрались и до втораго гребня. Уже прямо передъ глазами грозныя турецкія батареи; уже можно въ лицо разсмотрѣть своего противника, еслибы онъ только выставился; наконецъ, нельзя ошибиться и въ томъ, что изъ связующихъ батареи траншей дула ружей направляются навыборъ. Атакующіе снова залегли; между ними и укрѣпленіями, къ которымъ стлалась гладкая и крутая площадка, оставалось не болѣе 150—200 шаговъ. Раздалось наше „ура"—и замолкло безслѣдно. А картечницы все продолжали громить. Спустя немного, еще разъ воздухъ огласился боевымъ кликомъ 1-го и 4-го стрѣлковыхъ баталіоновъ—и опять безъ послѣдствій: силъ нѣтъ; резервы отстали. Стрѣльба изъ турецкихъ орудій, при такой близости нашихъ войскъ, хотя и замолкла, но за то непрерывный гулъ и трескъ еще болѣе усили-

лись отъ ружейныхъ выстрѣловъ непріятеля. Къ этому времени онъ сосредоточилъ на своемъ правомъ флангѣ и центральныя войска, потому что колонна генерала Шелеметьева все ждала и въ рѣшительную атаку не переходила; поэтому, не было ничего удивительнаго, что наши передовыя части находились буквально и безусловно въ сферѣ какого-то свинцоваго ливня, пробиться сквозь который было бы даже безразсудно.

Во время послѣдней нашей атаки, нѣсколько турокъ, выбитыхъ изъ передовыхъ своихъ ложементовъ, бросились въ стоявшій позади небольшой домикъ и время отъ времени поражали оттуда тѣхъ изъ нашихъ солдатъ, которые почему либо приподнимались. Угомонить этихъ стрѣлковъ ружейными выстрѣлами было нельзя, поэтому командиръ роты, занимавшей ложементы, прислалъ въ 1-ю батарею одного изъ солдатъ, съ просьбою—освободить его отъ безпокойнаго сосѣдства. Батарея, послѣ продолжительнаго молчанія, отправила по назначенію три снаряда, и попавъ однимъ изъ нихъ въ крышу домика, зажгла его. Конечно, послѣ этого, выстрѣлы оттуда болѣе не повторялись, а на долю 1-й батареи выпало такимъ образомъ совершенно нечаянно завершить артилерійскій бой 11-го іюня.

Стало смеркаться. Штурма приказано было не возобновлять. Войска расположились на занятой позиціи. Резервы хотя и подтянулись, но не всѣ: часть изъ нихъ, заблудившись въ лѣсу, продолжала разыскивать дорогу. Съ наступленіемъ темноты приступили къ уборкѣ убитыхъ и раненыхъ. Первыхъ складывали въ одно мѣсто и предавали землѣ, а вторыхъ относили на перевязочный пунктъ, гдѣ доктора и фельдшера были положительно завалены работой.

Въ теченіе ночи турки не прекращали пальбы, ожидая съ минуты на минуту повторенія нашей атаки. Съ нашей же стороны лишь изрѣдка раздавался одиночный орудійный выстрѣлъ. Освѣтивъ на мгновеніе батарею, онъ перекатнымъ эхомъ нырялъ среди безмолвнаго лѣса и тамъ замиралъ въ заповѣдной тишинѣ. Всю ночь войска работали надъ возведеніемъ ложементовъ поспѣшной профили. Въ семь часовъ утра приказано было отступать. Войска

отходили небольшими частями, подъ охраною выстрѣловъ 1-й и 3-й батарей. Когда всѣ стянулись на правый берегъ Книтриши, то цѣпь, прикрывавшая отступленіе, сдѣлала послѣдній залпъ и, въ свою очередь, бросилась назадъ. По пути было поднято много раненыхъ, которыхъ наканунѣ не успѣли подобрать. Когда войска подошли къ прежнимъ своимъ позиціямъ, тогда только турки замѣтили ихъ отступленіе и всполошились. Артилерія ихъ участила огонь, а ружейныя пули роемъ засвистѣли надъ нашими батареями. Вскорѣ послышались звуки непріятельскихъ рожковъ, призывавшіе къ атакѣ. 3-я батарея, отличая въ бинокль наступающую турецкую цѣпь, открыла по ней огонь картечною гранатою, а 1-я, имѣя всего только по четыре снаряда и по одной картечи на орудіе, стрѣлять пока не могла, прибeрегая свои средства до болѣе рѣшительнаго момента боя. Вскорѣ, впрочемъ, къ ней подвезли снаряды, и она также открыла огонь по турецкимъ батареямъ.

Турки приближались. Уже ясно видны были черныя лица арабистанцевъ, и слышны ободряющіе взвизгиванья ихъ рожковъ... Наша пѣхота зарядила ружья, стояла безмолвно и ждала. Вдругъ, раздалась команда, что-то сильно щелкнуло, показалась длинная полоса дыма—и грохнулъ залпъ ружей. Но непріятель все грозно подавался впередъ и все ближе подходилъ къ батареямъ нашей линіи: прикрытіе штыками отбросило атакующихъ. Среди сильной ружейной трескотни, воздухъ непрерывно оглашался криками „алла". но наша пѣхота стояла какъ пригвожденная къ землѣ и на каждый возгласъ турокъ отвѣчала имъ дружными залпами. Залпы эти сливались съ раскатами орудійныхъ выстрѣловъ и окончательно заглушали всѣ боевые клики изступленныхъ арабистанцевъ. Послѣ нѣсколькихъ стремительныхъ атакъ, турки были отбиты, и понеся громадныя потери возвратились въ свой лагерь. Мѣсто, гдѣ происходили схватки, было усѣяно множествомъ непріятельскихъ труповъ. Къ вечеру все утихло. Войска провели ночь опять не смыкая глазъ; хотя всѣ были сильно утомлены, но поневолѣ приходилось бодрствовать, потому что турки могли снова повести атаку. Подобное

ожиданіе и постоянное нервное напряженіе продолжались до 16-й іюня.

Хотя усиленной рекогносцировкой 11-го іюня, обратившейся въ генеральное сраженіе, мы и достигли главной цѣли—выясненія силъ, боевыхъ средствъ и расположенія непріятельскихъ укрѣпленій, но за то она намъ досталась не дешево: среди общихъ потерь, въ 1-й батареѣ убитъ одинъ, ранено два нижнихъ чина; кромѣ этого убиты три лошади. Въ четырехъ орудіяхъ отъ сильной стрѣльбы повыгорали втулки и каморныя кольца преимущественно въ нижней своей части, вслѣдствіе чего получался сильнѣйшій прорывъ газовъ, и производство стрѣльбы изъ этихъ орудій было дѣломъ далеко не безопаснымъ. Кромѣ этого, матеріальная часть батареи была довольно сильно повреждена: три боевыя оси сломались, въ одномъ изъ орудій верхній кругъ шворневой воронки также сломался, другимъ осколкомъ гранаты разбито боевое колесо и поломаны банники, баклаги, порваны нѣкоторые хомуты и шлеи. Въ два дня боя батарея выпустила обыкновенныхъ гранатъ 488-мь и картечныхъ 554-ре; изъ нихъ 29-ть были съ ударною трубкою.

3-я батарея хотя понесла меньшія потери въ матеріальной части, но за то больше пострадала людьми. Она лишилась двухъ убитыхъ; одинъ изъ нихъ былъ наводчикъ, убитый 12-го іюня, при отраженіи атаки турокъ. Онъ только-что сѣлъ на лафетъ, желая навести орудіе, какъ тутъ же былъ пораженъ пулею въ лобъ и свернулся безъ звука голоса, обливъ площадку на казенной части своею кровью. Раненыхъ было пять человѣкъ; убито двѣ лошади, осколкомъ гранаты перебито одно колесо и разбито два банника. Въ два дня боя батарея выпустила почти полтора комплекта снарядовъ *) и 20-ть картечей.

Конечно, не будь у насъ ложементовъ—можетъ быть, немногимъ артилеристамъ пришлось вернуться съ поля сраженія; но ложементы и толстыя деревья сослужили свою полезную службу. Во время стремительныхъ атакъ непріятеля 12-го іюня, огонь съ

---

*) Гранатъ 683, картечныхъ гранатъ 576.

его стороны былъ до того силенъ, что не представлялось положительно никакой возможности стоять открытымъ, не подвергаясь большой вѣроятности быть убитымъ наповалъ нѣсколькими пулями сразу. Офицеры батареи, не будучи въ состояніи помѣститься въ ровикахъ, продѣланныхъ для прислуги каждаго орудія, избрали себѣ закрытыя мѣста за деревьями, и потомъ оказалось, что въ каждомъ такомъ деревѣ засѣло, на высотѣ роста человѣка, отъ 8-ми до 10-ти пуль. За то и турки, благодаря нашей картечи и картечнымъ гранатамъ безъ установки трубки, поплатились крѣпко: все пространство впереди батареи, какъ замѣчено выше, было покрыто ихъ трупами; многіе изъ нихъ валялись не болѣе какъ въ ста шагахъ отъ батареи.

Итакъ, весь отрядъ, въ томъ числѣ и наши батареи, стоялъ въ бездѣйствіи отъ 12-го по 16-е іюня. На ночь орудія постоянно заряжались картечью, и прислуга спала тутъ же, въ полной боевой готовности. Часто случались совершенно напрасныя тревоги: послышится гдѣ нибудь въ сторожевой цѣпи ружейный выстрѣлъ—и сейчасъ же раздаются другіе торопливые выстрѣлы, и затѣвается цѣлая перестрѣлка, которая, конечно, только даромъ тревожила утомленныхъ людей. Подобныя тревоги причиняли кобулетцы, которые, какъ шакалы, подкрадывались къ нашимъ часовымъ и пикетамъ и стрѣляли въ солдатъ. Неоднократные роковые случаи заставляли людей, поставленныхъ въ передовую цѣпь, быть особенно бдительными, и эта-то чрезмѣрная бдительность и напряженность были причиною совершенно напрасныхъ перестрѣлокъ.

16-го вечеромъ получено приказаніе объ отступленіи отряда на муха-эстатскую позицію. Для того, чтобы обозы не задерживали отряда, они были отправлены заблаговременно, вмѣстѣ съ вторыми и третьими зарядными ящиками отъ обѣихъ батарей. Съ наступленіемъ сумерокъ орудія были выкачены изъ ложементовъ; но чтобы ихъ исчезновеніе не было замѣчено турками, на ихъ мѣста положили на брустверы обрубки деревьевъ. Въ 9-ть часовъ вечера, когда окончательно стемнѣло, отрядъ началъ отступать: батареи заняли мѣста среди пѣхоты. Въ 10-ть часовъ вечера на Столовой горѣ оставался только 2-й стрѣлковый баталіонъ, который долженъ

былъ двинуться ровно въ полночь, а до тѣхъ поръ прикрывать отступавшія части правой колонны.

Ночь была темная, дорога грязная и трудная. Среди глубокаго мрака, все принимало какіе-то странные, фантастическіе образы: казалось, что лошади не шли, а плыли по какой-то неясной безднѣ, постоянно шлепая копытами; ѣздовые, покачиваясь въ сѣдлахъ и высовываясь изъ нихъ наполовину человѣческаго роста, представлялись какими-то ходульными вольтижерами; пѣхотные солдаты, слѣдовавшіе впереди, съ ранцами за плечами, казались какими-то сказочными горбунами. Тамъ и сямъ изрѣдка слышалось бряцанье манерокъ, лязгъ скрестившихся штыковъ и сердитое ворчанье усталыхъ солдатъ.

Въ 12-ть часовъ ночи отрядъ переправился въ бродъ черезъ рѣку Кинтриши; не малаго труда стоилъ батареямъ этотъ ночной переходъ по каменистой рѣчкѣ. По переправѣ, пошли далѣе. Грязная дорога потянулась непрерывнымъ подъемомъ на гору; тяжело было лошадямъ тянуть по этой невылазной грязи; только и слышалось ихъ учащенное дыханье и храпъ. На полпути, въ 3-й батареѣ сломалась оглобля, ящикъ остановился и загородилъ собою дорогу. Послѣ маленькой перебранки съ толпившимися позади пѣхотными солдатами, нѣсколько человѣкъ изъ нихъ сняли ранцы и явились на помощь. Скоро оглоблю подвязали, скрѣпили бичевкою, и ящикъ, переваливаясь съ боку на бокъ, двинулся далѣе.

17-го числа отрядъ началъ стягиваться на Муха-Эстате; 1-я батарея вступила туда въ шесть часовъ утра, а 3-я, будучи задержана различными препятствіями, прибыла уже за полдень. Турки, замѣтивъ наше отступленіе, хотѣли насъ преслѣдовать. Съ нашей позиціи видно было, какъ они перебѣгали и стрѣляли съ разныхъ пунктовъ, стараясь дослать намъ свои пули. Но труды ихъ были напрасны. Солдаты, утомленные тяжелымъ переходомъ, залегли въ полной боевой аммуниціи у заряженыхъ картечью орудій. Наступали сумерки.

18-го іюня, съ разсвѣтомъ, было получено извѣстіе о переходѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай. Радость была общая и непритвор-

ная. Въ девять часовъ утра войска собрались на молебствіе. Хотя турки не безпокоили отряда, но видно было, что они что-то устроивали на покинутой нами хуцубанской позиціи. Во время провозглашенія многолѣтія Государю Императору—грянулъ боевой залпъ изъ всѣхъ наличныхъ при отрядѣ орудій; эхо громкими раскатами перенесло его за далекія горы; гранаты роемъ полетѣли къ турецкой позиціи и оттуда дали вѣсть о себѣ дружнымъ, но болѣе сдержаннымъ отвѣтомъ. Облака пороховаго дыма медленно отплыли назадъ, и прислуга снова зарядила и навела. Послѣдовалъ другой залпъ. Турки, конечно, ничего подобнаго не ожидали. Выскочивъ изъ укрѣпленій и видя съ денибековскаго кургана, что у насъ войска въ сборѣ, они сперва безмолвно и съ любопытствомъ смотрѣли въ нашу сторону, но потомъ, когда раздался третій залпъ—открыли пальбу. Они продолжали обстрѣливать нашу позицію довольно сильнымъ огнемъ часа три, но особеннаго вреда нанести намъ не могли; только въ 1-й батареѣ убито двѣ лошади, 3-я же осталась безъ потерь. Выпустивъ въ отвѣтъ непріятелю 72-ва снаряда, батареи прекратили огонь.

19-го іюня обѣ батареи были направлены въ лагерь. Переночевавъ тамъ, онѣ на другой день, вмѣстѣ съ сотнею конной милиціи, въ часъ пополудни, выступили въ гор. Озургеты. Прощаясь съ ними, командующій войсками прочиталъ телеграмму Государя Великаго Князя, въ которой Его Высочество благодарилъ войска за молодецкое дѣло 11-го и 12-го іюня, и роздалъ въ батареи по два знака отличія. Съ полученными ранѣе крестами, каждая батарея имѣла въ это время по десяти георгіевскихъ кавалеровъ.

Батареи слѣдовали въ Озургеты черезъ Багильскій постъ. Здѣсь дорога хотя была и лучше той, которая шла черезъ Лельскій постъ, но все же грязная и трудная. 1-я батарея пришла въ Озургеты въ два часа ночи; лошади же 3-й батареи положительно выбились изъ силъ, и ей пришлось остановиться, чтобы покормить ихъ. Только утромъ 21-го іюня прибыла она въ городъ.

Съ прибытіемъ въ Озургеты, боевая дѣятельность 1-й батареи окончилась. Что же касается до 3-й батареи, то она была назначена въ ардаганскій отрядъ.

Въ виду этого новаго похода, цѣлый день въ Озургетахъ прошелъ среди большихъ хлопотъ: нужно было пополнить боевой комплектъ снарядовъ и зарядовъ, исправить матеріальную часть, замѣнить поломанныя ящичныя оглобли новыми, починить порвавшуюся и потертую аммуницію. Къ ночи все было готово, и 23-го іюня 3-я батарея выступила на станцію Самтреди. Переходъ этотъ былъ совершенъ въ два дня. Переночевавъ въ Самтреди, батарея 25-го іюня стала нагружаться поэшелонно на платформы желѣзной дороги. Живо кипѣло это дѣло въ рукахъ уже знакомыхъ съ нимъ солдатъ, и эшелоны одинъ за другимъ направлялись на станцію Михайлово. 1-й эшелонъ прибылъ туда утромъ 26-го числа: къ вечеру же стянулась и вся батарея.

На Михайловской станціи, 27-го іюня, подполковникъ Босяцкій временно сдалъ батарею штабсъ-капитану Прикащикову. Приказомъ по артилеріи кавказскаго военнаго округа отъ 16-го октября 1877-го года за № 668-мъ, онъ зачисленъ по полевой пѣшей артилеріи, а на его мѣсто назначенъ командиромъ батареи завѣдывавшій практическими занятіями гунибской крѣпостной артилеріи подполковникъ Петрашъ.

Того же числа батарея тронулась по шоссе въ гор. Ахалцыхъ. По пути не было никакихъ препятствій. Первый переходъ до мѣстечка Боржома (28-мь верстъ) былъ сдѣланъ къ пяти часамъ вечера, оттуда же до Ахалцыха (74-ре версты) батарея слѣдовала два дня.

Ахалцыхъ расположенъ по обоимъ берегахъ рѣки Посховъчай,—на лѣвой сторонѣ такъ называемый старый городъ, а на правой—новый. Старый городъ имѣетъ извилистыя улицы, низкіе, съ плоскими крышами, дома, обилуетъ грязью и нечистоплотностью; посерединѣ его, на обрывистой скалѣ, возвышается древняя цитадель, служащая помѣщеніемъ для крѣпостной артилеріи. Въ новомъ же городѣ улицы довольно прямыя и нѣкоторыя изъ нихъ даже вымощены.

Пройдя новый городъ, батарея расположилась бивакомъ. Послѣ дневки она тронулась, 1-го іюля, по ахалкалакской дорогѣ. Дорога эта рѣзко отличается отъ михайловскаго шоссе; невольно

чувствуешь, что съ каждымъ шагомъ удаляешься отъ цивилизованныхъ мѣстъ. Въ шести верстахъ отъ Ахалцыха начинается громадный подъемъ. Лошади даже въ усиленной запряжкѣ, съ лишними выносами, положительно отказывались двигаться: людямъ приходилось орудія и ящики тащить на своихъ плечахъ. Передвинутъ они ихъ съ страшными усиліями шаговъ на двадцать и, облитые потомъ, останавливаются; въ воздухѣ то и дѣло мелькали нагайки надъ несчастными взмыленными животными. Шесть часовъ продолжалось это мученіе, пока, наконецъ, вся батарея вытянулась на гору.

До ночлега, назначеннаго на станціи Идумалы, было еще далеко, а день клонился уже къ вечеру. Вслѣдъ за подъемомъ слѣдовалъ невообразимо крутой спускъ. Въ одномъ мѣстѣ, вѣроятно, для удобнаго по немъ восхожденія, онъ проложенъ по каменистому склону горы, въ видѣ ступеней. Хотя такого рода путь возможенъ только для пѣшеходовъ, но дѣлать нечего: пришлось попробовать его и артилеріи. Орудія и ящики все время поддерживались на лямкахъ, а бѣднымъ лошадямъ приходилось дѣлать страшныя усилія, чтобы сдерживать накатъ орудія или ящика и не дать имъ свернуться въ кручу. Цѣлую ночь билась и мучилась тутъ батарея, и только къ утру, истомленная и разбитая, пришла въ Идумалы. О выступленіи въ тотъ же день въ дальнѣйшій путь нечего было и думать—иначе можно было остаться и совсѣмъ безъ лошадей. Отдохнувъ цѣлый день, батарея 3-го іюля двинулась къ станціи Хертвисъ. Опять дорога потянулась по скалистой почвѣ, восходя на невѣроятные подъемы и нисходя по такимъ же спускамъ. Въ одномъ мѣстѣ, на спускѣ по каменистому грунту, съ правой стороны ея встрѣтился отвѣсный скалистый обрывъ, на днѣ котораго бурлила Кура. Требовалось большихъ усилій, чтобы не дать раскатившемуся орудію или ящику загудѣть, при этомъ поворотѣ, въ обрывъ. Въ особенности трудно было ящичнымъ коренникамъ, которые, не смотря на тормазъ и лямки, все-таки садились на заднія ноги. Въ Хертвисъ батарея пришла 3-го іюля подъ вечеръ, а на слѣдующій день достигла, наконецъ, до Ахалкалаки, сдѣлавъ отъ Ахалцыха 64-ре версты.

Здѣсь на дневкѣ она была осмотрѣна помощникомъ начальника артиллеріи дѣйствующаго корпуса полковникомъ Веверномъ и на утро выступила въ Ардаганъ. На протяженіи восьмидесяти слишкомъ верстъ до этого пункта, путь лежитъ по мѣстности, усѣянной мелкимъ камнемъ, будто нарочно набросаннымъ на нее; частью же онъ проходитъ по совершенному чернозему, который даже отъ незначительнаго дождя дѣлаетъ его трудно проходимымъ, облѣпливая собою промежутки между спицами колесъ. Дорога также не лишена крутыхъ каменистыхъ и глинистыхъ подъемовъ. Одинъ изъ такихъ подъемовъ, невдали отъ селенія Зурзуны, мало того, что очень крутъ, но вдобавокъ проходитъ еще между двумя каменными глыбами, образующими въ этомъ мѣстѣ ширину дороги какъ-разъ въ обрѣзъ для прохода орудія. Нужно очень много искусства для дышловаго ѣздоваго, чтобы провести орудіе, не задѣвъ его за одну изъ каменныхъ глыбъ На ровномъ мѣстѣ это, пожалуй, и не такъ затруднительно, но на большомъ подъемѣ, да еще съ крутыми заворотами, это не особенно легко. Первый переходъ батарея сдѣлала до селенія Карвахъ; второй, отъ Карзаха до с. Зурзуны, былъ очень тяжелъ. Дорога все время шла по берегу озера Хазапинъ. Бывшій наканунѣ дождикъ образовалъ липкую, черную грязь, которая, хватаясь за колеса, совсѣмъ тормазила орудія. За озеромъ стало еще труднѣе, потому что пришлось взбираться на гору *); на половинѣ ея былъ сдѣланъ довольно долгій привалъ. Вечеромъ пришли въ Зурзуны. Въ этотъ день батарея перешла границу, которая проходила какъ-разъ посерединѣ озера Хазапинъ.

Зурзуны —аулъ, населенный турками; послѣдніе не особенно дружелюбно поглядывали на солдатъ, которые однако этимъ не стѣснялись и, расхаживая по аулу, съ любопытствомъ разглядывали турокъ, стараясь завести съ ними знакомство. Но суровые

---

*) Гора эта называется красною, потому что вся состоитъ изъ красной глины. Останавливаюсь на довольно подробномъ описаніи ардаганской дороги потому, что дорога эта безошибочно можетъ назваться военною, но въ такомъ видѣ, въ какомъ она находилась въ минувшую кампанію и продолжаетъ находиться и по днесь, она будетъ сильно затруднять движеніе войскъ.

османы никакъ не поддавались на ихъ любезность, и на всѣ, повидимому, ласковые вопросы, въ родѣ такого, напримѣръ: „зачѣмъ твоя дорога пропалъ?“ отдѣлывались словомъ „бельмесъ“ (не понимаю) и, отворачиваясь, уходили въ сторону.

Отъ Зурзуны до Ардагана батарея дошла въ два перехода; дорога все также была „пропалъ“, какъ и предыдущая.

Подходя къ Ардагану, мы увидѣли остатки еще такъ недавно грозныхъ турецкихъ укрѣпленій. Всѣ они временной профили, но были между ними и долговременныя, сооруженныя по правиламъ новѣйшей фортификаціи. Глядя на бывшую твердыню, невольно каждый задавался вопросомъ: неужели она такъ легко пала въ одинъ день подъ ударомъ двухъ полковъ пѣхоты, и турки не съумѣли воспользоваться ею, чтобы продать намъ ее подороже?

Ардаганъ представлялъ собою груду развалинъ, грязи и мусора. Единственныя уцѣлѣвшія зданія—это турецкія казармы и госпиталь,—да и то, какъ уцѣлѣвшія! Вообще, Ардаганъ производилъ тяжелое впечатлѣніе; онъ напоминалъ собою брошенный или совершенно вымершій городъ; кое-гдѣ встрѣтишь только какого нибудь солдата, но и тотъ, повидимому побуждаемый непріятнымъ чувствомъ одиночества, спѣшитъ скорѣе къ своей части. Торговли на базарѣ не было никакой. Было 3—4 лавченки, открытыя какими-то пришельцами, но въ каждой изъ нихъ товара было если не на десять рублей, то навѣрное меньше. Дѣлать нечего! и за эту дрянь приходилось платить въ три-дорога.

Въ день прибытія въ Ардаганъ, 9-го іюля, 3-я батарея вступила въ составъ ардаганскаго отряда, бывшаго подъ начальствомъ командира 152-го пѣхотнаго владикавказскаго полка полковника Комарова. Самъ онъ и его штабъ расположились въ домѣ бывшаго коменданта (паши). Этотъ „домъ паши“ служилъ отличнымъ памятникомъ ардаганскаго погрома. Стѣны его верхнихъ этажей, сдѣланныя изъ деревянныхъ оштукатуренныхъ переплетовъ, буквально изрѣшечены пулями; на потолкахъ также массы слѣдовъ отъ рикошетовъ пуль; пробоины сгруппированы по большей части вокругъ оконъ: видно, что по этимъ окнамъ производилась прицѣльная стрѣльба противъ засѣвшихъ и, какъ говорятъ, упорно защи-

щавшихся тамъ турокъ. Къ приходу батареи, въ Ардаганѣ, кромѣ штаба начальника отряда, было почтовое и телеграфное полевыя отдѣленія, управленіе краемъ, военно-временный госпиталь и разные склады. Въ Ардаганѣ одна полубатарея успѣла отдохнуть хорошо, но все же скучно было стоять въ совершенномъ бездѣйствіи; притомъ, и самая мѣстность, говоря по правдѣ, располагала къ унынію: однообразная, лишенная всякаго оживленія окрестность, наводила какую-то ноющую тоску на душу; хотѣлось поскорѣе бѣжать куда нибудь. Что касается другой полубатареи, а именно: 2-го и 3-го взводовъ, то они, подъ командою штабсъ-капитана Тупицына 1-го, были двинуты 10-го іюля, подъ прикрытіемъ роты пятигорскаго пѣхотнаго и александропольскаго крѣпостнаго полковъ, съ частью казаковъ, обратно въ селеніе Зурзуны. Колонна эта была сформирована въ виду извѣстія о наступленіи турокъ изъ Карса въ Ардаганъ, черезъ сел. Зурзуны. Выступивъ въ 11-ть часовъ пополудни, полубатарея въ два часа ночи прибыла въ Зурзуны, сдѣлавъ 45-ть верстъ. Тотчасъ же была занята позиція и, не смотря на утомленіе людей, приступлено къ устройству укрѣпленій. Дѣло закипѣло—и къ вечеру 11-го числа для орудій были выкопаны ложементы, а для передковъ и ящиковъ устроены прикрытія изъ земли и дерна.

12-го числа, съ утра, въ с. Зурзуны все было спокойно, и отрядъ отдыхалъ отъ работъ. Вдругъ, часовъ въ пять вечера прискакалъ къ начальнику отряда казакъ изъ разъѣздной цѣпи и доложилъ впопыхахъ, что по берегу Чалдырскаго озера, въ шести верстахъ отъ Зурзуны, стелется громадный столбъ пыли, какъ будто отъ движенія большаго числа кавалеріи. На вопросъ, сдѣланный казаку: почему же вы не подъѣхали ближе и не разсмотрѣли въ чемъ дѣло; можетъ быть, это толпа конныхъ жителей? онъ отвѣчалъ: „никакъ нѣтъ, пыли дюже много; а не подъѣхали затѣмъ, что не приказано отъѣзжать дальше шести верстъ отъ аула". И дѣйствительно, резонъ: десяти человѣкамъ, находившимся въ ведетѣ, рисковано было предпринять подобную рекогносцировку.

По полученіи этого извѣстія, отряду приказано было быть готовымъ къ бою и на ночь усилить мѣры охраненія. Ночью

одинъ изъ жителей подтвердилъ донесеніе казака, сказавъ, что по берегу Чалдырскаго озера, верстахъ въ восьми отъ Зурзуны, расположился отрядъ турецкихъ войскъ. Всѣ были увѣрены, что къ утру этотъ отрядъ, продолжая свое движеніе къ Ардагану, не замедлитъ наткнуться на насъ и завяжетъ бой. Съ разсвѣтомъ взоры всѣхъ обратились на дорогу къ Чалдырскому озеру. Ждали долго, направляя туда бинокли; но ничего не было видно, и обозрѣваемая даль была полна неизвѣстности и таинственности. Послали, наконецъ, казаковъ, чтобы узнать что нибудь положительное. Скоро они привезли извѣстіе, что на берегу озера дѣйствительно расположенъ какой-то непріятельскій отрядъ, но что онъ и не думаетъ двигаться. Впослѣдствіи оказалось, что это была турецкая кавалерія, численностью до 2000 человѣкъ, которая вѣроятно шла къ Ардагану, но узнавъ, что въ Зурзунахъ находятся наши войска, не рѣшилась продолжать дальнѣйшаго движенія, и простоявъ въ бездѣйствіи три дня, возвратилась по дорогѣ на Карсъ.

Въ Ардаганѣ принялъ 3-ю батарею командиръ подполковникъ Петрашъ. 16-го іюля послѣдовало новое приказаніе относительно 3-й батареи 38-й бригады. Всѣ сначала обрадовались, думая, что батарея будетъ направлена въ главныя силы, но не тутъ-то было: велѣно первый взводъ выдвинуть на позицію верстъ за 12-ть отъ Ардагана, къ сел. Алагезъ. Это движеніе было вызвано необходимостью имѣть впереди Ардагана передовой отрядъ, который бы могъ наблюдать за могущими появиться турецкими войсками, тѣмъ болѣе, что носились слухи о выступившихъ изъ Ольты непріятельскихъ силахъ. Дорога отъ Ардагана до Алагеза совсѣмъ неудобна для артиллеріи, такъ какъ на ней попадаются слишкомъ крутые подъемы и спуски: на послѣднихъ орудія и ящики приходилось спускать на рукахъ. Выступивъ рано утромъ 17-го іюля, 1-й взводъ, подъ командою поручика Тупицына 2-го, только въ сумерки подтянулся къ Алагезу и простоялъ на этой позиціи до 28-го іюля. Турки не показывались, и отрядъ вполнѣ бездѣйствовалъ.

23-го іюля отрядъ изъ Зурзуны выступилъ обратно въ Ардаганъ. Первый переходъ былъ сдѣланъ до сел. Беграхатунъ; 24-го числа, въ полдень, полубатарея прибыла въ Ардаганъ, а 25-го второй

взводъ, подъ командою поручика Поспѣлова, былъ направленъ на присоединеніе къ 1-му взводу на Алагезъ—для дальнѣйшаго движенія вмѣстѣ съ нимъ въ главныя силы.

И такъ, съ 25-го іюля 3-я батарея раздѣляется на двѣ совершенно отдѣльно дѣйствующія полубатареи: 1-я полубатарея, подъ командою подполковника Петраша, съ штабсъ-капитаномъ Прикащиковымъ и поручиками Тупицынымъ 2-мъ и Поспѣловымъ, направилась въ главныя силы, а 2-я полубатарея, подъ командою штабсъ-капитана Тупицына 1-го, съ прапорщиками Шосте и Поповымъ, осталась въ ардаганскомъ отрядѣ.

Ардаганскій отрядъ, за убылью изъ него значительной части въ главныя силы, сократился весьма замѣтно *). Командованіе имъ было поручено подполковнику Браганскому.

По 15-е августа въ ардаганскомъ отрядѣ все было спокойно. Носились, правда, слухи, что какія-то турецкія войска расположены по дорогѣ отъ Ольты къ Ардагану, по сколько ихъ и существуютъ ли они на самомъ дѣлѣ—объ этомъ пока положительныхъ извѣстій не было. Подполковникъ Браганскій, въ виду малочисленности своего отряда, не могъ двинуться впередъ, потому что тогда пришлось бы оставить Ардаганъ почти безъ войскъ. Къ половинѣ августа слухи о близкомъ сосѣдствѣ турокъ начали усиливаться, и 14-го августа пришло извѣстіе, что впереди Ардагана, около сел. Пеняка, расположился отрядъ непріятеля, численностью приблизительно до десяти тысячъ, и что онъ намѣренъ идти къ Ардагану, для того, чтобы, пользуясь малочисленностью нашихъ силъ, отнять у насъ его обратно.

Неизвѣстно, такъ ли дѣйствительно думали турки; но довольно того, что такъ говорили въ Ардаганѣ. Такъ какъ съ 2½ баталіонами отстаивать цѣлую крѣпость очень трудно, то подполковникъ Браганскій приказалъ полубатареѣ 38-й бригады занять укрѣпленіе Кая-Баши, находящееся близъ дороги, ведущей изъ Ахалкалаки въ Ардаганъ. Не смотря на наступившій уже мракъ, полубатарея запрягла орудія и потянулась въ гору по шоссе, устроенному

*) 2½ баталіона, полубатарея 3-й батареи 38-й бригады, полубатарея 6-й батареи 20-й бригады и одна сотня казаковъ.

турками. Прибывъ въ укрѣпленіе, она стала повзводно за турецкими валами; но такъ какъ послѣдніе не были приспособлены для стрѣльбы по направленію къ городу *), то артиллеристамъ самимъ пришлось дѣлать нѣкоторыя приспособленія. Работа шла съ замѣчательною поспѣшностью, потому что на утро ожидали появленія турокъ. Пѣхота была распредѣлена поротно по различнымъ ардаганскимъ укрѣпленіямъ. Рѣшено было драться до послѣдней капли крови. Ночь, конечно, провели безъ сна. Какъ на зло, и ночь-то была мрачная: свинцовыя тучи заволокли все небо, мракъ былъ непроглядный, изрѣдка на горизонтѣ блистала молнія, и слышались очень отдаленные раскаты грома. Каждый, даже незначительный, шорохъ привлекалъ вниманіе солдатъ: всѣмъ почему-то казалось, что турки, пользуясь темнотою, незамѣтно подкрадываются къ намъ, чтобы застать насъ врасплохъ, и вслѣдствіе этого нервное напряженіе у людей было особенно сильно.

Но вотъ, на востокѣ забрезжилъ свѣтъ; у всѣхъ отлегло отъ сердца. По мѣрѣ того, какъ разсвѣтало, всѣ съ любопытствомъ всматривались въ даль, думая увидѣть турокъ, но ничего пока не видѣли. Наконецъ, и совсѣмъ разсвѣло—а турки не показывались, и на этотъ разъ дѣло кончилось однимъ только томительнымъ ожиданіемъ. Думали тогда, что турки, по своей нерѣшительности, боялись насъ атаковать, и дальше своего Пеняка не отходили. Но еслибы это было даже и справедливо, то все же положеніе малочисленнаго ардаганскаго отряда было крайне затруднительное, тѣмъ болѣе, что люди были утомлены постоянною караульною и сторожевою службою, а невдалекѣ рыскалъ съ своимъ партизанскимъ отрядомъ извѣстный нашъ борчалинскій разбойникъ Меграли, бѣжавшій въ Турцію отъ преслѣдованія нашей власти до открытія войны и тамъ заслужившій довѣріе правительства и его милости. Никто не могъ поручиться за то, что Меграли въ темную ночь не сдѣлаетъ налета на Ардаганъ. Въ виду этого, къ Ардагану начали мало по малу подходить подкрѣпленія, въ числѣ которыхъ къ 1-му сентября подтянулись и три взвода 5-й батареи

---

*) Изъ Кая-Баши обстрѣливается все мѣсто, прилегающее къ ахалкалакской дорогѣ.

38-й артиллерійской бригады.

Эта батарея, какъ уже извѣстно, находилась все время въ Тифлисѣ, тревожимая постоянными извѣстіями о выступленіи въ походъ. Не взирая на эти тревоги, она продолжала свои обычныя занятія, и 17-го августа, утромъ, выѣхала на конное ученье. Когда оно окончилось и возвратились въ лагерь, командиръ батареи получилъ предписаніе окружнаго штаба о немедленномъ выступленіи въ Ахалцыхъ. Все въ лагерѣ моментально оживилось, и лица солдатъ буквально расплывались отъ удовольствія. Начались сборы. Къ вечеру 5-я батарея прибыла на станцію желѣзной дороги и быстро нагрузилась.

Такъ какъ движеніе было назначено на утро, а у станціи не было заготовлено фуража, то командиръ батареи, нагрузивъ орудія и часть ящиковъ, отправилъ лошадей, вмѣстѣ съ ѣздовыми, обратно на Веру; всѣ же остальные люди остались ночевать на вокзалѣ. 18-го августа тронулся 1-й эшелонъ; въ полдень привели лошадей и приступили къ вводу ихъ въ вагоны; съ упрямыми поступали совершенно тождественно съ 3-й батареей, гдѣ практиковалась система насильственнаго впихиванія. Часовъ въ 5-ть пополудни тронулся и 2-й эшелонъ, нагруженный оставшимися повозками и частью лошадей; наконецъ, часовъ въ 11-ть вечера тронулись и остальныя лошади батареи. 19-го утромъ 5-я батарея стояла на станціи Михайлово. Составъ ея офицеровъ былъ слѣдующій: подполковникъ Шредерсъ, штабсъ-капитанъ Затеплинскій, поручикъ Подеревскій, прапорщики Бѣльковичъ и Ломиковскій (капитанъ Славинскій былъ уже командиромъ парка).

Переходъ до Ахалцыха былъ совершенъ въ три дня безъ всякихъ приключеній и задержекъ. 21-го августа, въ полдень, батарея прибыла въ Ахалцыхъ и остановилась бивакомъ за новымъ городомъ. Съ этого дня она вступила въ составъ войскъ ардаганскаго отряда, бывшаго въ то время подъ командою генералъ-маіора Кузьминскаго. Войска, расположенныя въ Ахалцыхѣ, также входили въ составъ ардаганскаго отряда и находились подъ непосредственнымъ начальствомъ командира 151-го пѣхотнаго пятигорскаго полка полковника Бучкіева, который встрѣтилъ ба-

тарею, поздравилъ ее со вступленіемъ въ дѣйствующія силы арміи и затѣмъ пригласилъ офицеровъ на обѣдъ.

На другой день потребовалось двинуть одинъ взводъ артиллеріи за 20-ть верстъ отъ Ахалцыха, на высоты Годерзъ *).

Назначеніе пало на вновь прибывшую 5-ю батарею, но такъ какъ дорога не была хорошо извѣстна, то для осмотра ея былъ командированъ поручикъ Подеревскій. Оказалось, что она не вездѣ проходима для артиллеріи, поэтому пришлось обождать съ отправкою взвода до окончательнаго ея исправленія. Въ періодъ этого ожиданія послѣдовало предписаніе генералъ-маіора Кузьминскаго о прибытіи батареи въ Ардаганъ. 26-го августа она выступила туда въ составѣ шести орудій, подъ прикрытіемъ роты 151-го пѣхотнаго пятигорскаго полка; два орудія, подъ командою поручика Подеревскаго, остались въ Ахалцыхѣ, ожидая возможности быть направленными на Годерзъ.

Денекъ обѣщалъ быть сѣренькимъ, и такъ какъ переходъ предстоялъ довольно солидный (до ст. Цдумалы), то этому, конечно, всѣ были рады; но не успѣли сдѣлать и трехъ верстъ, какъ пошелъ дождь, горизонтъ кругомъ завѣсило тучами, и дорога раскисла—а впереди предстояла непріятная перспектива подниматься на ужасающій подъемъ. И дѣйствительно, совсѣмъ замучилась батарея на этомъ подъемѣ: глинистый грунтъ превратился въ скользкую грязь, лошади дѣлали каждый шагъ съ неимовѣрными усиліями, орудія приходилось вытаскивать на людяхъ. Пѣхота хотя и помогала артиллеристамъ насколько могла, но на половинѣ подъема выбилась изъ силъ. Люди и лошади ежеминутно должны были пріостанавливаться и отдыхать, а дождь немилосердно продолжалъ хлестать, смачивая все до послѣдней нитки. Какъ былъ труденъ этотъ подъемъ—можно уже судить изъ того, что батарея, пріійдя къ подошвѣ его въ 9-ть часовъ утра, только въ сумерки взобралась наверхъ. Привалъ сдѣлать было нельзя, чтобы не очутиться, съ наступленіемъ ночи, на каменныхъ ступенькахъ спуска; однако, не смотря на это, темнота все же захватила

*) Высоты Годерзъ лежатъ на лѣвомъ берегу р. Посховъ-чай, вправо отъ дороги, соединяющей Ахалцыхъ съ Ардаганомъ.

батарею на самыхъ ступенькахъ. Въ одномъ мѣстѣ подполковникъ Шредерсъ, садясь на лошадь, былъ ею сброшенъ, но, къ счастью, отдѣлался благополучно. Ночь окончательно вступила въ свои права: батарея все еще двигалась, растянувшись по крайней мѣрѣ версты на двѣ; далеко позади и впереди слышно было громыханье орудій; мракъ былъ до того силенъ, что въ пяти шагахъ ничего не видать. Пѣхотное прикрытіе сильно отстало и при батареѣ шло не болѣе двадцати человѣкъ; но и они были такъ утомлены подъ тяжестью своихъ ранцевъ, что едва передвигали ноги. Дождь пересталъ, но свинцовыя тучи еще ниже спустились надъ землею. Съ правой стороны дороги, по каменистому руслу, бурлила Кура—и странно какъ-то сливался шумъ ея волнъ съ однообразнымъ стукомъ орудій. Наконецъ, вдали мелькнулъ огонекъ. Это—станція. Чѣмъ ближе къ ней—тѣмъ свѣтъ яснѣе и ярче, и скоро, къ несказанному удовольствію, послышалась команда: „первое орудіе, стой ровняйсь"! Слава Богу, значитъ пришли!

Вся 5-я батарея стягивалась около часа; орудій, конечно, съ передковъ не снимали, а усталымъ лошадямъ поспѣшили заложить сѣна. Мигомъ все утихло; слышенъ былъ только говоръ Куры, да усиленныя движенія лошадиныхъ челюстей, пережевывавшихъ съ большимъ, надо полагать, апетитомъ свой кормъ. Пѣхотное прикрытіе такъ и не пришло въ эту ночь на станцію; оно подтянулось только утромъ.

Взошло солнце, день обѣщалъ быть хорошимъ. 5-я батарея выступила съ ночлега уже за полдень; дорога подсохла, лошади вздохнули и, будучи сытно накормлены, тронулись бодро въ путь. До Хертвиса батарея дошла безъ всякихъ приключеній и пришла туда къ закату солнца, хотя на каменистомъ спускѣ, съ крутымъ заворотомъ надъ обрывомъ, и пришлось замѣшкаться. Въ Хертвисѣ батарея расположилась на берегу Куры. Если вѣрить разсказамъ жителей, то она на этой станціи подвергалась очень серьезной опасности, потому что Меграли, узнавъ о выступленіи изъ Ахалцыха нашей небольшой колонны, имѣлъ въ виду перерѣзать ей путь, и будто бы захватить ее даже въ плѣнъ. Для этого

онъ, съ своимъ отрядомъ, направился въ сел. Хертвисъ, зная, что колонна не можетъ миновать этого селенія. Но прійдя въ Хертвисъ, Меграли не засталъ тамъ 5-й батареи, такъ какъ она на другой день, т. е. 28-го августа, въ полдень вступила въ Ахалкалаки, измучившись порядкомъ на невѣроятно крутомъ подъемѣ, ведущемъ изъ ущелья въ самый городъ. Въ Ахалкалакахъ была сначала назначена дневка, и батарея, оставаясь на окраинѣ города, была вполнѣ увѣрена, что завтра ей будетъ полнѣйшій отдыхъ; но часа черезъ три пришло предписаніе отъ начальника ардаганскаго отряда генералъ-маіора Кузьминскаго, чтобы немедленно же и форсированнымъ маршемъ двигаться въ Ардаганъ, сдѣлавъ весь путь въ три перехода. Конечно, о дневкѣ нечего было и думать, и на другой же день батарея тронулась по невообразимо каменистой дорогѣ въ Ардаганъ. При прохожденіи черезъ сел. Вагіанъ, въ шести верстахъ отъ Ахалкалаки, 5-я батарея была встрѣчена армянскимъ духовенствомъ, которое отслужило для нея напутственный молебенъ. Изъ Ахалкалаки съ батареею тронулось походное казначейство, направлявшееся также въ Ардаганъ, и команда выздоровѣвшихъ нижнихъ чиновъ владикавказскаго пѣхотнаго полка: она шла съ ружьями, въ полной боевой готовности. Первый переходъ сдѣлали до Карзаха (около 28-ми верстъ отъ Ахалкалаки). Изъ Карзаха выступили рано утромъ. Дорога до Зурзуны, черезъ красную гору, сама по себѣ очень трудна, а тутъ, какъ на зло, пошелъ еще дождь, всегда такъ не вовремя преслѣдовавшій батарею. Вслѣдствіе медленности движенія батарея только въ сумерки пришла въ Зурзуны. Опять суровыя лица турокъ недружелюбно поглядывали на нее. Цѣлую ночь шелъ безостановочно дождь; дорога вслѣдствіе этого окончательно раскисла, а 5-я батарея, между прочимъ, должна была, сдѣлавъ переходъ въ 45-ть верстъ, придти въ Ардаганъ. Съ разсвѣтомъ, 31-го, она тронулась, шла очень медленно, а дождикъ все моросилъ. Перевалило уже далеко за полдень, а батарея еще и половины дороги не сдѣлала. Лошади устали до крайности. Сдѣлали привалъ и тронулись дальше; стало уже совсѣмъ вечерѣть, и показался аулъ Ольчакъ. Отъ Ольчака до Ардагана оставалось цѣ-

лыхъ 12-ть верстъ; лошади же выбивались изъ силъ. Рѣшено было поэтому остановиться на ночлегъ въ Ольчакѣ.

Ночью, стоявшіе въ сторожевой цѣпи казаки *) завязали перестрѣлку съ какими-то таинственными всадниками, которые подъѣзжали къ нашей цѣпи на извѣстное разстояніе, стрѣляли и потомъ исчезали. Предполагали, что это были или передовые разъѣзды изъ шайки Меграли, или просто вооруженные жители, которые въ этихъ мѣстахъ вообще относились къ намъ недружелюбно. Послѣднее предположеніе вѣрнѣе. Перестрѣлка была рѣдкая и длилась недолго, такъ что въ отрядѣ не было даже и тревоги. Переночевавъ въ Ольчакѣ, 5-я батарея рано утромъ 1-го сентября тронулась въ Ардаганъ: дождикъ перерсталъ, но небо продолжало быть пасмурнымъ. Пришли въ Ардаганъ въ полдень и расположились лагеремъ близь укрѣпленія Ахали, находящагося между фортами Дюзъ-Табія и Сингеръ. Въ Сингерѣ и смежномъ съ нимъ Казъ-Тепеси была расположена 2-я полубатарея 3-й батареи 38-й бригады. Конечно, офицеры полубатареи—штабсъ-капитанъ Тупицынъ и прапорщикъ Шосте **) вышли навстрѣчу и пригласили гостей къ себѣ. Начались, конечно, вопросы о томъ, не слыхать ли чего особеннаго. Но особеннаго ничего не было; говорили, что верстахъ въ 25-ти отъ Ардагана, по дорогѣ въ Ольты, стоитъ значительный непріятельскій отрядъ, и что поэтому положеніе нашего отряда несовсѣмъ безопасно; говорили также, что съ прибытіемъ подкрѣпленій непремѣнно предпріймутъ наступательныя дѣйствія противъ этого отряда, но все это сообщалось какъ слухъ, придавать которому достовѣрное значеніе не было никакого основанія. 2-го сентября вечеромъ слухъ этотъ, впрочемъ, подтвердился официальнымъ образомъ, такъ какъ получено было приказаніе о выступленіи на другой день по ольтинской дорогѣ для разслѣдованія стоявшихъ тамъ силъ непріятеля. Для движенія были назначены: 5-я батарея и взводъ 3-й батареи.

---

*) Казаки эти занимали постоянный кордонъ въ Ольчакѣ.

**) Прапорщикъ Поповъ пришелъ въ Ардаганъ вмѣстѣ съ пятой батареей; онъ былъ командированъ въ Ахалкалаки съ испортившимся оружіемъ, и встрѣтивъ тамъ 5-ю батарею, возвратился съ нею обратно въ Ардаганъ.

Стали готовиться. Ночью два орудія 3-й батареи вывезли изъ укрѣпленія, въ мѣшки уложили фуража на четыре дня, людямъ роздали такой же запасъ сухарей — и прочая, и взводъ 3-й батареи, подъ командою штабсъ-капитана Тупицына, а также и 5-я батарея, въ 8-мь часовъ утра 3-го сентября стояли совсѣмъ готовые къ выступленію на сборномъ пунктѣ и ждали только прибытія начальника отряда. Пріѣхалъ генералъ, поздоровался съ людьми, и отрядъ тронулся въ путь. День былъ солнечный и жаркій, а потому, какъ люди такъ и лошади начали скоро уставать. Въ восьми верстахъ отъ Ардагана пришлось подняться на очень крутой, хотя и не особенно длинный подъемъ; уже совсѣмъ вечеромъ отрядъ подтянулся къ мосту, переброшенному черезъ Куру, пройдя отъ Ардагана около 25-ти верстъ. Черезъ мостъ не переходили, а приказано было остановиться на этомъ же берегу Куры; на противуположный же берегъ отъ отряда была выслана сторожевая часть, въ составъ которой былъ назначенъ и взводъ отъ 5-й батареи, подъ командою штабсъ-капитана Затеплинскаго. Сторожевая часть, переправившись на другой берегъ, заняла гребень впереди лежащей горы, отойдя версты три отъ главныхъ силъ отряда. Ночью было все спокойно. Утромъ 4-го сентября генералъ Кузьминскій рѣшился продолжать наступательныя дѣйствія; отрядъ собрался, и начался переходъ на противуположный берегъ Куры. Хотя, казалось бы, переправа по мосту не должна была быть слишкомъ мѣшкотной, но на дѣлѣ вышло иное. Мостъ былъ не только очень ветхій и гнилой, но даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не имѣлъ и настилки, обнажая только свои толстыя, но уже сильно пострадавшія отъ времени балки. Пѣхота по частямъ все-таки переправилась черезъ него, артиллеріи же и кавалеріи пришлось искать брода, который и былъ вскорѣ найденъ немного пониже.

Вода въ этомъ мѣстѣ была довольно глубока, такъ что даже закрывала собою дно ящика, не подмочивъ однако зарядовъ. Главное же препятствіе встрѣтилось въ каменистомъ ложѣ, неровность котораго постоянно угрожала наденіемъ орудію или ящику. Послѣ переправы, дорога почти сейчасъ же пошла въ гору непре-

рывнымъ и крутымъ подъемомъ до позиціи, на которой расположился на ночь нашъ отрядъ. Два взвода 5-й батареи пристроились лѣвѣе стоявшаго въ полной боевой готовности взвода штабсъ-капитана Затеплинскаго; лѣвѣе же полубатареи 5-й батареи сталъ взводъ Тупицына. Позиція на этотъ разъ была удобна почти во всѣхъ отношеніяхъ: мы стояли какъ-разъ на перевалѣ. Позади, сейчасъ же за орудіями, начинался спускъ, такъ что передки наши, имѣя естественное, устроенное самой природой закрытіе, были совершенно внѣ взоровъ непріятеля. Впереди мѣстность спускалась крутымъ обрывомъ, такъ что для насъ, стоявшихъ наверху, можно было отлично наблюдать и слѣдить за дѣйствіемъ нашихъ снарядовъ; непріятельскіе же снаряды не могли бы наносить намъ особеннаго вреда, такъ какъ нужно было для этого, чтобы снарядъ попалъ либо въ самое орудіе, либо уже очень близко отъ него; недолеты же или перелеты можно было считать окончательно безвредными. Въ первомъ случаѣ снарядъ зарывался бы глубоко въ наклонную плоскость спуска, во второмъ же онъ, не встрѣчая никакого препятствія, падалъ бы Богъ знатъ гдѣ, чуть ли не у берега Куры.

Рѣшено было на этой позиціи встрѣтить непріятеля. Остановились, снялись съ передковъ и ждемъ.

Вдали виднѣлись синѣющія и видимо покрытыя лѣсомъ горы, освѣщенныя яркимъ солнцемъ: ближе—накошенные стога сѣна. Но возлѣ нихъ не было ни одного живаго существа, и этотъ пунктъ картины, съ ея полнымъ безмолвіемъ, былъ весьма соблазнителенъ для артилеріи и кавалеріи: такъ и тянуло къ этому даровому, брошенному на произволъ судьбы, сухому фуражу. Еще ближе—черной змѣйкой вилась изъ за горы узкая дорога; на нее были наведены наши орудія.

Отрядъ стоялъ въ ожиданіи, и многіе были того мнѣнія, что эта остановка совершенно лишняя и слѣдовало бы наступать. Такими соображеніями руководило, конечно, нетерпѣніе и желаніе скорѣе посчитаться съ турками: но начальникъ отряда не торопился и поджидалъ посланныхъ на развѣдку казаковъ. Черезъ часъ разъѣзды вернулись и донесли, что непріятеля нигдѣ не ви-

дать. Тогда приказано было двигаться далѣе. Орудія взяли въ передки и начали съѣзжать по довольно крутому спуску; оттуда вступили на ту дорогу, что шла изъ за горы, повернули и за гору, а турокъ все нѣтъ какъ нѣтъ. Пришли, наконецъ, къ аулу Хемнекортъ—и опять никого нѣтъ. Рѣшено было обождать у этого аула, а впередъ выслать по всѣмъ направленіямъ кавалерійскіе разъѣзды для разслѣдованія непріятеля. Черезъ нѣкоторое время мы увидѣли, что казаки травятъ башибузука, который на великолѣпной лошади положительно въ растяжку удиралъ отъ нихъ; утомленные долгой скачкой, казаки, наконецъ, отстали. Спустя немного, они вернулись и сообщили, что непріятеля нигдѣ нѣтъ; только видны были слѣды недавно покинутаго бивака. Такъ какъ при этомъ условіи невозможно было съ малочисленнымъ отрядомъ идти наугадъ въ глубь страны, и нельзя было оставить за собою Ардаганъ на продолжительное время, то и рѣшено было вернуться назадъ. Взобрались опять на гору и на лямкахъ спустились къ Курѣ, къ извѣстному уже броду.

Лагерь принялъ картину мирнаго времени: послышался топотъ сотни ногъ, идущихъ съ манерками, веселые разговоры и пѣніе передъ обѣденной молитвой,—и невольно приходилось на минуту забыть, что находишься въ боевой обстановкѣ. Переночевавъ, отрядъ на другой день, т. е. 5-го сентября, пошелъ далѣе и прибылъ въ Ардаганъ въ четыре часа пополудни, истомленный страшною жарою этого дня. Взводъ 3-й батареи былъ опять поставленъ на прежнее мѣсто въ укрѣпленіи Сингеръ, гдѣ и простоялъ спокойно до 11-го сентября.

IV.

Выступленіе первой полубатареи 3-й батареи 38-й бригады въ главныя силы. Прибытіе 1-го августа въ сел. Паргетъ. Участіе полубатареи въ усиленной рекогносцировкѣ 6-го августа. Общія дѣйствія нашихъ войскъ. Дѣятельность полубатареи 13-го августа въ кизилъ-тапинскомъ бою. Перемѣщеніе въ байрактарскій лагерь. Требованіе, 10-го сентября, изъ ардаганскаго отряда новыхъ подкрѣпленій. Участіе первой полубатареи 3-й батареи въ дѣйствіяхъ обходнаго намбинскаго отряда, подъ начальствомъ генералъ-маіора Шелковникова. Бой 19-го сентября на Кизилъ-Гула. Отступленіе.

Второй взводъ 3-й батареи, находившійся въ Зурзунахъ, прибывъ оттуда въ Ардаганъ 24-го іюля, получилъ приказаніе—выступить на присоединеніе къ первому взводу, стоявшему на Алагезѣ, вполнѣ налегкахъ; вслѣдствіе этого, онъ оставилъ при 2-й полубатареѣ все, что только могло хоть немного его стѣснять—въ ущербъ, конечно, сей послѣдней въ случаѣ ея неожиданнаго движенія; это и оказалось позже, когда 2-я полубатарея назначена была въ главныя силы. Въ первомъ взводѣ было поступлено такъ же, какъ и во второмъ, вслѣдствіе чего вся первая полубатарея получила большую подвижность. Кромѣ того, лошади въ 1-ю полубатарею были отобраны самыя сильныя и здоровыя; больныя и закованныя, числомъ до сорока, оставлены; нижніе чины взяты только вполнѣ здоровые и надежные. На ящики и передки наложили четырехдневный запасъ фуража. Обозъ былъ въ слѣдующемъ количествѣ: съ 1-мъ взводомъ былъ направленъ только одинъ фургонъ для укладки разныхъ инструментовъ столярнаго и кузнечнаго дѣла, а также и для кухонныхъ принадлежностей; со 2-мъ же взводомъ были посланы: запасный лафетъ, офицерскій, лазаретный и два батарейныхъ фургона для укладки денежнаго ящика, канцеляріи, походной кузницы, инструментовъ для слесарнаго и кузнечнаго дѣлъ, палатокъ и сухарей. Второй взводъ выступилъ изъ Ардагана на Алагезъ, какъ сказано въ своемъ мѣстѣ, 25-го іюля. Такъ какъ онъ не могъ тронуться раньше полудня, а дорога была трудная и незнакомая, то ему нужно было

торопиться, чтобы придти на мѣсто еще засвѣтло, иначе предстояло заночевать въ неизвѣстномъ, и можетъ быть, въ опасномъ мѣстѣ. Въ прикрытіе взводу была назначена рота владикавказскаго пѣхотнаго полка. На половинѣ дороги былъ сдѣланъ привалъ. Вслѣдствіе своей подвижности и спѣшности движенія, 2-й взводъ прибылъ къ Алагезу въ шесть часовъ вечера. Лошади, нѣсколько усталыя отъ труднаго перехода, втащили орудія на позицію 1-го взвода только благодаря усиліямъ пѣхоты и орудійной прислуги; передки же такъ и остались внизу, у коновязи и кухонъ обоихъ взводовъ. Подъ вечеръ сильный дневной жаръ началъ спадать; съ заходомъ же солнца температура стала понижаться чрезвычайно быстро, и къ ночи сдѣлалось такъ холодно, что и подъ буркой приходилось зябнуть.

1-я полубатарея, получивъ 27-го іюля приказаніе выступить съ отрядомъ въ Кюрюкъ-Дара, на другой день утромъ двинулась съ позиціи, подъ прикрытіемъ 3-го баталіона владикавказскаго полка; баталіонъ этотъ былъ расположенъ на Алагезѣ вмѣстѣ съ полубатареей.

Дорога отъ Алагеза до сел. Омеръ-Ага, гдѣ слѣдовало ночевать, на разстояніи 35-ти верстъ, не особенно трудная, а при хорошей погодѣ, пожалуй, даже и довольно легка: вслѣдствіе этого, полубатарея, отдохнувъ на половинѣ перехода, въ три часа пополудни пришла въ Омеръ-Ага. Къ вечеру сюда же подтянулись, подъ начальствомъ полковника Комарова, и другія войска ардаганскаго отряда, выдѣленныя для присоединенія къ главнымъ силамъ *).

Къ вечеру пошелъ сильный дождь, обратившійся въ совершенный ливень; всѣ промокли до послѣдней нитки, вездѣ стояли лужи. Послѣ дневки у Омеръ-Ага, полубатарея 30-го іюля выступила на Джелаусъ. Вслѣдствіе сильнаго дождя, дорога раскисла, и орудія вязли чуть не по ступицу; въ особенности трудно было

*) 1-й и 4-й стрѣлковые баталіоны, два баталіона севастопольскаго полка, 4-й сводный баталіонъ владикавказскаго полка, шесть сотенъ казаковъ и милиціи, отдѣленіе военно-временнаго госпиталя и транспортъ черводарскихъ лошадей.

съ ящиками: тройка лошадей не въ состояніи была на подъемахъ вывозить ихъ, и приходилось постоянно припрягать выносы и втаскивать ящикъ пятерикомъ. Хорошо, что 2-й взводъ захватилъ съ собою пять запасныхъ выносовъ; они оказали большую услугу. Въ часъ пополудни былъ сдѣланъ большой привалъ, на которомъ успѣли перековать четырнадцать лошадей, и въ шесть часовъ вечера прибыли въ Джелаусъ. На другой день выступили къ с. Порцухлю. Опять тѣ же разбросанные по дорогѣ камни, та же грязь и неминуемая возня на спускахъ и подъемахъ.

Пѣхотные солдаты, помогая артилеристамъ, какъ мухи лѣпились возлѣ ящика, иные напирали сзади, другіе брались за колеса, накатывая ихъ руками, нѣкоторые тянули за постромки, и соединенными усиліями полубатарея подавалась впередъ. Не смотря на всѣ трудности пути, на ночлегъ пришли еще засвѣтло. На слѣдующій день, 1-го августа, при хорошей погодѣ, полубатарея довольно рано прибыла въ с. Паргетъ и расположилась лагеремъ возлѣ 5-й батареи 40-й артилерійской бригады. Мѣстность вокругъ Паргета сухая и каменистая; вода находилась подъ горою; травы не было, и каждая часть промышляла кормомъ какъ умѣла. За то—хоть и не въ утѣшеніе всѣхъ этихъ невзгодъ—аладжинскія высоты были видны въ бинокль весьма отчетливо, и расположенная на нихъ армія Мухтаръ-паши подала поводъ къ нескончаемымъ разговорамъ и толкамъ.

3-го августа дано было знать, что корпусный командиръ будетъ смотрѣть ардаганскій отрядъ. Конечно, люди пообчистились и къ назначенному времени вышли на линейку. Простояли полчаса; началъ накрапывать дождикъ: еще черезъ полчаса безполезнаго ожиданія было получено извѣстіе, что осмотръ отложенъ на завтра. На слѣдующій день, около 4-хъ часовъ пополудни, когда солнце уже умѣрило свой жаръ, и водворилась понемногу вечерняя прохлада, вдали показалась кавалькада. Впереди ѣхалъ генералъ на бѣломъ конѣ, съ большою полусѣдою бородою. Несмотря на преклонныя лѣта, онъ бодро и молодцевато держался въ сѣдлѣ; видно было, что онъ давно свыкся съ походною жизнью. Но это былъ не корпусный командиръ, а генералъ-лейтенантъ

Гейманъ, который замѣнилъ его на этотъ разъ. Позади генерала скакала небольшая свита на простыхъ, но крѣпкихъ лошадяхъ, осѣдланныхъ по большей части казачьими сѣдлами. Подъѣхавъ къ линейкѣ, вдоль которой уже стояли артилеристы, генералъ поздоровался съ ними, поздравилъ съ прибытіемъ и выразилъ надежду, что они покажутъ себя въ дѣлахъ молодцами. Затѣмъ онъ поѣхалъ далѣе.

Ардаганскій отрядъ засталъ положеніе дѣлъ въ главныхъ силахъ въ слѣдующемъ видѣ: наши войска значительно и быстро усиливались прибывавшими изъ Россіи подкрѣпленіями, улучшали свои боевыя и продовольственныя средства и переходили къ постепенной возможности предпринять наступательныя дѣйствія. Прибывшія же части ардаганскаго отряда допускали выдѣлить небольшую колонну въ помощь эриванскому отряду.

Въ турецкомъ же лагерѣ во второй половинѣ іюля происходили видимыя къ чему-то приготовленія: изъ окрестныхъ деревень стекалось громадное количество арбъ; замѣтны были время отъ времени передвиженія войскъ, въ особенности кавалеріи; съ лихорадочною дѣятельностью производились новыя оборонительныя сооруженія, а прежнія расширялись и совершенствовались; наконецъ, стали получаться свѣдѣнія о совмѣстныхъ наступательныхъ противъ насъ дѣйствіяхъ Мухтара и Измаила пашей и о намѣреніи усилить послѣдняго частью войскъ изъ аладжинскаго лагеря. Потомъ, къ концу іюля, все это разомъ оборвалось и наступило какое-то непонятное затишье. Всѣ эти обстоятельства, въ связи съ имѣвшимися у насъ въ виду въ скоромъ времени наступательными дѣйствіями, а также необходимость вообще изученія положенія противника и лучшихъ подступовъ къ нему на случай атаки нами его позиціи, равнымъ образомъ разсмотрѣніе и выборъ пунктовъ, которые бы намъ было возможно и выгодно занять, породили нѣсколько частныхъ рекогносцировокъ и охотничьихъ развѣдокъ, достигшихъ болѣе или менѣе желанной цѣли. Когда же прибывшія изъ ардаганскаго отряда войска и нѣкоторыя части 40-й пѣхотной дивизіи увеличили собою составъ главныхъ силъ, то корпусный командиръ призналъ возможнымъ перейти и къ болѣе серьезнымъ дѣйствіямъ. Онъ рѣшилъ произвести усиленную

рекогносцировку всей непріятельской позиціи и одновременно съ этимъ занять высоту Инахъ-Тепеси, служившую крайнимъ опорнымъ пунктомъ праваго фланга турецкаго расположенія. Для этой рекогносцировки назначены были на 6-е августа три колонны: генералъ-лейтенанта Девеля (изъ 17-ти баталіоновъ и 48-ми орудій)—для овладѣнія редутомъ на Инахъ-Тепеси: генералъ-маіора Комарова *) (пять баталіоновъ и полторы батареи)—для демонстративныхъ дѣйствій на лѣвомъ флангѣ турецкой позиціи и отвлеченія туда непріятельскихъ силъ, и генералъ-лейтенанта Геймана (вся гренадерская дивизія съ ея артилеріею)—для поддержанія связи между двумя предыдущими колоннами, удержанія непріятеля въ центрѣ его позицій и подкрѣпленія, въ случаѣ надобности, нашей лѣвой колонны генерала Девеля. Цѣль и планъ были хорошо обдуманы и разумны, но на дѣлѣ вышло совсѣмъ иначе: демонстративной колоннѣ пришлось выдержать рѣшительный бой, лѣвофланговой колоннѣ—отказаться отъ предпріятія, а средней—усилить собою генерала Комарова, но не генералъ-лейтенанта Девеля.

Диспозиція въ войскахъ была получена 5-го августа, передъ вечеромъ. Сейчасъ же всѣ поднялись на ноги; начались приготовленія—укладка имущества, пріемъ провіанта и фуража и т. п. Къ 6-ти часамъ вечера все было готово, и колонна Комарова двинулась. Сводный и четвертый баталіоны владикавказскаго полка шли непосредственно за орудіями, а два севастопольскихъ баталіона составляли авангардъ и аррієргардъ. Въ 10-ть часовъ колонна остановилась на ночлегъ, выстроивъ фронтъ къ сторонѣ малыхъ Ягны. Лошадей не приказано было выпрягать. Около каждаго орудія приготовили по двѣ картечи. Ночь была тихая, прохладная, но темная; въ одиннадцать часовъ во всемъ отрядѣ воцарилась полнѣйшая тишина.

Развѣло. Въ началѣ седьмаго, колонна тронулась по направленію къ горѣ большимъ Ягны. Севастопольцамъ велѣно было направиться правѣе этой горы, владикавказцамъ—наступать прямо, а артилеріи—находиться за севастопольцами и ожидать выя-

*) Генералъ Комаровъ произведенъ въ этотъ чинъ въ концѣ іюля.

сненія обстоятельствъ. Три роты владикавказцевъ оставлены на мѣстѣ для прикрытія перевязочнаго пункта, а казаки отодвинуты еще на версту назадъ.

Лишь только двинулись—въ колоннѣ генерала Геймана раздались пушечные выстрѣлы. Скоро и севастопольцы завязали перестрѣлку съ непріятельскими аванпостами, бывшими у Визинкея. На поддержку послѣднихъ вышла пѣхота—и разгорѣлся довольно сильный бой. Генералъ Комаровъ поставилъ пока полубатарею позади севастопольцевъ. Одновременно съ этимъ, сводный владикавказскій баталіонъ былъ двинутъ на большіе Ягны. Черезъ три четверти часа они были взяты, и защищавшіе ихъ турки прогнаны. Тогда непріятель обратилъ сюда свой артилерійскій огонь.

На правомъ флангѣ перестрѣлка все усиливалась: пушечные выстрѣлы со стороны Визинкея становились чаще: вершина малыхъ Ягны была занята непріятельскою кавалеріею, которая, постепенно туда прибывая вновь, стала частями огибать нашъ правый флангъ.

Въ это время къ мѣсту расположенія полубатареи прискакалъ ординарецъ начальника отряда съ приказаніемъ—открыть огонь по вершинѣ малыхъ Ягны. Съ первымъ выстрѣломъ, въ полубатареѣ всѣ оживились, ободрились. Сначала сдѣлано 7-мь выстрѣловъ обыкновенными гранатами съ дистанціи 900 саженей: потомъ выпущено три картечныхъ гранаты. Послѣднія дали столь удачные результаты, что ружейный огонь непріятеля замолкъ. Послѣ этого полубатарея отступила и стала въ резервѣ, рядомъ съ 5-ю батареею 40-й бригады.

Между тѣмъ, турки окончательно рѣшились перейти въ наступленіе и бойко двинулись на большіе Ягны подъ огнемъ двухъ владикавказскихъ ротъ и охотниковъ севастопольскаго полка: на поддержку послѣднихъ тотчасъ была отправлена еще одна (12-я) рота владикавказскаго полка. Части эти, поражая непріятеля сверху, вслѣдъ затѣмъ два раза опрокидывали его штыками и наконецъ заставили остановиться и прилечь за неровностями мѣстности. Генералъ Комаровъ приказалъ перейти на эту сторону

13

большихъ Ягны двумъ баталіонамъ севастопольцевъ и полубатареѣ 38-й бригады; вмѣсто севастопольцевъ были разсыпаны въ цѣпь двѣ сотни спѣшенныхъ казаковъ; пятая же батарея 40-й бригады и двѣ роты владикавказцевъ (1-я и 9-я) оставлены на прежней позиціи. Выѣхать и выстроиться всей полубатареѣ 3-й батареи 38-й бригады одновременно на крутомъ склонѣ большихъ Ягны было очень трудно, и пришлось бы къ каждому орудію и ящику припрягать по два лишнихъ выноса, поэтому приказаніе о выѣздѣ на склонъ большихъ Ягны всей полубатареи было отмѣнено, и отъ нея послано только одно 4-е орудіе, подъ командою поручика Поспѣлова. Орудіе это, взобравшись на крутизну юго-восточнаго ската большихъ Ягны, было снято съ передка и открыло огонь. Въ это время турки, уже чрезвычайно усилившіеся, опять перешли въ наступленіе—и еще разъ были отбиты. Но съ Аладжи и Визинкея надвигались новыя массы. Отправивъ, одного за другимъ, двухъ ординарцевъ къ генералу Гейману просить подкрѣпленія, генералъ Комаровъ началъ отступать, не переставая въ то же время и отражать атакующихъ. Призвавъ сюда 1-ю и 9-ю роты владикавказцевъ и 5-ю батарею 40-й бригады, и остановивъ последнюю лѣвѣе орудій 38-й бригады, начальникъ отряда приказалъ имъ всѣмъ открыть огонь по непріятелю, засѣвшему за неровностями мѣстности и поражавшему наши войска, а велѣлъ затѣмъ еще одно орудіе 38-й бригады, первое, съ штабсъ-капитаномъ Прикащиковымъ, присоединилъ къ находившемуся на склонѣ большихъ Ягны; оба послѣднія орудія поражали непріятеля съ дистанціи 900-ть саженей обыкновенными гранатами. Но такъ какъ артиллерійскаго огня было недостаточно для того, чтобы выбить турокъ, то противъ нихъ были направлены прибывшія сюда съ 5-ю батареею 40-й бригады 1-я и 9-я роты владикавказцевъ, которыя, подойдя къ непріятелю на 150 шаговъ, заставили его отступить и скрыться за камнями и стогами сѣна; 5-й же батареѣ было велѣно перейти на лѣвый флангъ, на который турки налегли теперь съ особенною силою. Продолжать артиллерійскую стрѣльбу первому и четвертому орудіямъ полубатареи было теперь рисковано, изъ боязни попасть въ своихъ, а потому они прекра-

тили ее; 2-е же и 3-е орудія, съ подполковникомъ Петрашемъ, подошли на присоединеніе къ 5-й батареѣ 40-й бригады; но такъ какъ и она также прекратила огонь, по причинѣ близости нашихъ войскъ отъ турецкихъ, то этимъ двумъ орудіямъ не удалось выпустить ни одного снаряда. Окончивъ свою задачу, 1-е и 4-е орудія присоединились ко 2-му и 3-му, и тогда полубатарея начала отступать вмѣстѣ съ остальными войсками.

Было два часа. Огонь по всей турецкой позиціи прекратился и горѣлъ только у Ягны. Генералъ Гейманъ, получивъ просьбу Комарова и оставивъ 2-ю бригаду гренадеръ для занятія суботанскихъ укрѣпленій, двинулся къ Комарову съ 1-ю бригадою и 2-ю батареею. Послѣдняя, ставъ перпендикулярно фронту турецкой линіи, открыла огонь съ дистанціи 1100 саженей. Турки пріостановили свое наступленіе, но за то 16-ть ихъ орудій съ Авліара и большихъ Ягны накинулись на 2-ю батарею. Пользуясь этимъ, Комаровъ быстро повелъ отступленіе на подходившую къ нему гренадерскую бригаду. Турки пробовали возобновлять атаку, и полубатареѣ 38-й бригады приходилось нѣсколько разъ останавливаться и открывать стрѣльбу по ихъ густымъ цѣпямъ, насѣдавшимъ на нашу пѣхоту. Хотя отступали въ порядкѣ, но каждый желалъ скорѣе выбраться изъ сферы непріятельскаго огня; вслѣдствіе этого, дѣло не обходилось безъ нѣкоторой торопливости и замѣшательства. Замѣшательство еще болѣе усилилось съ дождемъ, который полилъ такъ сильно, что вскорѣ вся почва раскисла. При окончательномъ отступленіи полубатареи, одинъ изъ ящиковъ на второй позиціи застрялъ въ канавкѣ. Около него собралась прислуга, суетилась и надрывалась, чтобы скорѣе освободить ящикъ отъ опасности. Турки, увидя скопленіе людей, направили огонь изъ своихъ орудій; снаряды то и дѣло ложились вокругъ ящика, обдавая всѣхъ брызгами и грязью, и наконецъ доканали-таки ящичнаго коренника наповалъ. Штабсъ-капитанъ Приказщиковъ, видя, что съ наличными людьми и лошадьми невозможно вывезти ящика, рѣшилъ обождать до прибытія изъ батареи выносовъ, приказавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, окружающимъ ящикъ людямъ разойтись. Полубатарея же въ это время уже остановилась на слѣдующей позиціи и по-

слала два выноса на помощь къ ящику. При этихъ усиліяхъ онъ былъ живо вытащенъ и присоединенъ къ полубатареѣ. Въ это время за лѣвымъ флангомъ колонны появилась наша кавалерія, которую прислалъ сюда корпусный командиръ. Стрѣльба непріятеля начала мало по малу слабѣть и къ $4^{1}/_{2}$ часамъ и совсѣмъ стихла; турки заняли свои позиціи по скатамъ большихъ Ягны. Часа два простояла полубатарея, вмѣстѣ съ прочими войсками, въ ожиданіи уборки раненыхъ. А ихъ было много. Къ счастью, подъѣхали фургоны, которые значительно облегчили ихъ перевозку. Но и въ эти фургоны могли помѣстить только тяжело раненыхъ; легко раненые плелись кое-какъ, поддерживаемые товарищами, конвоировавшими фургоны; нѣкоторыхъ раненыхъ тащили на носилкахъ. Въ шесть часовъ вечера всѣ раненые были подобраны, и полубатарея, въ составѣ колонны, двинулась въ Кюрюкъ-Дара. Въ девять часовъ она прибыла на мѣсто. Вся потеря ея состояла изъ одной убитой и двухъ раненыхъ лошадей; было выпущено 37-мь обыкновенныхъ и 3-ри картечныхъ гранаты.

Такимъ образомъ, самая серьезная задача дня совершенно случайно выпала на долю колонны генерала Комарова. Дѣйствія же другихъ двухъ колоннъ въ общихъ чертахъ состояли въ слѣдующемъ:

Колонна генералъ-лейтенанта Девеля двинулась съ разсвѣтомъ по направленію къ Инаху. Непріятельская кавалерія, расположенная невдалекѣ отъ Инаха со стороны наступленія нашихъ войскъ, отступила подъ рѣшительнымъ натискомъ нашей пѣхоты, которою и было занято брошенное уже жителями селеніе Джала. Наступленіе продолжалось дальше. Уже высокая, въ видѣ усѣченнаго конуса, вершина Инахъ-Тепеси совсѣмъ придвинулась къ намъ, и простымъ глазомъ можно было различить верхушки турецкихъ палатокъ, скрытыхъ за брустверами. По открывшейся канонадѣ можно было судить, что у турокъ сосредоточено на Инахѣ 4-ре орудія 6-ти-фунтоваго калибра. Противъ Инаха было выставлено нами 32-ва орудія отъ батарей 39-й и 40-й артиллерійскихъ бригадъ. Стрѣльба изъ нихъ нанесла повидимому значительный уронъ туркамъ, потому что было видно, какъ снаряды

взрывали гребни брустверовъ. Но подойдя ближе, генералъ Девель увидѣлъ, что взять Инахъ открытою силою было очень трудно, такъ какъ у турокъ тамъ было сосредоточено до 8-ми баталіоновъ пѣхоты, которые занимали какъ самую вершину горы, такъ и близлежащія укрѣпленія на высотахъ, командующихъ Инахомъ; изъ траншей, расположенныхъ на этихъ высотахъ, хотя и можно было бы обстрѣливать вершину Инаха, но приходилось, съ занятіемъ ея, штурмовать и эти укрѣпленія—безъ чего трудно бы было удержаться на занятой позиціи, тѣмъ болѣе, что турки имѣли полнѣйшую возможность приспособить траншеи командующихъ надъ Инахомъ высотъ къ артилерійской стрѣльбѣ по вершинѣ Инаха, и тогда волей-неволей пришлось бы отступить. Наконецъ, и самое занятіе одной только вершины Инаха, безъ занятія командующихъ надъ нею траншей, ничуть бы не могло измѣнить положеніе лѣваго фланга турецкой арміи, а слѣдовательно, въ сущности, было для насъ и безполезно. Въ виду всего этого, генералъ Девель пріостановилъ наступленіе своихъ войскъ и вскорѣ получилъ разрѣшеніе отступать и ограничиться лишь тѣмъ, чтобы выдвинуть части авангарднаго лагеря впередъ, на высоту селенія Кюльверанъ. Медленно, но въ порядкѣ отступали наши войска. Сначала двигались резервы въ сомкнутомъ строѣ, затѣмъ—поддержки цѣпи и, наконецъ, самыя цѣпи. Турки, видя наше отступленіе, нѣсколько разъ пускали въ атаку свою кавалерію; съ гикомъ подскакивала она къ нашимъ цѣпямъ, но тѣ, собираясь въ кучки, отражали ея натиски залпами. Турки, видя свои неудачи, вскорѣ совсѣмъ прекратили преслѣдованіе. Изрѣдка только проносились надъ войсками ихъ гранаты, но и тѣ съ дальней уже дистанціи не могли нанести намъ никакого вреда.

Колонна генерала Геймана съ разсвѣтомъ приблизилась къ Суботану. Послѣ роздыха, она двинулась на это селеніе и была встрѣчена огнемъ изъ батарей и траншей, расположенныхъ позади оврага, пересѣкающаго деревню. Вскорѣ пальба загремѣла по всей линіи, но турки не дождались атаки и бросили Суботанъ, давъ намъ возможность занять бывшія позади его высоты. Вслѣдъ

затѣмъ, при помощи артилерійскаго огня, было занято и селеніе Хаджи-Вали. Скоро бой въ центрѣ затихъ вовсе, и колонна отдыхала въ полномъ бездѣйствіи. Генералъ Гейманъ видѣлъ напоръ турецкихъ массъ на колонну генерала Комарова, но помощи ему пока не подавалъ—даже и по прибытіи перваго ординарца—какъ потому, что въ диспозиціи этого не было предусмотрѣно относительно нашей правой (демонстративной) колонны, такъ и потому, что считалъ еще бой на нашемъ лѣвомъ флангѣ невыяснившимся. Получивъ же вторую просьбу генерала Комарова, онъ двинулъ къ горѣ большимъ Ягны 1-ю бригаду гренадеръ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Авинова. Когда бригада была уже почти на высотѣ большихъ Ягны, но нѣсколько лѣвѣе, генералъ Гейманъ, развернувъ эриванцевъ и грузинцевъ въ боевой порядокъ, открылъ огонь изъ орудій во флангъ туркамъ, и первому баталіону эриванцевъ велѣлъ идти на помощь къ отступавшимъ. Маіоръ фонъ-деръ-Нонне съ возможною быстротою исполнилъ это приказаніе, но все же опоздалъ, не оказавъ никакой услуги Комарову. Когда Нонне сталъ оправдываться въ своемъ запозданіи, генералъ Комаровъ отвѣчалъ: „да я полкъ и не виню"! *).

Съ 7-го по 12-е августа полубатарея 3-й батареи 38-й бригады стояла на мѣстѣ. Погода была великолѣпная, хотя въ воздухѣ пахло осенью. По ночамъ было даже довольно холодно, а утромъ на высотахъ и легкая изморозь. 10 го августа Главнокомандующій объѣзжалъ войска кюрюкъ-даринскаго лагеря. Его Высочество изволилъ благодарить полубатарею за дѣйствія ея 6-го августа и за дѣла 11-го и 12-го іюня въ приріонскомъ краѣ. Лагерная жизнь шла обычнымъ, однообразнымъ порядкомъ.

12-го августа послѣдовало приказаніе о назначеніи части отряда генерала Комарова, вмѣстѣ съ полубатареею, въ авангардный башъ-кадыклярскій лагерь. Повидимому, все было спокойно; люди улеглись спать въ полной увѣренности, что проведутъ эту ночь такъ же, какъ и предыдущія; но на дѣлѣ оказалось другое: въ два часа ночи поднялась по всему лагерю тревога, сопровождаемая ужас-

*) Описаніе боевой жизни въ минувшую войну лейбъ-гренадерскаго эриванскаго полка, Шабанова, стр. 63.

нѣйшею кутерьмою. Со стороны Кизилъ-Тапы слышалась неумолкаемая трескотня, а потомъ и орудійные выстрѣлы. На этой злополучной горѣ стоялъ въ то время баталіонъ имеретинскаго пѣхотнаго полка. Хотя и ранѣе были слухи о намѣреніи турокъ занять Кизилъ-Тапу, но имъ мало вѣрили, и въ цѣпь на ночь высылались всадники дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, съ прибавленіемъ къ нимъ секретовъ въ крайне ограниченномъ количествѣ. 12-го августа у насъ въ лагерѣ пролетѣло свѣдѣніе, что турки намѣрены штурмовать Кизилъ-Тапу. Вслѣдствіе ли этого извѣстія, или по другимъ соображеніямъ, но къ Кизилъ-Тапѣ были направлены два баталіона владикавказцевъ и четыре орудія 1-й батареи 39-й бригады. Но отряду этому почему-то не суждено было достигнуть по назначенію, и онъ заночевалъ впереди Башъ-Кадыкляра, а Кизилъ-Тапа осталась попрежнему только при одномъ баталіонѣ имеретинцевъ. Ночь была тихая, довольно свѣтлая: еще и за двѣнадцать часовъ свѣтила луна—хотя, впрочемъ, довольно тускло, и потомъ уже медленно скрылась за высотами Аладжи, оставивъ по себѣ мерцаніе звѣздъ. На Кизилъ-Тапѣ все было тихо; утомленные дневною работою, солдаты лежали въ траншеяхъ, которыя только устроивались.

Въ два часа послышались крики нашей сторожевой цѣпи и съ ними дикіе возгласы: „алла, алла"! Едва имеретинцы вскочили на ноги, какъ очутились лицомъ къ лицу съ толпами непріятельскихъ солдатъ, которые хотя безпорядочно, но отчаянно и съ полною рѣшимостью лѣзли внутрь слабой и невысокой каменной ограды. Баталіонъ, однако, не оплошалъ и встрѣтилъ ихъ залпами, но долго бороться съ массою нападавшихъ, конечно, не могъ; потерявъ въ минуту множество убитыхъ и раненыхъ, онъ началъ отступать—вынеся, впрочемъ, благополучно свое знамя. Турки, ободренные первою удачею, еще сильнѣе налегли на атакованныхъ и скоро завладѣли всею вершиною Кизилъ-Тапы. Съ поразительной быстротой они втащили туда нѣсколько орудій и открыли стрѣльбу по нашему башъ-кадыклярскому лагерю. По тревогѣ, полубатарея начала запрягать лошадей, и черезъ 10-ть или 15-ть минутъ стояла уже въ полной боевой готовности. Прискакалъ ор-

динарецъ отъ генерала Комарова *) съ приказаніемъ—двигатися вмѣстѣ съ 4-мъ стрѣлковымъ баталіономъ: но гдѣ былъ этотъ баталіонъ—за темнотою и общею сумятицею разузнать было довольно трудно. Избѣгая попусту блуждать, командиръ батареи подполковникъ Петрашъ послалъ поручика Поспѣлова разузнать о мѣстѣ нахожденія стрѣлковаго баталіона. Поспѣловъ розыскалъ это мѣсто, но баталіона уже не нашелъ, и на распросы у стрѣлка, оставшагося на мѣстѣ бивака, не получилъ никакого удовлетворительнаго отвѣта. Поразспросивъ еще у нѣсколькихъ другихъ солдатъ, онъ не добился ничего и съ этимъ вернулся назадъ.

Тогда Петрашъ повелъ полубатарею наугадъ. Всѣ двигались какъ съ завязанными глазами; по дорогѣ встрѣчались неизвѣстно откуда и куда идущіе солдаты: изъ ихъ отвѣтовъ, хотя и смутно, но можно было предполагать, что стрѣлковый баталіонъ находится на правомъ флангѣ отряда. Туда и направились. Шли очень долго; наконецъ, остановились возлѣ какихъ-то пѣхотныхъ частей, и здѣсь остались на нѣкоторое время въ совершенномъ бездѣйствіи. А раскаты орудійныхъ выстрѣловъ на Кизилъ-Тапѣ были все чаще и сильнѣе; о ружейной же пальбѣ и говорить было нечего.

Кизилъ-тапинскій бой, обратившійся въ общее по всей линіи сраженіе, продолжавшееся двѣнадцать слишкомъ часовъ, былъ главнымъ послѣдствіемъ ослабленія 12-го августа нашего передоваго башъ-кадыклярскаго лагеря, которое, въ свою очередь, произошло отъ перемѣщенія войскъ. Въ этотъ день генералъ Девель, съ двумя полками и батареею, былъ отправленъ въ с. Кякячъ, по рѣкѣ Арпачаю, для усиленія эриванскаго отряда, а три полка 40-й пѣхотной дивизіи отозваны въ Кюрюкъ-Дара; въ Башъ-Кадыклярѣ же остался 157-й пѣхотный имеретинскій полкъ и кавалерія генералъ-лейтенанта князя Чавчавадзе, съ конною артиллеріею, да переведены туда два баталіона 152-го пѣхотнаго владикавказскаго полка, которые предназначались на Кизилъ-Тапу, и велѣно было прибыть полубатареѣ 3-й батареи 39-й артиллерій-

*) Отрядъ Комарова въ эту ночь состоялъ изъ четырехъ баталіоновъ севастопольскаго полка, двухъ стрѣлковыхъ баталіоновъ и четырехъ орудій полубатареи 38-й бригады.

ской бригады. Турки не только знали, но и видѣли всѣ наши перемѣщенія и ослабленіе башъ-кадыклярскаго лагеря, почему и не упустили случая воспользоваться этимъ.

Когда имеретинцы оставили Кизилъ-Тапу, два баталіона владикавказцевъ, вмѣстѣ съ остальными баталіонами имеретинскаго полка, быстро подвигались къ ней. Вскорѣ сводный баталіонъ владикавказцевъ былъ уже въ пятистахъ шагахъ отъ нея. Тутъ на него бросилась турецкая кавалерія, но была отбита. Разсвѣтало. Въ это время подошелъ другой (4-й) баталіонъ владикавказцевъ, за нимъ подтянулась полубатарея, а кавалерія князя Чавчавадзе стала развертываться лѣвѣе пѣхотныхъ частей. Владикавказцы пошли въ атаку; полубатарея, покровительствуя имъ, открыла огонь; на правомъ флангѣ имеретинцевъ раздались также орудійные выстрѣлы. 16-я рота владикавказцевъ, почти разстрѣливаемая турками, достигла, наконецъ, перваго уступа горы и овладѣла имъ. Турки уступили южную сторону, перебрались влѣво на слѣдующій отрогъ и стали поражать владикавказцевъ съ фронта и во флангъ, а съ Учь-Тапы и съ Аладжи на нихъ направленъ былъ орудійный огонь.

Турки, видимо ожидая наши главныя силы изъ Кюрюкъ-Дара, заволновались по всей Аладжѣ: колонны ихъ двигались по разнымъ направленіямъ; кавалерія наша, уступая силѣ, начала отходить, но потомъ, подкрѣпившись свѣжими частями, въ свою очередь оттѣснила турокъ. Но это было не надолго, и непріятель опять взялъ перевѣсъ.

Было семь часовъ. Изъ Кюрюкъ-Дара двигалась на Суботанъ колонна генерала Комарова; за нею слѣдовала гренадерская дивизія, съ ея артилеріею, подъ начальствомъ генерала Геймана. У Караяла она раздѣлилась надвое: 1-я бригада осталась пока въ резервѣ, а 2-я направлена далѣе: тифлисскій полкъ—къ Кизилъ-Тапѣ, а мингрельскій—на поддержку Комарова. Но когда стало ясно, что Кизилъ-Тапа уже занята турками, и что они и на этомъ флангѣ вовсе не демонстрируютъ, то первая бригада выдвинута вправо между Суботаномъ и большими Ягны—для предупрежденія съ этой стороны обхода. Эриванскій полкъ занялъ

правую оконечность нашего боеваго расположенія, фронтомъ къ большимъ Ягны.

Въ восемь съ половиною часовъ утра двѣ роты тифлисцевъ вступили на скатъ Кизилъ-Тапы, атаковали турокъ, охватившихъ слѣва владикавказцевъ и стрѣлявшихъ имъ во флангъ, сбили ихъ и укрѣпились на позиціи.

Здѣсь, полубатарея 3-й батареи 39-й бригады, по словамъ участниковъ боя, „своею стрѣльбою заслужила общее одобреніе, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ" *). Въ десять часовъ у турокъ былъ взорванъ на сѣверной сторонѣ Кизилъ-Тапы зарядный ящикъ—и масса пороховаго дыма повисла надъ горою. Полубатарея получила приказаніе передвинуться на нашъ правый флангъ, и оставивъ позицію передъ Кизилъ-Тапою, то шагомъ, то рысью направилась по назначенію.

Въ это время колонна Комарова была въ жестокомъ перекрестномъ огнѣ; самъ онъ былъ раненъ и уступилъ начальство флигель-адъютанту полковнику Гурчину. Отъ большихъ Ягны потянулись новыя колонны турокъ, въ обхватъ нашего праваго фланга —одни прямо на эриванскій полкъ, со стороны Кабахъ-Тапы, другія—на колонну Гурчина со стороны Хаджи-Вали. Полковникъ Гурчинъ сталъ отступать перекатами, но явился мингрельскій полкъ и вытянулся вправо; къ нему примкнулъ своимъ лѣвымъ флангомъ 4-й баталіонъ эриванскаго полка—и всѣ попытки турокъ продолжать наступленіе остались безуспѣшными.

Дальнѣйшій планъ нашихъ дѣйствій состоялъ въ томъ, чтобы дождаться возвращенія генерала Девеля, которому было послано о томъ приказаніе, и потомъ штурмовать Кизилъ-Тапу съ трехъ сторонъ. Но такъ какъ отъ Девеля извѣстій пока не было, а положеніе наше было затруднительное, то прежде всего велѣно было владикавказцамъ и тифлисцамъ оставить Кизилъ-Тапу. Какъ ни жаль было имъ покидать позицію, которую они заняли такъ дорого, и первые изъ нихъ отстаивали девять часовъ, но нужно было подчиниться необходимости: спачала спустился съ горы

*) Описаніе боевой жизни владикавказскаго полка въ войну 1877—1878-го годовъ.

4-й баталіонъ владикавказцевъ, потомъ сводный и, наконецъ, двѣ роты тифлисскаго полка. Кавалерія наша, подъ натискомъ непріятеля, также отступала. Было три часа пополудни. Какъ жестоко ни преслѣдовали турки отступавшихъ своимъ артиллерійскимъ огнемъ, но пѣхотныя части, наконецъ, выбились изъ сферы губительныхъ выстрѣловъ и остановились въ полуторы верстѣ отъ Кизилъ-Тапы.

Во время ихъ движенія, отъ Девеля прискакалъ штабсъ-капитанъ Мистровъ съ извѣстіемъ, что генералъ стоитъ на флангѣ турокъ и проситъ, въ виду своего наступленія, подкрѣпить его одною батареею. Тогда и отступавшимъ съ Кизилъ-Тапы баталіонамъ дано знать, что если еще не поздно, то они могутъ оставаться на занятыхъ ими позиціяхъ. Но, къ сожалѣнію, разрѣшеніе это привести въ исполненіе уже было невозможно. Простоявъ въ виду Кизилъ-Тапы до сумерокъ, части были отведены къ селенію Огузлы и оставили башъ-кадыклярскій лагерь, который уже обстрѣливался съ Кизилъ-Тапы орудійнымъ огнемъ.

Полубатарея 3-й батареи 38-й бригады, прибывъ на правый флангъ нашего боеваго расположенія, стала на позицію возлѣ 2-й батареи кавказской гренадерской бригады. Цѣпь непріятельскихъ стрѣлковъ занимала длинную линію отъ большихъ Ягны до Хаджи-Вали. Правѣе большихъ Ягны были видны громадныя массы непріятельской кавалеріи, отступавшей къ тылу своихъ войскъ вслѣдствіе выстрѣловъ 2-й батареи кавказской гренадерской артиллерійской бригады *). У подошвы Ягны, на дистанціи 1500 саженей, стояла одна турецкая батарея, на которую теперь перенесла свои удары наша батарея, а лѣвѣе большихъ Ягны—двѣ другія батареи, противъ которыхъ дѣйствовала 1-я батарея этой бригады съ дистанціи 1200 и 780 саженей. Полубатарея, пристроившись правѣе 2-й батареи гренадерской бригады, открыла огонь по одной съ нею цѣли и съ той же дистанціи. Вслѣдствіе большаго разстоянія, стрѣльба велась довольно рѣдкая. Но скоро наша пѣхотная цѣпь двинулась впередъ,

*) Кавалерія эта имѣла намѣреніе обойти нашъ правый флангъ, но будучи вовремя встрѣчена огнемъ 2-й батареи кавказской гренадерской бригады, сочла за лучшее повернуть назадъ.

и полубатарея начала подвигаться за нею къ обстрѣливаемой непріятельской батареѣ. Два раза орудія останавливались, сообразуя свои движенія съ движеніями пѣхоты, и каждый разъ снимались съ передковъ и открывали огонь гранатою. Наконецъ, подойдя къ непріятельской батареѣ на дистанцію 750 саженей, полубатарея открыла огонь картечною гранатою. Это было въ четыре часа пополудни. Съ этой минуты, когда огонь повсюду сталъ слабѣть, полубатарея, не мѣняя уже больше позиціи, простояла до пяти часовъ. Въ пять часовъ она получила приказаніе отступать; отступали также и всѣ войска. Турки не преслѣдовали, видимо сами утомленные продолжительнымъ боемъ; они стянули свои цѣпи, прекратили всякую перестрѣлку и отошли назадъ. Къ семи часамъ полубатарея была остановлена недалеко отъ возвышенности Кабахъ-Тапа, и здѣсь ночевала. Въ теченіе дня люди и лошади были безъ воды, а въ окрестностяхъ Кабахъ-Тапы не было не только ручейка, но даже и лужицы, изъ которой можно бы было утолить жажду. Самый ближайшій водопой былъ въ селеніи Паргетѣ, на разстояніи верстъ двѣнадцати. Разрѣшено было отправить туда лошадей. Первымъ пошелъ 2-й взводъ поручика Поспѣлова; 1-й же взводъ остался на мѣстѣ и долженъ былъ пойти по возвращеніи втораго. Но черезъ два часа получено было приказаніе—отступить въ Кюрюкъ-Дара, на прежнее мѣсто бивака. Къ одиннадцати часамъ почти вся полубатарея стянулась на назначенномъ мѣстѣ; люди и лошади были страшно утомлены; къ счастью, ночь была холодная, и всѣмъ удалось отдохнуть какъ слѣдуетъ. Во время боя 13-го августа полубатарея потери въ людяхъ не имѣла; выпущено боевыхъ гранатъ 42 и картечныхъ 40. Матеріальная часть полубатареи не пострадала: изъ лошадей убита одна упряжная артиллерійская.

За дѣла 6-го и 13-го августа Главнокомандующій пожаловалъ на полубатарею восемь знаковъ отличія ордена св. Георгія.

16-го числа было получено приказаніе о перемѣщеніи полубатареи 38-й бригады въ байрахтарскій лагерь. Селеніе Байрахтаръ *расположено на одной линіи* съ горами Караяломъ и Учь-Тапою. Въ Байрахтарѣ стоялъ нашъ отрядъ генералъ-лейтенанта Ла-

зарева, бывшій Девеля. На другой день полубатарея двинулась. Переходъ былъ небольшой, верстъ десять, такъ что къ двумъ часамъ прибыли въ новый лагерь, и къ четыремъ часамъ уже отдыхали въ палаткахъ. Началась скучная и бездѣятельная стоянка, продолжавшаяся вплоть до 11-го сентября, слѣдовательно почти цѣлый мѣсяцъ. Люди, уже хорошо отдохнувшіе, видимо томились полнѣйшимъ бездѣйствіемъ. Все однообразіе нарушалось только назначеніемъ полубатареи на дежурство, да и самое дежурство заключалось въ томъ, что она выдвигалась на сто саженей ближе къ Кизилъ-Тапѣ и располагалась въ ложементахъ. На дежурство выходили всѣ четыре орудія и первые ряды ящиковъ; вторые же и третьи оставались въ паркѣ, хотя лошади стояли обамуниченными, чтобы по первому сигналу запречь и подвезти ящики къ дежурной части.

25-го августа въ батареѣ было получено 125-ть двухъ-ярусныхъ дистанціонныхъ трубокъ; всѣ онѣ были ввинчены въ картечныя гранаты передковъ перваго и втораго рядовъ ящиковъ. Нерѣдко, разнообразіемъ въ лагерѣ служили довольно частыя стычки съ непріятелемъ нашихъ охотничьихъ командъ. Въ теченіе этого времени мы старались не давать туркамъ покоя и ночью постоянно тревожили ихъ. Охотничьи команды были сформированы при каждомъ полку изъ 30—40 человѣкъ, подъ начальствомъ офицера. Одна изъ крупныхъ стычекъ нашихъ охотниковъ была 1-го сентября, въ день дежурства полубатареи. Еще 31-го августа вечеромъ было извѣстно, что предпринимается нападеніе команды на правый флангъ турецкой позиціи. Ночью всѣ были насторожѣ, обамуничили лошадей и ждали приказанія о выступленіи; охотники же тронулись впередъ. Въ семь часовъ утра, 1-го сентября, послышался раскатъ орудійнаго выстрѣла съ турецкой батареи, расположенной между Кизилъ-Тапою и Инахъ-Тепеси; слышно было отдаленное шипѣніе неизвѣстно куда направляемыхъ снарядовъ; бинокли уставились въ поле, и всѣ слѣдили за дѣйствіемъ выстрѣловъ. Турки перестрѣливались съ 9-ти-фунтовою батареею, назначенною въ прикрытіе охотниковъ. Съ Учь-Тапы открыла огонь другая 9-ти-фунтовая батарея. Перестрѣлка продолжалась до часа

пополудни; затѣмъ. охотники вернулись на свое мѣсто, и все вошло въ прежнюю опредѣленную и однообразную колею. Ночью пошелъ сильный дождь.

10-го сентября изъ Ардагана были вытребованы подкрѣпленія, и въ главной квартирѣ выработанъ планъ атаки турецкихъ позицій, на основаніи котораго рѣшено было послать особый отрядъ въ обходъ праваго фланга турецкой арміи. Сначала предполагалось послать цѣлую пѣхотную дивизію съ соотвѣтственною артиллеріею и кавалеріею; затѣмъ, оказалось возможнымъ ограничиться двѣнадцатью баталіонами, и наконецъ, передъ самымъ отправленіемъ отряда, въ который назначена была и полубатарея 3-й батареи 38-й бригады, въ составъ его вошло только семь баталіоновъ *). Начальникомъ этого отряда былъ назначенъ генералъ-маіоръ Шелковниковъ.

Утромъ, 11-го сентября, отрядъ построился и ждалъ прибытія начальника байрахтарскихъ войскъ генерала Лазарева. Въ восемь часовъ онъ пріѣхалъ, поздоровался, поздравилъ съ походомъ и пожелалъ успѣха. Затѣмъ, отрядъ тронулся къ Камбинскому посту, находящемуся въ двухъ переходахъ отъ Байрахтара. Генерала Шелковникова еще не было, и войска пошли подъ командою командира севастопольскаго полка. Переходъ къ Учь-Тапѣ, занятой нашими войсками, былъ небольшой, дорога ровная, день не изъ жаркихъ; донимала только пыль, да мухи, носившіяся цѣлыми миріадами надъ людьми и лошадьми. У подножія Учь-Тапы сдѣлали двухчасовой привалъ, и потомъ, пройдя еще верстъ пять, остановились на ночлегъ, сдѣлавъ въ этотъ день около двадцати верстъ. Ночь была довольно прохладная.

12-го сентября отрядъ снялся съ бивака въ восемь часовъ утра и къ тремъ часамъ, послѣ довольно продолжительнаго привала, пришелъ къ Камбинскому посту. Все повидимому было спо-

---

*) Баталіонъ владикавказскаго и баталіонъ елисаветпольскаго пѣхотныхъ полковъ, три баталіона севастопольскаго и два бакинскаго полковъ, рота третьяго кавказскаго сапернаго баталіона, полубатарея 3-й батареи 38-й, полубатарея 19-й и полубатарея 39-й бригадъ; ракетная батарея, три сотни кизляро-гребенскаго полка.

койно: можно было даже думать, что турки не замѣтили движенія отряда.

Съ прибытіемъ на Камбинскій постъ было приступлено къ устройству переправы черезъ Арпачай. Берега въ этомъ мѣстѣ всюду обрывисты, и моста вовсе не было; приходилось скапывать берега—что составляло работу довольно серьезную. Тѣмъ не менѣе, съ нею порѣшили скоро, и мостъ къ 15-му сентября устроили весьма прочный. Наканунѣ этого дня къ отряду прибылъ генералъ Шелковниковъ. Объѣзжая части, онъ здоровался съ ними и выражалъ свою увѣренность, что во всѣхъ трудностяхъ предстоящаго дѣла войска покажутъ себя молодцами.

Присутствіе нашихъ войскъ у Камбинскаго поста, а также работы по устройству переправы, были наконецъ замѣчены турками, такъ какъ мѣстность въ этомъ пунктѣ хотя и холмистая, но совершенно открытая для наблюденій. Впереди Камбинскаго поста, по дорогѣ на селеніе Дигоръ, черезъ которое пролегалъ дальнѣйшій путь нашихъ войскъ, расположены два холма: такъ какъ у подножія этихъ холмовъ находится деревня Кизилъ-Гула, то и самые холмы получили то же названіе. Съ возвышенностей Кизилъ-Гула отлично можно было видѣть все, что дѣлалось на Камбинскомъ посту. Турки, вслѣдствіе этого, не упустили послать туда свои войска. Еще вечеромъ, 15-го сентября, генералъ Шелковниковъ замѣтилъ, что съ вершины Кизилъ-Гула спустились какіе-то всадники, разсыпались и завязали перестрѣлку съ нашими казаками, находившимися въ цѣпи. Но перестрѣлка велась на далекое разстояніе и не привела ни къ какимъ послѣдствіямъ. На другой день, 16-го сентября, отъ нашего отряда была послана сотня казаковъ—высмотрѣть расположеніе турокъ на Кизилъ-Гула. Лишь только она стала подходить къ подножію горы, какъ непріятель массою высыпалъ изъ за своихъ укрѣпленій. Впередъ выѣхали два эскадрона кавалеріи и, гарцуя на своихъ коняхъ, начали перестрѣливаться съ казаками издали, не рѣшаясь, не смотря на свое видимое превосходство, атаковать ихъ. Вскорѣ перестрѣлка замолкла, и сотня, вернувшись въ лагерь, принесла слѣдующія извѣстія: на Кизилъ-Гула было расположено до трехъ

баталіоновъ пѣхоты и до шести сотенъ регулярной и иррегулярной кавалеріи; въ эту же ночь къ туркамъ прибыло еще два баталіона пѣхоты съ артилеріею. Расположившись на высотахъ Кизилъ-Гула, турки преградили намъ путь наступленія на Дигоръ. Дѣлать было нечего, приходилось все-таки держаться этого направленія, потому что другая, ближайшая, дорога хотя и была, но оказалась трудною для движенія. Можно было, положимъ, и обойти кизилъ-гулинскій холмъ, но тогда мы оставили бы у себя въ тылу довольно значительный отрядъ турецкихъ войскъ, а потому генералъ Шелковниковъ рѣшился сбить сначала турокъ съ Кизилъ-Гула, а потомъ уже слѣдовать, по расчищеной такимъ образомъ дорогѣ, на Дигоръ. Оставалось только, для приведенія въ исполненіе этого плана, развѣдать проходимость дороги для артилеріи по направленію къ Кизилъ-Гула.

17-го числа, передъ вечернею зарею, приказано было выслать охотниковъ отъ пѣхоты и артилеріи для развѣдки дороги къ Кизилъ-Гула. Въ полубатареѣ на вызовъ выступили многіе, и изъ нихъ былъ выбранъ фейерверкеръ Шестеркинъ. Охотники, съ наступленіемъ ночи, тронулись въ путь. Осторожно, шагъ за шагомъ, подвигались они впередъ; уже виднѣлась въ темнотѣ вершина Кизилъ-Гула. Въ это время изъ передовой непріятельской цѣпи раздался слабый, какъ бы нерѣшительный, ружейный выстрѣлъ; пуля, видимо направленная наудачу, провизжала гдѣ-то въ вышинѣ—и все опять смолкло. Цѣлую ночь проходили охотники, изслѣдовавъ каждую тропинку, и къ утру вернулись въ лагерь, принеся благопріятныя извѣстія.

18-го, въ полдень, получена диспозиція, по которой войска должны были ночью выступить и переправиться на противуположный берегъ Арпачая. Ровно въ полночь отрядъ двинулся и черезъ два часа находился уже на другомъ берегу рѣки.

Диспозиція на 19-е число заключала въ себѣ слѣдующія распоряженія: пѣхота съ артилеріею наступаютъ съ фронта; часть кавалеріи занимаетъ путь, соединяющій кизилъ-гулинскія высоты съ главными турецкими силами, расположенными на Аладжѣ, для того, чтобы, въ случаѣ успѣха, отрѣзать туркамъ отступленіе въ

этомъ направленіи; другая же часть обходитъ правый флангъ турокъ и становится въ тылу ихъ, на дорогѣ, соединяющей Кизилъ-Гула съ Карсомъ, для того, чтобы не допустить непріятеля отступить въ Карсъ.

Въ глубокой тишинѣ подвигался отрядъ. Впереди неясно рисовались на горизонтѣ холмы, среди которыхъ выше прочихъ выдѣлялись двѣ вершины Кизилъ-Гула. И тамъ все повидимому было тихо, и спало, не предвидя ни малѣйшей опасности. Все ближе и яснѣе становился двугорбый силуэтъ горы; вотъ уже онъ и совсѣмъ близко, а ночь все длится. Отрядъ остановился, отдохнулъ до разсвѣта и опять тронулся. До непріятеля оставалось еще версты три. Передовая пѣхотная часть разсыпала цѣпь, всѣ же остальныя войска продолжали наступать въ колоннѣ. Турки насъ замѣтили; въ ихъ лагерѣ поднялась суматоха и безпорядочная бѣготня.

Вскорѣ съ Кизилъ-Гула раздался первый артилерійскій выстрѣлъ; громко раскатился онъ въ свѣжемъ, неподвижно стоящемъ утреннемъ воздухѣ. Снарядъ съ шипѣніемъ ворвался въ колонну полубатареи 38-й бригады, раздался трескъ, сопровождаемый дикимъ воемъ осколковъ, и около одного изъ орудій бѣлый дымокъ отходилъ уже медленно отъ мѣста разрыва. Одинъ изъ нумеровъ упалъ, контуженный пролетѣвшимъ близко осколкомъ. Его сейчасъ же подхватили и понесли назадъ. Солдаты безмолвно продолжали идти около орудій, а съ Кизилъ-Гула стлался по вѣтру, дымъ отъ втораго выстрѣла. Снарядъ приблизился, легъ среди роты, шедшей впереди, и разомъ вырвалъ семь человѣкъ.

Полубатарея 39-й бригады открыла огонь; затѣмъ, на рысяхъ, съ посаженою прислугою, выѣхала полубатарея 38-й бригады, пристроилась къ ней, снялась съ передковъ и открыла огонь картечными гранатами съ дистанціи 1050 сажепей.

Непріятельскія пули часто посвистывали между орудіями; невѣроятно, чтобы онѣ хватали на такую громадную дистанцію, но на самомъ дѣлѣ это было такъ. Скоро, впрочемъ, наша пѣхота оттѣснила турокъ—и пули ихъ не стали достигать до нашей позиціи. Стрѣльба картечною гранатою хотя была и возможна при

двухъ-ярусныхъ дистанціонныхъ трубкахъ, но въ данномъ случаѣ, при неимѣніи таблицъ стрѣльбы для дистанцій большихъ 900-тъ саженей, трубку приходилось ставить гадательно, вслѣдствіе чего нельзя было ожидать хорошихъ разрывовъ, и можно было рисковать, что всѣ выпущенныя картечныя гранаты не принесутъ никакой пользы. Въ виду этого, командиръ батареи перешелъ къ стрѣльбѣ обыкновенными гранатами. Метко начали попадать онѣ въ брустверъ турецкой батареи, то и дѣло подымая цѣлыя облака пыли, перемѣшанной съ дымомъ. Двѣ турецкія батареи бросали снаряды на нашу полубатарею: одна находилась на самой вершинѣ Кизилъ-Гула, другая же была расположена на позиціи, саженей на 300 позади первой. Къ 10-ти часамъ пѣхота наша подошла къ турецкимъ траншеямъ. Турки перемѣнили направленіе своихъ выстрѣловъ и сосредоточили артилерійскій огонь по нашимъ наступавшимъ цѣпямъ. Полубатарея 38-й бригады участила пальбу. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ „ура", предвидя благопріятный для насъ исходъ сраженія. Но, вдругъ, вмѣсто „ура", раздался сигналъ „отбой"—и за нимъ отступленіе. Солдаты не хотѣли сначала вѣрить въ возможность отступленія, при столь пока выгодныхъ для насъ условіяхъ боя; но сигналъ поданъ—и приходилось его исполнять. Медленно начали отходить войска. Турки, видя это, участили артилерійскій огонь, стрѣляя картечью по нашей цѣпи. То и дѣло съ визгомъ проносилась между звеньями цѣпи картечь, рикошетируя тутъ же и вырывая изъ строя людей. Раненые начали появляться чаще, но части, въ порядкѣ, отстрѣливаясь, продолжали отходить назадъ. По мѣрѣ нашего удаленія, турки переходили отъ картечи къ картечной гранатѣ, потомъ къ обыкновенной и, наконецъ, прекратили стрѣльбу. Турецкая пѣхота возвратилась въ свои укрѣпленія; одна только кавалерія, по преимуществу курды и башибузуки, сильно насѣдала на казаковъ, прикрывавшихъ все время наши отступавшія войска.

Причина, побудившая генералъ-маіора Шелковникова прекратить бой въ самый рѣшительный моментъ, была слѣдующая: на подкрѣпленіе отряда генерала Шелковникова ожидалось при-

бытіе отъ генерала Тергукасова двухъ баталіоновъ бакинскаго полка и пяти сотенъ казаковъ. По измѣнившимся обстоятельствамъ, войска эти не могли быть присланы вовремя, а потому корпусный командиръ и не совѣтывалъ идти кружною и опасною для такого маленькаго отряда дорогою на Дигоръ и Базарджикъ—какъ было предположено ранѣе, а слѣдовать прямою дорогою на вершину аладжинскаго хребта Нахарчи. Дорога на Нахарчи была совершенно скрыта отъ кизилъ-гулинскихъ турокъ небольшимъ горнымъ хребтомъ, а потому движеніе по ней не представляло почти никакой опасности, и было совершенно лишнее сбивать турокъ съ Кизилъ-Гула; напротивъ, надо было достигнуть того, чтобы турки, оставаясь на своей Кизилъ-Гула, и не узнали бы о нашемъ отбытіи къ Нахарчи. Сообразивъ и взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, генералъ Щелковниковъ и подалъ сигналъ къ отступленію.

Выйдя изъ сферы непріятельскихъ выстрѣловъ, отрядъ остановился, выждалъ пока перевяжутъ всѣхъ раненыхъ и тронулся далѣе. По приходѣ на мѣсто бивака, генералъ Шелковниковъ выстроилъ войска и обратился къ нимъ съ короткою рѣчью, въ которой благодарилъ за храбрость и стойкость; онъ замѣтилъ, что, безъ сомнѣнія, турки были бы прогнаны, еслибы только не послѣдовало приказаніе свыше—отступать. Въ заключеніе онъ приказалъ выдать солдатамъ по чаркѣ водки и, послѣ отдыха, приготовиться къ трудному ночному походу.

Видимо, рѣчь генерала Шелковникова сильно подѣйствовала на солдатъ, возбудивъ въ нихъ энергію, увѣренность въ себѣ и сознаніе хорошо исполненнаго дѣла.

Съ пѣснями вернулся отрядъ на свое мѣсто въ лагерь, гдѣ оказались уже два баталіона бакинскаго полка, четырехъ-фунтовая полубатарея 19-ой бригады и ракетная батарея. Войска эти прибыли ночью и были такъ утомлены, что не могли сейчасъ же слѣдовать къ Кизилъ-Гула.

Въ сраженіи при Кизилъ-Гула въ полубатареѣ 3-й батареи былъ контуженъ только одинъ нижній чинъ. Убыли въ лошадяхъ не было. Снарядовъ выпустили: картечныхъ гранатъ 19-ть, обыкновенныхъ гранатъ 53, а всего 72-вѣ. За дѣло подъ Кизилъ-Гула

на полубатарею 3-й батареи было дано два георгіевскихъ креста; одинъ изъ нихъ, по приговору полубатареи, былъ навѣшенъ на младшаго фейерверкера Ивана Шестеркина. Въ лагерѣ уже былъ сваренъ обѣдъ для нижнихъ чиновъ, послѣ котораго всѣ успокоились въ отдыхѣ, приготовляясь къ трудному ночному походу. Въ восемь часовъ вечера, всей пѣхотѣ, казакамъ, полубатареѣ горной батареи *) и ракетной батареѣ было приказано приготовиться къ выступленію. Части же полевой артилеріи, въ томъ числѣ и полубатарея 38-й бригады, за непроходимостью для артилеріи дорогъ, были оставлены на Камбинскомъ посту, на мѣстахъ своихъ биваковъ. Наступила уже темнота. Въ лагерѣ приказано было зажечь костры, и отрядъ, соблюдая полнѣйшую тишину, двинулся въ трудный путь. Костровъ не тушили, чтобы ввести непріятеля въ заблужденіе относительно выступленія отряда. Все въ лагерѣ какъ-то опустѣло съ отбытіемъ части отряда; тамъ, гдѣ полчаса назадъ двигались и бесѣдовали между собою люди—теперь царила полнѣйшая тишина.

---

*) Къ означенной полубатареѣ былъ прикомандированъ поручикъ 3-й батареи 38-й бригады Тупицынъ 2-й.

V.

Выступленіе, 11-го сентября 1877-го года, ардаганскаго отряда, а съ нимъ вмѣстѣ второй полубатареи 3-й батареи и первой полубатареи 5-й батареи 38-й артилерійской бригады, на соединеніе съ главными силами дѣйствующаго корпуса. Перестрѣлки у селеній Порцухлю и Паргета. Сраженіе 20-го, 21-го и 22-го сентября и участіе въ немъ полубатарей 3-й и 5-й батарей въ колоннѣ генералъ-маіора Комарова.

Къ 13-му сентября долженъ былъ подойти къ главнымъ силамъ послѣдній эшелонъ 1-й гренадерской дивизіи—и рѣшено было приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ арміи Мухтаръ-паши. 10-го сентября корпусный командиръ телеграфировалъ генералъ-маіору Комарову, три дня тому назадъ, по выздоровленіи отъ раны, принявшему вновь ардаганскій отрядъ отъ генерала Кузьминскаго, чтобы онъ прибылъ къ главнымъ силамъ съ ввѣренными ему войсками къ 20-му числу сентября. Сборнымъ пунктомъ ардаганскаго отряда было назначено селеніе Омеръ-Ага.

11-го числа, въ 8-мь часовъ утра, послѣ молебна, выступили туда, подъ прикрытіемъ пѣхоты, 2-я полубатарея 3-й батареи и первая полубатарея 5-й батареи 38-й артилерійской бригады. Генерала Комарова при отрядѣ не было; онъ пока оставался въ Ардаганѣ, а временное начальство надъ отрядомъ принялъ подполковникъ владикавказскаго полка Есиповъ. При 2-й полубатареѣ 3-й батареи находились: штабсъ-капитанъ Тупицынъ 1-й (командиръ полубатареи) и прапорщики Шосте (командиръ 1-го взвода) и Поповъ (командиръ 2-го взвода). При 1-й же полубатареѣ 5-й батареи находились: командиръ батареи подполковникъ Шредерсъ, командиръ полубатареи и 1-го взвода штабсъ-капитанъ Затеплинскій и командиръ 2-го взвода прапорщикъ Бѣльковичъ. Въ Ардаганѣ же остались: 5-ть баталіоновъ пѣхоты, 6-ть орудій, изъ коихъ одинъ 3-й взводъ отъ 5-й батареи 38-й бригады, подъ командою прапорщика Ломиковскаго, и четыре горныхъ орудія 39-й бригады, одна сотня казаковъ и 2 сотни милиціи.

День былъ жаркій и переходъ длинный, около 25-ти верстъ.

Артилерія имѣла при себѣ восьми-дневный запасъ сухарей. Въ Омеръ-Ага пришли совсѣмъ поздно; полубатареи 38-й бригады были поставлены одна возлѣ другой. Сейчасъ же разбили палатки, и вскорѣ лагерь успокоился. На другой день полубатарея 5-й батареи была переведена черезъ оврагъ на лѣвый флангъ занятой отрядомъ позиціи; полубатарея же 3-й батареи осталась па прежнемъ мѣстѣ. Позиція у Омеръ-Ага была несовсѣмъ удобна въ оборонительномъ отношеніи: обстрѣлъ впереди ея былъ небольшой, такъ какъ волнистая мѣстность представляла много пунктовъ, совершенно скрытыхъ отъ нашихъ глазъ. Къ этому неудобству еще надо присоединить и то, что какъ-разъ посерединѣ позиціи пролегалъ довольно глубокій и неудобо-проходимый оврагъ. На позиціи при Омеръ-Ага генералъ Комаровъ сосредоточилъ отрядъ *) и далъ ему отдыхъ до 16-го сентября.

Дни были очень жаркіе и тянулись крайне однообразно; только по вечерамъ лагерь оживалъ при звукахъ музыки владикавказскаго полка. Ночи были такъ холодны, что палатки промерзали насквозь и становились коломъ. Каждый день, съ разсвѣтомъ, въ лагерѣ появлялись турки окрестныхъ деревень, предлагая скотъ, фуражъ и разные продукты. Они очень выгодно сбывали свой товаръ, а мы, съ своей стороны, не упускали случая набивать ему цѣну. Между прочимъ, въ отрядѣ были приняты всѣ мѣры къ предупрежденію нечаяннаго нападенія, и по карсской дорогѣ постоянно выставлялась цѣпь казаковъ, которые наблюдали за всею впереди лежащею мѣстностью. Такъ длилось четыре дня.

16-го сентября, въ четыре часа утра, когда было еще совершенно темно, и ночной холодъ пронималъ чуть не до костей, послышалась барабанная дробь. Странно какъ-то отдавалась она въ ушахъ, и спросонья можно было принять ее или за дребезжаніе по мостовой экипажа, или за отдаленную ружейную трескотню. Но такъ какъ всѣ знали еще наканунѣ, что утромъ предстоитъ походъ, то барабанъ никого не ввелъ въ недоумѣніе. Въ ожида-

*) Два баталіона пятигорскаго полка, одинъ севастопольскаго, 2-й и сводный баталіоны владикавказскаго полка, шесть сотенъ кавалеріи и $1\frac{1}{2}$ батареи артилеріи.

нія выступленія, солдаты зажгли костры изъ брошенной подстилки, и подставляя чуть не въ самый огонь свои руки съ растопыренными пальцами, грѣлись, сидя на корточкахъ вокругъ огня. Вскорѣ отрядъ тронулся. Первыя три или четыре версты пришлось сдѣлать въ совершенной темнотѣ; только яркія звѣзды мерцали изъ темной безпредѣльной небесной бездны. Но скоро востокъ заалѣлъ, и подулъ холодный утренній вѣтеръ. Генералъ Комаровъ рысью обгонялъ отрядъ, здороваясь съ солдатами. Вскорѣ, верстахъ въ пяти отъ Омеръ-Ага, былъ данъ привалъ; солдаты, согрѣвшись ходьбою, выглядывали бодро и весело. Когда совсѣмъ разсвѣло— двинулись дальше.

Въ этотъ день переходъ былъ назначенъ до сел. Джелаусъ, верстахъ въ 25-ти отъ Омеръ-Ага. На половинѣ пути отрядъ опять остановился и, во избѣжаніе засады турокъ, полубатареи 38-й бригады поставлены на позицію одна возлѣ другой; съ тѣмъ вмѣстѣ вся кавалерія ардаганскаго отряда была выслана впередъ на рекогносцировку. Впереди полубатарей, версты на три, былъ пологій скатъ, закончивавшійся горною возвышенностью, совершенно открытою для наблюденій и выстрѣловъ. Позиція полубатарей, вслѣдствіе этого, была выгодная, но не имѣла никакихъ мѣстныхъ за рытій, и въ случаѣ столкновенія съ непріятелемъ артиллерія могла бы сильно терпѣть отъ его огня. Постоявъ часа три и убѣдившись, что непріятеля въ окрестностяхъ нѣтъ, отрядъ тронулся далѣе. Полубатарея 5-й батареи, какъ болѣе легкая и подвижная, был въ головѣ колонны, а полубатарея 3-й батареи въ хвостѣ. Къ концу дня погода начала мѣняться, и тяжелыя осеннія тучи спустились на горы. Передъ Джелаусомъ пришлось взобраться на крутой каменистый подъемъ; но лошади, будучи хорошо кормлены, легко превозмогли это неудобство и быстро поднялись наверхъ. Тутъ мы увидѣли Араратъ, окутанный синеватымъ туманомъ; лучи заходящаго солнца играли на его вершинѣ, окрашивая ее въ фантастическій пурпуровый цвѣтъ; лѣвѣе и ближе возвышался длинный холмъ, будто лежащій верблюдъ. Это—гора Караялъ, на которой расположенъ былъ лагерь нашихъ главныхъ силъ. Издали видны неопредѣленныя бѣлыя полосы и множество

рядовъ палатокъ, а правѣе ихъ—двѣ черныя возвышенности: одна въ видѣ усѣченнаго конуса, съ очень крутыми скатами, покрытыми также бѣлою узкою полосою, другая—еще правѣе и ниже ея, съ отлогими скатами; это—большіе и малые Ягны, съ турецкимъ лагеремъ на первыхъ изъ нихъ. Но скоро наступившій мракъ поглотилъ всю эту картину—и наблюденія прекратились.

Одна за другою подтягивались части отряда на гору; наконецъ, изъ за бугра показалась и полубатарея 3-й батареи. Было уже совершенно темно, когда войска окончательно расположились на высотѣ; общая тишина быстро смѣнила возню и суматоху. Вскорѣ зачастилъ дождикъ и не унимался всю ночь.

17-го сентября, съ разсвѣтомъ, пронеслось по лагерю давно знакомое и всѣми хорошо изученое „по возамъ"—и пошла та же процедура, что и вчера, съ тою лишь разницею, что теперь всюду были слышны шлепанья ногъ по раскисшей отъ дождя почвѣ. Палатки сняли и уложили на фургоны; войска начали вытягиваться на дорогу, которая сразу пошла по крутому спуску къ сел. Джелаусъ. Полубатарея 3-й батареи въ этотъ день шла въ головѣ колонны, а полубатарея 5-й батареи, будучи назначена въ арріергардъ, долго стояла на мѣстѣ, ожидая пока части пройдутъ и спустятся внизъ. Грязь представляла слабый упоръ для дышловыхъ лошадей, а въ особенности для ящичныхъ коренныхъ; послѣднія такъ и скользили на заднихъ ногахъ.

Но дождь мало по малу перестанъ, и за Джалаусомъ дорога пошла по ровной мѣстности до селенія Порцухлю, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ. Отрядъ стянулся засвѣтло. Опять двѣ полубатареи 38-й бригады были поставлены рядомъ; по флангамъ ихъ расположились баталіоны, а впереди и налѣво—кавалерія. Мѣсто бивака находилось въ одной верстѣ отъ Порцухлю. Съ прибытіемъ войскъ, тотчасъ была выставлена цѣпь. Ночь прошла совершенно спокойно. Съ первымъ лучемъ восходящаго солнца отрядъ сталъ на ноги. Трескъ сворачиваемыхъ палатокъ показывалъ, что ночью былъ порядочный морозъ; пожелтѣвшая трава вся подернулась инеемъ. Но съ каждою минутою дѣлалось теплѣе, и скоро можно было судить, что день будетъ жаркій. Едва

войска стали вытягиваться на дорогу, какъ позади Порцухлю раздался ружейный выстрѣлъ. Никто, конечно, не обратилъ на него вниманія; но вскорѣ послышался другой, за нимъ третій, и черезъ минуту загорѣлась перестрѣлка. Лица солдатъ моментально оживились; пошли разговоры, переговоры и догадки. Генералъ Комаровъ, находясь въ неизвѣстности относительно силъ непріятеля, приказалъ воротить пѣхотныя части, а дивизіону 5-й батареи велѣлъ выѣхать на позицію. Въ тоже время казаки въ карьеръ понеслись на выстрѣлы и тотчасъ же вступили въ перестрѣлку съ турецкими аванпостами. Полубатарея 5-й батареи 38-й бригады, согласно приказанію, не выходя изъ линіи бивака, открыла огонь обыкновенною гранатою по наступавшей непріятельской конной цѣпи. Первый снарядъ перелетѣлъ далеко; вслѣдъ за разрывомъ его, ружейная трескотня усилилась еще болѣе; бѣлые столбы пороховаго дыма медленно стлались кверху въ неподвижномъ утреннемъ воздухѣ. Еще одна сотня кавалеріи пронеслась впередъ и скрылась за селеніемъ. Полубатарея 38-й бригады по третьему выстрѣлу опредѣлила дистанцію въ 500-ть съ небольшимъ саженей. Не успѣла она сдѣлать этотъ третій выстрѣлъ, какъ изъ за *пригорка, находившагося вправо отъ цѣпи нашихъ всадниковъ, показался эскадронъ турецкихъ суварп, несшійся въ колоннѣ, и видимо желавшій зайти нашей цѣпи въ тылъ.* При подобной от*вагѣ турокъ, полубатарея 5-й батареи* обратила свой огонь на эскадронъ. Не смотря на всѣ невыгодныя условія, она достигла цѣли: первый снарядъ далъ небольшой недолетъ. Турки видимо озадачились отъ близкаго и неожиданнаго паденія нашей гранаты, и одна часть эскадрона сочла за лучшее повернуть назадъ. Второй снарядъ упалъ опять невдали отъ эскадрона и раздѣлилъ *его пополамъ, причемъ лѣвая половина,* въ видимомъ замѣша*тельствѣ, какъ говорится ,,очертя голову''*, понеслась по прежнему направленію напроломъ, а правая пустилась назадъ. Слѣдующіе два снаряда были выпущены вмѣстѣ: одинъ изъ нихъ далъ маленькій недолетъ и упалъ впереди непріятеля, другой же шлепнулся въ нѣсколькихъ саженяхъ за нимъ. Послѣ этихъ двухъ выстрѣловъ, турки окончательно разсѣялись, понеслись кто куда

16

попало и вскорѣ скрылись за Порцухлю, такъ что продолжать дальнѣйшую стрѣльбу было немыслимо. Изъ разсказовъ участвовавшихъ въ этой перестрѣлкѣ казаковъ видно, что остатки турецкаго эскадрона наткнулись на сотню нашей иррегулярной кавалеріи (маіора Іосельяни), которая ихъ разсѣяла.

Казаки же, между прочимъ, доставили одного плѣннаго турецкаго драгуна, маленькаго роста и жидкаго сложенія; на немъ была синяя коротенькая, доходящая до пояса, куртка, синіе же широчайшіе шаровары, заткнутые въ сапоги съ нечищеными голенищами. Вооруженіе драгуна составляли множество магазинныхъ патроновъ, заткнутыхъ въ нѣсколько полукруговъ на груди куртки; все же остальное оружіе у него было отобрано вмѣстѣ съ лошадью. Видъ драгуна былъ жалкій и вызывающій сочувствіе: маленькое, искаженное испугомъ лицо вовсе не походило на лицо турка-фанатика, а бѣгающіе въ разныя стороны черные глаза показывали крайнее замѣшательство. Бѣдняга навѣрно думалъ, что пройдетъ еще минута—и грозный паша, къ которому его подводили, однимъ знакомъ руки прикажетъ снести его голову съ тщедушныхъ плечъ; но нашъ паша не оказался столь грознымъ.

—Передайте ему, сказалъ генералъ Комаровъ, обращаясь къ переводчику, что онъ можетъ не безпокоиться за свою жизнь; никто ничего дурнаго ему не сдѣлаетъ.

Надо было видѣть радость турка: фигурка его рванулась изъ рукъ державшихъ его людей и бросилась къ генералу цѣловать полы его одежды. Вскорѣ, впрочемъ, порывы благодарности были пріостановлены, и начался допросъ, изъ котораго выяснилось слѣдующее: два полка турецкихъ драгунъ были посланы Мухтаръ-пашею для того, чтобы произвести нечаянное ночное нападеніе на нашъ отрядъ. Полки эти прибыли къ Порцухлю еще ночью, но напасть сейчасъ же почему-то не рѣшились, а завязали перестрѣлку только утромъ. Рѣчь свою турокъ пересыпалъ постоянно повторяющимся „алла, алла" (ейбогу) и прикладывалъ руку сначала къ сердцу, а потомъ ко лбу—въ знакъ того, что онъ говоритъ чистѣйшую правду.

О силахъ Мухтара плѣнникъ также сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія;

конечно, довѣряться этимъ свѣдѣніямъ было нельзя. Допросъ кончился, и драгунъ, уже нѣсколько ободренный, зашагалъ по направленію обозовъ, куда былъ переданъ на сохраненіе.

Отрядъ тронулся; опять колонна потянулась длинной вереницей, подымая столбы пыли. Въ отрядѣ былъ одинъ убитый казакъ и семь раненыхъ милиціонеровъ: ихъ размѣстили въ фургонѣ дивизіоннаго лазарета, который ѣхалъ впереди полубатареи 5-й батареи; за нею двинулось нѣсколько ротъ пѣхоты, составлявшихъ хвостъ колонны. Всю дорогу до Паргета турки не переставали преслѣдовать отрядъ; ихъ всадники все время ѣхали по гребню возвышенности, тянувшейся съ правой стороны дороги; непрерывно раздавались оттуда выстрѣлы изъ магазинокъ, но, по дальности разстоянія, они не приносили намъ вреда. Въ одномъ мѣстѣ, приблизительно на половинѣ разстоянія отъ Порцухлю къ Паргету, дорога подходила очень близко къ правой возвышенности, которая представляла въ этомъ пунктѣ совершенно отвѣсный скалистый обрывъ. Турки, засѣвъ наверху этого обрыва за камнями, открыли довольно частый огонь по полубатареѣ 5-й батареи и прикрывавшей ее пѣхотѣ. Послѣдняя разсыпала цѣпь, которая и завязала съ непріятелемъ частую перестрѣлку. Полубатарея 5-й батареи 38-й бригады также пріостановилась на возвышенномъ мѣстѣ, снялась съ передковъ и приготовилась открыть огонь. Но дѣло обошлось безъ артиллерійскаго огня, такъ какъ пѣхотная цѣпь, пострѣлявъ съ полчаса и видя, что стрѣльба въ данномъ случаѣ есть ничто иное, какъ совершенно напрасная трата патроновъ, прекратила безполезную трескотню и начала продолжать движеніе въ прежнемъ направленіи. Въ цѣпи оказалось двое легко раненыхъ нижнихъ чиновъ. Турки никакъ не хотѣли разстаться съ отрядомъ и все время преслѣдовали его, хотя на почтительномъ разстояніи, до Паргета. Даже и по приходѣ въ Паргетъ наши аванпосты долго еще перестрѣливались съ отдѣльными турецкими всадниками. Такъ закончился этотъ день, замѣчательный тѣмъ, что полубатарея 5-й батареи 38-й бригады сдѣлала первые выстрѣлы по непріятелю, которые не пропали даромъ, а разсѣяли цѣлый эскадронъ.

Ночлегъ въ Паргетѣ прошелъ безъ всякихъ приключеній. Недалеко были уже главныя силы нашего дѣйствующаго корпуса. Съ разсвѣтомъ отрядъ двинулся; цѣлое море бѣлыхъ палатокъ виднѣлось впереди. Посреди палатокъ возвышался Караялъ. Обширный муравейникъ предсталъ передъ нашими глазами: люди издали казались точками, которыя неустанно двигались въ разныхъ направленіяхъ. Въ десять часовъ утра ардаганскій отрядъ вступилъ въ составъ главныхъ силъ.

Вскорѣ получено было извѣстіе, что Главнокомандующій будетъ смотрѣть прибывшія войска. Людямъ было приказано почиститься и привести себя въ порядокъ. Черезъ полчаса всѣ уже стояли на передней линейкѣ въ группахъ. Вдали показалась блестящая кавалькада, впереди которой выдѣлялась особа Государя Великаго Князя.

—Ѣдутъ, ѣдутъ! пронеслось повсюду.

Всѣ превратились въ нетерпѣливое, смѣшанное съ волненіемъ, ожиданіе; кавалькада приблизилась. Его Высочество подъѣхалъ сначала къ полубатареѣ 3-й батареи, поздоровался съ людьми и, поблагодаривъ ихъ за прежнія дѣла, изволилъ выразить надежду, что и впредь они покажутъ себя молодцами. Подъѣхавъ къ полубатареѣ 5-й батареи, Главнокомандующій изволилъ также поздороваться съ людьми и поздравилъ ихъ съ предстоящимъ скоро кровавымъ боемъ.

—Надѣюсь, что вы покажете себя молодцами и не отстанете отъ своихъ боевыхъ товарищей 3-й батареи, заключилъ Великій Князь.

Восторженное и громкое „ура" было отвѣтомъ на слова Его Высочества. Объѣздъ кончился; всѣ обратились къ своимъ прерваннымъ навремя занятіямъ: начали разбивать палатки и коновязи, выравнивать въ паркѣ орудія и ящики, устроивать кухни и т. п.; словомъ, каждому нашлось какое нибудь дѣло.

Вскорѣ все было уставлено, уложено и выровнено; труба возвѣстила о времени обѣда.

20-го сентября рѣшено было атаковать войска анатолійской арміи Мухтаръ-паши, расположенныя на Аладжинскихъ высотахъ.

Для этого войска главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса были раздѣлены на три массы: 1) правое крыло (куда входилъ и ардаганскій отрядъ съ полубатареями 3-й и 5-й батарей 38-й бригады) подъ начальствомъ корпуснаго командира, предназначалось для дѣйствій на оба Ягны; 2) лѣвое крыло, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Лазарева, должно было удерживать правый флангъ турецкой арміи, расположенный отъ Инахъ-Тепеси до Суботана, и не допускать его подать помощь карсскимъ отрядамъ и 3) общій резервъ, подъ командою генералъ-лейтенанта Шатилова. Въ тылу долженъ былъ дѣйствовать камбинскій отрядъ генералъ-маіора Шелковникова. Диспозиція въ войскахъ была получена 19-го сентября послѣ полудня, и тотчасъ повсюду начались сборы и приготовленія. Къ тремъ-четыремъ часамъ лагерь ардаганскаго отряда былъ снятъ, палатки уложены въ фургоны, и полубатареи стояли совершенно готовыя выступить по первому же приказанію. Лошадей хорошенько выкормили и напоили, такъ какъ предвидѣли, что завтра имъ не прійдется ни ѣсть, ни пить; людямъ роздали на три дня сухарей. Съ наступленіемъ темноты, обозы тронулись въ общій вагенбургъ—къ селенію Пирвали. Солнце закатилось; двинулась головная часть отряда генерала Комарова. Полубатарея 3-й батареи была поставлена въ первую линію, а полубатарея 5-й батареи—во вторую. Смерклось; стало прохладно.

Войска шли съ пѣснями и музыкою по хорошей дорогѣ. Тѣ, которыя входили въ составъ праваго крыла, были раздѣлены на двѣ пѣхотныя (генераловъ Комарова и Граббе) и одну кавалерійскую (генерала князя Щербатова) колонны; общее командованіе ими было поручено генералъ-лейтенанту Роопу. Кавалерія должна была предшествовать обѣимъ колоннамъ, развѣдывать и указывать имъ дорогу. Съ разсвѣтомъ кавалерійскій авангардъ долженъ былъ занять дорогу, ведущую изъ находящагося на нашемъ правомъ флангѣ селенія Халифъ-Оглы въ Карсъ. По занятіи ея, кавалерія обязана была устранить всѣ попытки непріятеля къ воспрепятствованію нашимъ войскамъ вести атаку на малые Ягны. Затѣмъ, колонна генерала Комарова, подойдя къ разсвѣту къ сѣверо-западной сторонѣ горы, должна была немедля идти въ атаку на нахо-

дившіяся въ этой части сильныя укрѣпленія непріятеля; колонна же генерала Граббе—дѣйствовать на тѣ же укрѣпленія, только съ сѣверной стороны. Планъ былъ хорошъ, и расчетъ вѣренъ; вся участь сраженія зависѣла только отъ того, будетъ ли все это исполнено съ буквальною точностью. Но исполнено это не было: кавалеріи впереди не оказалось, и войска путались и сбивались съ дороги, постоянно останавливаясь; передовая пѣхотная часть посылала людей по разнымъ направленіямъ отыскивать дорогу, а отрядъ все стоялъ. Такъ было много разъ. Въ этихъ поискахъ пропали въ сложности цѣлые часы, и колонна генерала Комарова только съ разсвѣтомъ стала приближаться къ малымъ Ягны—да и то попала не туда, куда ей было назначено, т. е. не къ сѣверо-западному, а къ восточному склону горы. Здѣсь она отдохнула около часа и, перестроившись въ боевой порядокъ, двинулась. Колонна же генерала Граббе очутилась еще лѣвѣе колонны Комарова. Ротныя повозки. лазаретныя фуры и прочій обозъ, слѣдовавшій при колоннахъ, тянулся тутъ же—и неопредѣленные звуки, неслышные ночью, начали доноситься до уха съ разныхъ сторонъ.

Съ вершины малыхъ Ягны, одинъ за другимъ, взлетѣли кверху два небольшихъ бѣлыхъ дымка. Хотя утренній полусвѣтъ дѣйствовалъ на зрѣніе обманчиво, но ошибиться было нельзя, что дымки происходили отъ орудійныхъ выстрѣловъ, служившихъ сигналомъ. Дѣйствительно, спустя нѣкоторое время, донеслись два громадныхъ орудійныхъ выстрѣла, сопровождаемые сильнымъ и приближающимся шипѣньемъ снарядовъ; оба снаряда ворвались въ густыя массы войскъ, на минуту всполошили ихъ и тотчасъ уступили мѣсто послѣдующимъ. Солнце выкатилось; бой начинался. Командиры поспѣшили устроить свои части; полубатареи 38-й бригады были выдвинуты на позицію и открыли огонь обыкновенными гранатами по построенному на восточной сторонѣ малыхъ Ягны турецкому редуту—полубатарея 3-й батареи съ дистанціи 1000 саженей, а полубатарея 5-й батареи съ дистанціи 900 саженей. По этому же самому редуту одновременно открыли канонаду двѣ батареи кавказской гренадерской и одна батарея 39-й ар-

тилерійскихъ бригадъ. Наши снаряды то и дѣло разсѣкали воздухъ, неся съ собою смерть на турецкій редутъ; оттуда также намъ отвѣчали четыре орудія, стрѣльба изъ которыхъ хотя и была очень частая, но маловредная для насъ. Турецкія гранаты проносились надъ нашими головами и, шлепаясь на батареѣ, осыпали ее землею. Люди 5-й батареи хотя и были въ первый разъ подъ огнемъ, однако не теряли присутствія духа, и сквозь дымъ видно было, какъ они хладнокровно, не суетясь, заряжали и наводили орудія. Одна изъ непріятельскихъ гранатъ разорвалась около самаго дула только-что выстрѣлившаго орудія; осколокъ контузилъ слегка спину перваго нумера и порвалъ ему портупею отъ шашки, потомъ онъ ударилъ сбоку въ спину 3-го нумера, бомбардира Долгополова, и послѣдній безсильно упалъ на руки своихъ товарищей; онъ былъ отведенъ ими за батарею, откуда доставленъ на перевязочный пунктъ. Другой осколокъ отъ той же гранаты перешибъ спицу боеваго колеса, расколовъ предварительно косякъ, переломилъ банникъ въ рукахъ четвертаго нумера и тутъ же упалъ на землю. Орудіе однако не было испорчено и продолжало дѣйствовать до конца сраженія. Полубатарея 3-й батареи не отставала отъ полубатареи 5-й батареи и неустанно отправляла по назначенію снарядъ за снарядомъ. Вскорѣ, одно изъ орудій первой изъ нихъ перестало дѣйствовать. Оказалось, что вытяжная трубка такъ плотно застряла въ затравочномъ стержнѣ, что всѣ усилія перваго нумера извлечь ее оказались тщетными, и онъ, пропыхтѣвъ и пропотѣвъ, объявилъ рѣшительно, что трубку невозможно „вытянуть". Послали за батарейнымъ кузнецомъ Фишеромъ. Онъ не замедлилъ явиться и принялся за работу. Долго возился опытный въ своемъ дѣлѣ „вулканъ", не обращая никакого вниманія на падавшіе вокругъ него снаряды. Часто мѣнялъ онъ въ своихъ рукахъ немногочисленный наборъ своихъ кузнечныхъ инструментовъ, и все-таки его работа не привела ни къ какимъ результатамъ: трубка такъ и осталась въ каналѣ затравочнаго стержня. Нечего дѣлать—пришлось продолжать стрѣльбу только изъ трехъ орудій.

Полубатарея 5-й батареи, простоявъ на первой позиціи часа

два или три, подъ постояннымъ огнемъ, получила приказаніе отступить къ баталіону владикавказскаго полка, стоявшему въ резервѣ, позади батареи. Хотя отступленіе началось въ порядкѣ, но съ визгомъ проносившіяся надъ головами гранаты порождали среди людей видимую торопливость и лихорадочное стремленіе выйти поскорѣе изъ сферы выстрѣловъ и стать за какое нибудь закрытіе. Все время полубатарея отступала въ развернутомъ порядкѣ, дѣлая полуобороты то направо, то налѣво, для того, чтобы не дать возможности туркамъ вести правильную пристрѣлку. Наконецъ, завернувъ за маленькую возвышенность, полубатарея очутилась среди лежащихъ и сидящихъ солдатъ баталіона владикавказскаго полка. Нѣкоторые изъ солдатъ вели мирные разговоры, вовсе повидимому и не воображая себя въ той боевой обстановкѣ, въ которой они находились. Ароматичныя синеватыя струйки махорки то и дѣло подымались изъ среды такихъ группъ. Другіе съ любопытствомъ высовывали головы изъ за громадныхъ камней, скрывавшихъ цѣлый баталіонъ отъ взоровъ непріятеля, и слѣдили за разстилавшейся впереди картиной боя.

—Водицы бы таперь не мѣшало, проговорилъ одинъ изъ солдатъ. Не въ мочь становится.

Дѣйствительно, день становился жаркій; какая-то особенная истома, усиливаемая полнѣйшимъ отсутствіемъ воды, замѣчалась въ людяхъ; страшно было подумать, что еще много часовъ впереди пріидется всѣмъ пробыть безъ капли воды. Неумолкаемые орудійные выстрѣлы, перемѣшиваясь съ сильной ружейной трескотней, то и дѣло оглашали окрестности, давая знать всѣмъ и каждому, что сраженіе только разгорается.

Не долго простояла полубатарея 5-й батареи въ резервѣ съ баталіономъ владикавказскаго полка. Черезъ полчаса, прискакалъ адъютантъ генерала Комарова и передалъ приказаніе—двинуться на крайній правый флангъ нашего расположенія, откуда и открыть огонь по находившейся на сѣверной сторонѣ малыхъ Ягны непріятельской траншеѣ. Далеко было до назначеннаго намъ мѣста: версты три приходилось ѣхать на рысяхъ, съ посаженною прислугою. Пули очень часто посвистывали между орудіями;

Проѣхавъ вдоль цѣпи, залегшей въ высохшей желтой травѣ, полубатарея пробудила ея сосредоточенное вниманіе и увидѣла передъ собою цѣлыя облака пороховаго дыма. Солдаты. лежавшіе въ цѣпи и облитые потомъ, поворачивали головы, провожали орудія глазами, и потомъ опять приникали къ своимъ ружьямъ. Наконецъ, полубатарея доѣхала до праваго фланга, гдѣ трещала сильная ружейная пальба, и тутъ повернула налѣво. Утомленные лошади сапѣли и фыркали; за общей суматохой уже не слышно было и свиста пуль—хотя чувствовалось, что онѣ летали тутъ же. Остановившись и снявшись съ передковъ, полубатарея начала пристрѣлку по траншеѣ. Дистанція оказалась въ 1050 саженей. По прошествіи нѣкотораго времени, турки начали свозить какія-то тяжести по сѣверному склону малыхъ Ягны. Трудно было опредѣлить, даже и въ бинокль, были-ли то подбитыя орудія, или же просто какія нибудь повозки; во всякомъ случаѣ первый взводъ, подъ командою штабсъ-капитана Затеплинскаго, открылъ пальбу по двигавшимся внизъ предметамъ; второй же взводъ, подъ командою прапорщика Бѣльковича, продолжалъ стрѣлять по прежней цѣли, т. е. по траншеѣ, изъ которой то и дѣло неслись дымки отъ ружейныхъ выстрѣловъ. Пули падали всюду на полубатарею; уже нѣсколько лошадей было ранено; впереди полубатареи, шагахъ въ ста отъ линіи орудій, валялся трупъ, видимо только-что убитаго турка; позади виднѣлась группа всадниковъ, и среди нихъ фигура генерала Комарова, наблюдавшаго за ходомъ боя. Граната съ визгомъ пронеслась надъ полубатареей и шлепнулась впереди группы, заставъ дымомъ стоявшаго отдѣльно отъ прочихъ верховаго казака; послѣдній упалъ съ лошади, но потомъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, взобрался на сѣдло и продолжалъ стоять совершенно спокойно. Счастье, что турки вели плохую стрѣльбу шрапнелью, которая рвалась высоко впереди полубатареи; убавь они немного высоту прицѣла—и Богъ знаетъ, осталось бы что нибудь отъ полубатареи; достаточно было одной удачно разорвавшейся шрапнели, чтобы вся прислуга и лошади какого нибудь орудія легли бы цѣликомъ. Въ данномъ же случаѣ полубатарея отдѣлалась однимъ только непріятнымъ и тяжелымъ впечатлѣніемъ;

вреда же не было и не могло быть никакого. Пули однако же не переставали свистать и падали всюду, иногда даже у самыхъ ногъ; но разъ коснувшись земли, онѣ не приносили никакого вреда, такъ какъ впивались въ землю, или, падая рикошетомъ, отлетали почти въ вертикальномъ направленіи, издавая при этомъ характерное журчаніе.

Прошло полчаса, какъ полубатарея остановилась на второй позиціи. Отъ генерала Комарова прискакалъ ординарецъ съ приказаніемъ—передвинуться впередъ, на болѣе близкую дистанцію. Полубатарея снялась съ позиціи и, проѣхавъ линію смерти, устланную трупами убитыхъ турокъ, остановилась шаговъ на 200-ти впереди. И снова загремѣли выстрѣлы. До траншеи, по которой стрѣляли съ прежней позиціи, оказалось саженей семьсотъ. Наверху одного изъ отроговъ горы виднѣлась группа коническихъ турецкихъ палатокъ; дымки безпрестанно попыхивали изъ траншеи. Раздалось отдаленное „ура". Все громче становился этотъ крикъ; турецкія траншеи забѣлѣли непрерывной полосой дыма. Мимо полубатареи проскакало нѣсколько сотенъ иррегулярной кавалеріи, направленной для поддержанія атаки. Не доѣзжая еще 700-тъ саженей до турецкаго расположенія, кавалеристы крикнули „ура" и, судя по этому преждевременному возгласу, можно было сомнѣваться, что они собьютъ непріятеля съ его позиціи. Такъ и случилось: при первомъ же залпѣ, которымъ встрѣтилъ ихъ непріятель изъ своихъ заваловъ, они разсѣялись за камни и кусты.

День уже далеко перевалилъ за полдень; жара начала спадать. Полубатарея 5-й батареи все еще продолжала обстрѣливать траншею на сѣверномъ склонѣ Ягны, выпуская одну за другой картечныя гранаты; уже въ передкахъ не осталось ни одного снаряда, въ ящикахъ также число ихъ начало сильно близиться къ концу, и по прошествіи часа можно было остаться вовсе безъ снарядовъ. Но въ это время прискакалъ отъ генерала Комарова ординарецъ, съ приказаніемъ—отступить къ самому крайнему правому флангу. Полубатарея снялась и двинулась подъ градомъ пуль. Дойдя до назначеннаго ей пункта, она остановилась и уви-

дѣла себя какъ бы отдѣльно и въ сторонѣ отъ прочихъ войскъ.

Перестрѣлка навремя притихла. Но это продолжалось недолго, и вслѣдъ затѣмъ непріятельскія траншеи опять забѣлѣли полосами дыма, который медленно разсѣивался въ неподвижномъ воздухѣ. Черезъ минуту донеслись отдаленные раскаты ружейныхъ залповъ. Полубатарея отстояла отъ траншей версты на три, и, не смотря на это громадное разстояніе, турецкія пули достигали до нея иногда цѣлою массою. Черезъ нѣсколько минутъ опять все затихло. Позиція, на которой стояла полубатарея, была крайне неудобна для артилерійской стрѣльбы: множество мелкихъ балокъ скрывало отъ выстрѣловъ все находящееся впереди; мѣстность была волнистая и, на бѣду, полубатарея стояла внизу, окруженная со всѣхъ сторонъ командующими высотами. Волей-неволей—а приходилось перемѣнить позицію. Быстро взявъ „на задки", полубатарея двинулась обратно. Непріятель, принявъ ея отступленіе за бѣгство, открылъ огонь изъ ружей. Въ это время неизвѣстно откуда взялись милиціонеры, втиснулись между орудіями, и своимъ неумѣстнымъ присутствіемъ произвели суматоху. Нѣкоторые изъ этихъ всадниковъ тутъ же стрѣляли, пуская вверхъ свои пули; видно было, что они крайне озабочены недалекимъ сосѣдствомъ турецкой кавалеріи. Попалась, неизвѣстно куда идущая, полурота 1-й гренадерской дивизіи, со знаменемъ впереди; она была остановлена генераломъ Роопомъ, который подъѣхалъ въ это время къ полубатареѣ, и по приказанію его разсыпала цѣпь. Тогда полубатарея, поднявшись на одну изъ возвышенностей, снялась съ передковъ. Турецкіе всадники, преслѣдовавшіе полубатарею издали, составили теперь нѣсколько кучекъ и приближались, видимо желая пуститься въ атаку. Орудія зарядили картечной гранатой, съ установкой трубки на 700 саженей, и бросили нѣсколько снарядовъ. Рѣшимость турецкихъ кавалеристовъ была парализована, и они, повернувъ назадъ, исчезли за гребнемъ впереди лежащей возвышенности, откуда уже больше и не показывались. Полуроты московскихъ гренадеръ, такъ случайно попавшей въ прикрытіе полубатареи, также уже не было, и полубатарея опять очутилась совершенно одна. Положеніе ея безъ пѣхотнаго

прикрытія было крайне рискованное, тѣмъ болѣе, что турецкая кавалерія могла снова повторить прежній маневръ, а снарядовъ почти не было. Озабочиваясь пополнить хотя часть изъ нихъ, подполковникъ Шредерсъ отправилъ всѣ вторые ящики, подъ командою штабсъ-капитана Затеплинскаго, въ паркъ. Но, къ счастью, въ этотъ день снаряды для полубатареи 5-й батареи болѣе не понадобились.

Полубатарея 3-й батареи долго стрѣляла, вмѣстѣ съ прочими батареями, по турецкому редуту, построенному на восточномъ склонѣ малыхъ Ягны, съ дистанціи 1000 сажепей. Всѣ окружающія ее артилерійскія части были или отведены назадъ, или перемѣщены на другія позиціи, а она все стояла на томъ же мѣстѣ и дымила изъ своихъ трехъ пушекъ то по редуту, то по турецкимъ орудіямъ. Было три часа пополудни. Кругомъ никого не видать; въ бинокль можно только отличить залегшую за камнями у подножія малыхъ Ягны нашу цѣпь. Бой видимо уже стихалъ, а полубатарея все не получала никакихъ распоряженій. Наконецъ, въ четыре часа пополудни пріѣхалъ адъютантъ начальника артилеріи генерала Губскаго, съ приказаніемъ—наступать ближе къ горѣ и, расположившись около послѣдней сажепей на 500, открыть огонь картечными гранатами по непріятельскимъ траншеямъ. На рысяхъ тронулась полубатарея; загрохотали и загремѣли по сухому грунту тяжелыя девяти-фунтовки; лошади, утомленныя сильной жарой и ничего не пившія со вчерашняго вечера, храпѣли, истощая послѣдніе запасы своихъ силъ. Жалко было смотрѣть на мучимыхъ сильною жаждою животныхъ. Ѣздовые, и тѣ, видимо проникнутые чувствомъ состраданія, рѣдко рѣшались примѣнять силу удара нагайки на лошадиной спинѣ. Съ каждымъ шагомъ приближенія къ туркамъ, все чаще и чаще проносились въ воздухѣ рои пуль. Едва только полубатарея, приблизившись на 500 сажепей, снялась съ передковъ, какъ надъ нею лоппула турецкая шрапнель; другая шрапнель съ ревомъ вынеслась на полубатарею изъ завала и разорвалась позади ея; затѣмъ грянули и наши выстрѣлы. Не успѣла сдѣлать полубатарея трехъ выстрѣловъ, какъ уже штукъ пять турецкихъ шрапнелей обдали ее и вынесли изъ

строя нѣсколько лошадей.

Но не долго пришлось простоять нашей полубатареѣ 3-й батареи на этой позиціи: послѣ третьяго выстрѣла было получено отъ генерала Комарова приказаніе—перемѣнить позицію, и стать со стороны Визинкея. Пришлось передвинуться немного назадъ и значительно влѣво; весь переходъ на новую позицію былъ совершенъ подъ непрерывнымъ ружейнымъ огнемъ. Наконецъ, прибыли и открыли огонь гранатами по непріятельской траншеѣ. По окончаніи же пристрѣлки, по которой дистанція опредѣлилась въ 900 саженей, полубатарея перешла къ стрѣльбѣ на ту же дистанцію картечной гранатой. Позиція была весьма удобна для стрѣльбы, такъ какъ позволяла обстрѣливать одну изъ непріятельскихъ траншей продольнымъ огнемъ, во флангъ. Бѣда только въ томъ, что въ полубатареѣ осталось лишь два орудія, годныхъ къ стрѣльбѣ; остальныя же дѣйствовать не могли. Одно, какъ извѣстно, было приведено въ негодность застрявшею вытяжною трубкою, надъ извлеченіемъ которой такъ дѣятельно, но тщетно трудился батарейный кузнецъ Фишеръ; другое же пришло въ негодность по случаю накопленія большаго количества нагара на стѣнкахъ канала и каморы. Нагаръ присталъ до того плотно, что даже усиленныя протиранія мокрымъ банникомъ не могли улучшить дѣла. Еще на первой позиціи снаряды досылались въ камору этого орудія съ помощью сильныхъ ударовъ банника; съ переѣздомъ же на послѣднюю позицію, усилія даже нѣсколькихъ человѣкъ были недостаточны для того, чтобы дослать снарядъ. Наконецъ, подобное безцеремонное проталкиваніе снаряда могло повлечь за собою весьма непріятныя послѣдствія: хотя и трудно допустить, но могъ произойти разрывъ снаряда, и тогда прислугѣ навѣрно бы не поздоровилось. Въ виду этихъ соображеній, рѣшено было прекратить стрѣльбу изъ этого орудія, и такъ какъ присутствіе двухъ совершенно безполезныхъ орудій могло повлечь за собою только лишнія потери, то эти испорченныя орудія вывезены были изъ сферы непріятельскихъ выстрѣловъ и направлены на перевязочный пунктъ, подъ командою прапорщика Попова; оставшіяся же два орудія продолжали до поздняго вечера обстрѣливать непріятельскую тран-

шею во флангъ.

Таковы были 20-го сентября дѣйствія двухъ полубатарей 38-й артилерійской бригады. Общій же характеръ боя, въ которомъ онѣ принимали участіе, былъ слѣдующій:

Съ первымъ выстрѣломъ, раздавшимся изъ турецкихъ орудій, въ непріятельскихъ лагеряхъ ударили тревогу, и все пришло въ движеніе; въ траншеяхъ началась бѣготня, доказывавшая, что наше появленіе было для турокъ неожиданнымъ. Но не прошло и минуты, какъ изъ черныхъ земляныхъ валовъ понеслись клубы дыма—и загорѣлся бой.

Часамъ къ семи утра расположеніе войскъ колонны генерала Комарова было приблизительно слѣдующее: на крайнемъ правомъ флангѣ, противъ сѣверо-западной стороны малыхъ Ягны, стояли три баталіона перновскаго гренадерскаго полка, построенные въ боевой порядокъ, поротно въ двѣ линіи; противъ сѣверной стороны горы былъ расположенъ одинъ баталіонъ того же полка, и, наконецъ, у восточной стороны горы стояли три баталіона пятигорскаго полка; въ промежуткахъ между всѣми этими войсками были расположены батареи кавказской гренадерской, 38-й и 39-й артилерійскихъ бригадъ.

Около восьми часовъ утра, пятигорскіе баталіоны, залегшіе въ камняхъ на восточномъ склонѣ малыхъ Ягны, видимо ослабили свой огонь; множество раненыхъ тянулось изъ передовыхъ цѣпей; жажда, чувствовавшаяся еще съ утра, усиливалась. Вдругъ, съ восточной стороны горы раздался сигналъ къ атакѣ. Пятигорцы поднялись и дружно двинулись впередъ; но вслѣдъ затѣмъ неумолкаемый огонь изъ непріятельскихъ траншей внесъ десятки смертей въ порѣдѣвшіе ряды пятигорцевъ; отвѣсныя же скалы и уступы задерживали движеніе ротъ. Немыслимо было, при такихъ условіяхъ, вести дальнѣйшую атаку, тѣмъ болѣе, что для овладѣнія грозными непріятельскими траншеями, съ толстыми блиндированными брустверами, недостаточно было трехъ баталіоновъ. Атака была пріостановлена; послѣ этого долго цѣлыя тучи непріятельскихъ пуль проносились надъ залегшими за камнями пятигорцами.

Турки были сильно электризованы нашею атакою, и какое

нибудь незначительное движеніе или даже крикъ съ нашей стороны вызывали у нихъ невообразимую ружейную трескотню. Солдатамъ, лежавшимъ за закрытіями такъ близко отъ непріятеля, приходилось трудно: нельзя было высунуть головы, не рискуя получить тутъ же нѣсколько пуль въ лобъ. Раненымъ также нельзя было подавать какую либо помощь, потому что приближавшіеся къ нимъ санитары тотчасъ ложились подъ меткими пулями непріятеля. Такимъ образомъ, эти раненые цѣлый день валялись безъ пособія.

Турки, увидѣвъ, что главная атака съ нашей стороны ведется на малые Ягны, начали сосредоточивать здѣсь свои силы: съ каждымъ часомъ подтягивались по южному склону горы свѣжіе таборы. Они тотчасъ же распредѣлялись по безчисленнымъ траншеямъ, усѣивавшимъ собою всѣ скаты горы. Въ восемь часовъ утра у непріятеля было столько войскъ, что они не могли помѣститься въ траншеяхъ, и около трехъ таборовъ расположились въ видѣ резерва на вершинѣ малыхъ Ягны. Таборы эти хотя и были прогнаны баталіонами перновцевъ, завладѣвшихъ при этомъ передовыми непріятельскими укрѣпленіями на сѣверномъ склонѣ горы, но отъ этого положеніе дѣла не улучшилось.

Кавалерія праваго крыла, генералъ-маіора князя Щербатова, опоздавшая съ началомъ боя занять карсскую дорогу и стать на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ, теперь на рысяхъ стремилась по направленію къ Карсу и вскорѣ вступила въ бой съ попавшеюся ей на пути турецкою иррегулярною кавалеріею. Немного труда стоило нашимъ сѣверскимъ драгунамъ обратить ее въ бѣгство; но она, оправившись, начала сильно насѣдать на баталіоны перновцевъ, которые были уже утомлены боемъ. Къ счастью, два баталіона тифлисскаго гренадерскаго полка вовремя подоспѣли къ перновцамъ, и, при содѣйствіи нашихъ драгунъ, вновь дали соотвѣтственный отпоръ турецкой конницѣ, которая послѣ этого долго не показывалась у насъ передъ глазами. Вошедшіе такимъ образомъ въ боевую линію, эти два свѣжихъ баталіона тифлисцевъ воспользовались своею близостью къ непріятельскимъ траншеямъ, расположеннымъ на западномъ склонѣ, и повели на нихъ атаку.

Быстро подвигались длинныя цѣпи тифлисцевъ. Хотя огонь турокъ съ каждымъ шагомъ усиливался, но, судя по летавшимъ поверхъ цѣпи пулямъ, можно было заключить, что непріятель терялся и громомъ своихъ неумолкаемыхъ выстрѣловъ какъ бы старался заглушить въ себѣ чувство страха. Въ этомъ не было ничего удивительнаго, потому что настойчивость тифлисцевъ, подвигавшихся бодро и молодецки, могла поколебать самаго завзятаго непріятеля. Вскорѣ раздалось по всей линіи дружное „ура" разсыпанныхъ въ цѣпь баталіоновъ—и они ринулись впередъ; нѣкоторые же смѣльчаки вскочили въ траншеи, и турки окончательно растерялись: одни стрѣляли въ воздухъ, другіе спасались бѣгствомъ, и мало нашлось такихъ, которые рѣшились съ самоотверженіемъ продать свою жизнь. Солдаты, расположившись въ непріятельскихъ укрѣпленіяхъ, начали перестрѣлку, преслѣдуя огнемъ бѣгущихъ турокъ. Картина полнаго разрушенія и смерти проглядывала во внутренности занятаго укрѣпленія.

Между тѣмъ, масса непріятеля, какъ темныя грозовыя тучи, подвигалась къ траншеямъ, только-что занятымъ тифлисскими баталіонами. Трудно было бы тифлисцамъ устоять противъ напора пяти таборовъ карсскаго гарнизона, стремившихся на сѣверо-западный пунктъ малыхъ Ягны. Для поддержанія тифлисцевъ были двинуты изъ резерва баталіоны владикавказскаго полка, съ восемью орудіями. Вскорѣ къ владикавказцамъ присоединилась еще одна пѣшая батарея, передвинутая сюда генераломъ Комаровымъ съ лѣваго фланга нашего отряда; наконецъ, подоспѣла сюда и кавалерія съ двумя конными орудіями и съ ракетною командою.

Былъ уже одиннадцатый часъ, когда восемнадцать нашихъ орудій и четыре ракетныхъ станка громили вышедшіе изъ Карса таборы; стрѣльба была успѣшная, снаряды и ракеты метко попадали въ цѣль. Пѣхотныя цѣпи обѣихъ сторонъ также открыли жесточайшій огонь. Перестрѣлка въ этомъ пунктѣ длилась часа полтора. Турки не отступали, но и не рѣшались подаваться впередъ. Наконецъ, дружный натискъ нашей кавалеріи порѣшилъ дѣло: непріятельскіе таборы были опрокинуты и бросились къ Карсу. Долго наша кавалерійская цѣпь преслѣдовала ихъ; не осо-

бенно далеко оставалось уже ей и до линіи грозныхъ фортовъ этой крѣпости, но вдругъ, изъ за бруствера одного изъ нихъ грянулъ выстрѣлъ. Цѣпь пріостановилась и повернула назадъ. Другой снарядъ такого же калибра былъ пущенъ ей въ догонку. Этимъ и закончился бой съ вышедшимъ на помощь къ туркамъ карсскимъ гарнизономъ.

Наши молодецкіе баталіоны тифлисскаго, перновскаго и владикавказскаго полковъ остались въ занятыхъ уже ими на сѣверномъ и сѣверо-западномъ склонахъ горы передовыхъ траншеяхъ непріятеля. Артилерія съ прежнимъ успѣхомъ продолжала бить по укрѣпленіямъ. Орудія турокъ ослабили свой огонь, и нѣкоторыя изъ нихъ были подбиты; стрѣльба пѣхоты также начала утихать; приближался рѣшительный моментъ. Въ третьемъ часу пополудни раздался сигналъ, перехваченный повсюду—и войска двинулись въ атаку. Но она не удалась. Къ счастью, непріятель почему-то обратилъ свой огонь на отступавшую въ сомкнутомъ строѣ кавалерію. Этимъ воспользовались перновскіе баталіоны и почти безъ потерь отошли на прежнія свои позиціи; раненые также были всѣ подобраны.

Такъ кончилась эта неудачная попытка съ нашей стороны—завладѣть грозными непріятельскими траншеями,—попытка, стоившая намъ, къ сожалѣнію, очень дорого. Всѣ дальнѣйшія усилія противъ непріятельской позиціи на м. Ягны не привели ни къ какимъ результатамъ, да и не могли привести къ чему либо, такъ какъ невозможно требовать отъ человѣка того, что положительно превышаетъ его физическія силы. Бой стихалъ; ружейная перестрѣлка все ослабѣвала. Изрѣдка до самаго поздняго вечера раздавались одни только артилерійскіе выстрѣлы. Правый флангъ праваго крыла, на который была возложена главная задача дѣйствій, отступилъ въ семь часовъ вечера къ Кабахъ-Тапа, на семь верстъ назадъ, и тамъ расположился бивакомъ.

Колонны центра и лѣваго фланга также не пришли ни къ какимъ результатамъ. Онѣ дѣйствовали подъ общею командою генералъ-лейтенанта Геймана. Главное назначеніе средней колонны, бывшей подъ непосредственнымъ командованіемъ генерала Шере-

метева, состояло въ томъ, чтобы сбить турокъ съ большихъ Ягны, и оставивъ тамъ достаточно сильный гарнизонъ, продолжать наступленіе на гору Авліаръ. Со взятіемъ б. Ягны, генералъ Шереметевъ долженъ былъ выдѣлить кавалерію для освѣщенія мѣстности къ сторонѣ визинкейскихъ высотъ. Что касается до лѣвой колонны, бывшей подъ командою генерала фонъ-Шака, то назначеніе ея заключалось въ удержаніи турецкихъ таборовъ, расположенныхъ въ суботанскихъ и хаджи-валійскихъ окопахъ, и въ отвлеченіи вниманія ихъ отъ войскъ генерала Шереметева.

Къ разсвѣту баталіонъ несвижскаго гренадерскаго полка, бывшаго въ отрядѣ генерала Геймана, началъ подниматься на большіе Ягны. Атака поведена была съ западной стороны горы, гдѣ скаты сравнительно отложе. Баталіонъ этотъ, поддержанный другими баталіонами того же полка, все ближе подходилъ къ главному непріятельскому укрѣпленію, вѣнчающему вершину горы, и съ каждой минутой приближалось время кровавой развязки. Скоро грянуло громкое и рѣшительное ,,ура''—и побѣда въ этомъ пунктѣ осталась за нами. По диспозиціи, войскамъ, занявшимъ большіе Ягны, слѣдовало тотчасъ же двинуться на штурмъ Авліара, который не былъ совсѣмъ занятъ непріятелемъ. Но моментъ былъ упущенъ: турки, увидѣвъ, что большіе Ягны въ нашихъ рукахъ, и что мы намѣреваемся продолжать наступленіе на Авліаръ, сейчасъ же приняли всѣ мѣры воспрепятствовать намъ въ томъ. Скоро массы ихъ стали надвигаться съ аладжинскихъ высотъ, изъ суботанскихъ и хаджи-валійскихъ укрѣпленій, посиѣшая занять гору. Колонна генералъ-маіора фонъ-Шака къ семи съ половиною часамъ утра подошла къ хаджи-валійскому оврагу и, завязавъ ожесточенную перестрѣлку съ находившимся тутъ непріятелемъ, хотѣла задержать наступленіе его на Авліаръ. Но предупредить турокъ уже было невозможно, а потому генералъ-маіоръ фонъ-Шакъ рѣшился отступать по направленію большихъ Ягны, гдѣ онъ могъ найти поддержку въ баталіонахъ несвижскаго полка. Быстрыми перебѣжками началось отступленіе колонны. Турки сначала преслѣдовали, но увидѣвъ, что колонна остановилась у большихъ Ягны, сдержали свой порывъ и ограничились только жесточай-

шей стрѣльбой.

Вдругъ, часовъ въ 10-ть утра, съ высшей точки аладжинскихъ высотъ, съ Нахарчи, показались дымки отъ ружейныхъ выстрѣловъ. То былъ отрядъ генерала Шелковникова, храбро зашедшій въ тылъ непріятелю и отдѣленный отъ насъ всей его арміей. Но что могла сдѣлать горсть храбрецовъ? Поддержать ихъ было немыслимо; дѣйствовать же самостоятельно, продолжая дальнѣйшее наступленіе, генералу Шелковникову также было невозможно. Турки сначала были сильно поражены появленіемъ нашихъ войскъ у нихъ въ тылу, но, оправившись и увидѣвъ, что зашедшій имъ въ тылъ отрядъ слишкомъ малочисленный, они повели рѣшительное наступленіе противъ генерала Шелковникова. Ясно, что Шелковниковъ не могъ держаться подъ напоромъ въ десять разъ сильнѣйшаго непріятеля—и отступилъ. Это было около трехъ часовъ пополудни.

У деревни Хаджи-Вали перестрѣлка продолжалась вплоть до четырехъ часовъ пополудни, и турки, получивъ массу подкрѣпленій, рѣшились перейти въ этомъ пунктѣ въ наступленіе; но два баталіона ростовскаго полка, посланные генераломъ Гейманомъ въ обходъ праваго фланга наступающаго непріятеля, лихо ударили на него, и онъ быстро отступилъ. На правомъ флангѣ отряда генералъ-лейтенанта Геймана атака турецкихъ войскъ также была отбита, и этимъ, собственно говоря, закончился бой 20-го сентября въ средней нашей колоннѣ, бывшей подъ начальствомъ генерала Геймана. Войска его отступили по направленію къ большимъ Ягны.

Колонна генерала Лазарева состояла изъ всего байрахтарскаго отряда. Въ три часа ночи она направилась къ селенію Кюльверанъ. Обойдя его и не встрѣтивъ въ немъ ни одного турка, она стала на мѣстахъ въ слѣдующемъ порядкѣ: правая колонна, подъ командою полковника Амираджиби, неподалеку отъ Кизилъ-Тапы—фронтомъ къ этой горѣ и къ Суботапу; лѣвѣе ея—лѣвая колонна, бывшая подъ начальствомъ генералъ-маіора Рыдзевскаго; резервъ же, подъ командою генералъ-маіора Гурчина, и кавалерія были расположены за правою колонною уступомъ, въ лощинѣ, скрывавшей ихъ отъ взоровъ противника. Часовъ въ шесть, бата-

рей наши открыли огонь по Кизилъ-Тапѣ. Турки, ободренные нашими неудачами на правомъ флангѣ и въ центрѣ нашей арміи, рѣшились перейти въ наступленіе на своемъ правомъ флангѣ, но здѣсь потерпѣли на всѣхъ пунктахъ рѣшительный отпоръ.

Совсѣмъ завечерѣло. Войска лѣваго крыла, прекративъ безполезную, продолжавшуюся до самаго поздняго вечера, перестрѣлку, отступили на свои боевыя позиціи. Войска генерала Геймана также остались на занятыхъ съ боя позиціяхъ—на б. Ягны. Была уже глубокая ночь, когда отрядъ генерала Комарова, съ утомленными и измученными жаждою частями 38-й артил. бригады, стянулся къ горѣ Кабахъ-Тапѣ. Много унынія и тяжелыхъ думъ пало на душу каждаго; какое-то давящее чувство камнемъ легло на истерзанное дневными впечатлѣніями сердце. Отъ Кабахъ-Тапы полубатареи двинулись къ Караялу. Усталыя лошади, чувствуя скорый отдыхъ, начали фыркать. Наконецъ, пришли. Долго однако скитались полубатареи въ тщетномъ отыскиваніи старыхъ мѣстъ бивака. Въ темнотѣ, лишенныя возможности оріентироваться, онѣ остановились около какого-то ручья; вода слегка журчала и заманчиво влекла къ себѣ усталыхъ людей и лошадей. Некогда было, конечно, заботиться о какихъ бы то ни было удобствахъ, потому что сонъ такъ и смыкалъ глаза.

Утромъ, 21-го сентября, изъ главныхъ силъ прискакалъ казакъ, съ приказаніемъ—всѣмъ частямъ, прибывшимъ на Караялъ, сейчасъ же выступить на присоединеніе къ главнымъ силамъ отряда, которыя провели всю ночь у возвышенности Кабахъ-Тапа. Напоивъ хорошенько лошадей, обѣ полубатареи двинулись. День былъ сѣренькій, и переходъ показался далеко не такимъ труднымъ, какъ ночью. Часа черезъ три безостановочнаго марша, полубатареи были уже у мѣста назначенія, гдѣ расположилась масса пѣхоты съ артиллеріею. Нѣкоторые солдаты лежали въ беззаботномъ отдыхѣ, другіе, уже достаточно отдохнувшіе, бродили безъ опредѣленной цѣли, переходя отъ одной группы къ другой. Въ общемъ же, отрядъ представлялъ мало оживленія; разговоры крайне односложные: видимо, люди были вовсе не расположены сообщаться другъ съ другомъ словами; только синеватыя струйки табачнаго дыма поды-

мались во всѣхъ направленіяхъ, пятная собою воздухъ. Третьему взводу батареи 38-й бригады, какъ имѣвшему испорченныя орудія, по приходѣ къ Кабахъ-Тапа пришлось тотчасъ же возвратиться обратно, подъ командою прапорщика Шосте, на Караялъ для починки. Войска нашего праваго крыла сильно нуждались въ отдыхѣ. Къ счастью, турки не выказывали ни малѣйшаго желанія предпринимать 21-го сентября какія нибудь рѣшительныя дѣйствія; и они также предавались отдыху, такъ какъ въ ихъ лагерѣ на лѣвомъ флангѣ было совершенно спокойно. Это дало возможность отправить кавалерію и артиллерію на водопой въ Паргетъ—частями, поочередно. Люди также получили воду, хотя и въ крайне ограниченномъ количествѣ. Что касается отряда генерала Геймана, то въ этомъ отношеніи онъ былъ далеко не такъ счастливъ, потому что на большіе Ягны и къ подножію ихъ вода не могла быть скоро доставлена.

Сѣренькое прохладное утро постепенно уступило мѣсто знойному дню. Нечего, значитъ, и говорить о тѣхъ нестерпимыхъ страданіяхъ, которыя пришлось вынести солдатамъ генерала Геймана. Что касается до лѣваго крыла генерала Лазарева, то на долю его пришлось выдержать въ этотъ день цѣлое сраженіе съ непріятелемъ, перешедшимъ въ этомъ пунктѣ въ наступленіе, которое было предпринято повидимому съ цѣлью оттянуть насъ отъ большихъ Ягны и Авліара и тѣмъ дать возможность безпрепятственно усилить Авліаръ. Однако, желаніе это не увѣнчалось успѣхомъ, и турки были опрокинуты молодецкимъ и дружнымъ отпоромъ войскъ генерала Лазарева, подпустившихъ ихъ на очень близкое разстояніе и потомъ вдругъ перешедшихъ въ наступленіе. Оставивъ на мѣстѣ множество труповъ, патронныхъ ящиковъ и оружія, непріятель бѣжалъ.

Противъ колонны генерала Комарова также начали показываться послѣ полудня сомкнутыя части. Это появленіе турокъ объясняется тѣмъ, что съ нашего праваго фланга было двинуто, по приказанію Главнокомандующаго, подкрѣпленіе къ отряду генерала Лазарева. Для встрѣчи непріятеля былъ высланъ впередъ тифлисскій полкъ. Въ резервѣ же, въ баталіонныхъ колоннахъ, у

подножія Кабахъ-Тапы, расположился пятигорскій полкъ, а на вершинѣ горы въ ложементахъ—одна батарея. Полубатарея 5-й батареи 38-й бригады также была вызвана на позицію, но простояла все время безъ выстрѣла. Непріятель, демонстрируя противъ нашего праваго фланга, не рѣшался, однако, не смотря на свой численный перевѣсъ, предпринять рѣшительныя дѣйствія. Артиллерійская прислуга, стоя около бездѣйствовавшихъ орудій, видимо скучала. Вскорѣ, однако, командиръ батареи нашелъ ей дѣло: имѣя въ виду, что лошади не кормлены съ самой ночи, а вокругъ росла высокая, хотя уже и выжженная солнцемъ трава, онъ приказалъ ее выкосить. Вся прислуга съ особеннымъ усердіемъ принялась за дѣло; въ ходъ были пущены даже шашки, и черезъ полчаса образовалась порядочная копна готоваго сѣна. Къ сожалѣнію, ему не суждено было перейти въ голодные желудки лошадей. Причина этому была слѣдующая:

Отрядъ генерала Геймана, расположенный на вершинѣ большихъ Ягны, еще засвѣтло спустился съ нея и ожидалъ только сигнала, чтобы начать отступленіе. Сигналомъ же долженъ былъ послужить костеръ, на который и слѣдовало направляться войскамъ. Костеръ условлено было зажечь съ наступленіемъ сумерокъ. Какъ-разъ въ то время, когда у полубатареи 5-й батареи образовалась порядочная копна сухой травы, къ подполковнику Шредерсу подъѣхалъ генералъ и спросилъ: не можетъ ли онъ одолжить какого нибудь горючаго матеріала для разведенія костра. Такъ какъ дровъ, конечно, не было, то и была предложена скошенная сухая трава, которая вскорѣ и запылала. Конечно, одной этой травы было бы далеко недостаточно для поддержанія долгаго горѣнія, но судьба помогла и въ этомъ затруднительномъ положеніи: въ то время, когда костеръ грозилъ потухнуть, мимо полубатареи проѣзжало нѣсколько казаковъ съ поленьями дровъ на плечахъ. Эти дрова были отобраны и пошли въ огонь.

Съ наступленіемъ темноты, полубатареѣ 5-й батареи было приказано направиться къ мѣсту расположенія пятигорскаго полка, который уже снялся съ своей позиціи. Такъ какъ подполковнику Шредерсу было неизвѣстно, гдѣ именно въ данный моментъ

находились пятигорцы, то полубатареѣ пришлось поневолѣ пространствовать немного наугадъ; но скоро она вышла изъ этого затрудненія и прибыла по назначенію.

Отступленіе колонны генерала Геймана отъ большихъ Ягны было замѣчено турками 22-го сентября только въ девять часовъ утра. Съ восходомъ солнца нерѣшительно начали выступать они изъ своихъ укрѣпленій на малыхъ Ягны и на Авліарѣ и осторожно двигались по направленію къ большимъ Ягны. Когда же они убѣдились, что гора нами брошена, то сейчасъ же втащили на нее нѣсколько орудій и открыли огонь по нашимъ войскамъ. Вслѣдъ затѣмъ, они, въ густыхъ колоннахъ, начали показываться со стороны Суботана и большихъ Ягны и выдѣлили густую цѣпь стрѣлковъ, которая на ходу открыла частый огонь. Тогда и съ нашей стороны впереди Кабахъ-Тапы была разсыпана цѣпь, которая завязала оживленную перестрѣлку на разстояніи хорошаго ружейнаго выстрѣла. Одновременно съ этимъ двинулась на позиціи и артиллерія: спѣшно, на рысяхъ, промчались двѣ батареи кавказской гренадерской бригады и одна 1-й гренадерской артиллерійской бригады, и разъѣхавшись въ стороны отъ Кабахъ-Тапы, снялись съ передковъ и загрохотали. Вершина Кабахъ-Тапы была занята сильными резервами, расположившимися въ ложементахъ и траншеяхъ.

Дошла очередь и до полубатареи 5-й батареи 38-й бригады, которая при началѣ боя стояла по правую сторону Кабахъ-Тапы. На рысяхъ двинулась она на крайній лѣвый флангъ позиціи, занятой всѣмъ отрядомъ генерала Роопа, для того, чтобы обезпечить его отъ нечаяннаго нападенія. Пришлось проѣхать вдоль фронта расположенныхъ на Кабахъ-Тапѣ войскъ. Какой-то полкъ перестраивался въ резервную баталіонную колонну, при чемъ баталіоны медленно расползались въ разныя стороны. Тутъ же стояла батарея. Съ правой стороны подымались столбы бѣлаго дыма, и несмолкаемо грохотали выстрѣлы, слышался отдаленный свистъ непріятельскихъ снарядовъ и жалобный стонъ разлетающихся осколковъ. Вскорѣ вершина Кабахъ-Тапы осталась позади, и ясныя прежде линіи траншей теперь казались какими-то тоненькими чорными полосками. Вправо показались три роты пятигорскаго полка, на-

значенныя въ прикрытіе полубатареи. Впереди тянулась длинная возвышенность, на которой слѣдовало остановиться и ждать появленія непріятеля.

Такъ какъ стрѣлять было пока не въ кого, то полубатарея занялась разстановкою за мѣстныя закрытія передковъ. Послѣдніе были поставлены на склонѣ гребня, который отлично могъ прикрыть ихъ отъ дѣйствія непріятельскихъ выстрѣловъ. Ящики не ввозились на гребень, а будучи оставлены у подножія его, были окончательно гарантированы отъ пораженія. Что касается до орудій, то для нихъ не нашлось никакихъ мѣстныхъ прикрытій, а потому, для обезпеченія ихъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, они были поставлены на возможно большія другъ отъ друга дистанціи. Спустя десять минутъ послѣ разстановки передковъ, впереди начали показываться отдѣльные непріятельскіе всадники. Подъѣзжая къ громаднымъ каменнымъ глыбамъ, они спѣшивались, скрывались за ними и начинали пальбу; но видно было, что никакъ не могли точно опредѣлить дистанцію: пули ихъ то далеко перелетали за гребень, то, падая впереди орудій, съ фурчаніемъ взвивались кверху.

Пѣхота, назначенная въ прикрытіе полубатареи 5-й батареи 38-й бригады, будучи вооружена ружьями Карле, не могла отвѣчать непріятелю за дальностью разстоянія. Командиръ батареи подполковникъ Шредерсъ, видя, что за камнями собралось уже довольно значительное число непріятельскихъ стрѣлковъ, рѣшился выбить ихъ картечной гранатой. Быстро зарядили и навели орудіе. Высота прицѣла была поставлена на дистанцію соотвѣтствующую 700 саженямъ, и вскорѣ дымокъ отъ разорвавшагося снаряда закрылъ собою камни, за которыми сидѣли турки. Выстрѣлъ былъ столь удаченъ, что они, не желая ждать повторенія, обратились въ бѣгство. Надо было видѣть эту интересную картину. Какъ блохи, выскакивали изъ за камней перепуганные люди. Въ бинокль очень ясно было видно, какъ каждый изъ нихъ опрометью кидался къ своей лошади, поспѣшно садился въ сѣдло и безъ оглядки удиралъ куда глаза глядятъ. Послѣ боя 20-го сентября въ полубатареѣ осталось одно орудіе, заряженное гранатой. Пробовали

разрядить его, но это оказалось очень трудно, да къ тому же и опасно; въ данную же минуту представлялся удобный случай разрядить орудіе по живой цѣли. Избравъ одну группу замѣшкавшихся почему-то бѣглецовъ, навели туда орудіе. Наводка въ данномъ случаѣ была сообразована со всѣми правилами стрѣльбы по непріятелю, двигающемуся поперегъ нашихъ выстрѣловъ, такъ какъ намѣченная группа бѣглецовъ потянулась рысью къ своему правому флангу. Снарядъ далъ маленькій недолетъ, и одинъ изъ всадниковъ, видимо пораженный осколкомъ, упалъ съ лошади. Даже и не въ бинокль можно было видѣть, какъ къ упавшему подскакалъ его товарищъ, сошелъ съ коня и подсадилъ раненаго на сѣдло. Вторая столь же удачная граната заставила раненаго снова пасть на землю. Солдаты, довольные стрѣльбой, повеселѣли.

Турецкія батареи, занятыя дѣятельною перестрѣлкою съ нашими, вѣроятно и не замѣчали присутствія четырехъ орудій на самомъ лѣвомъ флангѣ расположенія нашего отряда. Но, по первому же выстрѣлу, данному нами по стрѣлкамъ, турки открыли нашу позицію. Не прошло и пяти минутъ послѣ означеннаго выстрѣла, какъ приближающійся свистъ снаряда показалъ, что мы обратили на себя вниманіе непріятеля. Послѣ перваго же снаряда, на полубатарею начали непрерывно падать гранаты отъ подножія б. Ягны. Турки быстро пристрѣлялись, и дистанція была опредѣлена ими съ замѣчательною точностью. Съ страшнымъ визгомъ приближались къ намъ чугунные истребители рода человѣческаго, падая и разрываясь около орудій и передковъ. Одинъ изъ снарядовъ разорвался буквально въ двухъ шагахъ отъ дула втораго орудія, застлавъ дымомъ и пылью все орудіе съ прислугою. Думали въ первый моментъ, что прислуга перебита, но разсѣялся дымъ, и мужественныя фигуры солдатъ все такъ же спокойно и въ безмолвіи стояли на своихъ мѣстахъ. Подполковникъ Шредерсъ, не желая, чтобы люди этого орудія могли подвергнуться вторично столь непріятной случайности, приказалъ увеличить интервалъ между орудіями, раздвинувъ послѣднія влѣво; но не успѣли установить орудія—грянулъ разрывъ, но къ счастью снова не принесъ никакихъ дурныхъ послѣдствій. Меткость турецкой ар-

тилеріи въ этотъ день была поразительна: почти ни одинъ изъ снарядовъ не перешелъ за черту расположенія полубатареи. Но насколько была хороша эта меткость, настолько же было плохо разрывное дѣйствіе снарядовъ. Случалось такъ, что упадетъ снарядъ на полубатарею—и цѣлый снопъ пыли и земли взовьется кверху, а посмотришь въ образовавшуюся воронку—и увидишь тотъ же снарядъ почти цѣльный, но только съ треснутыми продольно и сильно вспученными боками. Слѣдовательно, разрывной зарядъ въ нѣкоторыхъ непріятельскихъ снарядахъ былъ настолько малъ, что даже не былъ въ состояніи разбить стѣнки на отдѣльные куски.

Полубатарея 5-й батареи, осыпаемая непрерывно падавшими на нее снарядами, пыталась было отвѣчать, но послѣ первыхъ же выстрѣловъ Шредерсъ приказалъ прекратить стрѣльбу, такъ какъ дистанція далеко не соотвѣтствовала силѣ боя нашихъ четырехъ-фунтовыхъ мѣдныхъ пушекъ. Часа три простояла полубатарея въ полнѣйшемъ бездѣйствіи, подъ непрерывнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Нечего и говорить о тѣхъ пріятныхъ чувствахъ, которыя навѣрно испытывалъ каждый въ это время.

Турецкая батарея, видя нашу стойкость, или, можетъ быть, и по другимъ причинамъ, прекратила, наконецъ, пальбу и начала отступать. Въ тоже время было усмотрѣно, какъ какія-то артиллерійскія части передвигались по направленію къ Суботану, откуда вскорѣ и послѣдовалъ выстрѣлъ по черному пятну, образовавшемуся у подножія Кабахъ-Тапы отъ выжженной въ этомъ мѣстѣ травы. За дальностью разстоянія пятно это, вѣроятно, принималось ошибочно непріятелемъ за колонну нашихъ войскъ. Турки, не стѣсняясь громадностью дистанціи, продолжали посылать одинъ за другимъ снаряды, которые, пролетая высоко надъ полубатареею, падали вокругъ чернаго пятна и никакъ не могли угораздить въ самое пятно. Послѣднее обстоятельство, конечно, сильно досаждало непріятелю, и онъ до самаго поздняго вечера продолжалъ швырять свои снаряды по пятну, ни въ чемъ неповинному. Смѣшно даже было видѣть эту грубую ошибку, соединенную съ упрямою назойливостью турецкихъ артиллеристовъ.

Простоявъ на позиціи до поздняго вечера и выпустивъ только

двѣ картечныхъ и десять обыкновенныхъ гранатъ, полубатарея получила, наконецъ, приказаніе направиться на ночлегъ къ подножію Кабахъ-Тапы. Въ теченіе этого дня, не смотря на сильный непріятельскій огонь, въ полубатареѣ не было ни потерь, ни матеріальной порчи. Уже было совершенно темно, когда полубатарея подошла къ восточному склону Кабахъ-Тапы. Всюду лежали утомленные ряды солдатъ; нѣкоторые уже крѣпко спали, другіе же закусывали неизмѣннымъ сухаремъ или же озабоченно рылись въ своихъ холщевыхъ сумкахъ.

Результатъ боя 22-го сентября состоялъ въ томъ, что двѣ атаки непріятеля были отбиты, и онъ отступилъ восвояси, оттянувъ даже свои войска и отъ большихъ Ягны.

Что касается взвода 3-й батареи 38-й бригады, оставшагося, за отбитіемъ двухъ орудій на Караялъ для починки, то онъ 21-го и 22-го сентября не принималъ участія въ боевыхъ дѣйствіяхъ.

Этимъ собственно и закончился трехдневный бой съ турками въ совершенно безводной мѣстности. Труднѣе всего было несчастнымъ лошадямъ, снабдить которыхъ водою въ достаточномъ количествѣ было невозможно. Что касается до людей, то имъ подвозили воду каждый день въ бурдюкахъ и боченкахъ, хотя и не позволяли пить вдосталь.

VI.

Вступленіе полубатарей 3-й и 5-й батарей 38-й артиллерійской бригады въ отрядъ генералъ-лейтенанта Лазарева. Перемѣщеніе въ отрядъ генералъ-лейтенанта Шатилова. Соединеніе, 26-го сентября, полубатарей 3-й батареи. Оставленіе турками Кизилъ-Тапы и занятіе ея нашими войсками. Вступленіе 3-й батареи и полубатареи 5-й батареи въ отрядъ генералъ-маіора Кузьминскаго. Движеніе 3-й батареи къ Инахъ-Тепеси. Боевая дѣятельность 3-й батареи и полубатареи 5-й батареи въ сраженіи 3-го октября. Возвращеніе полубатареи 5-й батареи въ составъ ардаганскаго отряда, въ Ардаганъ. Стоянка 3-й батареи у Визинкея до 13-го октября.

23-го сентября рѣшено было дать всѣмъ отдыхъ, но такъ какъ на безводной мѣстности и отдыхъ не въ отдыхъ, то съ ранняго утра войска потянулись къ Караялу на старыя свои позиціи. Бодро шли солдаты, воодушевляемые пріятной перспективой полнѣйшаго отдыха; къ сожалѣнію, обѣимъ полубатареямъ 38-й бригады пришлось вынести всѣ трудности походной жизни. Дѣло было такъ: не успѣли онѣ расположиться на прежнихъ мѣстахъ, какъ получили приказаніе выступить къ вечеру въ отрядъ генералъ-лейтенанта Лазарева, назначенный для усиленія гарнизона на Учь-Тапѣ. Усиленіе это было вызвано извѣстіемъ о предположенномъ будто бы ночномъ нападеніи турокъ. Люди пообѣдали, лошадей подкормили и часовъ въ пять пополудни тронулись въ путь. Впереди шла полубатарея 5-й батареи, позади—успѣвшая уже починиться полубатарея 3-й батареи. Дорога сначала пролегала по задней линіи лагеря всѣхъ войскъ, гдѣ было большое движеніе и оживленіе. Постоянно въ разныхъ направленіяхъ сновали люди и цѣлыя команды, неся манерки и котелки, наполненные дымящеюся похлебкой или свѣжею и чистою водою; маркитантскія лавченки также были переполнены народомъ. Людской говоръ, ру̀готня, стукъ отъ постоянно двигающихся ротныхъ повозокъ и отъ проходившей артиллеріи смѣшивался въ одинъ общій гулъ.

Кончился, наконецъ, лагерь, а съ нимъ вмѣстѣ и оживленіе. Уже совсѣмъ стемнѣло, и дорога потянулась по какой-то неиз-

вѣстной мѣстности. Начальникомъ колонны былъ назначенъ командиръ 5-й батареи 38-й бригады подполковникъ Шредерсъ; въ проводники ему былъ посланъ отъ корпуснаго штаба казакъ. Долго водилъ полубатарею злополучный колоновожатый, а Учь-Тапа, съ своими тремя вершинами, обрисовывалась еще далеко неяснымъ силуэтомъ на мрачномъ горизонтѣ. Пошелъ дождь, заливая цѣлые потоки за воротникъ пальто и смачивая насквозь; образовалась страшная грязь; темнота стала непроглядная. Направо ясно были видны безчисленные огни непріятельскаго лагеря. Иной разъ мракъ до того обманывалъ зрѣніе, что казалось, будто костры горятъ, совсѣмъ близко. Дошли, наконецъ, до казачьяго поста, расположеннаго между Караяломъ и Учь-Тапою; казаки, съ нахмуренными лицами, завернулись въ бурки и сгруппировались около горящаго костра; красный отблескъ кидалъ фантастическое освѣщеніе на ихъ бородатыя суровыя лица. Сдѣлавъ небольшой привалъ около поста, подполковникъ Шредерсъ повелъ колонну далѣе, но тутъ проводникъ-казакъ сбился съ дороги и началъ до того путать, что Шредерсъ послалъ прапорщиковъ 3-й батареи Шосте и Попова къ генералу Лазареву, чтобы узнать, какого направленія держаться. Генералъ былъ удивленъ, что двигается колонна подъ командою подполковника Шредерса, тогда какъ назначено было ночное движеніе на Учь-Тапу отряду генерала Шелковникова, который, понеся громадныя потери въ дѣлѣ 20-го сентября, утромъ 21-го числа возвратился къ Камбинскому посту. Къ этому отряду и былъ посланъ въ проводники нашъ казакъ, но, по ошибкѣ, вмѣсто того, чтобы направиться къ генералу Шелковникову, онъ очутился въ нашемъ отрядѣ. Исправлять ошибку было уже поздно, и приходилось продолжать дальнѣйшее движеніе на значительно уже приблизившійся къ намъ силуэтъ Учь-Тапы. Часа черезъ три послѣ привала и утомительнаго медленнаго марша подъ дождемъ, полубатареи добрались, наконецъ, до подножія Учь-Тапы и остановились.

Учь-Тапа (въ переводѣ „три горы") состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ вершинъ, замыкающихъ въ своей серединѣ обширное плато. Весь отрядъ расположился на этомъ плато; на одну же изъ южныхъ вершинъ горы былъ командированъ взводъ 5-й батареи

подъ командою прапорщика Бѣльковича. Для указанія мѣстъ постановки орудій генералъ Лазаревъ командировалъ офицера генеральнаго штаба, который отправился при взводѣ Бѣльковича. Подъемъ на вершину былъ весьма крутъ и грязенъ; но, несмотря на это, лошади, привыкшія къ тягѣ, безостановочно работали, и не болѣе какъ черезъ полчаса орудія и ящики были на вершинѣ горы, гдѣ оказались какіе-то ложементы и траншеи. Послѣднія были биткомъ набиты сѣрыми фигурами солдатъ, которые въ полной боевой готовности дремали, прислонившись къ тонкому брустверу. Не взирая на массу находившихся тутъ людей, не было слышно не только говора, но даже незначительнаго звука, могущаго напомнить о присутствіи человѣка; все какъ бы вымерло на этой унылой вершинѣ. Указавъ мѣста для орудій, офицеръ уѣхалъ обратно. Но впереди оставалось самое трудное дѣло: надо было вкатить орудія въ ложементы и установить передки и зарядные ящики за гребнемъ возвышенности, которая позади ложементовъ образовала крутую отлогость. Это было единственное для нихъ прикрытіе, которое обезпечивало ихъ отъ сильнаго пораженія. Съ прислугой, утомленной походомъ, не было возможности справиться съ этимъ дѣломъ, и потребовалось содѣйствіе пѣхоты. Владикавказцы, занимавшіе вершину горы, дѣйствительно оказали большую помощь, и черезъ часъ вся артиллерія стояла уже на мѣстахъ, прислуга въ полной боевой готовности бодрствовала около орудій. Ѣздовымъ, съ лошадьми, приказано было спуститься съ горы для того, чтобы не подвергаться напраснымъ потерямъ отъ огня, а также и для того, чтобы усталыхъ лошадей попасти на желтой, выжженной солнцемъ травѣ. Въ такомъ неопредѣленномъ и выжидательномъ состояніи взводъ простоялъ весь остатокъ ночи.

Наконецъ, забрезжилъ дневной свѣтъ; изъ за тумана начали вырисовываться вершины ближайшихъ горъ; внизу разстилался цѣлый ландшафтъ, на которомъ, конечно, главную роль играли поставленные въ боевой порядокъ наши войска. Непріятель повидимому и не думалъ выходить изъ своего лагеря для нападенія. Пришедшій на усиленіе учь-тапинскаго гарнизона отрядъ простоялъ до полудня 24-го сентября. Въ полдень же, взводъ прапорщика

Бѣльковича, при содѣйствіи пѣхоты, былъ спущенъ съ вершины горы, и весь отрядъ потянулся обратно къ Караялу. У селенія Огузлы отрядъ остановился и разбилъ лагерь. Обѣ полубатареи 38-й бригады вошли въ составъ отряда генерала Шатилова. На этомъ мѣстѣ полубатареи простояли безъ тревогъ двое сутокъ. 25-го числа весь лагерь былъ подвинутъ саженей на 200 лѣвѣе. Съ новой позиціи открылся видъ на Кизилъ-Тапу: видны были грозные окопы, вырытые непріятелемъ на вершинѣ этой горы; на самой высокой точкѣ горы былъ сдѣланъ какой-то навѣсъ, подъ которымъ въ бинокль можно было отличить орудіе довольно солиднаго калибра, не мало безпокоившее всѣхъ, такъ какъ можно было ожидать, что турки будутъ изрѣдка посылать изъ него въ нашъ лагерь свои снаряды. Къ счастью, опасенія не оправдались, и полубатареи благополучно простояли до полудня 27-го числа.

26-го числа, въ 11-ть часовъ пополудни, первая полубатарея 3-й батареи, бывшая въ отрядѣ генерала Шелковникова, присоединилась ко второй полубатареѣ. Для обезпеченія отряда отъ нечаяннаго нападенія турокъ, ежедневно выдвигалась впередъ, версты за полторы, дежурная часть, состоявшая изъ пѣхоты съ полубатареею артиллеріи. Назначенныя на дежурство орудія выступали обыкновенно рано утромъ и утромъ же на другой день возвращались въ лагерь. Вечеромъ 26-го сентября, дошла очередь до 3-й батареи, отъ которой и была назначена вторая полубатарея, подъ командою штабсъ-капитана Тупицына. До 11-ти часовъ почти все было спокойно. Впереди возвышалась все та же грозная, но безмолвная вершина Кизилъ-Тапы, и никому въ голову не приходило, что она уже брошена турками. Отсутствіе турокъ на Кизилъ-Тапѣ было замѣчено еще утромъ этого же числа съ наблюдательнаго поста, расположеннаго на Караялѣ, и тотчасъ же изъ главной квартиры были посланы адъютанты и ординарцы во всѣ части войскъ дѣйствующаго корпуса съ этою, дѣйствительно никѣмъ неожиданною, вѣстью. Въ 11-ть часовъ ночи къ полубатареямъ прискакалъ какой-то офицеръ и поспѣшно объявилъ, чтобы онѣ приготовлялись къ предстоящему движенію. Живо закипѣла работа: начали обамуничивать лошадей, снимать и уклады-

вать лагерь; люди успѣли пообѣдать. Нѣкоторыя части уже двинулись по направленію къ Кизилъ-Тапѣ; пришло приказаніе и о выступленіи полубатарей.

Былъ уже часъ пополудни. Впереди двигалась полубатарея 19-й бригады; затѣмъ, въ колоннѣ, шелъ баталіонъ владикавказскаго полка, побрякивая ружьями и манерками; за нимъ—полубатарея 5-й батареи 38-й бригады во взводной колоннѣ; потомъ—сомкнутая пѣхотная часть, и наконецъ оставшаяся отъ дежурства полубатарея 3-й батареи 38-й бригады, подъ командою подполковника Петраша. Медленно подвигалась впередъ эта колонна. Причиной тому была крайне пересѣченная мѣстность и отсутствіе всякой дороги: приходилось все время двигаться по цѣлинѣ. Нерѣдко артилерія принуждена была предпринимать обходныя движенія черезъ овраги, пересѣкавшіе дорогу, хотя и мелкіе, но съ крутыми скатами. Однажды явилась даже необходимость въ шанцевомъ инструментѣ, такъ какъ за дальностью обхода приходилось срыть крутыя стѣны оврага. Преодолѣніе всѣхъ этихъ препятствій, конечно, требовало не малаго времени и сильно задерживало пѣхоту. Только часа черезъ два съ половиною колонна подошла къ Кизилъ-Тапѣ на дальній ружейный выстрѣлъ. Ясно были видны грозные окопы, вѣнчающіе вершину горы; можно было разсмотрѣть всѣ мельчайшія подробности и извилины непріятельскихъ траншей. Не смотря на видимое отсутствіе въ этихъ окопахъ непріятеля и на полнѣйшую тишину и спокойствіе на вершинѣ горы, въ душу какъ-то невольно западало сомнѣніе, потому что не хотѣлось вѣрить, чтобы непріятель безъ всякой причины оставилъ столь важный пунктъ, пріобрѣтя его еще такъ недавно дорогою цѣною.

Между тѣмъ, пѣхотная цѣпь, высланная впередъ, все ближе подходила къ подошвѣ горы; вотъ она уже и у самой подошвы, а залпа все нѣтъ; вотъ уже и на вершинѣ горы показались наши разъѣзды...

Войска были подъ выстрѣлами непріятеля съ Инахъ-Тепеси; раздалась пальба повидимому изъ малокалиберныхъ орудій. Впослѣдствіи оказалось, что турки производили ее изъ горныхъ орудій

по кавалерійскому отряду, посланному для разузнанія—не брошенъ ли непріятелемъ и Инахъ-Тепеси.

Весь нашъ отрядъ подтянулся къ горѣ Кизилъ-Тапа тогда, когда нѣкоторыя пѣхотныя части уже успѣли занять вершину ея. Изъ артилеріи же, только двумъ четырехъ-фунтовымъ полубатареямъ: 5-й батареи 38-й и 19-й бригадъ, было приказано взойти наверхъ. Подъемъ былъ очень крутъ, но не болѣе какъ черезъ четверть часа орудія уже стояли на мѣстѣ, снявшись съ передковъ. Прочія части артилеріи отряда, въ томъ числѣ и 3-я батарея 38-й бригады *), расположились въ резервѣ у подножія горы. Съ вершины Кизилъ-Тапы легко можно было наблюдать за картиной разгоравшагося боя. Видно было, какъ впереди на рысяхъ отступали драгуны, посланные для развѣдокъ къ Инахъ-Тепеси. Оттуда, въ догонку имъ, одна за другой летѣли непріятельскія гранаты, но полкъ, въ сомкнутой колоннѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ движеніе и вскорѣ остановился въ балкѣ, скрывшись отъ выстрѣловъ съ Инаха. Турки пустили еще нѣсколько снарядовъ, но, за невозможностью слѣдить за ихъ паденіемъ, вскорѣ прекратили пальбу, и бой въ этомъ мѣстѣ затихъ: только изрѣдка слышались выстрѣлы съ Инаха по оставленному у подножія этой горы конно-иррегулярному полку. Вправо, около Суботана, разгорѣлась сильная ружейная перестрѣлка между кавказскими гренадерами, занявшими селеніе, и непріятелемъ, отступавшимъ на скаты Аладжи. Послышался отдаленный крикъ множества голосовъ, хотя невозможно было разобрать, кричали ли „ура", или же „алла". День уже замѣтно клонился къ вечеру. Турки отступили всею массою на склоны Аладжи, бросивъ даже и сильныя суботанскія укрѣпленія, которыя были заняты гренадерами. Изъ передовыхъ позицій одна только на Инахъ-Тепеси была занята непріятелемъ, гдѣ у послѣдняго было сосредоточено около пяти баталіоновъ пѣхоты, съ нѣсколькими горными орудіями.

Солнце давно сѣло, и сумерки спустились на землю, а перестрѣлка не умолкала. Красива была издали эта смертоносная ил-

*) Дежурная полубатарея была уже снята и присоединена къ своей батареѣ.

люминація. Огоньки безпрерывно вспыхивали въ разныхъ направленіяхъ, и жаль только, что наблюдателю нельзя было выбросить изъ головы мысль, что каждый изъ этихъ красивыхъ огоньковъ готовъ отнять у человѣка жизнь. Только черезъ часъ послѣ наступленія сумерокъ, окончательно все утихло. На Кизилъ-Тапѣ были разложены костры, благодаря громадному количеству дровъ, найденныхъ впереди этой горы. Цѣлыми командами ходили солдаты за дровами и нанесли ихъ въ такомъ огромномъ количествѣ, что можно было погрѣться возлѣ нихъ десять ночей сряду. Лишь стало темно, тотчасъ была выслана рота пѣхоты для занятія аванпостной цѣпи. Вскорѣ множество костровъ усѣяли собою какъ вершину горы, такъ и позади лежащую мѣстность, на которой также были расположены войска кизилъ-тапинскаго отряда *). Разговоры солдатъ не умолкали до утра.

Въ достопамятную ночь съ 27-го на 28-е сентября отъ Кизилъ-Тапы тронулась обходная колонна генералъ-лейтенанта Лазарева. Она состояла изъ 17½ баталіоновъ пѣхоты, 66-ти орудій и 16 эскадроновъ и сотенъ и должна была зайти въ тылъ турецкой арміи черезъ два дня.

Съ разсвѣтомъ, 28-го сентября, взоры всѣхъ съ любопытствомъ уставились на мѣста расположенія непріятеля. Оказалось, что турки забрались на вершину аладжинскаго хребта и тамъ начали уже разбивать свои палатки. Къ вечеру этого же дня 3-я батарея 38-й бригады передвинута къ селенію Хаджи-Вали, а полубатарея 5-й батареи къ сел. Кюльверану. Въ раіонѣ этихъ двухъ пунктовъ и сосредоточился отрядъ генералъ-маіора Кузьминскаго. Для полубатареи 5-й батареи выпало на этотъ разъ весьма неблагопріятное мѣсто бивака, причина которому лежала въ зловоніи, распространяемомъ плохо зарытыми тѣлами убитыхъ турокъ. Конечно, противъ этого были приняты тотчасъ надлежащія мѣры.

Вечеромъ 28-го сентября, было получено приказаніе, чтобы

---

*) Означенный отрядъ, въ которомъ находились 3-я батарея и полубатарея 5-й батареи, былъ ввѣренъ съ 27-го сентября генералъ-маіору Кузьминскому. Вся численность отряда была 7-мь баталіоновъ пѣхоты, 32 орудія и 4-ре сотни кавалеріи.

на слѣдующій день утромъ командировать по одному офицеру отъ каждой батареи отряда для пріема приведенныхъ изъ передоваго запаса лошадей. Вслѣдствіе этого, 29-го числа, рано утромъ, были командированы: отъ 3-й батареи прапорщикъ Шосте, а отъ 5-й прапорщикъ Бѣльковичъ. Не особенно хорошихъ лошадей пришлось привести въ батареи названнымъ офицерамъ, которые вернулись уже поздно вечеромъ, какъ-разъ къ тому времени, когда батареи снимались съ биваковъ, для того, чтобы перейти на новую позицію близь аула Керъ-Хана. Лошадей запрягли еще засвѣтло, тронулись же уже тогда, когда окончательно стемнѣло. Причиною подобнаго замедленія была пѣхота, которая очень медленно вытягивалась на дорогу. Луна еще не всходила; впереди мелькали безчисленные огоньки непріятельскаго лагеря; вдали, нерѣшительно, нарушая торжественную тишину ночи, кавалерійскій рожокъ заигралъ зарю.

Часа черезъ полтора марша, сопровождаемаго множествомъ короткихъ остановокъ и задержекъ, батареи 38-й бригады прибыли на указанное имъ для бивака мѣсто и расположились слѣдующимъ образомъ: 3-я батарея заняла брошенныя 27-го числа непріятелемъ укрѣпленія, расположивъ за ними всѣ свои орудія и передки. Укрѣпленія эти были построены почти посерединѣ между Кизилъ-Тапою и ауломъ Керъ-Хана и находились, какъ отъ перваго, такъ и отъ втораго пунктовъ приблизительно въ четырехверстномъ разстояніи. Полубатарея 5-й батареи расположилась позади линіи названныхъ укрѣпленій, за имѣвшимся въ этомъ мѣстѣ скатомъ, который и скрывалъ ее отъ взоровъ противника; рядомъ съ полубатареей 5-й батареи расположилась и полубатарея 19-й бригады. Палатокъ не приказано было разбивать, чтобы не обнаружить нашего присутствія вблизи непріятеля. Коновязи, кухни и обозы помѣстились вправо и въ тылу, въ довольно солидномъ разстояніи отъ занятой позиціи, въ оврагѣ, на берегу протекавшаго тамъ ручья. Довольно крутыя стѣны оврага хорошо закрывали лошадей и обозы отъ взоровъ и выстрѣловъ турокъ.

На означенной позиціи батарея и полубатарея простояли

до 3-го октября. Въ теченіе этого времени можно было отлично наблюдать за результатами выстрѣловъ двухъ 24-хъ-фунтовыхъ орудій, которыя, будучи поставлены на Кизилъ-Тапѣ, громили своими бомбами Инахъ-Тепеси.

Въ брошенномъ жителями аулѣ Керъ-Хана было сложено турками много ячменя, муки и прочихъ продовольственныхъ припасовъ. Не разъ уже было замѣчаемо, что непріятель посылалъ за ними въ аулъ цѣлыя команды, которыя обыкновенно спускались туда подъ вечеръ. 30-го же сентября утромъ съ Аладжи опять выступила туда вереница пѣшихъ людей, за которыми слѣдовали лошади въ поводу, предназначенныя вѣроятно для вывоза провіанта. Нельзя было устоять противъ соблазна пугнуть смѣлыхъ фуражировъ, а потому одинъ изъ взводовъ 3-й батареи, стоявшей за турецкими укрѣпленіями, съ разрѣшенія начальника отряда генерала Кузьминскаго, открылъ пальбу обыкновенной гранатой. По пристрѣлкѣ, дистанція оказалась въ 2000-чи саженей. Послѣ каждаго выстрѣла, лафетъ, претерпѣвая сильный ударъ книзу, подпрыгивалъ такъ, что отдѣлялся даже отъ земли. Конечно, подобнаго рода разрушительная стрѣльба при дальнѣйшемъ продолженіи ея могла бы отозваться слишкомъ вредно на лафетѣ, но, къ счастью, послѣ третьяго выстрѣла, турки высыпали изъ деревни и начали удирать въ гору. Въ догонку имъ была пущена еще одна граната, послѣ которой стрѣльба прекращена. Наши выстрѣлы обратили однако на себя вниманіе непріятеля, и онъ пустилъ нѣсколько гранатъ изъ батарей, расположенныхъ чуть не на самой вершинѣ Аладжи. Но такъ какъ дистанція была не менѣе шести верстъ, то снаряды не могли принести своими разрывами ни малѣйшаго вреда. Одинъ изъ такихъ снарядовъ, забравъ слишкомъ вправо, упалъ недалеко отъ коновязи 5-й батареи, но дѣло обошлось только однимъ испугомъ лошадей, которыя еще долго послѣ этой неожиданности храпѣли и поводили ушами. Во избѣжаніе повторенія подобнаго сюрприза, коновязь тотчасъ была перенесена на другое, болѣе безопасное мѣсто. Другой снарядъ упалъ въ двухъ шагахъ отъ пѣхотнаго солдата, сидѣвшаго въ сторонѣ отъ орудій 5-й батареи. Нѣсколько секундъ,

за дымомъ и пылью, невозможно было различить фигуру сидѣвшаго, но когда дымъ разсѣялся, то увидѣли, что солдатъ продолжалъ невозмутимо посиживать на томъ же мѣстѣ и въ томъ же положеніи.

Въ этотъ день укрѣпленія, за которыми помѣщалась 3-я батарея, были приспособлены для стрѣльбы въ сторону непріятеля: брустверы въ мѣстахъ болѣе поврежденныхъ утолщены, было продѣлано нѣсколько амбразуръ и, наконецъ, самый фронтъ укрѣпленій перенесенъ на противуположную сторону. Ночью 30-го сентября 3-я батарея была назначена въ составъ отряда, который долженъ былъ прикрыть движеніе нашей кавалеріи, отправленной на соединеніе съ отрядомъ генерала Лазарева. Командованіе надъ прикрывающимъ отрядомъ было поручено командиру елисаветпольскаго полка полковнику Амираджиби. Такъ какъ, съ выступленіемъ 3-й батареи, укрѣпленія оставались незанятыми, то велѣно было занять ихъ полубатареямъ 5-й батареи 38-й и 19-й бригадъ. Люди на рукахъ перекатили орудія и расположились на ночлегъ за довольно высокими и капитальными брустверами. Весь слѣдующій день простояла полубатарея въ этихъ ложементахъ, а 3-я батарея, соединившись ночью съ отрядомъ полковника Амираджиби, съ разсвѣтомъ двинулась для сопровожденія и охраненія посланной на соединеніе съ генераломъ Лазаревымъ кавалеріи. Движеніе совершалось по направленію къ Инахъ-Тепеси, и не болѣе какъ черезъ часъ весь отрядъ, въ томъ числѣ и 3-я батарея, попали подъ орудійный огонь турокъ, которые, не стѣсняясь большимъ разстояніемъ, начали швырять свои гранаты по нашимъ войскамъ, шедшимъ въ густой походной колоннѣ. Благодаря громадной дистанціи, дѣйствіе турецкихъ гранатъ было самое ничтожное; хотя онѣ и ложились съ достаточной меткостью, но 3-я батарея, не обращая вниманія на этотъ безполезный огонь, продолжала все время двигаться въ походномъ порядкѣ; отвѣчать на выстрѣлы было невозможно, да къ тому же не было въ этомъ и особенной необходимости. Подъ такимъ огнемъ батарея пробыла около двухъ часовъ, послѣ чего турки, убѣдившись въ совершенной тщетѣ своихъ выстрѣловъ, прекратили ихъ. Поздно вечеромъ вернулась

батарея на прежнее мѣсто бивака и заняла опять тѣ же укрѣпленія; полубатареи же 5-й батареи и 19-й бригады должны были снова перекочевать назадъ. Ночь прошла безъ всякихъ волненій и тревогъ; лишь изрѣдка выстрѣлы съ Кизилъ-Тапы изъ 24-хъ-фунтовокъ нарушали торжественную тишину.

2-го октября, въ часъ пополудни, на мѣсто нашего бивака изволилъ прибыть Его Высочество Главнокомандующій. Много оживленія и отрадной, непритворной радости внесъ съ собою пріѣздъ Великаго Князя въ утомленныя и пріунывшія войска. Дружное и громкое „ура", начавшееся отъ батарей 38-й бригады, перекатами облетѣло все громадное пространство, занятое нашей арміей, и замерло далекимъ эхомъ на непріятельскихъ позиціяхъ. Его Высочество остановился въ палаткѣ генерала Кузьминскаго, гдѣ принялъ простой походный обѣдъ. Во время обѣда, къ палаткѣ генерала Кузьминскаго привели съ аванпостной цѣпи турецкаго парламентера. Онъ оказался какимъ-то чиновнымъ туркомъ, посланнымъ отъ Мухтаръ-паши. Конвойные турецкіе драгуны, сопровождавшіе его, не слѣзая съ своихъ коней, остановились невдали. У всѣхъ ихъ глаза были перевязаны платками, и они видимо чувствовали себя несовсѣмъ ловко среди цѣлой толпы солдатъ, которые окружили ихъ, дѣлая различныя замѣчанія и умозаключенія, и пересыпая все это иной разъ довольно громкимъ хохотомъ.

Аудіенція парламентера продолжалась не болѣе получаса. Результаты ея неизвѣстны. Вскорѣ по отъѣздѣ парламентера, Великій Князь изволилъ выѣхать на Караялъ, при громкихъ и восторженныхъ крикахъ, снова облетѣвшихъ войска. Потомъ все приняло однообразный и унылый колоритъ. А между тѣмъ, близко было то время, когда гнетъ неразрѣшенныхъ и сомнительныхъ вопросовъ долженъ былъ, наконецъ, облегчить русское сердце.

Въ ночь съ 2-го на 3-е октября въ главной квартирѣ была получена телеграмма генерала Лазарева о благополучномъ выполненіи возложенной на него трудной задачи обходнаго движенія. Медлить было нечего, надо было пользоваться каждымъ часомъ, даже каждой минутой для того, чтобы не дать возможности непрія-

телю одуматься и предпринять какія нибудь рѣшительныя мѣры для своей обороны. Ночью же генералъ-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ была составлена диспозиція предполагаемаго на слѣдующій день генеральнаго сраженія.

По этой диспозиціи войска наши были раздѣлены на нѣсколько отрядовъ, и каждый изъ нихъ долженъ былъ выполнить совершенно отдѣльную, по своей цѣли, задачу. Такъ, отрядъ генерала фонъ-Шака, занявшій 2-го октября большіе Ягны, долженъ былъ спуститься съ этой горы и, подойдя къ сѣверо-западному склону Авліара, обстрѣливать артилерійскимъ огнемъ его пространную вершину. Главная задача боя возлагалась на отрядъ генерала Геймана, который долженъ былъ штурмовать Авліаръ. Отрядъ же генерала Кузьминскаго долженъ былъ наступать по направленію селенія Керъ-Хана, для того, чтобы сбить турокъ съ занимаемыхъ поверхъ названнаго селенія позицій. Связь между отрядами генераловъ Геймана и Кузьминскаго должны были поддерживать войска колонны генерала Роопа. Что касается до всей кавалеріи дѣйствующаго корпуса, то часть ея должна была дѣйствовать на визинкейскія высоты для содѣйствія и подмоги войскамъ генерала фонъ-Шака. Все сказанное относилось только до кавалеріи праваго нашего крыла. Отъ этой же кавалеріи часть была отдѣлена и къ сторонѣ малыхъ Ягны, для того, чтобы занять пролегающую въ той мѣстности дорогу въ Карсъ. Что же касается до кавалеріи лѣваго нашего крыла, то она должна была обойти Инахъ-Тепеси и дѣйствовать на правый флангъ непріятеля; генералу Лазареву было велѣно соображаться съ дѣйствіями главныхъ силъ.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, распоряженія, отданныя на 3-е октября.

До разсвѣта поднялись войска и начали готовиться къ бою. День предстоялъ знойный, потому что на небѣ не было облачка. Лагери пришли въ общее оживленіе: солдаты надѣвали на себя аммуницію и строились въ ряды, а офицеры сновали въ различныхъ направленіяхъ за полученіемъ приказаній. Но скоро все устроилось. Издали доносились дружные отвѣты на привѣтствія начальства. Въ непріятельскомъ лагерѣ все было попрежнему спокойно,

а все такъ же бѣлѣли безчисленныя коническія палатки. Часовъ въ восемь утра, по приказанію генерала Кузьминскаго, тронулась 3-я батарея и потянулась къ Керъ-Хана. Бой уже разгорался; слышны были далекіе раскаты орудійныхъ выстрѣловъ, которые какъ бы дѣлали салютъ восходящему изъ за синихъ горъ солнцу.

Турки, замѣтя движеніе батареи, начали пускать свои гранаты, которыя, не смотря на громадную дистанцію, падали довольно метко. Бывшій въ то время около 3-й батареи генералъ-маіоръ Смирновъ приказалъ ей остановиться и открыть огонь. Выстроили фронтъ, снялись съ передковъ и, поставя высоту прицѣла почти на предѣльную дистанцію, дали выстрѣлъ. Оказался недолетъ саженей на 500: попробовали дать еще два выстрѣла, при нѣсколько большей высотѣ прицѣла, но результаты и этихъ послѣднихъ выстрѣловъ были столь же неудачны, какъ и перваго. Немыслимо было продолжать такую безполезную стрѣльбу, сопряженную съ сильной порчей лафетовъ, а потому батарея была передвинута впередъ, гдѣ и заняла позицію вправо и немного впереди селенія Керъ-Хана. Сдѣлавъ нѣсколько пробныхъ выстрѣловъ съ новой позиціи, батарея двинулась впередъ на болѣе близкую дистанцію и уже съ этой третьей позиціи открыла дѣйствительный огонь по скрытымъ за ложементами непріятельскимъ орудіямъ. По пристрѣлкѣ, дистанція оказалась въ 900 саженей, и батарея съ большимъ успѣхомъ начала поражать непріятеля обыкновенной гранатой. Огонь турокъ, направлявшихъ свои гранаты сверху внизъ, былъ сильный и дѣйствительный. Эти гранаты и пули съ визгомъ летали по батареѣ, выводя изъ строя людей и лошадей. Одна изъ гранатъ, ударивъ въ орудійный передокъ, лопнула тамъ и взорвала его. Передокъ разлетѣлся вдребезги; въ воздухѣ поднялся громадный столбъ бѣлаго пороховаго дыма. Однако, счастливо отдѣлалась батарея отъ этого взрыва: снаряды всѣ уцѣлѣли, и будучи разбросаны сильнымъ дѣйствіемъ пороховыхъ газовъ, валялись недалеко отъ щепокъ разбитаго въ пухъ и прахъ передка. Коренной ѣздовой былъ выброшенъ изъ сѣдла, но отдѣлался только легкимъ ожогомъ; перепуганныя лошади только храпѣли и топтались; солдаты же, все съ прежнимъ хладнокровіемъ, продолжали свое дѣло.

Не успѣло еще все прійти въ порядокъ, какъ не замедлила другая граната; она хватила въ крупъ ящичнаго коренника и, пробивъ его насквозь, снесла при дальнѣйшемъ своемъ полетѣ весь правый бокъ заряднаго ящика. Но, какъ и въ предыдущій разъ, заряды и снаряды остались нетронутыми.

Часа черезъ два безостановочной стрѣльбы, 3-я батарея заставила замолчать ближайшую къ себѣ непріятельскую батарею, но снаряды непріятеля изъ двухъ другихъ батарей, расположенныхъ совершенно внѣ нашего выстрѣла, къ тому же еще за закрытіями, продолжали сильно намъ вредить, и уже часа черезъ полтора послѣ начала пальбы батарея представляла изъ себя печальную картину разрушенія: всюду валялись осколки отъ разбитыхъ передка и заряднаго ящика; одно орудіе стояло на совершенно подбитомъ колесѣ, въ которомъ не доставало нѣсколькихъ спицъ, и попорчена была ступица; еще два колеса, окончательно раздробленныя, лежали позади линіи орудій, а облитые кровью трупы нѣсколькихъ убитыхъ лошадей дополняли собою картину этого разрушенія. Къ счастью, потеря въ людяхъ была пока небольшая: было только ранено два человѣка—а это, въ сравненіи съ тѣмъ сильнымъ огнемъ, которымъ продолжалъ насъ угощать непріятель, было очень мало.

На долю полубатареи 5-й батареи 3-го октября выпала болѣе легкая задача. Она, съ началомъ боя, была поставлена въ резервѣ, вмѣстѣ съ полубатареею 19-й бригады. Мѣсто для помѣщенія резервной колонны было указано немного влѣво отъ ложементовъ 3-й батареи, такъ что, сдѣлавъ небольшое передвиженіе, полубатарея 5-й батареи остановилась и выстроилась въ линію. Ѣздовымъ было приказано слѣзть, и полубатарея до двухъ часовъ пополудни простояла безъ дѣла, слѣдя за картиной боя, представлявшагося ей въ слѣдующемъ видѣ:

Часовъ въ десять утра, изъ нашей осадной батареи, расположенной у Хаджи-Вали, грянулъ выстрѣлъ, заглушившій всѣ выстрѣлы шестидесяти четырехъ девяти-фунтовыхъ орудій, дѣйствовавшихъ по Авліару. Снарядъ съ ревомъ понесся черезъ головы нашихъ батарей на вершину Авліара. Вскорѣ громадный черный

столбъ дыма показалъ мѣсто паденія бомбы, вслѣдъ за которой полетѣла другая, кроша и дробя все попавшееся въ пространство ея губительнаго разрыва. Пѣхотные полки уже подошли къ подошвѣ Авліара, и видно было, какъ непріятельскія траншеи забѣлѣли дымомъ, встрѣчая свинцовымъ дождемъ подходящія войска. Штурмовая колонна легла за закрытія, терпѣливо и безмолвно ожидая окончанія подготовки атаки артиллерійскимъ огнемъ. Не долго пришлось ей находиться въ выжидательномъ положеніи: въ половинѣ втораго часа, эриванскій, грузинскій и пятигорскій полки, разсыпавшись въ густыя цѣпи, начали взбираться съ трехъ сторонъ къ вершинѣ горы. Вотъ уже нѣсколько десятковъ шаговъ раздѣляетъ обоихъ противниковъ. Громкіе раскаты орудійныхъ выстрѣловъ сразу умолкли, и лишь одинъ, относимый тихимъ вѣтромъ, пороховой дымъ остался свидѣтелемъ только-что бывшаго кроваваго пиршества. А войска все подвигались, и свинцовый дождь, лившій имъ навстрѣчу, не могъ остановить твердой рѣшимости, которая овладѣла каждымъ солдатомъ и служила вѣрнымъ залогомъ удачи штурма. Послышался отголосокъ далекаго „ура“, которое, стихая на минуту, возобновлялось съ большею силою. Вскорѣ вся вершина горы огласилась этимъ воинственнымъ крикомъ. Авліаръ палъ—и картина боя приняла болѣе тихій и болѣе мягкій характеръ: уже не слышно было оглушительнаго рева нѣсколькихъ десятковъ орудій, не видно длинной полосы пороховаго дыма, которая стлалась пеленой вокругъ грозной горы.

Паденіе Авліара, какъ и слѣдовало ожидать, повлекло за собою весьма важныя и утѣшительныя для насъ послѣдствія: турки видимо упали духомъ; огонь съ ихъ батарей сталъ слабѣть, и на третью батарею 38-й бригады рѣже начали падать гранаты. Видно было по всему, что непріятель потерялъ увѣренность, и что самая стрѣльба производилась имъ, такъ сказать, для очищенія совѣсти.

Въ противуположность туркамъ, наши войска, съ паденіемъ Авліара, еще болѣе укрѣпились духомъ. Для нанесенія окончательнаго удара непріятелю были двинуты резервы—и все пере-

шло въ наступленіе. Отъ генерала Кузьминскаго прискакалъ къ полубатареѣ 5-й батареи съ запискою казакъ. Вскрыли записку и оказалось, что обѣ, стоящія въ резервѣ полубатареи (38-й и 19-й бригадъ) требуются впередъ. Медлить было нечего—и онѣ скорымъ шагомъ двинулись по дорогѣ, ведущей къ сел. Керъ-Хана. Версты три шли внѣ орудійнаго и ружейнаго огня; но за версту до селенія начали сыпаться, видимо пущенныя наудачу, непріятельскія пули. Въ различныхъ направленіяхъ съ шипѣніемъ зарывались онѣ въ мягкую почву, подымая пыль и этимъ указывая на мѣста своего паденія. Къ полубатареямъ подъѣхалъ какой-то офицеръ генеральнаго штаба и указалъ позиціи правѣе деревни Керъ-Хана. На рысяхъ двинулась полубатарея 5-й батареи къ указанному мѣсту, выславъ предварительно фейерверкеровъ отъ каждаго орудія. Непрерывный свистъ пуль, вой снарядовъ, летѣвшихъ надъ головами откуда-то сзади, грохотъ быстро двигавшихся орудій—производили сильное впечатлѣніе. Минутъ черезъ десять непрерывнаго движенія на рысяхъ, полубатарея 5-й батареи доѣхала до линіи разставленныхъ фейерверкеровъ. Первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ картечной гранатой по расположенной впереди и выше полубатареи непріятельской траншеѣ, изъ которой непрерывно выскакивали бѣлые дымки и доносилась дробь отдаленной ружейной трескотни. Послѣ четвертаго выстрѣла, дистанція оказалась въ 700-тъ саженей, и полубатарея начала посылать одну за другою картечныя гранаты въ непріятельскую траншею. Полубатарея 19-й бригады, стоявшая тутъ же, рядомъ, стрѣляла по той же траншеѣ. Около фланга полубатареи 38-й бригады прошла въ разсыпномъ строѣ рота пѣхоты и, отойдя еще саженей 100 за линію орудій, сомкнула свои звенья и продолжала въ такомъ порядкѣ наступать на обстрѣливаемую траншею. Непріятель, сильно поражаемый нашими выстрѣлами, не открывалъ очень частаго огня по наступающей пѣхотѣ: орудія же наши, не прекращая пальбы, стрѣляли черезъ головы наступавшихъ войскъ.

Не болѣе 35-ти снарядовъ выпустила полубатарея 5-й батареи по траншеѣ, и непріятель, не выждавъ приближенія пѣхоты даже на хорошій ружейный выстрѣлъ, началъ поспѣшно отступать. Съ по-

лубатареи было видно, какъ цѣлыя толпы видимо растерявшихся турокъ старались какъ можно скорѣе перевалить за находившійся позади гребень, который могъ бы ихъ прикрыть отъ губительнаго дѣйствія нашихъ снарядовъ. Въ догонку бѣглецамъ было пущено нѣсколько картечныхъ гранатъ, и полубатарея прекратила только тогда пальбу, когда траншея была окончательно очищена. Немного пришлось истратить снарядовъ для выполненія этой задачи: всего въ этотъ день полубатарея выпустила 44 картечныхъ гранаты, изъ которыхъ одна лопнула въ каналѣ орудія, оставивъ на внутренней поверхности его углубленную кольцеобразную впадину *).

Вмѣстѣ съ вызовомъ изъ резерва полубатареи 5-й батареи, начальникъ отряда генералъ-маіоръ Кузьминскій приказалъ двинуться впередъ 3-й батареѣ; она заняла позицію въ 600 саженяхъ отъ непріятельскихъ траншей и начала ихъ осыпать пулями своихъ картечныхъ гранатъ. Затѣмъ, дружный натискъ елисаветпольцевъ, дѣйствовавшихъ въ этотъ день совмѣстно съ 3-й батареей, опрокинулъ непріятеля, который и обратился въ полнѣйшее и безостановочное бѣгство.

Паденіе же Авліара, а затѣмъ и молодецкій налетъ нашихъ нижегородскихъ драгунъ, бывшихъ въ отрядѣ генерала Лазарева, въ тылъ аладжинской позиціи, рѣшили дѣло на лѣвомъ флангѣ турецкаго расположенія: къ вечеру, 3-го октября, армія Мухтаръ-паши, на которую турецкое правительство возлагало сильныя надежды, пала—и пала собственно потому, что всѣ наши дѣйствія были до крайности смѣлы и рѣшительны. Самый колоритъ боя былъ совсѣмъ иной, чѣмъ 20-го сентября: какъ въ послѣднемъ случаѣ дѣло всюду, такъ сказать, не клеилось, такъ, наоборотъ, 3-го октября наши дѣйствія представляли изъ себя общую гармонію, столь необходимую для достиженія хорошихъ результатовъ.

*) Не смотря на получившіяся, такимъ образомъ, два кольцеобразныя углубленія на поверхности канала орудія, послѣднее было признано годнымъ для производства стрѣльбы и прослужило въ батареѣ до того времени, когда мѣдныя 4-хъ-фунтовыя пушки были замѣнены дальнобойными, образца 1877-го года.

За бѣгущимъ непріятелемъ всюду слѣдовали наши войска.

Четырехъ-фунтовымъ батареямъ, въ томъ числѣ и полубатареѣ 5-й батареи 38-й бригады, было приказано двинуться на вершину Аладжи. Не смотря на невообразимо крутой подъемъ, полубатарея, дѣлая массу зигзаговъ, начала быстро подыматься наверхъ, причемъ все время почти не отставала отъ идущей впереди въ разсыпномъ строѣ пѣхоты. Картина полнаго разрушенія и безпорядка въ районѣ только-что бывшаго расположенія непріятельскихъ войскъ свидѣтельствовала о той поспѣшности, съ которою турки очистили свои позиціи. Громадное количество патроновъ и патронныхъ ящиковъ валялось въ укрѣпленіяхъ. Глядя на такое изобиліе военныхъ припасовъ, невольно приходила въ голову мысль, что ихъ весьма не щадили и не стѣсняли солдатъ даже злоупотреблять ими. А между тѣмъ, въ параллель этому, брошенныя лошади, исхудалыя донельзя и скитавшіяся въ различныхъ направленіяхъ, свидѣтельствовали, что на эту сторону дѣла было обращено мало вниманія.

Хотя турецкія войска большею частью бѣжали, но не все было пока кончено: впереди, за гребнемъ, куда направлена была полубатарея 5-й батареи, слышалась частая ружейная перестрѣлка, которая то стихала, то снова возобновлялась. Орудійные выстрѣлы также изрѣдка вторили ей, и видимо пущенные на удачу снаряды съ жужжаніемъ переваливали черезъ гребень и падали далеко позади и внизу, не причиняя, впрочемъ, никому вреда.

Уже совсѣмъ было темно, когда полубатарея достигла верхняго гребня аладжинскаго хребта. Простоявъ на немъ съ полчаса, она, по приказанію генерала Кузьминскаго, тронулась далѣе на присоединеніе къ войскамъ отряда, успѣвшимъ уже спуститься на противуположный склонъ Аладжи для дальнѣйшаго преслѣдованія непріятеля. Движеніе внизъ производилось съ крайнею осторожностью и медленностью, такъ какъ, благодаря нависшимъ тучамъ, образовалась такая тьма, что въ двухъ шагахъ трудно было разсмотрѣть что нибудь. Къ счастью, недолго пришлось двигаться въ такой мрачной обстановкѣ: черезъ часъ полубатарея присоединилась къ какой-то пѣхотной части, расположившейся бивакомъ. Тутъ всѣхъ облетѣла радостная вѣсть о сдачѣ массы турецкихъ

войскъ на капитуляцію. Преслѣдованіе, конечно, было пріостановлено. Тотчасъ же запылали костры, около которыхъ и прошла незамѣтно вся ночь съ 3-го на 4-е октября; веселымъ разсказамъ и остротамъ не было конца. Артилерійскіе солдаты, будучи по большей части малороссіяне по происхожденію, раздобывъ еще наверху Аладжи пшеничной муки изъ брошеннаго непріятельскаго склада, развели большой костеръ и занялись приготовленіемъ и варкою хохлацкихъ галушекъ. Только къ утру поспѣло это кушанье, и тутъ же, съ большимъ аппетитомъ, было уничтожено. Въ сторонѣ непріятеля, на горахъ, рисовавшихся неясными силуэтами, пылали костры сдавшейся въ плѣнъ непріятельской арміи.

Что касается до 3-й батареи 38-й бригады, то она, послѣ послѣдняго выстрѣла по отступавшему непріятелю, была двинута впередъ; но такъ какъ не было положительно никакой физической возможности подняться съ девяти-фунтовыми орудіями на крутые скаты Аладжи, то батарея, присоединившись къ елисаветпольскому полку, провела всю ночь по сю сторону аладжинскаго хребта: на слѣдующій же день она была передвинута верстъ на семь къ сторонѣ Визинкея, гдѣ и простояла до 8-го числа.

Утромъ 4-го октября, полубатарея 5-й батареи имѣла случай полюбоваться на обезоруженные военно-плѣнные таборы, которые съ разсвѣтомъ, во всей своей пестротѣ, очутились въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ нея. И какого тутъ только не было народа!... Попадались и громадные, черные, какъ уголь, солдаты египетскихъ войскъ (арабистанцы), и несчастные, облаченные въ невообразимыя и такъ любимыя на востокѣ лохмотья, волонтеры, въ которыхъ, вѣроятно, отъ усиленныхъ занятій и плохаго питанія, душа еле держалась въ бренномъ тѣлѣ. Видъ подобныхъ субъектовъ вызывалъ жалость и сочувствіе у нашихъ солдатъ. Въ общемъ же, турки выглядывали молодцами. По большей части это были высокіе и рослые ребята, съ которыми на видъ не выдерживали сравненія стоявшіе тутъ же наши пѣхотные солдаты.

Трофеи знаменитаго боя 3-го октября слѣдующіе: 7-мь пашей, 250-ть офицеровъ и 7000 солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ, и до 35-ти непріятельскихъ пушекъ, какъ горныхъ, такъ и полевыхъ;

всѣ орудія были стальныя и дальняго бросанія. Съ орудіями было захвачено также и не мало передковъ, зарядныхъ ящиковъ и повозокъ; наконецъ, масса оружія, патроновъ, снарядовъ, палатокъ, муки, зерна и всякаго имущества.

Утромъ 4-го октября полубатарея 5-й батареи, вмѣстѣ съ прочими войсками, была двинута къ Визинкею, гдѣ удостоилась похвалы и благодарности Его Императорскаго Высочества, который изволилъ объѣзжать войска. Дружное и неумолкаемое „ура", долго оглашавшее своимъ эхомъ всѣ окружающія горы, ясно свидѣтельствовало о томъ восторгѣ, въ которомъ находилась наша армія. Подъ Визинкеемъ 3-я батарея и полубатарея 5-й батареи простояли до 8-го числа, пользуясь полнѣйшимъ отдыхомъ. Единственное неудобство стоянки составляла донельзя грязная вода; чистой же было достать неоткуда, а потому и приходилось пользоваться водой, въ которой 50 процентовъ составляли различныя, можетъ быть, и минеральныя, но только далеко не пріятныя на вкусъ и видъ, примѣси. При полубатареѣ 5-й батареи все время хранилось турецкое орудіе съ тремя двухъ и четырехъ-колесными зарядными ящиками, наполненными снарядами и зарядами. Орудіе было съ подбитымъ колесомъ, въ которое видимо попалъ снарядъ цѣликомъ. Разорвавшись послѣ удара объ колесо, снарядъ этотъ, вѣроятно, причинилъ немало вреда артиллерійской прислугѣ, такъ какъ все орудіе буквально было залито и обрызгано уже запекшейся кровью.

Въ отрядѣ, двинутомъ изъ Ардагана еще 11-го сентября, подъ командою генерала Комарова, больше уже не предвидѣлось надобности, а потому и рѣшено было возвратить его въ Ардаганъ. 8-го октября утромъ, полубатареѣ 5-й батареи было приказано двинуться въ селеніе Суботанъ, гдѣ она должна была выждать прибытія прочихъ войскъ отряда, съ тѣмъ, чтобы съ ними и направиться въ обратный путь. Всю предыдущую ночь и подъ утро моросилъ мелкій осенній дождикъ, который окончательно разгрязнилъ дорогу. Къ счастью, дорога эта шла все время подъ гору, и переходъ, благодаря этому, показался не особенно труднымъ. Полубатарея, миновавъ когда-то грозную, но теперь безмолвную,

вершину Авліара, часамъ къ двумъ пополудни достигла до Суботана, гдѣ въ это время находился подвижной лазаретъ. Простоявъ въ Суботанѣ два дня, полубатарея, вмѣстѣ съ подтянувшимися частями отряда, 10-го числа двинулась въ Ардаганъ. Опять пошли наводящіе уныніе: Паргетъ, Порцухлю, Джелаусъ и Омеръ-Ага; снова потянулась все та же однообразная дорога, по которой полубатарея ровно мѣсяцъ тому назадъ шла на присоединеніе къ главнымъ силамъ. Время года было уже позднее, а потому дорога была изъ рукъ вонъ плоха. Не мало трудностей преодолѣла полубатарея и, наконецъ, 14-го октября прибыла благополучно въ Ардаганъ, расположившись лагеремъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ близъ укрѣпленія Ахали.

3-я батарея, простоявъ около Визинкея до 8-го числа, была утромъ того же числа двинута въ самый Визинкей. Не смотря на очень незначительный переходъ, батарея, благодаря крайне раскисшей дорогѣ, прибыла къ Визинкею только подъ вечеръ и, расположившись близъ бывшихъ тутъ турецкихъ укрѣпленій, простояла на мѣстѣ до 13-го октября, никѣмъ и ничѣмъ не тревожимая.

За дѣло 3-го октября, на 3-ю батарею было выдано восемь георгіевскихъ кресговъ, на полубатарею же 5-й батареи три георгіевскихъ креста.

Въ дѣлѣ 3-го октября 3-я батарея понесла слѣдующія потери: въ ней было—раненыхъ нижнихъ чиновъ 4-ре (младшій фейерверкеръ Осипъ Журавскій и канониры: Филиппъ Парамоновъ, Адамъ Пташекъ и Петръ Уткинъ). Выбыло изъ строя лошадей: одна офицерская и 6-ть артиллерійскихъ. Кромѣ того, въ батареѣ разбиты: передокъ, зарядный ящикъ и три боевыхъ колеса, и попорчено много аммуниціи. Въ батареѣ за весь день выпущено 269-ть картечныхъ гранатъ и 100 обыкновенныхъ. Что касается до полубатареи 5-й батареи, то въ бою 3-го октября она не понесла никакихъ потерь

———

VII.

Вѣсть объ аладжинскомъ погромѣ и результаты его въ арміи Измаила-паши. Наступленіе эриванскаго отряда и продолженіе боевой дѣятельности 2-й батареи 38-й артиллерійской бригады. Быстрое отступленіе турецкихъ войскъ. Бой на агрыдагскихъ и зорскихъ высотахъ. Преслѣдованіе арміи Измаила-паши. Соединеніе отрядовъ эриванскаго и согаплугскаго. Сраженіе 23-го октября на Деве-Бойну. Наступленіе 28-го октября къ Эрзеруму. Отступленіе на Деве-Бойну. Обратное движеніе отряда и 2-й батареи 38-й бригады въ Эриванскую губернію. Прибытіе батареи на зимнюю стоянку въ г. Алашкертъ.

Бой 3-го октября совершенно измѣнилъ ходъ военныхъ дѣйствій на анатолійскомъ театрѣ: онъ вселилъ, между прочимъ, въ туркахъ неувѣренность къ ихъ собственнымъ дѣйствіямъ, которая отразилась одинаково на обѣихъ арміяхъ Мухтара и Измаила пашей. Наканунѣ этого незапамятнаго дня. эриванскій отрядъ, послѣ продолжительнаго бездѣйствія, былъ потревоженъ непріятелемъ, который завязалъ съ нимъ перестрѣлку. 2-я полубатарея 2-й батареи 38-й бригады была вызвана на позицію, но, простоявъ на ней до наступленія сумерокъ безъ дѣла, вернулась затѣмъ на бивакъ. Впослѣдствіи оказалось, что наступленіе турокъ было демонстраціею Измаила-паши, предпринятою имъ въ видахъ какихъ-то одному ему только извѣстныхъ соображеній.

4-го октября достигла и эриванскаго отряда вѣсть объ аладжинскомъ погромѣ. Торжественное „ура“ облетѣло всѣ наши войска. Турки же, получивъ это горестное для нихъ извѣстіе, 5-го числа сняли лагерь съ Агры-дага, очистили всѣ траншеи на нижнемъ скатѣ занимаемыхъ ими высотъ и перекочевали на самые высшіе пункты, къ селенію Зоръ, стянувъ туда свои войска. Скучной и однообразной стоянкѣ отряда видимо пришелъ конецъ; наступило время рѣшительныхъ дѣйствій. Такъ оно и вышло: хотя 4-го октября намъ ничего не было извѣстно, что предприйметъ на утро непріятель, но тѣмъ не менѣе эриванскому отряду приказано было приготовиться къ выступленію. По диспозиціи, главныя силы должны были наступать на перевалъ по зор-

ской дорогѣ, а особой колоннѣ генерала Девеля, въ составъ которой вошла и 2-я батарея 38-й бригады, слѣдовало идти туда же, въ ночь съ 5-го на 6-е октября, по караванъ-сарайской дорогѣ, съ тѣмъ, чтобы, по достиженіи высшей точки перевала, соединиться тамъ съ главными силами.

Въ два часа пополуночи войска генерала Девеля двинулись. Не доходя до занимаемой когда-то нами позиціи въ укрѣпленіяхъ, 2-я батарея, съ частью отряда, повернувъ влѣво по крутымъ и обрывистымъ скатамъ, начала взбираться къ мѣсту боя 15-го сентября. Опять все тѣ же каменныя глыбы валялись по пути и сильно тормазили движеніе. Очень трудно было взбираться съ девяти-фунтовыми орудіями по бездорожному, сплошь усѣянному камнями, крутому подъему. Къ счастью, начало свѣтать, и только благодаря этому, 2-я батарея могла обходить встрѣчающіяся на пути значительныя препятствія. Часамъ къ 10-ти утра, отрядъ сталъ подтягиваться къ брошенному турками селенію Али-Качагъ, расположенному почти на серединѣ отлогости. Дальше, до самаго гребня, были многочисленныя непріятельскія укрѣпленія, снабженныя по большей части брустверами. Вездѣ, куда только обращался взглядъ—можно было увидѣть черныя насыпи, безмолвно смотрѣвшія на наши войска. За окопами, на самомъ гребнѣ перевала, виднѣлся непріятельскій лагерь изъ множества коническихъ палатокъ.

Часть нашей колонны была направлена въ обходъ, по караванъ-сарайской дорогѣ. До этого времени турки, не смотря на то, что ясно могли видѣть насъ, не открывали огня. Но какъ только отрядъ подтянулся къ сел. Али-Качагъ—съ турецкой батареи, расположенной далеко вправо, грянулъ выстрѣлъ, и снарядъ, описавъ въ воздухѣ крутую траекторію, упалъ недалеко отъ 2-й батареи. Она была остановлена въ довольно глубокой лощинѣ; пѣхота тотчасъ разсыпала цѣпь, и вся окружающая обстановка приняла боевой характеръ. Невдали отъ 2-й батареи на рысяхъ проѣхала конная батарея кубанскаго казачьяго войска, поднялась на скатъ и выбросила бѣлый клубъ дыма. Но мѣдная четырехъ-фунтовка оказалась безсильною въ сравненіи съ дальнобойной пушкой;

снарядъ далеко не долетѣлъ до цѣли. На минуту все притихло; только видѣнъ былъ расплывающійся въ воздухѣ дымъ отъ другаго непріятельскаго выстрѣла. Надо было во всякомъ случаѣ заставить замолчать задорнаго противника. Для этого была вызвана на позицію 2-я батарея 38-й бригады. Съ трудомъ поднялась она на лежащій впереди скатъ, и ставъ на линіи конной батареи, открыла стрѣльбу обыкновенною гранатою на 1700 саженей. Конечно, было бы гораздо лучше, еслибы батарея могла подъѣхать ближе къ непріятелю, но этого сдѣлать было нельзя, потому что впереди пролегала широкая и глубокая балка, переѣхать которую не было никакой физической возможности. Недолго, впрочемъ, пришлось сожалѣть объ этой крупной помѣхѣ, такъ какъ, не смотря на солидную дистанцію, стрѣльба все же оказалась столь удачною, что послѣ 20-ти выстрѣловъ непріятель поспѣшно убралъ свои два орудія и бѣжалъ вверхъ и еще больше вправо, на присоединеніе съ другими двумя орудіями, расположенными въ ложементахъ на самомъ гребнѣ. Батарея попробовала напутствовать бѣглецовъ, но послѣ четырехъ выстрѣловъ убѣдилась, что снаряды долетаютъ только при высотѣ прицѣла въ 165 линій, вслѣдствіе чего прекратила стрѣльбу, изъ опасенія испортить лафеты, которые претерпѣвали такіе сильные удары объ твердую землю, что приходилось удивляться ихъ прочности.

Непріятельскія орудія недолго оставались въ своихъ ложементахъ: въ полдень они медленно потянулись влѣво, къ центру своего расположенія; пѣхота наша густыми цѣпями двинулась туда же. Замѣтивъ это, турки открыли огонь изъ всѣхъ своихъ орудій по наступавшимъ войскамъ и по колоннѣ, вступавшей на перевалъ по зорской дорогѣ. Но войска наши продолжали наступать безъ выстрѣла, не обращая вниманія на падавшіе въ разныхъ мѣстахъ снаряды, осколки которыхъ съ визгомъ разлетались въ стороны. Недолго, впрочемъ, продолжалось затишье съ нашей стороны: 2-я батарея 39-й бригады, по приказанію начальника отряда, выѣхала на позицію и открыла огонь. Къ ней былъ присоединенъ подполковникомъ Колодѣевымъ 3-й взводъ 2-й батареи 38-й бригады, занявшій позицію немного впереди пра-

ваго фланга батареи. Взводъ, установивъ высоту прицѣла на опредѣлившуюся уже дистанцію въ 1400 саженей, открылъ пальбу обыкновенною гранатою. Пѣхота наша, будучи пріостановлена, залегла за мѣстными закрытіями и за брустверами брошенныхъ непріятелемъ траншей. Начался исключительно артилерійскій бой, принимавшій съ каждой минутой все болѣе крупные размѣры. Во 2-й батареѣ 39-й бригады непріятельскимъ снарядомъ взорвало передокъ; громадное бѣлое облако пороховаго дыма медленно расползлось надъ нею. Непріятельскіе снаряды, благодаря твердому грунту и довольно отлогой траекторіи, разрывались весьма удачно. До самаго вечера продолжалась неумолкаемая артилерійская канонада, и изъ одного только 3-го взвода 2-й батареи 38-й бригады было выпущено 46-ть гранатъ. Потерь же въ немъ не было никакихъ.

Вечеромъ отъ генерала Тергукасова было получено приказаніе—оставаться всѣмъ войскамъ на занимаемыхъ ими позиціяхъ; но такъ какъ на мѣстѣ расположенія нашей колонны не оказалось воды, то мы и ночевали немного ниже селенія Али-Кačагъ. 7-го октября, утромъ, всѣмъ стало ясно, что войска Измаила-паши отступаютъ форсированнымъ маршемъ. Всѣ ихъ укрѣпленныя позиціи на высотахъ Зоръ теперь были окончательно брошены; палатки, стоявшія еще наканунѣ, были сняты, и на мѣстѣ прежняго, окруженнаго сильными укрѣпленіями, лагеря осталась пустота. Конечно, на позицію непріятеля тотчасъ были двинуты наши войска, которыя нашли тамъ массу патроновъ и прочихъ боевыхъ припасовъ. Все это подтверждало, что Измаилъ-паша старался отступать какъ можно поспѣшнѣе и налегкахъ.

Отрядъ генерала Девеля въ продолженіе цѣлаго дня поэшелонно подтягивался на высшую точку перевала. Путь хотя былъ и не особенно длинный, но вслѣдствіе дождя и довольно крутаго подъема онъ сдѣлался чрезвычайно труденъ. Съ послѣднимъ эшелономъ, уже ночью, начала подниматься 2-я полубатарея 2-й батареи 38-й бригады. Крайне тяжело и непріятно было находиться подъ холоднымъ осеннимъ дождемъ, который, вмѣстѣ съ вѣтромъ, пронизывалъ до костей; только къ разсвѣту, 8-го числа,

истомленная полубатарея взошла на перевалъ. Все утро простояли войска, поджидая свои обозы. Наконецъ, уже часовъ въ девять, отрядъ тронулся по ту сторону перевала. Спускъ хотя и былъ разработанъ турками, но мѣстами до того крутъ, что орудія приходилось поддерживать на лямкахъ, не смотря на два заторможенныя колеса. Наконецъ, преодолѣвъ всѣ трудности, отрядъ, часовъ въ пять пополудни, добрался до селенія Мысунъ, гдѣ также было найдено громадное количество брошенныхъ непріятелемъ боевыхъ запасовъ. Некогда было возиться и разбирать все это, и приказано было турецкое добро затопить въ Балыкъ-чаѣ. Того же 8-го октября изъ главныхъ силъ эриванскаго отряда была выдѣлена передовая летучая колонна, подъ командою генерала Келбали-хана, для слѣдованія въ Баязетъ. Тамъ она нашла довольно всякаго турецкаго имущества и много раненыхъ и больныхъ, брошенныхъ на произволъ судьбы. Генералъ Тергукасовъ, оставивъ въ Баязетѣ незначительный гарнизонъ, тронулся съ войсками далѣе.

Съ 10-го по 22-е октября продолжалось неустанное и непрерывное преслѣдованіе войскъ Измаила-паши. Изъ Мысуна эриванскій отрядъ двинулся на Даракъ. Лошади, еще не крѣпко утомленныя, усиленно работали на подъемахъ и спускахъ. Выйдя въ долину Ефрата, отрядъ потянулся по транзитному пути, который ведетъ изъ Эрзерума въ Персію, и пройдя черезъ грязныя, унылыя и пустыя армянскія селенія Сурпъ-Оганесъ, Кара-Килиса, Зейдеканъ, началъ подыматься на драмъ-дагскій перевалъ. Безконечно длиненъ былъ этотъ подъемъ. Тутъ лошади уже выбились изъ силъ и были не въ состояніи вывозить изъ невылазной грязи орудія и ящики; только благодаря пособію пѣхоты, артиллерія не отставала отъ прочихъ войскъ. Колеса, не выдерживая сильныхъ толчковъ о громадные камни, раскиданные по дорогѣ, ломались такъ, что къ концу подъема всѣ запасныя колеса уже были пущены въ дѣло. Обозы, въ помощь которымъ невозможно было отдѣлить пѣхоты, сильно утомленной постоянной возней съ артиллеріею, отстали чуть ли не на два перехода, и вслѣдствіе этого люди, не смотря на большую затрату силъ, цѣлыхъ четыре дня не полу-

чали горячей пищи, питаясь однимъ только промокшимъ и въ большинствѣ случаевъ даже и прогнившимъ сухаремъ. Это было основаніемъ для той эпидеміи, которая вскорѣ запустила глубокій корень въ подготовленную для нея почву. По цѣлымъ днямъ не вылѣзая изъ грязи, усиленно работали наши солдаты, безотвѣтно и безропотно вынося всѣ тѣ трудности, понять и оцѣнить которыя можно только тогда, когда воочію увидишь ихъ.

Въ два перехода войска поднялись на вершину драмъ-дагскаго хребта, останавливаясь на ночлеги въ куртинскихъ селеніяхъ—Курдалю и Даяръ. Но и эти остановки не имѣли ничего утѣшительнаго, такъ какъ трудно было найти сухое мѣсто, на которомъ можно было бы прилечь и уснуть. Довольствіе лошадей также представляло немало затрудненій: благодаря только хорошимъ фуражирамъ, которые всегда умѣли отыскать спрятанный жителями фуражъ, лошади могли быть кормлены. За драмъ-дагскимъ переваломъ участь отряда значительно улучшилась: дожди перестали, дорога подсохла, обозы догнали свои части, и люди на каждомъ ночлегѣ начали получать горячую пищу съ полутора фунтомъ мяса на человѣка. Движеніе отряда значительно ускорилось, но все-таки Измаилъ-паша, бросивъ на дорогѣ почти всѣ свои тяжести, успѣлъ уйти отъ насъ. Путь отъ драмъ-дагскаго перевала лежалъ черезъ кара-дербентскія ворота и черезъ турецкія селенія Эшакъ-Эйлясъ, Юзъ-Веранъ и Кеприкей. На драмъ-дагскомъ перевалѣ, а также возлѣ Кара-Килиса, Алашкерта и Зейдекана, у турокъ были приготовлены сильно укрѣпленныя позиціи, но они, боясь быть отрѣзанными отъ Эрзерума войсками соганлугскаго отряда, направленнаго послѣ боя 3-го октября изъ главныхъ нашихъ силъ въ догонку за остатками арміи Мухтаръ-паши, такъ поспѣшно бѣжали, что даже не сдѣлали ни одного выстрѣла съ этихъ дѣйствительно сильныхъ позицій.

Вообще, какихъ только трудовъ и бѣдъ не испытали несчастные люди и лошади всего эриванскаго отряда въ теченіе тринадцати-дневнаго похода. Дождь, при холодномъ осеннемъ вѣтрѣ, размылъ дорогу донельзя и сдѣлалъ ее едва проходимою даже для пѣхоты, не говоря уже объ артиллеріи. Невозможно было сол-

дату обсушиться, вопервыхъ потому, что некогда было производить эту процедуру, а вовторыхъ—негдѣ было просушить свою пропитанную грязью одежду. Бывали даже такіе счастливые переходы, что люди, прійдя ночью на мѣсто мнимаго отдыха, и не находя возможности прилечь, стояли всю ночь на ногахъ, и безъ того ослабленныхъ дневнымъ переходомъ. Лошади, тащась все время по колѣно въ грязи, то и дѣло теряли подковы. На одномъ изъ переходовъ, въ батареѣ было потеряно 36-ть паръ подковъ, которыя были всосаны липкою грязью и тамъ канули въ вѣчность. Батарея шла въ главныхъ силахъ отряда, выступая ежедневно въ шесть часовъ утра и приходя на ночлегъ иной разъ въ два часа ночи. Бывали такіе дни, что она двигалась со скоростью двухъ верстъ въ часъ.

А ужъ о томительной скукѣ нечего говорить: мало того, что непрерывный дождь, своимъ однообразнымъ шлепаньемъ по раскисшей почвѣ, могъ нагнать сплинъ даже и на самаго веселаго человѣка, но и мѣстность выглядывала какъ-то особенно уныло и печально. Повсюду—словно пустыня: не только не попадался живой турокъ или армянинъ, даже птица или звѣрь; большая часть пути была усѣяна палыми лошадьми, разбитыми патронными ящиками, мертвыми людьми и остатками разнаго имущества; голые сѣрые камни одиноко и тоскливо высились то справа, то слѣва, то впереди; липкая и холодная грязь, затопившая всю дорогу, и пожелтѣвшая, во многихъ мѣстахъ нескошенная, трава, уныло раскачивавшаяся подъ осеннимъ вѣтромъ—вотъ вся картина, которою приходилось любоваться отряду почти двѣ недѣли.

Наконецъ, 21-го октября 2-я батарея 38-й бригады прибыла въ городъ Гасанъ-Кала, а на слѣдующій день весь эриванскій отрядъ соединился съ соганлугскимъ у Куруджуха, вступивъ подъ общее начальство генералъ-лейтенанта Геймана. Онъ былъ расположенъ въ 10—12 верстахъ отъ непріятеля, занимавшаго укрѣпленную позицію на высотахъ Деве-Бойну (верблюжья шея), которыя по справедливости можно назвать воротами въ Эрзерумъ.

Топографія этой мѣстности въ главныхъ чертахъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: безлѣсный хребетъ Деве-Бойну со-

вершенно преграждаетъ доступъ въ эрзерумскую равнину; онъ соединяетъ двѣ горныя системы—Думли-дагъ и Паланъ-Текенъ-дагъ, примыкая къ послѣдней у скалистой вершины Кабыръ-Тапа, и такимъ образомъ отдѣляетъ пасинскую равнину отъ эрзерумской. Противъ Эрзерума Деве-Бойну имѣетъ сѣдловину, черезъ которую проходитъ прямо на востокъ, къ селенію Узунъ-Ахматъ, большая эрзерумская дорога. Дойдя до Деве-Бойну, она огибаетъ высоту Узунъ-Ахматъ и потомъ, пролегая по узкому ущелью и раздѣляя Деве-Бойну на двѣ половины, ведетъ прямо къ Эрзеруму. Правая половина Деве-Бойну упирается въ отроги Паланъ-Текена, почти недоступнаго, а лѣвая примыкаетъ къ высотамъ Чобанъ-дагъ, черезъ которыя пролегаютъ въ Эрзерумъ горныя дороги на селенія Туй и Кечкъ, неудобныя для движенія.

Главная невыгода деве-бойнской позиціи вообще заключалась въ двадцати-пятиверстномъ протяженіи хребта (занятаго, впрочемъ, турками всего на пространствѣ шести верстъ) и въ пересѣченной мѣстности середины самой позиціи, равно господствованія фланговъ надъ центромъ; достоинства же ея состояли въ томъ, что она не давала возможности атакующему скрытно приблизиться къ ней, потому что мѣстность передъ фронтомъ (пасинская равнина) была гладкая и лишь въ немногихъ мѣстахъ пересѣченная небольшими углубленіями.

Турки расположились на этой позиціи слѣдующимъ образомъ: въ центрѣ, на ровной возвышенности Узунъ-Ахматъ, былъ хотя и не очень значительный, но сосредоточенный лагерь, прикрытый траншеями и одною батареею. Назначеніе его состояло въ охраненіи большой эрзерумской дороги. Правый флангъ состоялъ изъ трехъ большихъ холмовъ, укрѣпленныхъ также траншеями и батареями. Въ лощинѣ за холмами находился главный лагерь непріятеля, закрытый отъ нашихъ взоровъ, а впереди былъ выдвинутъ небольшой лагерь, палатки котораго легко было различить. На лѣвомъ флангѣ, на высотѣ Чобанъ-дагъ, впереди которой возвышался отдѣльный холмъ, турки поставили горныя и полевыя орудія и четыре баталіона пѣхоты. Съ послѣднихъ скатовъ Чобанъ-дага и съ Узунъ-Ахмата открывалась полная возможность обстрѣ-

ливать поперечным огнем оврагъ, раздѣлявшій Деве-Бойну на двѣ половины, по которому проходила большая эрзерумская дорога.

Вся эта позиція была занята 60-ю баталіонами пѣхоты, двумя полками кавалеріи и до 50-ти орудіями, въ числѣ которыхъ было восемь крѣпостныхъ шести-дюймовыхъ *).

Ко времени прибытія эриванскаго отряда въ Куруджухъ, генералъ Гейманъ получилъ два достовѣрныя свѣдѣнія: что соединенная армія противника весьма деморализована, и что Мухтаръ-паша съ часу на часъ ожидаетъ подкрѣпленій, въ числѣ двѣнадцати баталіоновъ, изъ Трепизонта. Эти два обстоятельства заставляли не мѣшкать: генералъ Гейманъ, рѣшивъ вопросъ объ атакѣ непріятеля въ военномъ совѣтѣ, 21-го октября произвелъ, съ начальниками частей, обзоръ турецкой позиціи со склоновъ горы Карга-Базаръ и назначилъ штурмъ на 23-е октября. Диспозиція, составленная подробно и обстоятельно, въ главныхъ чертахъ заключала слѣдующія распоряженія: всѣ войска были раздѣлены на два фланга—правый и лѣвый; командованіе правымъ флангомъ поручалось начальнику эриванскаго отряда генералу Тергукасову, а лѣвымъ командующему кавказскою гренадерскою дивизіею генералу Соловьеву. Командованіе же всею артиллеріею соединенныхъ отрядовъ было возложено на командира кавказской гренадерской артиллерійской бригады, генералъ-маіора Кульстрема, хотя и младшаго по производству въ чинѣ передъ генералъ-маіоромъ Барсовымъ. За центромъ должна была расположиться резервная колонна. Съ артиллеріею всего отряда было поступлено по примѣру авліарскаго сраженія, т. е. она, въ числѣ 80-ти орудій, занявъ позиціи противъ непріятельскаго центра, очереднымъ массированіемъ своего огня по различнымъ непріятельскимъ батареямъ, должна была подготовлять моментъ атаки. Войска праваго фланга, состоявшія изъ эриванскаго отряда, съ добавленіемъ еще елисаветпольскаго пѣхотнаго полка, должны были вести рѣшительное наступленіе на лѣвый флангъ непріятеля. Что касается до войскъ нашего лѣваго фланга, состоявшихъ изъ соганлугскаго отряда, то

---

*) По газетѣ „Times", соединенныя войска Мухтара и Измаила пашей состояли изъ 16-ти тысячъ штыковъ и 60-ти орудій.

роль ихъ заключалась только въ одномъ демонстрированіи противъ праваго фланга противника и въ отвлеченіи на этотъ пунктъ возможно большаго числа его войскъ.

Съ восходомъ солнца, часовъ въ шесть утра, войска двинулись въ тишинѣ и порядкѣ; всѣ девяти-фунтовыя батареи, входившія въ составъ эриванскаго отряда, а съ ними и 2-я батарея 38-й бригады, вступили въ линію прочихъ батарей, шедшихъ пока въ глубокой колоннѣ одна за другою. Артилерія подвигалась медленно, и только грохотъ орудій, вздрагивавшихъ при каждомъ толчкѣ на своихъ желѣзныхъ лафетахъ, раздавался въ воздухѣ. Батареи шли къ центру турецкаго расположенія, къ плоской вершинѣ Узунъ-Ахмата, которая у насъ получила названіе Столовой горы.

Часовъ въ 7½ грянулъ первый выстрѣлъ съ непріятельской батареи, и снарядъ, видимо большаго калибра, пронесся съ ревомъ надъ батареями, упалъ далеко позади и, вскопавъ цѣлый столбъ черной земли, съ трескомъ и воемъ разлетѣлся на множество осколковъ. Бой начался. Начальникъ артилеріи подалъ батареямъ сигналъ наступленія; онѣ развернулись въ одну линію, выстроивъ общій фронтъ по правофланговой батареѣ, и на рысяхъ, съ посаженной прислугою, двинулись впередъ. Вскорѣ далекій звукъ трубы донесъ сигналъ открытія огня, и одна за другой полетѣли гранаты на вершину Узунъ-Ахмата. По пристрѣлкѣ, дистанція оказалась въ 1500 саженей. Непріятель сразу загремѣлъ изъ всѣхъ своихъ орудій. Съ ревомъ носились его снаряды; ихъ свистъ и вой, жужжаніе осколковъ, грохотъ ружейной и орудійной пальбы слились въ невообразимый хаосъ, среди котораго повременамъ невозможно было разслышать вблизи человѣческаго голоса; громадныя облака пороховаго дыма застлали собою всѣ батареи. 2-я батарея 38-й бригады, часовъ въ 10-ть пополудни, вмѣстѣ съ прочими батареями, передвинулась на третью позицію; по мѣрѣ этого приближенія, огонь непріятеля усиливался, вырывая постоянно изъ строя лошадей, представлявшихъ большую цѣль.

Въ одиннадцатомъ часу громадное облако пороховаго дыма

поднялось надъ одной изъ непріятельскихъ батарей; оглушительный трескъ, раскатившись громкимъ и выдѣляющимся эхомъ по всѣмъ горамъ, возвѣстилъ о чемъ-то неладномъ. Дѣйствительно, глыбы земли и камни, взлетѣвшіе кверху, дали знать, что у непріятеля взорванъ пороховой погребокъ. Взрывъ произошелъ отъ удачнаго выстрѣла 2-й батареи 38-й бригады. Батарея, конечно, порадовалась, хотя и не надолго, потому что немного спустя, именно ровно въ одиннадцать часовъ, на батарею съ ревомъ ворвался непріятельскій большаго калибра снарядъ, шлепнулся вблизи подполковника Колодѣева, разлетѣлся въ куски и поразилъ всѣми любимаго командира. Когда разсѣялся дымъ, подполковника Колодѣева увидѣли безмолвно приникшимъ къ сѣдлу. Офицеры и нѣкоторые нижніе чины тотчасъ бросились къ своему храброму начальнику, и онъ, блѣдный и обезсиленный, склонился на ихъ руки. Осколокъ гранаты вырвалъ у него икру, и кровь ручьемъ бѣжала изъ тяжелой раны. Лошадь, контуженная тѣмъ же осколкомъ въ бокъ, испуганно храпѣла. Непріятна и тяжела для каждаго была эта минута; общее, единодушное сочувствіе и сожалѣніе отразились на всѣхъ безъ исключенія чинахъ батареи. Раненый, послѣ первой поспѣшной перевязки, сдѣланной на батареѣ, былъ отнесенъ на перевязочный пунктъ; въ командованіе же батареею вступилъ старшій офицеръ, капитанъ Непенинъ.

Батарея, подвигаясь впередъ, къ двумъ часамъ очутилась въ восьмистахъ саженяхъ отъ непріятеля—и стрѣльба гранатою замѣнилась шрапнелью съ двухъ-ярусною трубкою; она производилась съ замѣчательною точностью и методичностью. Батареи всей нашей линіи не разбрасывали своего огня по различнымъ пунктамъ, а постоянно стрѣляли всѣ по одной изъ батарей или траншей, ослабивъ огонь которыхъ, избирали себѣ въ жертву какой нибудь другой пунктъ непріятельскаго расположенія. Только благодаря такому толковому и благоразумному пользованію артиллеріею, мы достигли блестящихъ результатовъ, съ весьма малыми сравнительно потерями. Турецкая артилерія не переставала громить изъ своихъ пушекъ; снаряды ея, вслѣдствіе твердаго каменнаго грунта, рвались хорошо, осыпая насъ осколками. Турки почему-то совсѣмъ

не стрѣляли шрапнелью съ дистанціонными трубками, хотя и имѣли къ тому полнѣйшую возможность. Но за то, шрапнель ихъ, снабженная ударными трубками, сильно поражала людей и лошадей. Одинъ изъ такихъ снарядовъ крупнаго калибра упалъ противъ передка 5-го орудія 2-й батареи 38-й бригады и свалилъ всѣхъ лошадей его, въ томъ числѣ и фейерверкерскую; ѣздовой былъ раненъ. Вслѣдъ затѣмъ, осколокъ другаго снаряда свернулъ еще одного ѣздоваго. Вообще, батарея много потерпѣла на этой позиціи; снаряды иной разъ падали возлѣ самыхъ дулъ орудій, грозя подбить ихъ прямымъ полстомъ. Во избѣжаніе этого, прислуга постоянно накатывала орудія впередъ, чтобы вывести ихъ изъ сферы пораженія и тѣмъ вводить непріятеля въ заблужденіе относительно правильной постановки высоты прицѣла. Слѣдуетъ еще замѣтить, что орудія были разставлены на большіе интервалы—что также отчасти предохраняло ихъ отъ сильнаго пораженія.

Непріятельскіе артиллеристы видимо имѣли весьма темныя свѣдѣнія о стрѣльбѣ изъ своихъ орудій. Стрѣляя по цѣли, расположенной на совершенно открытой мѣстности, на твердомъ грунтѣ и на покатости, они поставили такую высоту прицѣла, при которой почти ни одинъ изъ ихъ снарядовъ не упалъ впереди линіи дулъ нашихъ орудій; напротивъ, средняя траекторія всѣхъ выстрѣловъ упиралась нисходящею своею вѣтвью немного позади линіи передковъ, вслѣдствіе чего и получалась масса перелетающихъ снарядовъ, которые, конечно, не могли приносить намъ никакого вреда. Не сдѣлай непріятель столь грубой ошибки въ пристрѣлкѣ, батарея навѣрное понесла бы болѣе чувствительныя потери. Стрѣльба картечными гранатами съ двухъ-ярусными трубками, открытая батареею съ послѣдней позиціи, не могла быть особенно успѣшною, такъ какъ устройство самыхъ трубокъ далеко не соотвѣтствовало выполненію этой задачи. При батареѣ же, между прочимъ, имѣлось много картечныхъ гранатъ съ ввинченными уже одно-ярусными трубками, которыя, при стрѣльбѣ, несомнѣнно дали бы болѣе правильные разрывы. Но для производства подобной стрѣльбы необходимо было подойти еще ближе къ непріятелю, и капитанъ Непенинъ не замедлилъ это исполнить. Посадивъ прислугу на ору-

дія, онъ повелъ батарею впередъ на рысяхъ. Непріятельскіе снаряды еще чаще начали проноситься надъ головами. Выѣхавъ саженей на сто впередъ, Непенинъ остановилъ такимъ образомъ батарею въ 700-хъ саженяхъ отъ непріятеля и открылъ пальбу картечною гранатою съ одно-ярусною трубкою.

Вначалѣ самая жаркая перестрѣлка велась на нашемъ лѣвомъ флангѣ, въ окрестностяхъ селенія Гюлли, находившагося противъ праваго фланга непріятеля и занятаго частью нашей кавалеріи. Въ этомъ раіонѣ дѣйствовалъ отрядъ генерала фонъ-Шака. Еще утромъ, селеніе Гюлли перешло въ наши руки, и часть войскъ отряда, именно баталіонъ тифлисскаго полка и двѣ сотни казаковъ, продолжали дальнѣйшее наступленіе, стараясь занять близлежащія высоты, которыя почему-то были упущены турками. Послѣдніе, спохватившись и желая предупредить наши войска, послали свою кавалерію, которая, отдѣлившись отъ лагеря, расположеннаго около селеній Тополахъ и Небикей, на рысяхъ направилась на тѣ же гюллинскія высоты. Но было поздно: тифлисцы и казаки опередили ее и утвердились на высотахъ.

Занятіе нами гюллинскихъ высотъ было принято непріятелемъ за начало атаки на этомъ пунктѣ, а потому онъ и сталъ стягивать сюда войска съ своего лѣваго фланга. Часамъ къ двумъ пополудни, онъ свелъ на свой правый флангъ до восьми баталіоновъ пѣхоты и часть кавалеріи въ пѣшемъ строю. Наши войска, не трогаясь съ мѣста, продолжали перестрѣлку. Принимая подобный родъ дѣйствій за нерѣшительность, турки, видимо ободрившись духомъ, рѣшились сами перейти въ наступленіе. Это было около трехъ часовъ пополудни. Всѣ восемь баталіоновъ, подошедшихъ съ лѣваго фланга, съ присоединившеюся къ нимъ пѣхотою, расположенною недалеко отъ селенія Гюлли, двинулись въ атаку. Началась адская трескотня. Но скоро атака непріятеля была отбита баталіонами тифлисскаго полка. Думая, что стянутыя на правомъ флангѣ силы недостаточны для того, чтобы отбросить наши войска, турки подтянули еще нѣсколько баталіоновъ съ своего лѣваго фланга и съ Узунъ-Ахмата и вторично, всѣми совокупными силами, повели новую ожесточенную атаку на нашъ крайній лѣ-

вый флангъ. Но и на этотъ разъ они потерпѣли неудачу въ дружномъ отпорѣ тифлисцевъ и мингрельцевъ *) и отступили съ урономъ. Наши войска, оставаясь на занятыхъ позиціяхъ, продолжали перестрѣлку, ожидая результата на правомъ флангѣ. Такимъ образомъ, задача, возложенная на войска нашего лѣваго крыла, была ими выполнена блестящимъ образомъ: непріятель стянулъ съ своего лѣваго фланга массу войскъ—а этого только и было желательно достигнуть.

Теперь оставалось только взять то, что было плохо сбережено, и въ этомъ случаѣ настало время дѣйствовать войскамъ нашего праваго фланга, и главнымъ образомъ колоннѣ полковника князя Амираджиби, состоявшей изъ восьми баталіоновъ пѣхоты и восьми четырехъ-фунтовыхъ орудій, стоявшихъ въ селеніи Чифтликъ.

Съ западной стороны Узунъ-Ахмата, т. е. съ той, откуда слѣдовало вести атаку, находился глубокій оврагъ, подымавшійся въ перпендикулярномъ направленіи къ вершинѣ Деве-Бойну. Сѣверо-западная сторона этого оврага заканчивалась горою Чобанъ-дагъ, увѣнчанною, какъ сказано было, непріятельскими окопами, изъ за которыхъ удобно было обстрѣливать идущія на штурмъ Узунъ-Ахмата войска. Перейти въ наступленіе съ высоты Чобанъ-дага непріятель не могъ, такъ какъ высота эта спускалась въ оврагъ почти отвѣсною скалою. Кромѣ того, у Чобанъ-дага стоялъ отлогій холмъ, занятый нѣсколькими баталіонами непріятельской пѣхоты. Такимъ образомъ, съ Узунъ-Ахмата, Чобанъ-дага и съ названнаго холма, оврагъ, ведущій на Деве-Бойну, обстрѣливался самымъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ съ трехъ сторонъ, и производить атаку въ этомъ пунктѣ, не очистивъ предварительно высоты Чобанъ-дагъ, а также и холма, было бы весьма рисковано. Одинъ артилерійскій огонь не былъ въ состояніи очистить означенныя позиціи, и приходилось прибѣгнуть къ содѣйствію пѣхоты. Для этого были двинуты два баталіона крымскаго пѣхотнаго полка, съ двумя батареями—четырехъ-фунтовою, бывшею въ колоннѣ князя Амираджиби, и 1-ою конною кубанскаго казачьяго войска; бата-

*) Послѣдніе пришли отъ селенія Гюлли какъ-разъ вовремя и сильно поддержали утомленныхъ тифлисцевъ.

рея же изъ колонны генерала Броневскаго *) получила приказаніе принять участіе въ подготовкѣ атаки баталіонамъ крымцевъ. Подъ прикрытіемъ артилерійскаго огня, крымцы атаковали турокъ, занимавшихъ холмъ у Чобанъ-дага, и заставили ихъ бѣжать. Послѣ этого батареи, прикрывавшія наступленіе крымцевъ на Чобанъ-дагъ, открыли сосредоточенную стрѣльбу какъ по самой вершинѣ Чобанъ-дага, такъ и по траншеямъ, вѣнчавшимъ южную сторону оврага; огонь этихъ трехъ батарей далеко не пропалъ даромъ и сильно ослабилъ дѣйствіе пяти непріятельскихъ орудій, поставленныхъ въ траншеяхъ и обстрѣливавшихъ продольно весь оврагъ.

Къ этому времени 2-я батарея 38-й бригады подъѣхала на дистанцію 700 саженей и продолжала громить траншеи на Узунъ-Ахматѣ картечными гранатами. Кавалерія праваго крыла, подъ командою Келбали-хана Нахичеванскаго, также была придвинута ближе къ боевой линіи; изъ резервной колонны генерала Броневскаго были выдвинуты два баталіона крымскаго и таманскаго полковъ, подъ начальствомъ полковника Юрковскаго, и поставлены на лѣвомъ флангѣ линіи нашихъ дѣйствовавшихъ батарей, для поддержанія, если понадобится, атаки полковника князя Амираджиби съ противуположной стороны Узунъ-Ахмата.

Въ четыре часа пополудни колонна полковника князя Амираджиби двинулась по направленію все еще сильно обстрѣливаемаго Узунъ-Ахмата. Совокупнымъ дѣйствіемъ артилеріи, среди которой не менѣе другихъ видная роль принадлежала 2-й батареѣ 38-й бригады, атака для этой колонны была вполнѣ подготовлена: одна изъ турецкихъ батарей, съ орудіями большаго калибра, расположенная на лѣвомъ флангѣ Узунъ-Ахмата, бездѣйствовала; полевыя орудія, поставленныя на скатахъ горы, ниже главныхъ укрѣпленій, покинувъ свои ложементы, старались взобраться на вершину и укрыться тамъ отъ нашего губительнаго огня.

Вслѣдъ за штурмовою пѣхотною колонною была послана по большой эрзерумской дорогѣ кавалерія генералъ-маіора князя

*) Колонна генерала Броневскаго состояла изъ восьми баталіоновъ и 36-ти орудій и, стоя въ резервѣ, упиралась своимъ правымъ флангомъ въ селеніе Чифтликъ.

Амилахвари. Она остановилась за южнымъ склономъ Узунъ-Ахмата, въ виду турокъ, какъ бы этимъ заманивая ихъ покинуть траншеи и перейти въ наступленіе. Такъ оно и случилось: турки перешли въ наступленіе частью изъ траншей Узунъ-Ахмата, частью изъ окоповъ на Деве-Бойну, сильно ослабивъ вслѣдствіе этого свои горныя твердыни. Стремительно бросилась впередъ колонна полковника князя Амираджиби, успѣвшая уже достигнуть до брустверовъ непріятельскихъ окоповъ, и съ громкимъ боевымъ крикомъ ворвалась внутрь укрѣпленія.

Турки не выдержали удара и опрометью пустились бѣжать. Баталіоны полковника Юрковскаго, взойдя на южный склонъ Узунъ-Ахмата, чуть не перехватили бѣглецовъ. Это было въ 6-ть часовъ вечера. Артилерійская канонада на правомъ флангѣ прекратилась; крики „ура" замерли въ надвигавшемся ночномъ мракѣ. Дѣло тутъ было кончено.

Но со стороны лѣваго нашего крыла все еще неслись перекаты ружейной стрѣльбы. Тамъ ни турки, ни русскіе не знали о томъ, что насталъ конецъ знаменитому сраженію 23-го октября. Только съ наступленіемъ ночи прекратилась перепалка, и непріятель, не будучи въ состояніи держаться на Деве-Бойну съ потерею Узунъ-Ахмата, разбѣжался по горамъ.

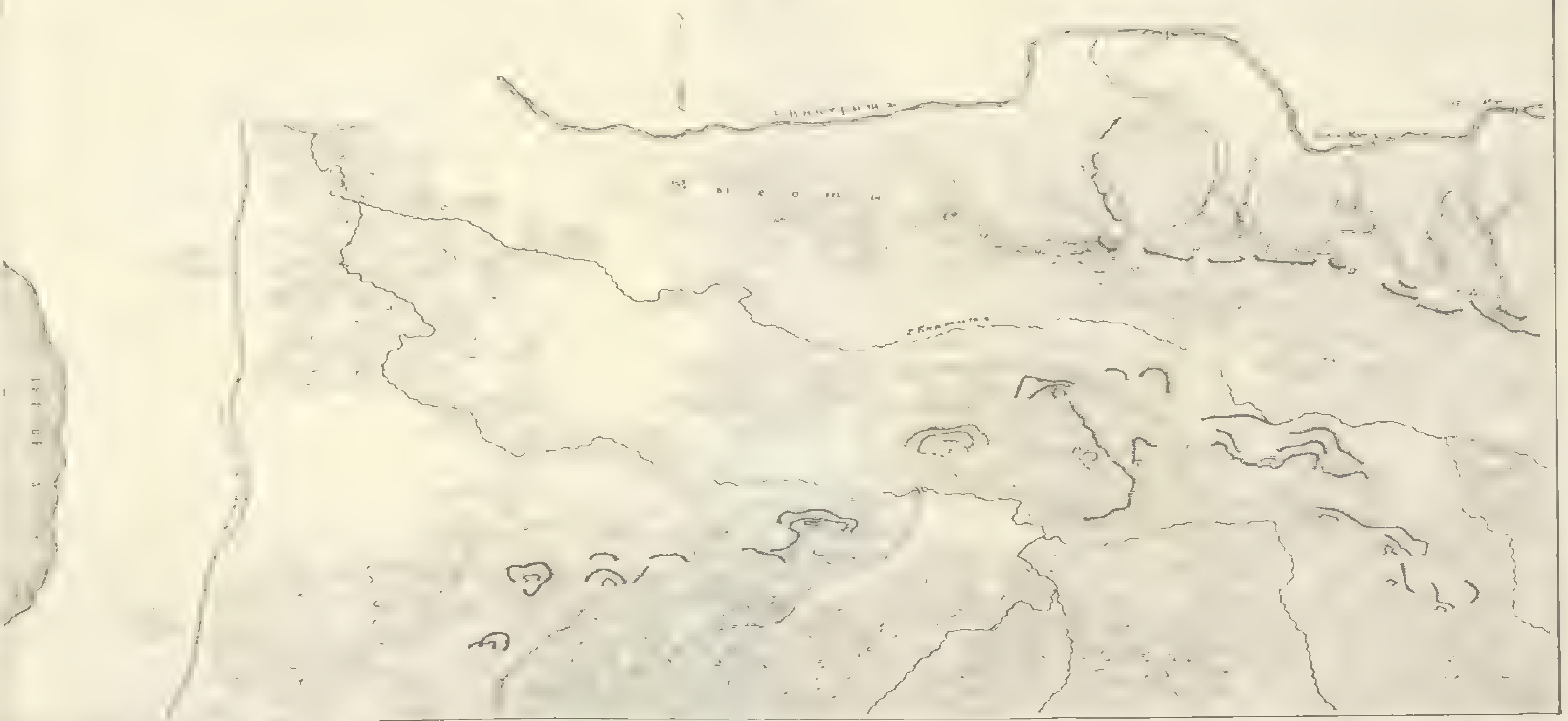
Повалилъ мокрый снѣгъ. Генералъ Тергукасовъ объѣзжалъ свои войска, благодарилъ ихъ за молодецкое дѣло и утѣшалъ солдатъ словами: „завтра, ребята, въ Эрзерумѣ будемъ". Солдаты, конечно, отвѣчали восторженнымъ „ура". Цѣлую ночь, не смотря на мокрую и холодную погоду, войска ликовали на занятыхъ съ боя позиціяхъ. Подъ утро пошелъ сухой снѣгъ, покрывшій бѣлою пеленою всю окрестность. Эрзерума мы не увидѣли ни въ тотъ день, ни далеко послѣ того.

Недешево обошлось для 2-й батареи 38-й бригады деве-бойнское сраженіе; кромѣ раненаго командира, она потеряла одного убитаго и двухъ раненыхъ нижнихъ чиновъ, 16-ть убитыхъ и три раненыхъ лошади; матеріальная часть, кромѣ незначительной порчи конской аммуниціи, не была повреждена. Было выпущено 249-ть обыкновенныхъ и 180-ть картечныхъ гранатъ. Трофеями

ПЛАНЪ
АРТИЛЛЕРІЙСКИХЪ ПОЗИЦІЙ
ВЪ СРАЖЕНІЯХЪ ПОДЪ ЦИХИСДЗИРИ

11 и 12 Июня

A *Столовая гора. На ней Батареи 3 и 4. 41 Бригады.*
B *Вторыя Батареи 19 и 41 Артиллер. Бригады.*
D *Лысинный Бугоръ*
k *Амбразурная Батарея.*

же боя были четыреста плѣнныхъ, 43-ри непріятельскихъ орудія (изъ нихъ 8-мь крѣпостныхъ, 3-ри горныхъ и остальныя полевыя), шесть зарядныхъ ящиковъ, весь непріятельскій лагерь и множество патроновъ, патронныхъ ящиковъ, снарядовъ и прочаго военнаго имущества. Убитыхъ и раненыхъ турокъ была масса; вся внутренность укрѣпленія Узунъ-Ахмата была усѣяна окоченѣвшими отъ холода трупами. Развалины взорваннаго пороховаго погреба представляли собою особую картину: громадныя глыбы камня, скованнаго цементомъ, далеко были раскиданы отъ пункта взрыва; цѣлый рядъ убитыхъ турокъ валялся около мѣста катастрофы; всѣ они, будучи вѣроятно поражены мгновенною смертью, припали ничкомъ къ землѣ, такъ что лицъ не было видно, и только одни руки, съ ихъ восковою блѣдностью, отпечатывались на снѣжной пеленѣ.

24-го октября всѣ войска взошли на Деве-Бойну. Часамъ къ 10-ти утра подтянулась туда и 2-я батарея 38-й бригады, и разбивъ палатки, простояла на мѣстѣ до 27-го октября. Въ этотъ день произведена была рекогносцировка эрзерумскихъ укрѣпленій, въ которой приняли участіе только начальники пѣхотныхъ и кавалерійскихъ колоннъ, а также и начальники артиллеріи отрядовъ. По окончаніи рекогносцировки рѣшено было штурмовать Эрзерумъ въ ночь съ 27-го на 28-е число. По диспозиціи, весь соганлугскій отрядъ былъ раздѣленъ на нѣсколько колоннъ, и каждая изъ нихъ должна была атаковать одинъ изъ отдѣльныхъ фортовъ, окружающихъ столицу Анатоліи. Что касается до эриванскаго отряда, то онъ цѣликомъ былъ оставленъ въ резервѣ. Тѣ изъ батарей, которыя израсходовали почти всѣ свои снаряды 23-го числа и отдали остальные въ другія батареи, на пополненіе боеваго комплекта, были оставлены на деве-бойнской позиціи. 2-я же батарея 38-й бригады, пополнивъ отчасти свой комплектъ, была двинута съ Деве-Бойну по большой эрзерумской дорогѣ въ двѣнадцать часовъ ночи. Шедшій всѣ эти дни мокрый снѣгъ сильно испортилъ дорогу; къ ночи хотя и подмерзло, но отъ этого стало еще хуже. Люди, не видя, за темнотою, ничего, очень часто спотыкались и падали. Невозможно было отличить, куда и какъ мы идемъ: все скрылось въ непроницаемой тьмѣ.

Впереди и съ боковъ слышно было, какъ шуршала ногами пѣхота, двигаясь по замерзшей почвѣ, и какъ брячали скрестившіеся штыки, доказывая, что идти было несовсѣмъ удобно. Неизвѣстно почему, но многими овладѣла неувѣренность въ хорошемъ исходѣ предпринятаго дѣла.

Главная задача выпала опять колоннѣ полковника князя Амираджиби, состоявшей изъ семи баталіоновъ бакинскаго и елисаветпольскаго полковъ, которая должна была наступать по большой эрзерумской дорогѣ и атаковать фортъ Азизіе. Другая колонна полковника Крузенштерна, изъ одного баталіона крымскаго полка и 3-го стрѣлковаго баталіона, слѣдуя по тому же направленію, должна была потомъ уклониться влѣво и штурмовать смежный съ Азизіе фортъ Ахали, слабѣйшій изъ всѣхъ фортовъ. Ближайшій резервъ для полковника Крузенштерна составляла колонна генерала фонъ-Шака, изъ тифлисскаго и мингрельскаго полковъ, на обязанность которой было возложено слѣдовать также по большой эрзерумской дорогѣ, и потомъ остановиться недалеко отъ селенія Хана, въ четырехъ верстахъ отъ линіи укрѣпленій, и ждать дѣйствій колонны Крузенштерна; при первыхъ же крикахъ или выстрѣлахъ ея, генералъ фонъ-Шакъ долженъ былъ двинуться на штурмъ воротъ, ведущихъ въ городъ со стороны Карса. Кавалерія, въ составѣ 26-ти эскадроновъ и сотенъ и 10-ти конныхъ орудій, подъ командою генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, должна была остановиться недалеко отъ города, строго слѣдить за ходомъ боя и при первой же удачѣ занять ольтинскую дорогу, по которой непріятель могъ отступить. Была еще одна очень сильная колонна, состоявшая изъ эриванскаго и грузинскаго гренадерскихъ полковъ, подъ командою генерала Авинова, на которую возлагалось—зайти въ обходъ правому флангу эрзерумскихъ укрѣпленій и ударить на Эрзерумъ съ тыла. Что касается до отряда генерала Тергукасова, то ему надлежало оставаться въ резервѣ около селенія Хана; съ разсвѣтомъ же онъ долженъ былъ броситься на поддержку болѣе нуждающейся штурмовой колонны.

Изъ всего сказаннаго видно, что атака на Эрзерумъ предполагалась главнымъ образомъ съ восточной стороны, т. е. отъ боль-

шой карсско-эрзерумской дороги. Слѣдуетъ также оговорить, что было условлено, чтобы каждая колонна, по занятіи атакуемаго ею форта, подала бы объ этомъ сигналъ ракетою.

Долго двигалась 2-я батарея вмѣстѣ съ прочими частями отряда. Наконецъ, отрядъ подтянулся къ деревнѣ Хана, и батарея остановилась. Лошадей, конечно, не выпрягали; но ѣздовымъ велѣно было сейчасъ слѣзть. Кругомъ была мертвая тишина и непроглядный мракъ. Изрѣдка чуткое ухо слышало какіе-то неясные звуки, вѣроятно производимые массою двигавшихся людей.

Востокъ уже началъ слегка алѣть, а условныхъ ракетъ все нѣтъ. Утомленные солдаты уже кое-гдѣ всхрапывали, свернувшись клубкомъ на промерзшей землѣ, а лошади продолжали фыркать. Наконецъ, вдали щелкнулъ ружейный выстрѣлъ, нарушивъ торжественную тишину ночи. Мигомъ все преобразилось: въ одну минуту поднялась страшная ружейная перестрѣлка. Послышалось громкое и рѣшительное наше „ура“, долго катившееся широкою волною въ холодномъ ночномъ воздухѣ. Красные огоньки отъ ружейныхъ выстрѣловъ безпрерывно мелькали въ неуспѣвшемъ еще исчезнуть ночномъ мракѣ. Грянулъ выстрѣлъ изъ какого-то тяжелаго орудія—и слышно было, какъ снарядъ, разсѣкая воздухъ, понесся въ городъ.

Подъ ударомъ двухъ баталіоновъ бакинскаго полка палъ одинъ изъ сильнѣйшихъ фортовъ Эрзерума—Азизіе. Какъ львы, ворвались они во внутренность Азизіе и съ громкими криками бросились на оторопѣвшаго непріятеля. Дремавшій часовой успѣлъ только выстрѣломъ подать своимъ товарищамъ сигналъ объ опасности, но было уже поздно. Бой продолжался не болѣе четверти часа; но груды непріятельскихъ тѣлъ запрудили все пространство схватки. Немногіе турки спаслись бѣгствомъ; тѣ же, которые остались въ живыхъ, сложили оружіе и сдались въ плѣнъ. Ихъ было: 19 офицеровъ и 540 нижнихъ чиновъ.

Къ сожалѣнію, некому было поддержать храбрецовъ: войска наши, за темнотою ночи, отклонившись отъ предназначенныхъ имъ путей, разбрелись далеко въ стороны. Отрядъ генерала Тергукасова двинулся на выстрѣлы, но уже было поздно, такъ какъ

недолго досталось бакинцамъ торжествовать свою побѣду. Спустя полчаса со времени рѣшительнаго натиска, изъ города и изъ сосѣднихъ фортовъ показались массы непріятельской пѣхоты, которая, какъ саранча, летѣла со всѣхъ сторонъ къ Азизіе и полѣзла на выручку гарнизона. Бакинцы и тутъ не оплошали: они отбивались отъ сильнѣйшаго противника какъ могли, но, наконецъ, поддались силѣ и начали кучками пробивать себѣ дорогу черезъ окружившаго ихъ непріятеля. Храбро отступили бакинцы, захвативъ съ собою и всѣхъ плѣнныхъ. А турки, ободренные успѣхомъ, перешли въ наступленіе. Для прикрытія отступавшихъ былъ двинутъ крымскій полкъ и 1-я батарея 19-й бригады. Роты крымцевъ, разсыпавъ цѣпь, открыли, вмѣстѣ съ батареею, огонь; 2-я же батарея 38-й бригады заняла позицію уступомъ позади 1-й батареи 19-й бригады и приготовилась открыть стрѣльбу тогда, когда послѣдняя начнетъ отступать. Вскорѣ батарея 19-й бригады взяла на задки. Тутъ грянулъ первый выстрѣлъ 2-й батареи. Мало по малу отступленіе приняло совершенно правильный порядокъ.

Изъ резерва разсыпались на поддержку отступавшей цѣпи новыя роты, и крымцы, подкрѣпленные свѣжими войсками и картечными гранатами, которыми громила 2-я батарея, перешли снова въ наступленіе. Непріятель пріостановился. Долго длилась ружейная перестрѣлка, поддерживаемая орудійною пальбою изъ фортовъ. Тяжелыя бомбы съ ревомъ врывались на 2-ю батарею, потрясая воздухъ своими оглушительными разрывами. Всѣ снаряды ложились съ замѣчательною точностью—что и наводило на мысль о пристрѣлкѣ, произведенной заранѣе изъ каждаго форта для опредѣленія разстояній. Въ три часа пополудни турки начали оттягивать свои войска, и перестрѣлка затихла. 2-я батарея, сдѣлавъ послѣдній выстрѣлъ въ эту кампанію, также прекратила огонь; только пальба изъ тяжелыхъ орудій не переставала оглашать своимъ ревомъ всю окрестность. Въ батареѣ были убиты одинъ канониръ и одна лошадь; выпущено 18-ть обыкновенныхъ и 9-ть картечныхъ гранатъ.

Въ пять часовъ наши колонны начали стягиваться на свои прежнія позиціи; 2-я батарея 38-й бригады, занявъ свое мѣсто

на Деве-Бойну, оставалась там до 2-го ноября. Въ войсках появилось видимое и сильное уныніе. Да и было отъ чего пріуныть: съ 30-го октября наступила зима, выпалъ снѣгъ, и морозы становились чувствительные, а у солдатъ обувь и одежда были изорваны и изношены; въ палаткахъ невозможно было пріютиться, потому что онѣ были дырявыя; эпидемія начиналась—благодаря прежде всего недостатку порядочной пищи.

Наши дѣйствія подъ Эрзерумомъ были окончены. Генералъ Гейманъ хотя сперва желалъ возобновить штурмъ, но потомъ отказался отъ столь рискованнаго предпріятія. Съ окончаніемъ дѣйствій подъ Эрзерумомъ, рѣшено было—эриванскій отрядъ отправить обратно, такъ какъ иначе открылся бы свободный доступъ туркамъ въ Эриванскую губернію со стороны Вана, гдѣ были непріятельскія войска. Отрядъ, въ прежнемъ своемъ составѣ, кромѣ полковъ и батарей 39-й дивизіи и артилерійской бригады, тронулся тремя эшелонами. Послѣдній эшелонъ, при которомъ слѣдовала и 2-я батарея 38-й бригады, выступилъ 2-го ноября, по пройденному уже транзитному пути. Опять потянулась скучная и однообразная дорога. Шедшіе все это время мокрый снѣгъ и дождь донельзя разгрязнили дорогу. До Драмъ-дага шли однако безъ особенныхъ задержекъ, но, при подъемѣ на этотъ перевалъ, батарея съ каждымъ шагомъ забиралась все выше и выше въ область морозовъ, снѣговъ и метелей. Невообразимая гололедица сковала весь путь. Лошади дѣлали невѣроятныя усилія, отвоевывая себѣ каждый шагъ подъема; наконецъ, глубокій снѣгъ и сильные морозы, въ особенности по утрамъ, донимали окончательно.

Съ приходомъ на ночлегъ, люди тотчасъ же начинали разгребать снѣгъ и устанавливать въ получавшіяся такимъ образомъ ямы свои дырявыя палатки, которыя положительно не были въ состояніи прикрыть отъ постояннаго рѣзкаго и холоднаго вѣтра. Набьется, бывало, человѣкъ двадцать въ одну палатку, лягутъ всѣ вплотную и согрѣваются теплотою тѣла и дыханьемъ. Рѣдко удавалось раздобыть дровъ; но если ихъ находили, то у тощаго костра собиралась чуть не вся батарея, и каждый совалъ свои окоченѣвшія руки и ноги въ самый огонь. Объ участи часовыхъ и

ночныхъ нечего и говорить: многіе изъ нихъ отморозили ноги, а помочь несчастнымъ было нечѣмъ, потому что даже офицеры не имѣли теплой одежды. Во время марша начиналась вереница нескончаемыхъ мукъ для лошадей. Подошвы отбивались и ломались въ страшномъ количествѣ; въ концѣ концовъ дѣло дошло до того, что въ нѣкоторыхъ орудіяхъ и ящикахъ оказались подкованными только одни коренники и дышловыя лошади, остальнымъ же приходилось идти раскованными, вслѣдствіе чего въ батареѣ, къ концу похода, оказалось множество лошадей больныхъ наминками и засѣчками и неспособныхъ къ службѣ. Наконецъ, кое-какъ 8-го ноября, переваливъ черезъ злополучный Драмъ-дагъ, батарея спустилась къ сел. Зейдеканъ, въ долину Ефрата. Тутъ снѣга еще не было, и погода стояла не столь суровая. 9-го ноября въ батарею достигло ободрившее всѣхъ извѣстіе о взятіи Карса; былъ отслуженъ благодарственный молебенъ; солдаты замѣтно поднялись духомъ.

На слѣдующій день, 10-го ноября, 2-я батарея 38-й бригады прибыла въ городъ Алашкертъ, который, конечно, далеко, по виду своему, не подходилъ къ типу города. Въ Алашкертѣ батарея простояла до мая 1878-го года, не избѣгнувъ, между прочимъ, сильной тифозной эпидеміи.

VIII.

Конецъ боевой дѣятельности первой полубатареи 5-й батареи 38-й бригады. Дѣятельность второй полубатареи и участіе ея, вмѣстѣ съ 3-ю батареею, въ блокадѣ и штурмѣ Карса. Возвращеніе въ Ардаганъ. Размѣщеніе на зимнихъ квартирахъ.

14-го октября, первая полубатарея 5-й батареи 38-й бригады прибыла въ Ардаганъ. Ардаганскаго отряда уже тамъ не было: онъ выступилъ въ г. Ольты. Въ составъ его вошла вторая полубатарея 5-й батареи, т. е. третій взводъ прапорщика Ломиковскаго, остававшійся въ Ардаганѣ, и четвертый, поручика Подеревскаго, бывшій на Годерзѣ. Генералъ Комаровъ, возвратившійся въ Ардаганъ 7-го октября, отправилъ отрядъ съ полковникомъ Дове, а самъ пока не выѣзжалъ. Когда явился къ нему подполковникъ Шредерсъ, то онъ приказалъ ему—поспѣшить вслѣдъ за выступившимъ отрядомъ и принять въ свое личное командованіе вторую полубатарею. Уѣзжая, Шредерсъ поручилъ полубатарею прапорщику Бѣльковичу. Съ этой минуты боевая дѣятельность первой полубатареи 5-й батареи 38-й бригады окончилась.

Во время пребыванія первой полубатареи въ главныхъ силахъ, вторая полубатарея 5-й батареи провела свою боевую жизнь въ ардаганскомъ отрядѣ слѣдующимъ образомъ: четвертый взводъ поручика Подеревскаго стоялъ въ Ахалцыхѣ до 29-го августа, ожидая пока пѣхота расчиститъ дорогу на Годерзъ; затѣмъ, 29-го числа онъ тронулся по назначенію. Расположеніе нашихъ войскъ на годерзскихъ высотахъ было вызвано предположеніемъ, допускавшимъ возможность нападенія на Ахалцыхъ летучаго непріятельскаго отряда со стороны Аджаріи. Къ счастью, этого нападенія не послѣдовало, и взводъ, простоявъ на Годерзѣ до 8-го сентября, получилъ приказаніе сняться съ позиціи и слѣдовать черезъ Ахалцыхъ въ Ардаганъ на присоединеніе къ батареѣ. 11-го сентября, послѣ труднаго перехода по крутымъ и каменистымъ спускамъ, взводъ ночевалъ въ Ахалцыхѣ и, слѣдуя далѣе черезъ Ахалкала-

ки, 19-го прибылъ въ Ардаганъ и присоединился тамъ къ третьему взводу.

До 11-го октября включительно вторая полубатарея 5-й батареи стояла въ Ардаганѣ, а въ этотъ день вечеромъ получила приказаніе выступить, въ составѣ прочихъ войскъ отряда, въ гор. Ольты. Обоза не приказано было брать, въ виду предстоявшей дурной дороги; взамѣнъ обоза полубатарея получила десять вьючныхъ чарводарскихъ лошадей, которыя до того были худы и заморены, что вьючить ихъ полнымъ вьюкомъ было по меньшей мѣрѣ безчеловѣчно.

Первые два перехода отъ Ардагана были сносные: дорога, хотя и грязная, шла преимущественно по ровному мѣсту, и только изрѣдка попадались крутые спуски и подъемы, неизбѣжные во всей Арменіи. Третій же переходъ черезъ паджаретскій перевалъ былъ для полубатареи самый тяжелый. Подъемъ на гору и спускъ вовсе не были разработаны, и повсюду громадные камни торчали изъ подъ земли, попадая подъ колеса. Переваливъ за Паджаретъ, колонна 15-го октября простояла на мѣстѣ, заготовляя лѣсъ для засѣки подъ вагенбургъ. Вечеромъ же, съ сотнею ейскаго казачьяго полка было получено предписаніе генерала Комарова, чтобы, вмѣсто Ольты, двинуться къ Карсу, въ составъ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса. Вслѣдствіе этого, колонна, выступивъ 16-го числа изъ деревни Паджаретъ, прибыла на ночлегъ въ селеніе Каширъ, сдѣлавъ чрезвычайно утомительный переходъ въ тридцать три версты по каменистымъ тропамъ.

Продовольствіе по пути было и безъ того скудное, какъ вслѣдствіе недостатка его, такъ и по случаю почти недоступныхъ цѣнъ; съ поворотомъ же къ Карсу людямъ стало совсѣмъ плохо, потому что трехдневный сухарный запасъ велѣно было растянуть на шесть дней. Только 20-го числа сухари подоспѣли изъ Ардагана.

17-го октября полубатарея, въ составѣ прочихъ войскъ, прибыла въ деревню Дамуръ-Капы. Во время этого движенія, въ трехъ или четырехъ верстахъ влѣво показались какія-то войска. Полковникъ Довс, думая, что это пятигорцы, присоединенія которыхъ ожидали изъ Ардагана, оставался совершенно покоенъ; но каково же было общее удивленіе, когда черезъ четверть часа усмотрѣнныя вдали

войска, поворотивъ на горы, начали быстро удаляться. Не оставалось никакого сомнѣнія, что это непріятельская колонна, слѣдовавшая въ Ольты. Можетъ быть, мы могли бы ее легко нагнать, но не сдѣлали этого, и она скоро скрылась за сосѣдними горами. Впослѣдствіи оказалось, что эта колонна состояла изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты, весьма слабо вооруженныхъ и наполовину больныхъ; артилерія же имѣла только одни орудія, безъ зарядовъ и снарядовъ.

Три баталіона пятигорцевъ, съ четырмя сотнями казаковъ, подъ начальствомъ полковника Бучкіева, присоединились къ отряду 18-го октября, въ селеніи Бердыкъ, и отсюда уже всѣ вмѣстѣ, подъ начальствомъ генерала Комарова, двинулись впередъ. 19-го октября отрядъ прибылъ къ Карсу и сталъ съ сѣверо-западной стороны, у сел. Самаватъ. Тутъ встрѣтилъ полубатарею подполковникъ Шредерсъ. На другой день полубатарея была передвинута къ Аравартану. Съ прибытіемъ въ составъ блокадныхъ войскъ, отрядъ генерала Комарова былъ подчиненъ генералъ-лейтенанту Роопу, подъ командою котораго находилось 17-ть баталіоновъ, 64 орудія и 22 эскадрона и сотни. Начальникомъ артилеріи отряда былъ назначенъ подполковникъ Шредерсъ.

У селенія Аравартана полубатарея 5-й батареи 38-й бригады оставалась до 3-го ноября, участвуя лишь въ различныхъ ночныхъ нападеніяхъ, предпринимавшихся малыми частями войскъ для тревогъ и захвата у непріятеля необходимыхъ для насъ пунктовъ. Въ послѣднихъ числахъ октября она содѣйствовала двумъ нападеніямъ охотничьихъ командъ, прикрывая ихъ отступленіе. Нападенія эти, впрочемъ, не достигли цѣли, такъ какъ, по случаю чрезвычайной темноты, охотники въ оба раза не могли подойти къ непріятелю по назначенію.

Гораздо болѣе счастливая боевая дѣятельность выпала на долю 3-й батареи 38-й бригады. 13-го октября она была передвинута изъ Визинкея къ сел. Магараджикъ и съ этого дня вступила въ составъ войскъ отряда генералъ-лейтенанта Лазарева. До 17-го числа батарея участвовала только въ дежурствахъ. Въ дежурную часть назначалась обыкновенно цѣлая батарея, подъ прикрытіемъ

дежурнаго баталіона пѣхоты. Войска эти выставлялись всегда впереди селенія Магараджика и находились тамъ цѣлые сутки, въ постоянной боевой готовности. 3-я батарея чередовалась съ 6-ю батареею 19-й артиллерійской бригады, а также и съ конною батареею астраханскаго казачьяго войска. За все время дежурствъ не пришлось сдѣлать ни одного выстрѣла.

Съ 17-го числа дѣятельность 3-й батареи нѣсколько измѣнилась. Непріятель воздвигнулъ особое укрѣпленіе впереди форта Хафисъ-паша и занималъ его ежедневно полевыми дальнобойными орудіями. По этому укрѣпленію дѣйствовала наша осадная батарея, расположенная недалеко отъ Магараджика. На усиленіе ея стали поочередно посылать по одному взводу 3-й батареи; другіе три взвода, остававшіеся отъ дежурства, въ это время участвовали въ различныхъ перестрѣлкахъ противъ непріятеля, дѣлавшаго вылазки. Одна изъ такихъ перестрѣлокъ разгорѣлась на лѣвомъ флангѣ нашего отряда 18-го октября, въ три часа пополудни.

Въ означенное время вдругъ раздались частые ружейные выстрѣлы съ лѣвой стороны, обратившіеся вскорѣ въ непрерывную трескотню. Сначала думали, что эта перестрѣлка производится на нашихъ аванпостахъ, не разъ уже имѣвшихъ дѣло съ турецкою кавалеріею, подъѣзжавшею на весьма близкое разстояніе; но скоро оказалось, что происходитъ нѣчто болѣе серьезное: прискакалъ казакъ съ запиской отъ генерала Алхазова, въ которой приказано было немедленно слѣдовать 3-й батареѣ на лѣвый флангъ отряда для отраженія вылазки. На рысяхъ тронулась батарея впередъ, заняла позицію и открыла огонь гранатою по вышедшимъ изъ укрѣпленія Хафисъ-паша непріятельскимъ цѣпямъ. Спустя немного, наша пѣхота перешла въ наступленіе. Маленькими перебѣжками, не прекращая пальбы, передвигалась она впередъ; нѣкоторое время цѣпи были ясно видны, но потомъ люди обратились въ двигающіяся точки, которыя то и дѣло выдѣляли бѣлые клубочки дыма. Батарея же все стрѣляла; огонь непріятеля, какъ ружейный, такъ и артиллерійскій, былъ очень силенъ: пули свистѣли, а гранаты рвались въ различныхъ направленіяхъ. Но подобный шумъ продолжался недолго: непріятель, не выдержавъ сильнаго дѣйствія на-

шихъ гранатъ, бросился обратно въ фортъ и прекратилъ стрѣльбу. Вскорѣ весь склонъ Хафиса покрылся двигающимися черными точками; то были цѣпи турокъ, отступавшія въ укрѣпленіе. 3-я батарея, не понеся никакихъ потерь, вечеромъ вернулась на свое мѣсто.

До 24-го числа стоянка батареи подъ Магараджикомъ не была потревожена ничѣмъ; 24-го же числа отрядъ генерала Алхазова, съ 3-ю батареею, предпринялъ наступленіе къ форту. Оно было вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ: намъ необходимо было выдвинуть впередъ осадныя батареи, дѣйствовавшія противъ Хафиса; но этому сильно препятствовало упомянутое выше контръ-апрошное укрѣпленіе, занимаемое постоянно довольно сильнымъ отрядомъ непріятельской пѣхоты, вмѣстѣ съ нѣсколькими дальнобойными орудіями. Выбить турокъ изъ этого укрѣпленія представлялось для насъ вопросомъ первой важности, и осуществленіе его было назначено на 24-е октября.

Въ ночь же съ 23-го на 24-е число, на лѣвомъ флангѣ, у сел. Караджурана, командою саперъ и третьимъ баталіономъ кутаисскаго полка, дѣйствовавшими подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ владикавказскаго и севастопольскаго полковъ, были возведены и окончательно вооружены три осадныхъ батареи, на четыре орудія каждая, съ ложементами, въ которыхъ и залегъ баталіонъ севастопольскаго полка. Вновь возведенныя осадныя батареи не замедлили открыть огонь по Хафису. Конечно, туркамъ это было невыгодно, и утромъ же 24-го числа они повели рѣшительное наступленіе противъ нашихъ новыхъ батарей. Осыпаемыя бомбами съ различныхъ ближнихъ фортовъ, эти батареи сразу приняли огненное крещеніе. Турки, подъ прикрытіемъ своего артиллерійскаго огня, подошли очень близко, залегли за камни и начали сыпать на батареи, кромѣ того, и свинцовый дождь. Но изъ резерва подошелъ баталіонъ кутаисцевъ и, вмѣстѣ съ севастопольцами, обратилъ ихъ въ бѣгство. Этимъ кончилось дѣло на нашемъ лѣвомъ флангѣ.

Въ то же время на правомъ флангѣ происходила совсѣмъ иного рода операція, окончившаяся блистательнымъ подвигомъ восьми ротъ кутаисцевъ, дѣйствовавшихъ подъ командою своего

храбраго командира полковника Өадѣева. Въ два часа пополудни, когда у караджуранскихъ батарей разгорѣлась сильная перестрѣлка, отрядъ генерала Алхазова, предназначавшійся выбить непріятеля изъ его контръ-апрошной батареи и состоявшій изъ пяти баталіоновъ пѣхоты, двухъ полковъ кавалеріи и девяти орудій, двинулся по направленію Хафисъ-паша; туда же послѣдовали и оставшіяся отъ дежурства орудія 3-й батареи 38-й бригады. Передъ выступленіемъ, подполковникъ Петрашъ получилъ приказаніе снабдить людей батареи трехдневнымъ запасомъ сухарей. Медленно потянулась она за пѣхотой, двигавшейся въ густой колоннѣ. Не прошло и четверти часа, какъ эта густая масса начала постепенно таять, выдѣляя изъ себя одиночныхъ людей, которые все-таки продолжали наступать въ прежнемъ направленіи. Вскорѣ остатки колонны остановились, а выдѣлившіеся люди, образовавъ изъ себя очень длинную разомкнутую линію, продолжали безмолвно двигаться, и разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ контръ-апрошной батареи, дѣлалось все меньше. 3-я батарея остановилась и открыла огонь; атакующіе залегли за камни и также затрещали изъ ружей. По пристрѣлкѣ батареи, дистанція оказалась въ 1000 саженей. Быстро полетѣла граната за гранатой; огонь на непріятельской батареѣ замѣтно ослабѣлъ. 3-я батарея, простоявъ часа полтора все на той же позиціи, взяла въ передки и двинулась; подойдя къ непріятелю саженей на 700, она загремѣла картечными гранатами. Пѣхота, до сихъ поръ лежавшая за закрытіями, встала и тронулась впередъ, вмѣстѣ съ кутаисскимъ и севастопольскимъ баталіонами, дѣйствовавшими противъ непріятельскихъ цѣпей, обстрѣливавшихъ караджуранскія батареи. Турки, принимая наступленіе пѣхотныхъ частей отряда генерала Алхазова за настоящій штурмъ крѣпости, сосредоточили противъ него весь свой артилерійскій огонь; но цѣпи наши все продолжали наступать.

Наконецъ, и „ура" раздалось по всей длинной линіи атакующихъ. Турки, не выждавъ и перваго удара штыка, опрометью бросились изъ укрѣпленія. Они однако успѣли спасти всѣ свои орудія. Наши войска, кромѣ восьми ротъ полковника Өадѣева, поздно вечеромъ возвратились на прежнее мѣсто. 3-я батарея про-

стоявъ до одиннадцати часовъ ночи на последней позиціи, получила приказаніе отступить. Медленно потянулась она въ совершенной темнотѣ къ магараджикскому лагерю. Въ часъ ночи вернулась она на свое мѣсто, потерявъ за весь день нѣсколько лошадей убитыми. Потери же въ людяхъ не было *). За дѣло 24-го октября на батарею пожаловано семь георгіевскихъ крестовъ.

Надоѣдливая непріятельская батарея, по которой въ продолженіе восьми дней поочередно стрѣляли взводы 3-й батареи, была сбита. Такъ какъ болѣе въ подобной стрѣльбѣ надобности не предвидѣлось, то съ 25-го октября дежурства повзводно прекратились, и батарея 26-го числа была передвинута версты на двѣ впередъ и влѣво, и поставлена недалеко отъ караджуранскихъ осадныхъ батарей, за севастопольскимъ пѣхотнымъ полкомъ. На этомъ мѣстѣ она простояла совершенно спокойно до штурма Карса.

Карсъ былъ окруженъ кольцомъ отдѣльныхъ фортовъ и укрѣпленій. Всѣ они подраздѣлялись на три группы: съ сѣверо-восточной стороны неприступные Арабъ и Карадагъ; съ юго-восточной—двѣ линіи: первую составляли—Сувари, Канлы, Хафисъ-паша и Фези-паша, имѣвшіе оборонительныя казармы въ горжахъ; вторую—множество ложементовъ и траншей, не имѣвшихъ названій. Наконецъ, съ сѣверо-западной стороны города раскинуто было также много отдѣльныхъ фортовъ, которые, въ свою очередь, раздѣлялись на двѣ линіи; къ первой принадлежали: Тохмасъ, Лазъ-тепеси и Тихъ-тепеси, ко второй—Чимъ, Инглисъ, Блюмъ-паша, Мухлисъ, Вели-паша. Почти всѣ укрѣпленія были долговременной профили; вооруженіе ихъ составляли стальныя дальнобойныя, крупнокалиберныя орудія.

По первой диспозиціи, штурмъ Карса былъ назначенъ на 1-е

*) Въ эту достопамятную ночь, восемь ротъ кутаисскаго полка, предводительствуемыя отважнымъ своимъ командиромъ, отдѣлившись отъ магараджикскаго отряда, ворвались въ фортъ Хафисъ, перекололи турокъ, многихъ забрали въ плѣнъ, заклепали всѣ находившіяся тамъ орудія и, вытащивъ изъ нихъ замки, къ утру, съ пѣснями, возвратились въ лагерь.

ноября, но исполненію этого распоряженія помѣшала темная и мокрая ночь, вслѣдствіе чего штурмъ былъ отложенъ въ ночь съ 5-го на 6-е ноября, въ которую слѣдовало быть полнолунію.

По диспозиціи на 5-е—6-е число, всѣ войска были раздѣлены на семь отдѣльныхъ колоннъ, имѣвшихъ каждая особое назначеніе; полубатарея 5-й батареи 38-й бригады вошла въ составъ колонны генералъ-маіора Комарова, которая должна была къ вечеру 5-го ноября собраться около сел. Татлиджа и потомъ главными своими силами двинуться по эрзерумской дорогѣ на укр. Чимъ, а частью войскъ демонстрировать противъ Тохмаса; 3-я батарея 38-й бригады была назначена въ составъ колонны командира севастопольскаго полка полковника Вождакина, бывшей подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора графа Граббе и имѣвшей назначеніе атаковать фортъ Канлы.

Для овладѣнія Тохмасомъ была направлена команда охотниковъ отъ пѣхоты, съ прибавленіемъ пятнадцати человѣкъ отъ 5-й полубатареи, подъ командою прапорщика Ломиковскаго. Участіе артиллерійскихъ солдатъ въ штурмѣ Тохмаса было необходимо для того, чтобы, въ случаѣ отступленія непріятеля, приступить либо къ порчѣ, либо къ стрѣльбѣ изъ брошенныхъ имъ орудій. Для выполненія первой задачи, каждый изъ пятнадцати охотниковъ былъ снабженъ желѣзными ершами и молоткомъ. Совсѣмъ уже стемнѣло, когда эти охотники, предводительствуемые прапорщикомъ Ломиковскимъ, тронулись въ путь. Ночь была морозная; на темноголубомъ небѣ медленно плыла, прячась въ облакахъ, луна, бросавшая таинственный свѣтъ на грозные верки непріятеля.

Часовъ около девяти, по направленію къ форту Сувари зарокотала дробь ружейныхъ выстрѣловъ, и одновременно съ ними пронесся по линіи карсскихъ укрѣпленій страшный трескъ сотни орудійныхъ выстрѣловъ. Въ эту минуту охотники колонны генерала Комарова подходили къ Тохмасу. До тѣхъ поръ укрѣпленіе это безмолствовало, но пальба у Сувари разбудила его: щелкнулъ выстрѣлъ; пуля, видимо пущенная наудачу, высоко прожужжала надъ колонною; но вслѣдъ затѣмъ завизжала масса этихъ пуль,

и наконецъ грянуло орудіе. Густая цѣпь нашихъ войскъ, съ крикомъ „ура", бросилась къ мѣсту выстрѣла. Брустверъ Тохмаса опять на мгновеніе освѣтился: раздался другой орудійный выстрѣлъ, почти въ упоръ, и картечь застонала, завизжала и засвистала на разные голоса. На мгновеніе освѣтились какъ бы застывшіе въ разныхъ положеніяхъ фигуры солдатъ—и потомъ все скрылось. Но скоро изъ наружнаго рва укрѣпленія послышалось „ура". Ружейные выстрѣлы обратились въ непрерывный трескъ, сопровождаемый оглушительными разрывами ручныхъ гранатъ и пяти-пудовыхъ бомбъ, спускаемыхъ непріятелемъ въ ровъ, изъ котораго напрасно карабкались солдаты по обледенѣлымъ отлогостямъ бруствера. Артилерійскіе охотники, увлеченные общимъ движеніемъ, также забрались въ наружный ровъ Тохмаса, который съ каждою минутою пылалъ все сильнѣе, изрыгая тучу смертей на нашихъ храбрецовъ. Изъ числа пятнадцати артилерійскихъ охотниковъ двое были уже ранены.

Но вотъ, по отлогости бруствера, пріобрѣтая все большую скорость, катился черный чугунный шаръ, съ дымящейся деревянной трубкой; за нимъ не замедлилъ другой, третій—и штурмующіе разсыпались въ стороны. Невозможность овладѣть фортомъ являлась видимою и окончательною; охотники и цѣпи начали отступать. Тогда еще сильнѣе затрещалъ Тохмасъ непрерывнымъ огнемъ, чаще запрыгали по землѣ картечныя пули, и чаще начали валиться раненые. Не стало и третьяго изъ артилеристовъ. Но отступленіе было пріостановлено, и охотники залегли за брустверъ какого-то ложемента, вырытаго турками впереди наружнаго рва Тохмаса. Огонь хотя не уменьшался, но не могъ вредить хорошо укрывшимся людямъ; только огненные шары, въ образѣ пяти-пудовыхъ сферическихъ бомбъ, пускаемыхъ изъ гладкихъ мортиръ, продолжали угрожать своимъ паденіемъ. Взовьется такой шаръ— и вдругъ, въ высшей точкѣ своей траекторіи какъ-бы пріостановится, а затѣмъ съ какимъ-то особеннымъ воемъ и усиленною скоростью начинаетъ приближаться къ землѣ. Случалось, что бомбы лопались въ воздухѣ, на нисходящей вѣтви своей траекторіи, и тогда слышался страшный трескъ, сопровождаемый ревомъ

разлетающихся осколковъ. Къ счастью, пяти-пудовыя бомбы падали отъ нашихъ охотниковъ въ такомъ разстояніи, что не могли принести имъ вреда.

Штурмъ на Тохмасъ не удался, хотя много людей пало подъ грозными его брустверами.

Дѣйствіе полубатареи 5-й батареи въ конномъ строю выразилось въ слѣдующемъ:

Было шесть часовъ вечера. Колонна генерала Комарова собралась на сборномъ пунктѣ; подтянулись три баталіона пятигорцевъ, за ними баталіонъ ростовцевъ, и наконецъ полубатареи 5-й батареи 38-й и 6-й батареи 39-й артиллерійскихъ бригадъ. Отрядъ тронулся по направленію къ неясному силуэту Чима. Пройдя немного, обѣ полубатареи были пріостановлены на вершинѣ Столовой горы, подъ прикрытіемъ баталіона ростовцевъ. Кругомъ было тихо, только выстрѣлы съ осадныхъ батарей изрѣдка нарушали тишину ночи. Простоявъ на Столовой горѣ часовъ до десяти, обѣ полубатареи, съ баталіономъ, получили приказаніе двигаться къ кючюкъкевскому мосту. Не успѣли онѣ дойти туда, какъ со стороны Тохмаса начали раздаваться частые орудійные выстрѣлы, сопровождаемые непрерывной ружейной пальбой; доносились также крики множества голосовъ; вообще, видно было, что бой тамъ кипѣлъ.

Недолго простояла полубатарея 5-й батареи у кючюкъ-кевскаго моста: часовъ въ одиннадцать, она, съ прочими частями, двинулась впередъ, въ одно орудіе, по ущелью Карсъ-чая, по узкой дорогѣ. Впереди ѣхалъ генералъ Комаровъ со свитой; за нимъ шла горная полубатарея 6-й батареи 39-й бригады, затѣмъ полубатарея 5-й батареи и, наконецъ, пѣхота. Чимъ обрисовывался вдали; влѣво очень ясно показался какой-то лагерь, палатки котораго можно было сосчитать; ихъ было четырнадцать, и всѣ коническія. Войска подошли къ Чиму и стали карабкаться, все въ той же колоннѣ и въ томъ же порядкѣ, на крутой скатъ горы. Влѣво, рядомъ съ палатками, торчали изъ подъ земли какіе-то остроконечные камни, въ видѣ магометанскихъ могильныхъ памятниковъ; между ними мелькали освѣщенные луннымъ свѣтомъ силуэты людей; съ правой стороны, шагахъ въ пятидесяти, замѣтна

была какая-то постройка, изъ окна которой виднѣлся красный отблескъ огня, то исчезавшаго, то опять появлявшагося. При свѣтѣ луны было видно, что около этого зданія и внутри его торопливо бѣгали люди.

А Чимъ все молчалъ, облитый луннымъ свѣтомъ. Только на кладбищѣ и въ лагерѣ не переставали сновать какія-то таинственныя тѣни. Не болѣе ста шаговъ отдѣляло ровъ отъ головы нашей колонны, какъ впереди что-то вспыхнуло, обливъ на мгновеніе все окружающее фосфорическимъ свѣтомъ. Ясно обрисовались въ эту минуту и грозные черные валы, и фигуры высовывавшихся изъ за нихъ людей въ фескахъ; цѣлая линія ружей, съ примкнутыми къ нимъ штыками, блеснула на мгновеніе своей стальной щетиной; показались и жерла пушекъ, глядѣвшія въ разныхъ мѣстахъ изъ за гребня бруствера. Оглушительный трескъ множества орудійныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, направленныхъ почти въ упоръ, потрясъ морозный ночной воздухъ. Къ счастью, залпъ перелетѣлъ надъ головами атакующихъ, и только нѣкоторыя пули и картечь нашли себѣ цѣль. Суматоху, начавшуюся послѣ залпа, трудно описать: слѣдовавшая впереди горная полубатарея, повернувъ кругомъ, понеслась на полубатарею 5-й батареи, которая все еще продолжала идти въ одно орудіе—и каждый можетъ уразумѣть, что произошло съ перепуганными лошадьми.

Сдѣлавъ первый залпъ, Чимъ началъ сыпать непрерывнымъ свинцовымъ дождемъ; лагерь, кладбище и каменная постройка, съ краснымъ отблескомъ огонька (скотобойня) также заговорили; нѣсколько лошадей валялось уже мертвыми. Вблизи послышался страшный взрывъ, затѣмъ раздался трескъ, ужъ совсѣмъ надъ самымъ ухомъ—и такой громкій, будто разрывъ пяти-пудовой бомбы. Оказалось, что пуля, попавшая въ горный зарядный ящикъ, взорвала заряды; конечно, лошадь разнесло на куски. Орудіе горной полубатареи 38-й бригады, повернувъ назадъ, загремѣло подъ кручу; одно орудіе 5-й батареи, потерявъ убитыми двухъ лошадей и одного ѣздоваго, также полетѣло въ оврагъ. Отъ быстраго паденія и сильныхъ ударовъ объ камни, сломались ладыжные болты, отскочили ладыжные наметки, и тѣло орудія, незадерживаемое ничѣмъ въ

цапфенныхъ гнѣздахъ, отдѣлившись отъ лафета, недалеко отъ него откатилось *). Около опрокинувшихся ящиковъ собрались люди, стараясь приподнять и поставить ихъ на колеса; не малую помощь людямъ оказалъ тутъ командиръ батареи подполковникъ Шредерсъ, который, ободряя ихъ, самъ помогалъ имъ подымать тяжело нагруженные ящики. Такимъ образомъ, на глазахъ у непріятеля и подъ его жесточайшимъ огнемъ возились съ разными поломками, съ опрокинутыми ящиками и съ убитыми лошадьми. Едва ли во время кампаніи какая либо батарея была поставлена въ столь затруднительное и безполезно опасное положеніе.

Наконецъ, кое-какъ удалось спуститься полубатареѣ 5-й батареи на дно оврага. Непріятель, ободренный своей удачей, перешелъ въ наступленіе и началъ сильно насѣдать на отставшихъ людей. Бывшіе тутъ же пятигорцы разсыпали стрѣлковую цѣпь, но видно было, что огонь этой цѣпи былъ недостаточенъ для того, чтобы остановить ободреннаго и вслѣдствіе этого очень рѣшительнаго противника. Надо было, во что бы ни стало, принять болѣе рѣшительныя мѣры и тѣмъ разубѣдить непріятеля въ неисправимомъ будто бы у насъ безпорядкѣ. Для этого генералъ Комаровъ приказалъ двумъ орудіямъ полубатареи 5-й батареи остановиться на днѣ оврага и открыть огонь по насѣдавшимъ туркамъ. Остановившись въ 150 саженяхъ отъ Чима, орудія начали громить его сначала обыкновенною, а потомъ картечною гранатою. Немного пришлось пострѣлять: не успѣли выпустить и тринадцати снарядовъ, какъ храбрость и рѣшимость оставила турокъ, и они сочли за лучшее не увлекаться преслѣдованіемъ, а засѣсть попрежнему за толстые брустверы укрѣпленія. Съ отступленіемъ турокъ, начала отступать и наша колонна: необходимо было собраться, устроиться и вообще, какъ говорится, привести себя въ порядокъ. Съ поникшими головами шли люди полубатареи: печальная дѣйствительность на всѣхъ наложила мрачную печаль. Отрядъ былъ отбитъ; полубатарея потеряла одно орудіе; подъ Тохмасомъ, какъ можно было судить, также неладно—и ничего не предвидѣлось

---

*) Въ этомъ же орудіи при паденіи сломалась задержка.

утѣшительнаго впереди. Наконецъ, колонна остановилась.

Еще на пути отступленія, генералу Комарову было доложено о крушеніи одного изъ орудій 5-й батареи. По окончаніи отступленія, по приказанію его, отъ полубатареи былъ посланъ поручикъ Подеревскій, съ людьми и заводными лошадьми, съ тѣмъ, чтобы непремѣнно спасти и возвратить утерянное орудіе. Для выполненія этого труднаго и весьма рискованнаго предпріятія, поручику Подеревскому было дано двѣ роты ростовскаго полка, замѣненныя на пути слѣдованія двумя ротами пятигорцевъ. Спустившись въ оврагъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ него скатилось орудіе, поручикъ Подеревскій прежде всего наткнулся на нашихъ убитыхъ лошадей, которыя лежали въ упряжи; тутъ же валялся передокъ, перевернутый кверху колесами и съ надѣтымъ на его шворень лафетомъ; недалеко отъ этой группы лежало тѣло ѣздоваго, канонира Следза. Недолго пришлось искать орудіе: оно покоилось вблизи своего лафета. Однако, трудно было возиться съ нимъ подъ выстрѣлами турокъ. Роты пятигорцевъ, разсыпавъ густую цѣпь, старались остановить ихъ, но силы противника съ каждою минутою росли все болѣе. Вблизи начали мелькать стрѣлки; у скотобойни появилась цѣлая масса людей; со стороны кладбища также двигались и стрѣляли какіе-то неясные силуэты; вся масса готовилась обрушиться и задавить нашу цѣпь.

Наконецъ, послѣ продолжительной и упорной возни, подвязали орудіе подъ передокъ, затѣмъ посадили ѣздовыхъ и тронулись въ обратный путь. Но не успѣло орудіе сдѣлать и пятидесяти шаговъ, какъ одна изъ подсѣдельныхъ лошадей, сраженная пулею, зашаталась и свалилась на землю; ѣздовой чуть не попалъ подъ нее, но, къ счастью, орудіе вовремя остановилось. Опять началась непріятная процедура перепряжки подъ непріятельскимъ огнемъ противника, пули котораго шлепались въ различныхъ мѣстахъ. Кое-какъ перепрягли убитую лошадь и на рысяхъ начали взбираться на крутой подъемъ. Надо было торопиться, потому что пятигорцы несли громадную потерю, и приходилось сильно опасаться, что въ нѣсколько разъ сильнѣйшій непріятель оцѣпитъ и заберетъ всѣхъ живьемъ, вмѣстѣ съ орудіемъ. Среди такого

критическаго положенія, еще двѣ лошади были убиты, и оставшійся четверикъ *), не будучи въ состояніи тянуть орудіе на крутой подъемъ, остановился. Что было дѣлать! Взять на подмогу людей изъ пѣхоты нельзя, такъ какъ тамъ, вслѣдствіе громадныхъ потерь, всѣ люди были въ цѣпи; нумеровъ, бывшихъ при орудіи, было далеко недостаточно, чтобы помочь совершенно измученнымъ лошадямъ. А турки все насѣдали, усиливая огонь до невозможности: въ двухъ ротахъ пятигорцевъ было уже болѣе девяноста человѣкъ выбывшихъ изъ строя, и немыслимо казалось сопротивленіе при столь невыгодныхъ условіяхъ. Тогда послали къ генералу Комарову просить подкрѣпленія. Узнавъ о большой потерѣ, понесенной пятигорцами, генералъ подкрѣпленій не прислалъ, а приказалъ бросить все и сейчасъ же начать отступленіе. И такъ, не смотря на всѣ усилія, орудіе осталось въ рукахъ у непріятеля, и поручикъ Подеревскій, съ своею командою и съ пѣхотнымъ прикрытіемъ, отступилъ назадъ, причемъ послѣднее потеряло еще нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными. Тяжело было смотрѣть на молодцовъ пятигорцевъ, уложившихъ чуть не треть своего наличнаго состава.

Начинало свѣтать. Вмѣстѣ съ первыми отблесками зари стали доходить въ колонну Комарова радостныя извѣстія о занятіи нашими войсками одного форта за другимъ. Могучіе Арабъ и Карадагъ пали подъ геройскимъ ударомъ кутаисскаго, гурійскаго и абхазскаго полковъ; владикавказцы же успѣли проникнуть въ самый городъ и заняли тамъ выгоднѣйшіе для обстрѣла пункты. Тяжелыя впечатлѣнія разомъ стушевались, уступивъ мѣсто отраднѣйшимъ чувствамъ.

Однако, порядочную потерю понесла полубатарея 5-й батареи въ ночь съ 5-го на 6-е ноября: всѣхъ, выбывшихъ изъ строя, было пять человѣкъ: два убитыхъ, два раненыхъ и одинъ сильно контуженый; убыль въ лошадяхъ была еще значительнѣе: убито десять лошадей. На полубатарею было выдано восемь георгіевскихъ крестовъ, изъ которыхъ шесть досталось на долю охотниковъ пра-

*) Заводныхъ больше уже не было.

порщика Ломиковскаго.

Что касается 3-й батареи 38-й бригады, то она въ штурмѣ Карса принимала только пассивное участіе. Съ наступленіемъ темноты, она была двинута впередъ, но, пройдя немного, остановилась на мѣстѣ бывшаго расположенія севастопольскаго полка. Полкъ уже двинулся по направленію къ Канлы, и кругомъ, кромѣ расположенныхъ невдали караджуранскихъ батарей, не было ничего видно. Изрѣдка только раздавались выстрѣлы изъ нашихъ осадныхъ орудій, освѣщая на мгновеніе фигуры стоявшихъ солдатъ и лошадей. На непріятельскихъ батареяхъ также вспыхивали на секунду ослѣпительные отблески, сопровождавшіеся раскатами выстрѣловъ и воемъ приближающихся снарядовъ. Съ наступленіемъ темноты, отъ 3-й батареи было выслано пятнадцать человѣкъ охотниковъ, подъ командою штабсъ-капитана Тупицына 1-го, для заклепки или дѣйствія изъ находившихся въ Канлы непріятельскихъ орудій; но такъ какъ фортъ этотъ не былъ взятъ своевременно, то охотникамъ и не пришлось выполнить своего назначенія, а потому, простоявъ цѣлую ночь подъ огнемъ непріятеля и потерявъ убитымъ одного бомбардира (Власова), штабсъ-капитанъ Тупицынъ на утро присоединился къ батареѣ. Батарея же часа два простояла на мѣстѣ бывшаго расположенія севастопольцевъ; мимо нея неоднократно проходили густыя колонны пѣхоты, проѣзжала кавалерія, и все скрывалось впереди.

Наконецъ, тронулась и она по направленію караджуранскихъ батарей, съ приближеніемъ къ которымъ все громче и громче слышались выстрѣлы изъ осадныхъ орудій. Подойдя къ осаднымъ батареямъ, 3-я батарея остановилась и простояла тутъ въ продолженіе всего штурма Карса. Непріятельскія бомбы то и дѣло разсѣкали воздухъ съ страшною силою, или поражая толстые брустверы осадной батареи, или падая на обледенѣлую землю. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ онѣ, послѣ оглушительнаго взрыва, разлетались на осколки, нерѣдко поражая лошадей: даже пули мимопутно свистали надъ батареею. Въ такой обстановкѣ, подъ постояннымъ огнемъ, пришлось простоять 3-й батареѣ всю ночь. Къ батареѣ то и дѣло подходили или подползали раненые изъ пере-

довыхъ цѣпей; нѣкоторыхъ несли на носилкахъ. Извѣстія, передаваемыя ими, были по большей части неутѣшительнаго свойства.

6-го ноября утромъ былъ благодарственный молебенъ, на которомъ присутствовали всѣ части, штурмовавшія Карсъ. По окончаніи молебна, Его Императорское Высочество изволилъ объѣзжать и благодарить войска за молодецкій штурмъ. Часовъ въ десять утра найдено было и брошенное орудіе 5-й батареи; какъ видно, турки сильно старались вытащить замокъ, но, не будучи въ состояніи отвинтить сломанную задержку, оставили тѣло орудія въ покоѣ и стали хозяйничать въ передкѣ, въ которомъ, вслѣдствіе этого, не оказалось ни одного заряда и снаряда.

И такъ, крѣпчайшій изъ оплотовъ Малой Азіи палъ, сраженный могучею грудью нашего солдата; множество боевыхъ запасовъ и новыхъ орудій найдено въ громадныхъ складахъ крѣпости; массы патроновъ, пороха, снарядовъ, продовольственныхъ припасовъ цѣлыми грудами валялись тутъ же. По всему было видно, что очень долго могъ бы продержаться карсскій гарнизонъ, даже и при самыхъ строгихъ условіяхъ блокады. Кромѣ всего сказаннаго, трофеями нашей арміи были: 17,000 плѣнныхъ, изъ нихъ 5-ть пашей и 800 офицеровъ, и 303 великолѣпныхъ крупповскихъ орудія, различныхъ системъ и калибровъ. Потери непріятеля въ людяхъ были громадны: въ однихъ укрѣпленіяхъ было похоронено до 2,500 убитыхъ турокъ; къ тому же, еще всѣ карсскіе госпитали, которыхъ было четырнадцать разной вмѣстимости, были переполнены ранеными и больными.

На 3-ю батарею было дано одиннадцать георгіевскихъ крестовъ.

Тотчасъ по окончаніи штурма, 3-я батарея передвинулась обратно къ Магараджику; 9-го же ноября она была перемѣщена въ фортъ Сувари, въ которомъ пробыла до 21-го числа. Все это время положеніе ея было крайне неопредѣленное: никто не зналъ навѣрное, куда ее намѣрены пристроить. Одни говорили, что батарея будетъ направлена въ Ардаганъ, другіе—что ее оставятъ зимовать подъ Карсомъ; но все это были не болѣе какъ слухи. Между тѣмъ, батарея сильно нуждалась въ теплыхъ жилыхъ по-

мѣщеніяхъ: люди, не имѣя полушубковъ, мерзли въ своихъ рваныхъ палаткахъ, располагая только однимъ ажурнымъ пальто; лошадей также необходимо было размѣстить въ крытыхъ помѣщеніяхъ, такъ какъ начинались сильныя вьюги, отъ которыхъ дрогли бѣдныя животныя, не смотря ни на попоны, ни на длинную шерсть, которою обросли съ наступленіемъ холодовъ.

Наконецъ, участь батареи была рѣшена: она была назначена въ ардаганскій отрядъ, который былъ уже на пути слѣдованія. 21-го ноября батарея выступила и, сдѣлавъ 20-ть верстъ по промерзшей дорогѣ, остановилась. На другой день, выступивъ утромъ, она потянулась въ гору. Подъемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ до того крутъ, что лошади отказывались тянуть; приходилось припрягать выносы и взвозить орудія и ящики поодиночкѣ. Страшная гололедица, покрывавшая всю дорогу, сильно затрудняла движеніе. Лошади не шли, а какъ бы царапались въ гору, падая въ полномъ изнеможеніи,—а время проходило. Наконецъ, совсѣмъ стемнѣло, и батарея поневолѣ остановилась на ночлегъ среди подъема, не дойдя до назначеннаго ей пункта. Сейчасъ же послали фуражировъ съ вьюками въ ближайшую деревню. Не малаго труда стоило разбить палатки на промерзшей почвѣ, такъ какъ деревянные колья тупились и ломались. Спустя достаточное время, кое-какъ удалось водрузить шатры; люди забрались туда, думая укрыться отъ пронизывающаго до костей осенняго вѣтра, но тутъ явилось новое горе: почва, вслѣдствіе вліянія животной теплоты, подтаяла, и въ палаткахъ образовались грязь и мокрота. Только на другой день, 23-го ноября, батарея дошла до пункта вчерашняго ночлега. Остальные два перехода до сел. Омеръ-Ага и до Ардагана не были особенно затруднительны, и 25-го ноября 3-я батарея прибыла въ Ардаганъ.

Что же касается до 2-й полубатареи 5-й батареи, то она сейчасъ же послѣ штурма была перемѣщена въ сел. Татлиджа и простояла тамъ до 12-го ноября, расположившись въ палаткахъ, не смотря на глубокій снѣгъ и весьма чувствительный холодъ. 12-го ноября она перешла въ сел. Чахмахъ, гдѣ простояла до 19-го числа въ сакляхъ, очень тѣсныхъ, но за то теплыхъ;

19-го ноября полубатарея, вмѣстѣ съ тремя баталіонами пятигорскаго полка, двинулась въ Ардаганъ, и прибыла туда 21-го числа, совершивъ весьма трудный маршъ по дорогѣ, покрытой снѣгомъ и гололедицей. Того же числа вторая полубатарея присоединилась къ первой, остававшейся въ Ардаганѣ. Такъ какъ всѣ казенныя и частныя помѣщенія въ Ардаганѣ были уже заняты пѣхотою, то обѣ батареи, 3-ю и 5-ю, рѣшено было поставить по сосѣднимъ ауламъ: невозможно никакъ было оставить батареи въ Ардаганѣ, потому что въ немъ не было никакихъ помѣщеній для лошадей. Батареямъ были назначены для зимовокъ аулы: большой и малый Диканъ, Пиклобъ и Сазара. Аулы эти находились въ 15-ти верстахъ отъ Ардагана, если ѣхать по вьючной ахалцыхской дорогѣ. Но такъ какъ батареи не могли воспользоваться этой дорогой, то имъ пришлось сдѣлать по меньшей мѣрѣ до 30-ти верстъ.

Выступивъ 28-го ноября рано утромъ, батареи уже поздно вечеромъ прибыли въ назначенныя мѣста. По дорогѣ не мало затрудненія представила переправа черезъ Куру у селенія Уръ. Хотя въ означенномъ селеніи и былъ мостъ на козлахъ, возведенный нашими саперами еще во время слѣдованія колонны генерала Девеля (въ концѣ апрѣля 1877-го года), но мостъ этотъ былъ слишкомъ узокъ, да къ тому же не имѣлъ и перилъ, такъ что орудіе, при малѣйшемъ невѣрномъ движеніи, могло сорваться и полетѣть въ воду. Во избѣжаніе столь непріятнаго случая, начали искать брода, и минутъ черезъ сорокъ, найдя его чуть пониже моста, перебрались на другой берегъ. При переправѣ, въ 5-й батареѣ былъ утерянъ одинъ ранецъ съ полной нагрузкой, который, будучи, вѣроятно, плохо уложенъ на лафетъ, оторвался и поплылъ по быстрому теченію. Напрасно старался фейерверкеръ Черепченко нагнать и поймать солдатское добро, но, залѣзши съ лошадью въ глубокую колдобину, онъ съ пустыми руками вернулся на берегъ, вымочивъ на себѣ одежду.

3-я батарея была размѣщена пополубатарейно въ двухъ Диканахъ; 5-я же—пополубатарейно въ сел. Пиклобъ и Сазара

IX.

Зимовка 2-й батареи. Появленіе тифа. Зимній походъ. Бѣдственное положеніе больныхъ. Выступленіе батареи въ лагерь. Перемѣны во время зимовки. Наличный составъ къ маю мѣсяцу. О зимовкѣ 3-й и 5-й батарей. Жилища для чиновъ батареи. Довольствіе людей и лошадей. Времепровожденіе. Прикрытіе. Отношенія туземцевъ. Наличный составъ. Движеніе батарей въ Зурзуны. Смерть командира бригады. Выступленіе 2-й батареи въ Эриванскую губернію и ея наличный составъ въ это время. Трудности похода до Игдыря. Во время стоянки подъ Игдыремъ. Отъ Игдыря до Ахалцыха. Причины вызова 3-й и 5-й батарей въ Ардаганъ. Лагерная стоянка 3-й и 5-й батарей въ Ардаганѣ. Вѣсть объ оставленіи бригады во вновь завоеванномъ краѣ. Прибытіе 2-й батареи въ Ардаганъ. Движеніе 5-й батареи въ Кутаисъ и ея переформированіе въ горную.

На зимнихъ стоянкахъ хуже всѣхъ пришлось 2-й батареѣ, такъ какъ въ ней мало по малу развился тифъ, который вскорѣ сталъ поражать людей со всею своею безпощадною силою. Офицеры, а также и нижніе чины 2-й батареи, были размѣщены по саклямъ. Помѣщенія для нижнихъ чиновъ были тѣсны, низки, сыры и вообще неудобны и непригодны въ гигіеническомъ отношеніи. Въ концѣ ноября выпалъ большой снѣгъ и начались сильные морозы, доходившіе до 25-ти градусовъ. А люди все были безъ полушубковъ. Въ это время между ними начала появляться преимущественно лихорадка, а иногда и воспаленіе легкихъ. Въ Алашкертѣ, вмѣстѣ съ батареею, стояли и роты крымскаго пѣхотнаго полка. Размѣщеніе ихъ было еще хуже, поэтому тамъ въ концѣ ноября начали повторяться случаи заболѣванія тифомъ. Въ декабрѣ, въ каждой ротѣ уже насчитывалось нѣсколько человѣкъ тифозныхъ, которые лежали въ такихъ же сырыхъ, тѣсныхъ и темныхъ сакляхъ.

До конца января люди 2-й батареи еще крѣпились, отдѣлываясь только лихорадкою, потому что положеніе ихъ сравнительно съ пѣхотою было хорошее: не говоря уже о томъ, что по физическому складу артиллеристъ въ большинствѣ случаевъ крѣпче пѣхо-

тица, самая служба его при стоянкѣ на отдыхѣ несравненно легче, чѣмъ пѣхотнаго солдата; къ тому же, размѣщеніе артилеристовъ въ Алашкертѣ было поставлено въ гораздо лучшія условія въ гигіеническомъ отношеніи, чѣмъ размѣщеніе пѣхоты; наконецъ, артилеристъ не былъ такъ сильно изнуренъ предыдущими походами, какъ пѣхотный солдатъ. Въ виду-то всего сказаннаго, во 2-й батареѣ до самаго февраля не было ни одного случая заболѣванія тифомъ.

Къ 1-му января 1878-го года списочное состояніе батареи было слѣдующее: офицеровъ, кромѣ командира батареи, 4, фейерверкеровъ 10, нижнихъ чиновъ 218, лошадей 178; въ командировкѣ числилось 43, больныхъ нижнихъ чиновъ 34. Изъ этого послѣдняго числа были больные, отправленные въ госпитали еще лѣтомъ, когда батареи стояли подъ Игдыремъ и на прочихъ боевыхъ позиціяхъ.

Съ наступленіемъ февраля, началъ и въ батареѣ появляться тифъ. Къ 1-му февраля было отправлено въ госпиталь три тифозныхъ, и съ этого времени число ихъ все возрастало. Причиною тифозной эпидеміи между чинами 2-й батареи служилъ также и походъ 1-й полубатареи, въ составѣ отряда, въ суровую январьскую пору, изъ Алашкерта въ глубь турецкой территоріи. Зима была въ разгарѣ. Старики изъ туземцевъ говорили, что не помнятъ столь сильныхъ и продолжительныхъ мятелей и холодовъ, какіе были тогда. Солдаты же были въ одномъ уже сильно поношенныхъ пальто и въ столь скудномъ одѣяніи выступили въ походъ. Къ счастью, этотъ походъ продолжался недолго: сильныя вьюги окончательно заносили дороги, и приходилось завоевывать каждый шагъ. При движеніи, впереди колонны шли двѣ роты пѣхоты, на обязанности которыхъ было расчищать дорогу отъ заносовъ. Медленно подвигалось дѣло расчистки: разгребутъ, бывало, цѣлый снѣжный сугробъ, продѣлаютъ въ немъ проходъ, а вѣтеръ, какъ на смѣшку, подыметъ тучу снѣга и завоетъ на всѣ лады, застилая черезъ какіе нибудь полчаса все вокругъ, такъ что зги не видать. Опять принимались солдаты за работу—и снова вѣтеръ и мятель уничтожали ее.

Въ доказательство того, насколько были сильны вьюги, можно привести слѣдующій фактъ: на одномъ переходѣ въ полубатареѣ сломалась ящичная оглобля. Ящикъ остановился, и тотчасъ же его начало заносить снѣгомъ. Съ каждой минутой сугробъ сталъ дѣлаться болѣе, и когда черезъ четверть часа принесли запасную оглоблю, то онъ уже былъ наравнѣ съ крышкой. Такимъ образомъ, въ пятнадцать минутъ замело цѣлый ящикъ.

Дальнѣйшее продолженіе такого похода, конечно, было немыслимо, и черезъ три дня отрядъ вернулся обратно въ Алашкертъ. Въ полубатареѣ 2-й батареи оказалось много простуженыхъ, которые не замедлили заболѣть и тѣмъ открыли болѣе удобный доступъ для эпидеміи. Въ теченіе февраля было сдано въ госпиталь 14, а въ мартѣ 38 тифозныхъ.

Въ апрѣлѣ начались признаки весны; снѣгъ таялъ, и все чаще проглядывали теплые солнечные дни. Казалось же, что съ наступленіемъ болѣе теплаго времени эпидемія должна была ослабѣть, но вышло не такъ: съ весною-то и началось настоящее опустошеніе. Въ пѣхотѣ люди валились, какъ скошенные колосья; изъ 2-й батареи за апрѣль мѣсяцъ отправлено въ госпиталь 62 человѣка тифозныхъ; въ первыхъ же числахъ мая приходилось ежедневно отправлять отъ трехъ до восьми человѣкъ. Къ концу мая, рѣдкая рота крымскаго полка насчитывала у себя 20-ть человѣкъ здоровыхъ нижнихъ чиновъ, но и эти высматривали живыми мертвецами. Многіе изъ офицеровъ крымскаго полка также заболѣли тифомъ; что же касается до артиллерійскихъ офицеровъ, то они, благодаря Бога, избѣгли этой ужасной эпидеміи. Бывали, правда, случаи появленія, якобы, признаковъ тифа, но въ подобныхъ минутахъ помогали сильные пріемы спирта, приводившіе почти въ безсознательное состояніе, разрѣшавшееся крѣпкимъ сномъ и потомъ; на другое утро признаки болѣзни исчезали.

Въ маѣ мѣсяцѣ весь Алашкертъ походилъ на госпиталь; больные запрудили собою всѣ свободныя сакли; ежедневно они выползали изъ своихъ норъ погрѣться на солнышкѣ. И жалко, и страшно было смотрѣть на ихъ исхудалыя, желтыя лица. Что могли сдѣлать врачи, которыхъ было только два на всю громадную массу

больныхъ?... Въ четыре дня они еле успѣвали обходить всѣхъ и подавать надлежащую медицинскую помощь. Недостатокъ въ прислугѣ также сильно ощущался. Составъ ея то и дѣло мѣнялся, такъ какъ большой процентъ вымиралъ, заражаясь тифомъ. Прислуга сильно боялась больныхъ, вслѣдствіе чего тѣ зачастую оставались по цѣлымъ днямъ безъ пищи. Грязное содержаніе больныхъ вызывало появленіе громаднаго числа паразитовъ, которые положительно заѣдали несчастныхъ людей. Ежедневно утромъ изъ сакль выносили отъ 25-ти до 30-ти окоченѣвшихъ труповъ и сваливали ихъ въ мертвецкую палатку, разбитую недалеко отъ помѣщенія офицеровъ 2-й батареи. Трупы складывались въ общую яму и въ ней погребались.

Горько было смотрѣть на это общее вымираніе. Живые и еще здоровые люди сильно упали духомъ; каждый чувствовалъ, что не сегодня, такъ завтра злая и нещадная рука смерти захватитъ и его. Такъ какъ всѣ помѣщенія въ Алашкертѣ были переполнены тифозными, то еще въ мартѣ мѣсяцѣ начали отправлять больныхъ въ госпитали, расположенные въ Эриванской губерніи. Перевозили больныхъ на верблюдахъ, въ корзинахъ, навьючивая на каждаго верблюда по два человѣка. Подобнаго рода „транспорты смерти" отправлялись раза четыре въ мѣсяцъ и заключали въ себѣ отъ 200 до 300 человѣкъ. Хорошо, у кого отъ природы была здоровая натура, могущая сопротивляться страшной болѣзни, усиливаемой еще всѣми невыгодными гигіеническими условіями, въ которыя были поставлены больные; но плохо было тѣмъ несчастнымъ, которые были слабаго сложенія: имъ-то ужъ не было никакого спасенія. Офицеры 2-й батареи очень часто посѣщали своихъ больныхъ нижнихъ чиновъ, принося имъ чай, сахаръ и проч.

Тяжелое впечатлѣніе выносилось всегда при выходѣ изъ этого вертепа, наполненнаго совершенно невинно страдающимъ человѣчествомъ. При входѣ въ такъ называемую госпитальную палату, прежде всего обдавало какимъ-то особенно ѣдкимъ и вонючимъ запахомъ, проникавшимъ въ самую глубину легкихъ. Дальнѣйшая картина грустная: на пропитанной сыростью почвѣ лежали деревянные обрубки, покрытые тонкимъ слоемъ уже прогнившаго сѣна; на

этихъ постеляхъ лежали вплотную больные, прикрытые своими дырявыми пальто. Желтыя и изможденныя лица безъ словъ говорили о тѣхъ страданіяхъ, которыя переносили несчастные. Полная безнадежность замѣчалась въ каждомъ больномъ, и отвѣты, даваемые ими, были крайне односложны и неутѣшительны. Миріады насѣкомыхъ ползали на скудномъ одѣяніи больныхъ, не давая имъ покоя, производя нестерпимый зудъ и забираясь въ бороду и въ брови. Нерѣдко умершаго не выносили въ продолженіе цѣлой ночи изъ покоя, и можно себѣ представить то ужасное положеніе, которое испытывали лежавшіе съ нимъ рядомъ его товарищи.

Въ апрѣлѣ, когда стаялъ снѣгъ, приказано было вывести всѣхъ въ лагерь. Этою мѣрою думали хотя немного уменьшить ужасы эпидеміи. Но она не помогла, и не больше, какъ черезъ двѣ недѣли, госпиталь снова переполнился больными. Опять потянулся „транспортъ смерти" въ Эриванскую губернію. Въ началѣ мая было получено радостное извѣстіе о смѣнѣ всѣхъ войскъ 3-й дистанціи и объ отбытіи въ предѣлы Эриванской губерніи. Люди сразу повеселѣли; у каждаго впереди засвѣтилась искра надежды. Дѣйствительно, 9-го мая, согласно предписанію начальника эриванскаго отряда, генералъ-лейтенанта Комарова, 2-я батарея выступила изъ лагеря подъ Алашкертомъ и потянулась въ Эриванскую губернію.

За все время зимовки въ злополучномъ Алашкертѣ, въ батареѣ были слѣдующія перемѣны личнаго состава: вскорѣ по прибытіи въ Алашкертъ, явился изъ Игдыря подпоручикъ Грязновъ, остававшійся тамъ послѣ движенія эриванскаго отряда къ Деве-Бойну, съ командою нижнихъ чиновъ, приставленныхъ для присмотра къ больнымъ лошадямъ. Надо замѣтить, что больныя лошади были по преимуществу изъ молодыхъ. 16-го декабря къ батареѣ прибылъ сотникъ Шгуссъ 2-й, прикомандированный изъ конно-артиллерійской бригады оренбургскаго казачьяго войска; 6-го февраля прибылъ переведенный изъ 4-й батареи 38-й бригады поручикъ Громъ, и наконецъ, 23-го апрѣля прибылъ и принялъ отъ штабсъ-капитана Исенина командованіе батареею подполковникъ Свищевъ. Подполковникъ Колодѣевъ былъ зачисленъ

по полевой пѣшей артиллеріи. 1-го мая выбылъ изъ батареи поручикъ Громъ—въ гор. Тифлисъ для выдержанія экзамена въ юридическую академію, и подпоручикъ Фріауфъ, переведенный въ Карсъ, въ крѣпостную артиллерію. Въ половинѣ мая въ батареѣ былъ наименьшій составъ, а именно: офицеровъ, съ командиромъ батареи, 5, фейерверкеровъ 6, нижнихъ чиновъ 109; лошадей 201; больныхъ нижнихъ чиновъ 126 и въ командировкѣ 43.

Уже въ концѣ февраля въ Алашкертѣ началъ ощущаться сильный недостатокъ въ фуражѣ: приходилось посылать за нимъ фургоны и вьюки въ сосѣднія селенія. Вскорѣ, не смотря на большую плату, трудно было добывать фуражъ. Въ виду подобныхъ затрудненій, въ концѣ февраля половина лошадей батареи была направлена на довольствіе въ Эриванскую губернію и вернулась обратно въ концѣ апрѣля. Въ концѣ февраля люди 2-й батареи получили, наконецъ, полушубки, въ которыхъ сильно нуждались еще съ ноября мѣсяца; въ январѣ нижніе чины батареи получили годовыя вещи и сапожный товаръ по сроку 1878-го года. Въ хозяйственно-продовольственномъ отношеніи батарея была поставлена на очень хорошую степень: ежедневно люди имѣли вкусный, съ хорошимъ наваромъ, борщъ. Еще съ осени была заготовлена квашеная капуста, которой хватило до марта мѣсяца. Ежедневно въ котелъ клали по $1\frac{1}{2}$ фунта мяса и давали кашу на коровьемъ маслѣ. Съ осени водку давали по четыре раза въ мѣсяцъ, по впослѣдствіи, когда началъ свирѣпствовать тифъ, ее стали давать восемь разъ въ мѣсяцъ; наконецъ, съ наступленіемъ весенняго времени, съ разрѣшенія Главнокомандующаго, люди получали водку ежедневно. За время кампаніи въ батареѣ накопилась большая экономическая сумма, на которую оказалось возможнымъ давать людямъ ежедневно чай и сахаръ. Не смотря однако на такое хорошее питаніе, батарея все-таки не спаслась отъ эпидеміи. Надо еще благодарить судьбу за то, что въ началѣ мая, т. е. въ періодъ самаго сильнаго развитія тифа, батарея покинула Алашкертъ. Насколько былъ силенъ тифъ въ Алашкертѣ, можно судить изъ того, что изъ шести ротъ крым-

скаго пѣхотнаго полка, зимовавшихъ вмѣстѣ съ батареею, въ началѣ мая выступило только 68-мь человѣкъ. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ довелось провести зиму 2-й батареѣ съ 1877-го на 1878-й годъ. И по настоящее время участники алашкертской зимовки не могутъ безъ содроганія вспомнить объ этомъ тяжеломъ періодѣ времени.

3-я и 5-я батареи 38-й бригады, расположенныя на зимовыхъ квартирахъ въ окрестностяхъ Ардагана, были несравненно счастливѣе 2-й батареи. Онѣ, и въ особенности 5-я, почти совершенно избѣгли злополучной тифозной эпидеміи. Въ 5-й батареѣ за всю зиму было только два тифозныхъ, которые и умерли при ардаганскомъ госпиталѣ. Въ 3-й батареѣ случаи тифа были чаще, чѣмъ въ 5-й: тамъ, въ продолженіе зимы, умерло до 10-ти человѣкъ. Подобная разница объясняется тѣмъ, что вопервыхъ, всѣ люди 5-й батареи еще въ началѣ зимы были снабжены полушубками, такъ какъ первая полубатарея, благодаря стараніямъ и дѣятельности подполковника Шредерса, получила полушубки еще въ половинѣ октября, во время слѣдованія полубатареи въ Ардаганъ, послѣ авліарскаго сраженія; а вторая получила ихъ во время стоянки подъ Карсомъ. Между тѣмъ, въ 3-ю батарею полушубки пришли только въ февралѣ, т. е. тогда, когда въ нихъ почти никто не нуждался. Вторая причина заключалась въ томъ, что какъ бы тамъ ни было, а люди 3-й батареи, цѣликомъ участвовавшей въ обложеніи Карса, были гораздо болѣе утомлены, слѣдовательно и лучше подготовлены къ принятію тифа, нежели люди 5-й батареи, гдѣ одна полубатарея во время этого обложенія стояла въ Ардаганѣ и бездѣйствовала. Положимъ, что стоянка въ палаткахъ, при начавшихся уже ардаганскихъ мятеляхъ, была далеко не изъ благопріятныхъ, но все же ее нельзя сравнить съ стоянкой 2-й полубатареи подъ Карсомъ, гдѣ постоянно приходилось быть насторожѣ и стоять нѣсколько дней сряду по колѣно въ снѣгу.

Помѣщенія какъ людей, такъ и лошадей, въ обѣихъ батареяхъ были тѣсныя и темныя. Немалое неудобство, въ особенности на первыхъ порахъ, составляло самое устройство туземныхъ жи-

лищъ, въ которыхъ приходилось спачала колесить по безчисленнымъ буйволятникамъ, рискуя попасть въ темнотѣ подъ лошадей, чтобы добраться наконецъ въ такъ называемую саклю, съ неизбѣжнымъ каминомъ противъ входной двери, освѣщаемую тусклымъ свѣтомъ, проникающимъ во внутренность вертепа сквозь два маленькихъ, продѣланныхъ надъ дверью, проруба. Обитатели всей некультурной Анатоліи не имѣютъ обыкновенія даже и на зиму закрывать какою нибудь прозрачною средою эти прорубы и повидимому вовсе не стѣсняются, если во внутренности жилаго помѣщенія разыграется снѣжный буранъ. Въ такихъ случаяхъ туземецъ напяливаетъ на свои плечи мохнатую бурку и, завернувшись въ нее, сидитъ цѣлые часы на разостланныхъ на полу войлокахъ, поджавъ подъ себя ноги, смотря неподвижно на одну точку и покуривая трубку. Съ неудобствомъ испытывать дѣйствіе снѣжнаго бурана въ комнатѣ, впрочемъ, вскорѣ сладили, заклеивъ пропускающіе свѣтъ прорубы промасленной бумагой, такъ какъ стеколъ нельзя было достать. Конечно, вслѣдствіе этого въ сакляхъ стало несравненно теплѣе, но за то и несравненно темнѣе.

Помѣщеніе для офицеровъ въ 3-й батареѣ было гораздо удобнѣе и лучше, чѣмъ для офицеровъ 5-й батареи. Первые зимовали при своихъ полубатареяхъ. Такъ, въ маломъ Диканѣ, вмѣстѣ со 2-ю полубатареею, помѣщались штабсъ-капитанъ Тупицынъ 1-й и поручикъ Поспѣловъ; вмѣстѣ же съ 1-ю полубатареею въ большомъ Диканѣ помѣщались: подполковникъ Нетрашъ (въ отдѣльной саклѣ), штабсъ-капитанъ Прикащиковъ, поручикъ Тупицынъ 2-й и прапорщики Шосте и Поповъ. Разстояніе между обѣими полубатареями 3-й батареи было не болѣе полуторы версты по ровной и удобной для движенія дорогѣ. Въ 5-й батареѣ всѣ офицеры помѣщались въ Никлобѣ вмѣстѣ съ 1-ю полубатареею. Командиръ батареи подполковникъ Шредерсъ занималъ особое помѣщеніе; что же касается до офицеровъ, то для нихъ была отведена тѣсная сакля, съ землянымъ и вѣчно сырымъ поломъ, на который по ночамъ выползали на прогулку лягушки и отвратительныя жабы. Жить совмѣстно съ пресмыкающимися было весьма неудобно, и потому офицеры принуждены

были поселиться въ квартирѣ батарейнаго командира. Всѣхъ офицеровъ на зимовкѣ было четыре (не считая подполковника Шредерса): поручикъ Подеревскій (въ декабрѣ 1877-го года произведенный въ штабсъ-капитаны) и прапорщики: Бѣлоковичъ и Ломиковскій, да въ началѣ декабря къ батареѣ прибылъ послѣ болѣзни штабсъ-капитанъ Затеплинскій. Разстояніе между обѣими полубатареями было не болѣе одной версты, но дорога пролегала по оврагу и имѣла такіе крутые спускъ и подъемъ, что зимою движеніе крайне затруднялось. По этой же дорогѣ водили лошадей на водопой, а потому людямъ неоднократно приходилось трудиться надъ разработкою спуска по твердой оледенѣлой почвѣ.

Довольствіе людей во время стоянки на зимнихъ квартирахъ было всегда хорошее въ обѣихъ батареяхъ. Въ котелъ клали по 2 фунта мяса на каждаго; была также заготовлена капуста, бураки, кислота и прочія овощи и приправы, необходимыя для полученія вкуса и для питанія. При стоянкѣ на зимнихъ квартирахъ, люди сухарей не получали, а постоянно имѣли хлѣбъ. Печеніе хлѣба производилось въ ардаганской пекарнѣ, откуда уже онъ привозился на фургонахъ въ батареи. Употреблять въ пищу лаваши и вообще хлѣбъ туземнаго изготовленія, а равно и отдавать муку жителямъ для печенія хлѣба на мѣстѣ, батареи остерегались.

Для лошадей настало время отдыха, но только, къ сожалѣнію, неполнаго, такъ какъ весьма часто приходилось посылать лошадей, даже и упряжныхъ, съ вьюками для доставленія фуража. Обознымъ и подъемнымъ лошадямъ была постоянная гонка, такъ что онѣ, не смотря на хорошій кормъ, никакъ не могли войти въ тѣло. То посылались фургоны въ Ардаганъ за различными покупками для батареи, за провіантомъ, фуражемъ и т. п., то посылались тѣ же обозныя лошади засѣдланными за фуражемъ въ сосѣднія деревни. Первое время, т. е. приблизительно до февраля, добываніе фуража не представляло особенныхъ затрудненій, хотя, не смотря на изобиліе имѣвшагося въ каждой деревнѣ сѣна и ячменя, цѣны на фуражъ были громадныя; но вскорѣ, благодаря большому количеству потребителей, запасы фуража въ окрестностяхъ

начали истощаться, и цѣны стали почти недоступныя; иной разъ приходилось посылать лошадей за фуражемъ въ деревни верстъ за 10 и 15.

Въ началѣ декабря, къ двумъ батареямъ 38-й бригады присоединилась батарея 19-й артилерійской бригады, которая расположилась на зимовкѣ въ сел. Накалакеви, въ шести верстахъ отъ двухъ Дикановъ и въ десяти или одиннадцати верстахъ отъ Никлоба и Сазары. Офицеры посѣщали другъ друга. Соберется, бывало, компанія человѣкъ въ 15-ть въ одной саклѣ—и начинается содомъ. По преимуществу, время въ такихъ случаяхъ проводилось за картами. Иногда мятели, заметая всѣ дороги и тропинки глубокими сугробами, и прекращая навремя всякія сообщенія, задерживали офицеровъ въ саклѣ на нѣсколько дней.

До половины декабря батареи стояли безъ всякаго прикрытія, но съ означеннаго времени начали ходить тревожные слухи о появленіи партизанскихъ непріятельскихъ отрядовъ въ окрестностяхъ раіона расположенія батарей. Весьма вѣроятно, что слухи эти были и невѣрны, но все-таки для прикрытія обѣихъ батарей были назначены роты севастопольскаго полка. Недолго, впрочемъ, севастопольцы простояли съ артилеристами: не болѣе какъ черезъ десять дней, они, по приказанію генерала Комарова, выступили на присоединеніе къ своему полку, направлявшемуся подъ Ардапучъ; на мѣсто же севастопольцевъ были назначены роты пятигорскаго полка, которыя также были скоро выведены изъ ауловъ, по минованіи слуховъ о мнимой опасности. Да и трудно было, по правдѣ говоря, ожидать какой бы то ни было опасности въ далекомъ тылу нашихъ дѣйствующихъ войскъ, тѣмъ болѣе, что мѣстное населеніе, благодаря скромному поведенію нашихъ солдатъ, видимо вовсе не было предубѣждено противъ русскихъ войскъ, а жители ауловъ даже дружились съ солдатами. Нерѣдко можно было видѣть обнявшихся турка и артилериста, разгуливающихъ по извилистымъ улицамъ деревни и дружески о чемъ-то бесѣдовавшихъ; при этомъ, конечно, приходилось только удивляться солдатской способности быстро примѣняться къ какому угодно нарѣчію.

Списочное состояніе 5-й батареи, во время зимовки, къ 1-му

января 1878-го года, было слѣдующее:

	Офицеровъ	фейерверк.	канонировъ	лошадей.
Налицо	4	13	180	165.
Въ командировкѣ	1	1	16	,,
Больныхъ	1	,,	16	,,

Изъ числа 16-ти человѣкъ больныхъ, большая часть заболѣла еще во время боевыхъ походовъ батарей; люди эти и числились по неизвѣстнымъ госпиталямъ.

Наконецъ, настало 18-е апрѣля 1878-го года—день, въ который батареи должны были покинуть мѣста зимовокъ и направиться въ сел. Зурзуны на лѣтнюю стоянку. Снѣгъ уже совсѣмъ стаялъ, погода стояла хорошая; невольно хотѣлось поскорѣе разстаться съ темной и сырой саклей и поселиться въ палаткѣ на свѣжемъ весеннемъ воздухѣ. Одно только было плохо: дорога до Зурзунъ, пролегающая по большей части по черноземному грунту, еще не успѣла хорошо просохнуть, и въ силу этого могла представить не мало затрудненій для движенія батарей съ ихъ обозомъ. ,,Яманъ іолъ, чохъ яманъ", увѣряли постоянно турки. ,,Лоша чохъ рабатай". Не смотря однако на предстоящій впереди утомительный походъ, всякій желалъ поскорѣе избавиться отъ скучной жизни. Походъ батарей въ Зурзуны былъ вызванъ тѣмъ чисто хозяйственнымъ соображеніемъ, что въ Зурзунахъ имѣлся громадный складъ сѣна, взятаго вмѣсто подати, перевозить которое къ войскамъ было невыгодно, а гораздо выгоднѣе было подвести къ нему самыя войска. Кромѣ этого соблюденія казеннаго интереса, выступленіе батарей въ лагерь оправдывалось и съ медицинской точки зрѣнія.

18-го апрѣля батареи выступили. Первый переходъ до сел. Ольчекъ былъ совершенъ благополучно, хотя и съ немалыми задержками на пути по случаю сильной грязи. При выступленіи изъ Ольчека рано утромъ пошелъ мокрый снѣгъ, который своимъ неумѣстнымъ появленіемъ подбавилъ еще болѣе грязи. 3-я батарея, видя, что дорога до крайности трудна, сочла за лучшее переночевать въ селеніи Бегряхатунъ, т. е. на серединѣ дороги между селеніями Ольчекъ и Зурзуны; 5-я же

батарея, надѣясь на свои силы, а также и на большую подвижность орудій, пошла далѣе. Но вскорѣ пришлось раскаяться въ этой рѣшимости, такъ какъ настала ночь, а батарея, разбросавъ свои орудія и ящики на пространствѣ чуть не трехъ верстъ, положительно не могла двинуться съ мѣста, застрявъ въ невылазную грязь. Волей-неволей, а пришлось провести ночь подъ открытымъ небомъ и промокнуть до костей отъ холоднаго дождя, не перестававшаго до утра. 20-го утромъ увидѣли, что, благодаря непроглядной темнотѣ, батарея отклонилась въ сторону и заѣхала въ близлежащій около Зурзунъ аулъ. Потребовавъ изъ этого аула нѣсколько паръ быковъ и буйволовъ, батарея вывезла изъ грязи разсѣянныя по дорогѣ орудія, около которыхъ ночевала только прислуга, а лошади были сведены всѣ въ одно мѣсто, для болѣе удобной дачи добытаго фуража. Къ 11-ти часамъ, 20-го апрѣля, 5-я батарея подтянулась въ Зурзуны и расположилась лагеремъ на правомъ берегу рѣчки. Часа черезъ два подтянулась и 3-я батарея, занявъ мѣсто рядомъ съ 5-й. Батарея 19-й бригады, будучи чѣмъ-то задержана въ пути, прибыла въ Зурзуны только черезъ день, и заняла мѣсто выше 3-й батареи. Батарея 19-й бригады недолго стояла въ Зурзунахъ: вскорѣ она была двинута въ эриванскій отрядъ, на смѣну 2-й батареи 38-й бригады, которая, какъ извѣстно уже, выступила изъ Алашкерта 9-го мая. Дня черезъ четыре по прибытіи въ Зурзуны батарей 38-й бригады, туда же явился цѣлый казачій полкъ. Вся масса лошадей отъ полка и двухъ батарей, въ продолженіе лѣта, т. е. до 18-го августа, терзала запасенное въ Зурзунахъ атарное *) сѣно.

22-го апрѣля подполковникъ Петрашъ сдалъ командованіе 3-ю батареею капитану Приказчикову **) и уѣхалъ въ отпускъ, по болѣзни, въ городъ Пятигорскъ, гдѣ и пробылъ до 14-го сентября. Вообще, составъ офицеровъ въ обѣихъ батареяхъ перемѣнился съ наступленіемъ весны. Такъ, 1-го марта 1878-го года былъ откомандированъ къ 4-й батареѣ 38-й бригады, стоявшей на сѣверномъ Кавказѣ, штабсъ-капитанъ Тупицынъ 1-й, а въ началѣ апрѣля

*) Податное.

**) Произведенъ въ капитаны 22-го декабря 1877-го года.

1878-го года, изъ 3-й батареи выбылъ поручикъ Поспѣловъ, прикомандированный къ карсской крѣпостной артиллеріи. Въ Зурзунахъ узнали также о смерти командира бригады полковника Куликовскаго. Отъ странной и въ высшей степени случайной причины произошла смерть почтеннаго Ивана Павловича. Какъ разсказывали впослѣдствіи офицеры, бывшіе въ это время при бригадномъ штабѣ, причиною смерти Куликовскаго было слѣдующее обстоятельство: дня за три или за четыре до смерти, онъ разрѣзалъ перочиннымъ ножемъ нарывъ на пальцѣ своей дочери. Не обтеревъ ножа и не закрывъ его, онъ положилъ его на свой письменный столъ и въ этотъ же день, собирая со стола дѣловыя бумаги, накололъ объ остріе того же ножа палецъ подъ ногтемъ. Не обративъ вниманія на этотъ вовсе незначительный уколъ, онъ не принялъ никакихъ мѣръ къ извлеченію изъ ранки оставшагося на концѣ ножа яда, который быстро успѣлъ заразить кровь и образовалъ страшную опухоль сначала на пальцѣ, а потомъ и на всей рукѣ. Тогда только Иванъ Павловичъ понялъ всю опасность своего положенія, но уже было поздно: явился антоновъ огонь—и не болѣе, какъ черезъ три или четыре дня уважаемаго Ивана Павловича не стало въ живыхъ. Это было въ концѣ марта. Во временное командованіе бригадою вступилъ командиръ 6-й батареи полковникъ Витцель. 8-го апрѣля 1878-го года состоялся Высочайшій приказъ о назначеніи командиромъ 38-й артиллерійской бригады бывшаго тогда помощникомъ начальника артиллеріи дѣйствующаго корпуса генералъ-маіора Беверна, который вскорѣ и прибылъ къ бригадѣ, вступивъ въ командованіе сю. За все время стоянки въ Зурзунахъ не произошло ничего особенно знаменательнаго. Долгое время лагерь обѣихъ батарей располагался на правомъ берегу рѣчки. Но когда наступило лѣто, вода въ рѣчкѣ значительно спала, обнаживъ низменные и болотистые берега, и люди начали довольно часто болѣть лихорадкою. Для прекращенія болѣзненности, командиры батарей рѣшили перенести лагерь на склонъ возвышавшейся тутъ горы. Выбравъ ровныя площадки и поднявшись значительно на гору, батареи разбили здѣсь лагери. И дѣйствительно, болѣзненность между людьми

сразу прекратилась. Слѣдуетъ еще упомянуть о тифѣ, внезапное появленіе котораго не мало напугало батареи. Дѣло было въ томъ, что еще раннею весною черезъ Зурзуны проходилъ таманскій полкъ, слѣдовавшій изъ эриванскаго отряда въ Ардаганъ. Такъ какъ въ эриванскомъ отрядѣ свирѣпствовалъ всю зиму страшный тифъ, то не мудрено, что и таманцы, ночевавшіе въ Зурзунахъ, занесли въ батареи эту ужасную болѣзнь. На другой же день послѣ ухода полка, въ 5-й батареѣ заболѣлъ тифомъ кашеваръ и еще одинъ канониръ изъ нестроевыхъ. Конечно, больныхъ тотчасъ же направили въ ардаганскій госпиталь, гдѣ они и умерли. Не успѣли отослать этихъ двухъ больныхъ, какъ заболѣлъ деньщикъ командира батареи, который тоже долго вертѣлся между таманцами, розыскивая своихъ земляковъ. И этого отправили въ Ардаганъ, откуда онъ недѣли черезъ три возвратился окончательно здоровымъ. Къ счастью, случаевъ тифа больше уже не повторялось, и онъ, напугавъ только батареи, удалился изъ зурзунскихъ предѣловъ. Погода въ Зурзунахъ стояла почти всегда хорошая: солнечные безвѣтренные дни, температура которыхъ постоянно регулировалась охлаждающимъ дѣйствіемъ рѣчки, свѣжій и чистый воздухъ, хорошая пища и постоянно чистая проточная вода—все это не могло не отразиться благотворнымъ образомъ на здоровьи людей и лошадей. Послѣднія вскорѣ до того поправились, что стали походить на печи. Одно только было плохо: вслѣдствіе каменнаго грунта, нельзя было производить не только конныхъ ученій, но даже и проѣздокъ.

Въ Зурзунахъ есть хорошія мѣста какъ для охоты, такъ и для рыбной ловли. Офицеры почти по цѣлымъ днямъ въ праздники предавались своему любимому занятію, шляясь по колѣна въ водѣ за дупелями и т. п. дичью, населяющею обширныя зурзунскія болота. Любящіе же ловить рыбу ѣздили на Чалдырское озеро, лежащее на весьма живописной мѣстности. Нерѣдко, для болѣе пріятнаго препровожденія времени, захватывали на озеро самовары и разную стеклянную посуду съ содержимымъ внутри. При столь вспомогательныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ живительныхъ экспериментахъ, ловъ рыбы былъ и обиленъ, и интересенъ. Такъ

въ большинствѣ случаевъ проводили время на зурзунской стоянкѣ. Въ будніе дни, за невозможностью дѣлать проѣздки, производились пріемы при орудіяхъ и пѣшій строй, а также былъ устроенъ манежъ, въ видѣ круглой площадки, совершенно расчищенной отъ камней, для выѣздки офицерскихъ и фейерверкерскихъ лошадей; ѣздовымъ также производилась ѣзда на этомъ же манежѣ. Такъ какъ новобранцевъ въ батареи не поступило, то занятія эти и не могли составить для батареи особеннаго труда, потому что повторять пройденное гораздо легче, чѣмъ заучивать вновь. Новобранцы въ 3-ю и 5-ю батареи не поступили потому, что въ означенныхъ батареяхъ, не смотря на убыль, происшедшую во время военныхъ дѣйствій, а также и во время зимней стоянки, все-таки оставалось достаточно людей. Между тѣмъ, въ другихъ батареяхъ кавказской арміи, а въ особенности въ подвергшихся сильному дѣйствію тифозной эпидеміи, какъ напримѣръ, въ батареяхъ кавказской гренадерской бригады и во 2-й батареѣ 38-й бригады, штатъ требовалъ усиленнаго пополненія. Туда и были взяты люди, предназначенные для поступленія въ 38-ю бригаду. Во время стоянки въ Зурзунахъ, въ 5-ю батарею прибылъ произведенный изъ портупей-юнкеровъ Павловскаго училища прапорщикъ Стрѣльбицкій, въ 3-ю же батарею—произведенный изъ юнкеровъ Константиновскаго училища прапорщикъ Ходыревъ.

Въ половинѣ іюля въ Зурзунахъ было получено извѣстіе о прибытіи въ Ахалкалаки изъ эриванскаго отряда 2-й батареи 38-й бригады, которая явилась туда при слѣдующихъ условіяхъ:

9-го мая, согласно приказанію начальника эриванскаго отряда генералъ-лейтенанта Комарова, 2-я батарея выступила изъ алашкертскаго лагеря въ предѣлы Эриванской губерніи. Составъ батареи ко времени выступленія былъ слѣдующій: штабъ офицеръ 1, оберъ офицеровъ 4, фейерверкеровъ 6, строевыхъ нижнихъ чиновъ 100, нестроевыхъ съ деньщиками 9; трубачей не было совсѣмъ, всѣ они были больны тифомъ. Орудій имѣлось 6 *), зарядныхъ ящиковъ 18, запасныхъ лафетовъ 1 и артилерійскаго и

*) Остальныя два были оставлены въ Игдырѣ, во время слѣдованія въ Деве-Бойну.

интендантскаго обозовъ 6 повозокъ, строевыхъ лошадей 7 и упряжныхъ артиллерійскихъ 175.

Выступивъ рано утромъ 9-го мая, батарея въ этотъ же день дошла до сел. Кара-Килиса, гдѣ и остановилась на ночлегъ. Нечего и говорить о томъ, съ какимъ удовольствіемъ шли люди, удаляясь съ каждымъ шагомъ отъ злополучнаго Алашкерта. Немало затрудненій предстояло преодолѣть батареѣ: впереди дорога шла черезъ два горныхъ хребта—даракскій и агрыдагскій. Безспорно, что дорога, какъ на подъемахъ, такъ и на спускахъ, была очень скверная, такъ какъ на горахъ еще лежалъ снѣгъ въ большомъ количествѣ. При томъ же составѣ, который имѣла батарея, т. е. безъ прислуги, невозможно было пускаться въ трудный путь, въ которомъ нужна была помощь большаго числа людей. Хотя на другой день, т. е. 10 мая, и должна была выступить вмѣстѣ съ батареею изъ Кара-Килиса рота ставропольскаго полка, но расчитывать на помощь этой роты было крайне рисковано, такъ какъ она состояла изъ двухъ унтеръ-офицеровъ и трехъ рядовыхъ. Въ виду всего этого, батарея, переночевавъ въ Кара-Килиса, рано утромъ, 10-го мая, потянулась къ сел. Элексанъ, находящемуся въ девяти верстахъ отъ Кара-Килиса. Въ означенномъ селеніи стоялъ баталіонъ кубанскаго полка, недавно прибывшій въ алашкертскую долину, и потому еще не успѣвшій вкусить плодовъ тифозной эпидеміи. Вмѣстѣ съ батареею тронулась и помянутая выше рота ставропольскаго полка, слѣдовавшая въ Эриванскую губернію. Во главѣ роты шла пара артельныхъ лошадей, неся на длинныхъ носилкахъ больнаго и еле живаго ротнаго командира; позади двигались 5-ть человѣкъ солдатъ. Трудно вѣрится,—на самомъ же дѣлѣ это было такъ.

До 16-го мая батарея простояла у сел. Элексанъ. 16-го же числа баталіонъ кубанцевъ и 2-я батарея подвинулись ближе къ Кара-Килиса. 17-го получено предписаніе командира кубанскаго полка полковника Радзишевскаго о немедленномъ выступленіи въ предѣлы Эриванской губерніи. Во время стоянки у сел. Элексанъ въ батареѣ заболѣло тифомъ только два человѣка. 18-го мая батарея тронулась на сел. Игдырь. Предстояло пройти 120 верстъ.

Невѣроятно труденъ былъ этотъ походъ для 2-й батареи, слѣдовавшей безъ одного человѣка прислуги; всѣ люди были либо посажены за ѣздовыхъ, либо вели заводныхъ и больныхъ лошадей, а около орудій буквально не было никого; даже мастеровымъ, кузнецамъ и шорникамъ были вручены поводья. Въ караулъ едва набиралось два или три человѣка, по большей же части некому было занимать посты въ паркѣ и у денежнаго ящика.

Во время движенія, наличнымъ людямъ было ужасно тягостно. Подойдутъ, напримѣръ, къ крутому подъему или спуску; лошади везутъ, везутъ—и наконецъ устанутъ и остановятся. Является необходимость въ людской помощи: ѣздовые слѣзаютъ и начинается работа: вывезутъ одно орудіе, потомъ возвращаются назадъ за ящикомъ; вывезутъ ящикъ—опять назадъ за слѣдующимъ ящикомъ и т. д., пока поодиночкѣ не выдвинутъ всю батарею на ровное мѣсто; тогда только садятся и слѣдуютъ дальше. Для выполненія всей этой процедуры нужно было не мало времени; вслѣдствіе чего батарея ниразу не приходила засвѣтло на ночлегъ. Случалось и такъ, что въ одномъ изъ орудій рвется шлея или лопается постромка: зовутъ шорника, который, бросивъ навремя управленіе лошадью, спѣшитъ на помощь; батарея же стоитъ и ждетъ, пока онъ справится съ починкою. А такихъ-то починокъ въ одинъ переходъ бывало больше десяти, такъ какъ пришедшая въ ветхость отъ походовъ аммуниція не могла выдержать сильной тяги. По приходѣ на бивакъ, люди не имѣли никогда отдыха: надо было и палатки разбить, и лошадей выводить, и вычистить ихъ, и напоить, и выкормить, и за фуражемъ съѣздить,—и все это приходилось дѣлать однимъ и тѣмъ же людямъ безсмѣнно. Въ конецъ измученная, батарея подтянулась въ Игдырь 23-го мая. Здѣсь она простояла на отдыхѣ до 15-го іюня, расположившись лагеремъ недалеко отъ селенія. Кое-какъ она успѣла привести себя въ порядокъ послѣ тифозной эпидеміи. Было также исправлено различное батарейное имущество, какъ-то: аммуниція, обозъ, матеріальная часть, мундирная одежда, обувь и другіе предметы, сильно пострадавшіе во время тяжелыхъ походовъ. Въ Игдырѣ приняты обратно орудія и ящики, оставленные во время слѣдова-

нія подъ Деве-Бойну, а также прибыли на пополненіе 43 человѣка изъ резервной батареи; они были молодые и вполнѣ здоровые солдаты.

Незадолго до 15-го іюня въ батареѣ былъ полученъ маршрутъ, выданный изъ штаба войскъ эриванскаго отряда, на слѣдованіе въ гор. Ахалкалаки—въ раіонъ войскъ ардаганскаго отряда, въ который къ означенному времени уже начала стягиваться вся 38-я дивизія. 15-го іюня батарея выступила. Путь пролегалъ черезъ городъ Эривань, селеніе Делижанъ и городъ Александрополь. Изъ Игдыря батарея выступила въ составѣ одного штабъ-офицера, четырехъ оберъ-офицеровъ, семи фейерверкеровъ и 129-ти строевыхъ нижнихъ чиновъ, безъ прикомандированныхъ, присоединивъ къ себѣ и выздоровѣвшихъ отъ тифа людей; нестроевыхъ съ деньщиками было 8, трубачей 2; въ запряжкѣ имѣлось восемь орудій, 24 зарядныхъ ящика, 2 запасныхъ лафета и всѣ повозки артиллерійскаго, интендантскаго и артельнаго обозовъ: лошадей было: 8 строевыхъ, 172 упряжныхъ артиллерійскихъ и 18 подъемныхъ. Для облегченія движенія позволено было взимать на всемъ пути слѣдованія по десяти обывательскихъ подводъ подъ свозъ казенныхъ тяжестей.

Черезъ два дня, т. е. 17-го іюня, батарея прибыла въ Эривань. Встрѣчъ не было никакихъ, и даже, какъ говорятъ, городъ не хотѣлъ отводить помѣщеній для батареи, которая должна была простоять въ немъ два дня; но, конечно, долженъ былъ отвести. Пробывъ въ Эривани два дня, батарея тронулась въ Делижанъ, и выступивъ оттуда 28-го іюня, 2-го іюля прибыла въ Александрополь. Здѣсь она привела себя въ окончательное устройство. Испорченныя во время военныхъ дѣйствій шесть орудій были сданы въ складъ, и оттуда получены другія, совершенно новыя; на пополненіе батареи прибыли изъ строеваго отдѣла передоваго артиллерійскаго запаса 50 человѣкъ нижнихъ чиновъ. По маршруту, въ Александрополѣ была назначена дневка; но батарея была задержана еще на три дня начальникомъ артиллеріи бывшаго эриванскаго отряда генералъ-маіоромъ Барсовымъ. Только 7-го іюля она двинулась въ Ахалкалаки черезъ духоборскія селенія и, при-

бывъ туда 12-го числа, расположилась лагеремъ у города, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій отъ штаба войскъ ардаганскаго отряда. Распоряженіе это не замедлило: 16-го числа того же мѣсяца батарея передвинулась въ селеніе Сульды *), гдѣ простояла до 13-го октября. Такимъ образомъ, къ половинѣ іюля въ ардаганскомъ отрядѣ сосредоточилось три батареи 38-й бригады: 2-я въ Сульдахъ, а 3-я и 5-я батареи въ Зурзунахъ. Стоянка 2-й батареи въ Сульдахъ мало отличалась отъ стоянки 3-й и 5-й батарей въ Зурзунахъ; разница была только въ томъ, что 3-я и 5-я батареи довольствовались атарнымъ сѣномъ, 2-я же батарея покупала сѣно черезъ подрядчика. Между тѣмъ, 3-я и 5-я батареи, на основаніи предписанія начальника ардаганскаго отряда отъ 15-го августа, тронулись въ Ардаганъ. Вызовъ батарей въ Ардаганъ былъ слѣдствіемъ двухъ причинъ: съ одной стороны еще неразрѣшенный вопросъ о Батумѣ, съ другой—уничтоженіе атарнаго сѣна въ Зурзунахъ и привозъ его въ Ардаганъ.

Дня за два до выступленія батарей изъ Зурзунъ, разыгралась страшная гроза, съ ужаснѣйшимъ ураганомъ и градомъ; послѣдній былъ до того крупный, что рѣдкое зерно было меньше орѣха. Лошади, стоявшія на коновязи, не вынося боли, причиняемой непрерывными ударами градинъ, вырвали всѣ колья и, какъ дикій табунъ, понеслись по направленію къ рѣчкѣ, которая уже успѣла выйти изъ береговъ. Коновязный канатъ и колья болтались подъ ногами обезумѣвшихъ животныхъ, опутывая нѣкоторыхъ изъ нихъ какъ сѣтью. Многія изъ лошадей, будучи привязаны недоуздками за коновязный канатъ, тщетно бились, стараясь высвободиться изъ общей свалки; многія же пали въ рѣчку и барахтались захлебаясь. Вообще, картина была ужасная. Сбѣжались моментально всѣ люди и начали распутывать общую свалку. Къ счастью, градъ перестатъ, и животныя пріутихли. Распутали канатъ, повытаскали изъ рѣки всѣхъ лошадей, и тогда оказалось, что одна лошадь 5-й батареи утонула. Вмѣстѣ съ лошадью чуть не утонулъ

---

*) Сел. Сульды находится въ 16-ти верстахъ отъ Ахалкалаки, по дорогѣ, соединяющей названный городъ съ Ардаганомъ.

и одинъ изъ канонировъ; его вытащили изъ воды уже совсѣмъ безъ чувствъ и едва откачали.

16-го августа батареи прибыли въ Ардаганъ, гдѣ и расположились лагеремъ у подножія укрѣпленія Ахали.

Въ концѣ августа во 2-ю батарею, и въ началѣ сентября въ 3-ю и 5-ю батареи, прибылъ командированный окружнымъ артиллерійскимъ управленіемъ полковникъ Ахвердовъ для разсортировки лошадей на долженствовавшихъ перейти въ другія части и подлежавшихъ земству. Черезъ мѣсяцъ слишкомъ, 1-го октября, прибылъ изъ Тифлиса капитанъ Герарди, для пріема 3-й батареи отъ полковника Петраша. На другой день пріемъ былъ конченъ, и капитанъ Герарди вступилъ въ командованіе батареею; Петрашъ же, приказомъ по артилеріи кавказскаго военнаго округа отъ 14-го сентября 1878-го года за № 633-мъ, былъ назначенъ завѣдывающимъ практическими занятіями гунибской крѣпостной артилеріи. Въ началѣ октября всѣмъ тремъ батареямъ былъ произведенъ смотръ командиромъ бригады генералъ-маіоромъ Веверномъ; батареи были найдены въ весьма хорошемъ состояніи.

Во время стоянки въ Зурзунахъ, батареи ласкали себя пріятною надеждою покинуть въ скоромъ времени надоѣвшую всѣмъ турецкую почву и возвратиться въ старыя штабъ-квартиры—казавшіяся въ то время какою-то обѣтованною землею. На дѣлѣ же вскорѣ оказалось, что страны эти для нихъ болѣе недосягаемы: съ прибытіемъ батарей въ Ардаганъ, начали ходить все болѣе и болѣе упорные слухи объ оставленіи всей 38-й пѣхотной дивизіи, съ артилерійскою бригадою, во вновь завоеванномъ краѣ. Всѣ, до кого это касалось, старались не вѣрить въ осуществленіе этихъ слуховъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ у каждаго въ душу западало и сомнѣніе. Сомнѣнія и предположенія не замедлили оправдаться: вопросъ о перемѣщеніи бригады въ Закавказье былъ рѣшенъ еще въ началѣ августа, и отъ окружнаго артилерійскаго управленія было получено предписаніе отъ 15-го августа 1878-го года за № 17455-мъ, въ которомъ говорилось: „по приказанію Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго арміею, вся ввѣренная вамъ бригада должна быть сосредоточена въ Закавказьи и расположена: въ

Батумѣ, Ардаганѣ и Ахалцыхѣ—по двѣ батареи въ каждомъ пунктѣ, для чего управленіе, 4-я и 6-я батареи, находящіяся нынѣ на сѣверномъ Кавказѣ, будутъ весьма скоро перемѣщены въ Закавказье".

Непріятная перспектива стоянки въ Ардаганѣ заботила одинаково всѣхъ. И дѣйствительно, весьма неудобно оставаться въ совершенно неустроенномъ мѣстѣ; зима, съ ея вьюгами и сѣверными холодами, была уже не за горами, а въ Ардаганѣ не было даже мало-мальски удобныхъ помѣщеній для двухъ батарей. Нижніе чины еще съ грѣхомъ пополамъ могли бы помѣститься въ турецкой казармѣ, но и то, при условіи весьма солиднаго ремонта этого зданія; что же касается офицеровъ и командировъ батарей, то для нихъ рѣшительно не было никакихъ помѣщеній. Инженерное вѣдомство указывало для этой цѣли такъ называемый „домъ паши", но эта мѣра врядъ ли могла защитить жильцовъ отъ холода, такъ какъ трудно было бы расчитывать на снисходительность злой стихіи.

Въ первыхъ числахъ октября участь батарей была рѣшена; по дислокаціи, онѣ должны были занять слѣдующія мѣста: 1-я и 4-я—въ гор. Ахалцыхѣ, 2-я и 5-я—въ гор. Ардаганѣ, 3-я—въ гор. Кутаисѣ *) и 6-я—въ гор. Батумѣ. Между прочимъ, наступило 13-е октября—день, въ который 2-я батарея, по приказанію командира бригады, основанному на распоряженіи окружнаго артиллерійскаго управленія, должна была тронуться изъ сел. Сульды въ свою новую штабъ-квартиру, т. е. въ Ардаганъ. 16-го октября она прибыла туда въ составѣ одного штабъ-офицера, четырехъ оберъ-офицеровъ **), восьми фейерверкеровъ, 269-ти нижнихъ чиновъ, считая всѣхъ прикомандированныхъ и выздоровѣвшихъ отъ болѣзней; лошадей было 200; больныхъ нижнихъ чиновъ числилось къ этому времени 14 и въ различныхъ командировкахъ 19-ть человѣкъ.

---

*) Въ Батумѣ было найдено затруднительнымъ размѣстить двѣ батареи, а потому одну и рѣшено было помѣстить въ Кутаисѣ.

**) Командиръ батареи подполковникъ Свищевъ, капитанъ Непенинъ, штабсъ-капитанъ Штуссъ 1-й, сотникъ Штуссъ 2-й и переведенный во время стоянки въ Сульдахъ изъ 6-й батареи бригады подпоручикъ Павловичъ.

Ко времени прибытія 2-й батареи, уже всѣ войска, расположенныя въ Ардаганѣ, стояли въ казармахъ и другихъ постройкахъ. Батареѣ было отведено 5-ть каморъ турецкой казармы, которую успѣли къ этому времени немного ремонтировать. Всѣмъ офицерамъ же пришлось расположиться въ злополучномъ домѣ паши, въ одной большой, похожей на сарай, комнатѣ, и такъ какъ въ стѣнахъ ея были громадные шкафы, вѣроятно для складыванія тюфяковъ, ковровъ и тому подобнаго хлама, то нѣкоторые изъ офицеровъ и предпочли основать свою резиденцію въ этихъ шкафахъ. Недолго, впрочемъ, пришлось тремъ батареямъ 38-й бригады простоять совмѣстно въ Ардаганѣ: 18-го октября 3-я батарея оставила городъ и потянулась въ свою новую штабъ-квартиру, въ Кутаисъ.

Передъ выходомъ 3-й батареи, былъ полученъ приказъ по артиллеріи кавказскаго военнаго округа отъ 4-го октября 1878-го года за № 684, въ которомъ говорилось, между прочимъ, о переформированіи 3-й батареи 38-й бригады въ горную. Третья батарея, вмѣстѣ съ переформированіемъ, должна была перемѣнить и нумеръ, именуясь впредь 5-ю батареею: 5-я же батарея должна была именоваться третьею. Переформированіе, согласно приказу, должно было произойти съ прибытіемъ батареи на станцію Михайлово.

3-я батарея тронулась въ Кутаисъ въ слѣдующемъ составѣ: офицеровъ, съ командиромъ батареи, пять *), фейерверкеровъ 15, трубачей 4, рядовыхъ 213, обозныхъ, вмѣстѣ съ деньщиками, 5, лошадей строевыхъ 9, артиллерійскихъ 180, подъемныхъ 18, офицерскихъ подъемныхъ 7. Обозъ въ батареѣ состоялъ изъ двухъ неформенныхъ телѣгъ и 11-ти нѣмецкихъ фургоновъ.

Маршрутъ батареи былъ заранѣе полученъ отъ начальника ардаганскаго отряда. Къ счастью, не смотря на позднее осеннее время, погода стояла великолѣпная, дождей уже давно не было, и дорога, благодаря своей сухости, не могла затруднять движенія батареи. 21-го числа она прибыла въ Ахалкалаки, а 25-го въ

*) Капитанъ Герарди, штабсъ-капитанъ Туницынъ 2-й, подпоручики: Шосте и Поповъ и прапорщикъ Ходыревъ.

Ахалцыхъ, откуда, послѣ дневки, выступила въ Михайлово и явилась туда 2-го числа, черезъ двѣнадцать дней марша. Въ Михайлово батарея застала уже прибывшую горную полубатарею, которая, на основаніи предписанія окружнаго артиллерійскаго управленія отъ 13-го октября за № 21353, послѣдовавшаго въ дополненіе къ приказу за № 684, должна была передать свое имущество, артиллерію и лошадей въ 3-ю батарею 38-й бригады.

Съ прибытіемъ въ Михайлово, батарея тотчасъ же приступила къ переформированію, для чего было сдѣлано слѣдующее: 1) отъ командира горной полубатареи штабсъ-капитана Бугданьянца были приняты, со всѣми письменными свѣдѣніями, 118-ть человѣкъ нижнихъ чиновъ; между ними находилось много больныхъ въ разныхъ госпиталяхъ, а также и командированныхъ; 2) девятифунтовыя орудія, а равно и весь подвижной составъ, съ аммуниціею, были предназначены для отправленія въ тифлисскій окружной артиллерійскій складъ; вмѣсто же названныхъ орудій, батарея приняла отъ горной полубатареи четыре горныхъ трехъ-фунтовыхъ орудія, со всѣми зарядными ящиками и аммуниціею, положенною по штату горныхъ батарей; 3) для сформированія конскаго состава, въ батареѣ было оставлено 53 упряжныхъ артиллерійскихъ лошади изъ признанныхъ годными къ службѣ полковникомъ Ахвердовымъ; кромѣ того, принято изъ кавказской горной полубатареи 33 упряжныхъ артиллерійскихъ лошади, которыя также, при разсортированіи лошадей названнымъ штабъ-офицеромъ, были признаны годными къ дальнѣйшей службѣ, и 23 подъемныхъ. И того, въ батареѣ получилось лошадей: 86 артиллерійскихъ и 23 подъемныхъ. Сверхъ означенныхъ лошадей, въ Михайлово, къ прибытію батареи, были высланы изъ Тифлиса на пополненіе комплекта 92 лошади.

Изъ лошадей, состоящихъ при батареѣ и признанныхъ полковникомъ Ахвердовымъ годными къ службѣ въ полевыхъ батареяхъ, 108 (7 строевыхъ, 76 орудійныхъ, 9 обозныхъ и 16 подъемныхъ) были предназначены къ отправленію въ гор. Ахалцыхъ, для передачи въ другія части. Лошади эти отправлены изъ Михайлово 31-го октября съ поручикомъ 1-й батареи княземъ Аваловымъ; остав-

шіяся затѣмъ 46 лошадей—30-го октября были переданы батареею гражданскому вѣдомству. Полная пріемка батареи окончилась 7-го ноября, послѣ чего, 8-го числа, батарея, нѣсколькими эшелонами, двинулась въ Кутаисъ, гдѣ и собралась вечеромъ 9-го ноября. Пробывъ нѣсколько дней въ лагерѣ около города, батарея была размѣщена въ казармахъ, гдѣ простояла все время своего пребыванія въ Кутаисѣ.

Оставленная на Михайловской станціи аммуниція и артиллерія 9-ти-фунтоваго состава были отправлены съ подпоручикомъ Шосте въ тифлисскій окружной артилерійскій складъ 18-го ноября и окончательно сданы 9-го декабря 1878-го года. Офицеры горной полубатареи—штабсъ-капитанъ Бугданьянцъ и прапорщикъ Ханжаловъ были прикомандированы къ вновь переформировавшейся батареѣ.

Къ началу ноября 1878-го года, и прочія батареи бригады, кончивъ свои скитанія, были уже расположены въ назначенныхъ имъ штабъ-квартирахъ. Но прежде чѣмъ говорить и описывать штабъ-квартирное расположеніе бригады, необходимо прослѣдить движенія батарей, не принимавшихъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, или же принимавшихъ, но только въ началѣ кампаніи. Къ числу такихъ батарей, какъ извѣстно, принадлежали 4-я и 6-я батареи, которыя вовсе не принимали участія въ дѣлахъ, и 1-я батарея, которую мы оставили послѣ цихисдзирскаго сраженія.

X.

Движенія 1-й батареи 38-й бригады и перемѣны въ личномъ составѣ ея. Дѣятельность 4-й батареи и перемѣны. Движеніе 6-й батареи въ Майкопъ. Стоянка полубатарей 6-й батареи въ станицахъ Хадыжинской и Смоленской. Смерть поручика Соколова. Возвращеніе 6-й батареи въ Георгіевскъ и переформированіе ея въ горную. Расформированіе въ батареяхъ коннаго состава. Квартирное расположеніе батарей. Перемѣны въ бригадѣ. Результатъ опытовъ.

1-я батарея простояла въ Озургетахъ до 30-го іюня, не предпринимая никакихъ дѣйствій и движеній противъ непріятеля. Правда, въ этотъ промежутокъ времени отъ нея былъ вызванъ одинъ взводъ къ посту св. Николая, но, простоявъ тамъ одни сутки и не найдя, вѣроятно, ничего особеннаго, вернулся назадъ. 30-го іюня батарея перешла въ Орпири—въ царство скопцовъ и прочихъ сектантовъ. Здѣсь она раздѣлилась на двѣ части: первая полубатарея, подъ командою командира батареи полковника Бучкіева, 3-го іюля выступила въ Зугдиды—въ составъ войскъ ингурскаго отряда, а вторая—въ селеніе Самтреди; вмѣстѣ съ первою полубатареею пошли два баталіона пятигорскаго пѣхотнаго полка. 6-го іюля колонна прибыла въ Зугдиды, сдѣлавъ три весьма легкихъ перехода, не болѣе 20-ти верстъ каждый.

Составъ офицеровъ 1-й батареи значительно измѣнился: приказомъ начальника артиллеріи войскъ приріонскаго края отъ 29-го іюня 1877-го года за № 37-мъ, откомандированные отъ батареи подпоручики Лепилинъ и Куликъ прикомандированы—первый, къ 2-й батареѣ 19-й артиллерійской бригады, откуда на его мѣсто командированъ подпоручикъ Гильяшевичъ; второй же—къ мѣстной озургетской батареѣ. Приказомъ же по кавказскому военному округу отъ 3-го іюля, бывшій при ставропольскомъ казачьемъ юнкерскомъ училищѣ штабсъ-капитанъ Кармановъ откомандированъ отъ училища и назначенъ командиромъ 2-й полубатареи.

Въ Зугдидахъ 1-я полубатарея простояла до 3-го сентября, находясь въ постоянной готовности къ выступленію въ Сухумъ.

Но это движеніе не состоялось: вслѣдствіе предписанія штаба войскъ ингурскаго отряда отъ 2-го сентября за № 711-мъ, 1-й полубатареѣ велѣно слѣдовать въ г. Кутаисъ, откуда, по соединеніи со 2-й полубатареею, направиться въ Тифлисъ. 3-го сентября 1-я полубатарея тронулась по шоссе и, дойдя до станціи Новосенаки, была нагружена на платформы поти-тифлисской желѣзной дороги. Присоединивъ къ себѣ въ Кутаисѣ 2-ю полубатарею, она прибыла въ Тифлисъ и расположилась въ артилерійскихъ казармахъ на Верѣ. Въ Тифлисѣ батарея стояла до 2-го февраля 1878-го года, совершенно на мирномъ положеніи, занимаясь ученіями, участвуя на различныхъ смотрахъ, парадахъ и т. д. Наличный составъ офицеровъ опять перемѣнился: ко времени выступленія изъ Тифлиса, въ батареѣ, кромѣ командира, налицо не было ни одного офицера: всѣ они были въ различныхъ командировкахъ. Списочное же состояніе батареи было слѣдующее: штабъ-офицеръ 1, фейерверкеровъ 17, трубачей 3, рядовыхъ 194, обозныхъ съ деньщиками 9, лошадей строевыхъ 9, упряжныхъ артилерійскихъ 177, подъемныхъ 18; больныхъ нижнихъ чиновъ 32 и въ командировкѣ 18 человѣкъ.

2-го февраля, вслѣдствіе предписанія окружнаго артилерійскаго управленія отъ 31-го января 1878-го года за № 4537-мъ, батарея перешла въ гор. Гори, гдѣ и простояла до 18-го мая; означеннаго же числа она выступила въ лагерь близъ селенія Хирвалеты и находилась тамъ до 6-го октября. За время стоянки въ лагерѣ подъ Хирвалеты въ батарею прибыли: 3-й батареи 19-й артилерійской бригады капитанъ Татлинъ, съ 4-го октября 1877-го года; гунибской крѣпостной артилеріи поручикъ князь Аваловъ, съ 7-го января 1878-го года; 16-го гренадерскаго мингрельскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Димитрія Константиновича полка подпоручикъ князь Вачнадзе и подпоручикъ Пираловъ, съ 7-го ноября 1877-го года.

6-го октября, 1-я батарея выступила изъ лагеря въ городъ Гори и, простоявъ тамъ до 20-го числа того же мѣсяца, направилась въ новую штабъ-квартиру, въ гор. Ахалцыхъ, куда и прибыла 25-го октября 1878-го года—въ слѣдующемъ составѣ: офи-

церовъ, съ командиромъ батареи, 5; фейерверкеровъ 11, трубачей 3, рядовыхъ 221, обозныхъ съ деньщиками 9, лошадей строевыхъ 9, упряжныхъ артиллерійскихъ 180, подъемныхъ 18; больныхъ нижнихъ чиновъ 8 и въ командировкѣ 20 человѣкъ. Изъ 32-хъ больныхъ, показываемыхъ по отчетамъ батареи за февраль 1878-го года, большинство было такихъ, которые захватили лихорадку во время нахожденія батареи въ приріонскомъ краѣ; означенные больные числились по различнымъ госпиталямъ. Съ приходомъ батареи въ Тифлисъ и во время пребыванія ея въ лагерѣ у сел. Хирвалеты, болѣзненность въ батареѣ значительно уменьшилась; случаевъ появленія тифа не было.

4-я батарея, какъ было сказано, не принимала участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, и дѣятельность ея ограничилась только одними походами по лихорадочнымъ мѣстамъ Кубанской области. Въ то время, когда нѣкоторыя изъ батарей 38-й бригады успѣли выступить къ театру военныхъ дѣйствій, 4-я батарея продолжала стоять въ ст. Кисловодской, будучи предоставлена въ распоряженіе начальника Терской области, на случай возмущенія горцевъ въ окрестностяхъ Пятигорска. И дѣйствительно, можно было предполагать сначала, что туземцы не питаютъ къ намъ дружелюбныхъ чувствъ, но впослѣдствіи оказалось, что они—самый мирный народъ и далеки отъ того, чтобы бунтовать противъ русскихъ. Поэтому, присутствіе батареи въ Кисловодскѣ могло быть совершенно лишнимъ, и наоборотъ, должно было быть не безполезнымъ на прочихъ, близкихъ къ театру военныхъ дѣйствій, пунктахъ. Въ виду этихъ соображеній, признанныхъ Главнокомандующимъ, и на основаніи предписанія командира бригады отъ 14-го мая 1877-го года за № 1240-мъ, 4-я батарея 17-го мая должна была выступить изъ станицы Кисловодской, имѣя маршрутъ на слѣдованіе въ гор. Владикавказъ, а оттуда въ закавказскій край. Это распоряженіе было принято всѣми съ особеннымъ удовольствіемъ; но, къ сожалѣнію, ему не пришлось осуществиться, и злая судьба держала надъ батареею свой указательный перстъ по направленію къ Кубанской области.

Причина, заставившая батарею разочароваться въ ея ожида-

ніяхъ насчетъ участія въ дѣйствіяхъ на главномъ театрѣ войны, была слѣдующая: въ началѣ мая непріятель, высадивъ свой десантъ въ гор. Сухумѣ, намѣревался занять нѣкоторые прибрежные города, какъ-то: Сочи, Туапсе и прочая, чтобы возмутить туземное населеніе Кубанской области. Для удержанія воинственнаго порыва турокъ, надо было сосредоточить въ Кубанской области достаточное число войскъ, которыя своимъ присутствіемъ дѣйствительно бы могли разстроить опасный для насъ замыселъ, могущій, въ случаѣ успѣха, повлечь за собою возстаніе всѣхъ горцевъ Кавказа и ослабленіе нашихъ дѣйствующихъ силъ. Въ виду этого, батарея, наканунѣ выступленія изъ Кисловодска (16-го мая), получила предписаніе командира бригады, послѣдовавшее на основаніи телеграммы окружнаго артилерійскаго управленія, о слѣдованіи не во Владикавказъ, а въ сел. Армавиръ, гдѣ должна была получить маршрутъ на дальнѣйшее движеніе. Выступивъ изъ Кисловодска 17-го мая и прибывъ 19-го числа на ст. Минеральныя воды, 4-я батарея приступила къ нагрузкѣ, которая и кончилась 20-го мая. Того же числа она тронулась нѣсколькими эшелонами на ст. Армавиръ, а оттуда, 22-го мая, форсированнымъ маршемъ въ гор. Майкопъ. Дорога была хорошая, но переходы не маленькіе, такъ что среднимъ числомъ приходилось дѣлать по 29-ти верстъ въ сутки. 4-я батарея вступила въ Майкопъ въ слѣдующемъ составѣ: офицеровъ, съ командиромъ батареи, 5; фейерверкеровъ 15, трубачей 4, рядовыхъ 192, лошадей строевыхъ 9, артилерійскихъ 144, подъемныхъ 18; нестроевыхъ нижнихъ чиновъ 30; больныхъ 4 и въ командировкахъ 18 человѣкъ.

Въ Кубанской области собралось уже къ іюню мѣсяцу достаточное количество войскъ. Туземцы выказывали самыя миролюбивыя отношенія къ русскимъ, прося только по возможности не пускать въ ихъ предѣлы турокъ, такъ какъ они не могутъ ручаться за свою увлекающуюся молодежь. Впрочемъ, и турки, узнавъ, что Кубанская область занята нашими войсками, не рѣшились заходить далеко въ глубь страны и ограничились только сухумскимъ отдѣломъ и занятіемъ Сухума. Вслѣдствіе этого, всѣмъ войскамъ,

въ томъ числѣ и 4-й батареѣ 38-й бригады, пришлось проводить время въ полнѣйшемъ бездѣйствіи. Батарея не трогалась изъ гор. Майкопа, а стояла возлѣ него лагеремъ до 5-го октября, вмѣстѣ съ баталіономъ черноморскаго полка, урупскимъ казачьимъ полкомъ и сотнею милиціи. Надо замѣтить, что въ Майкопѣ весною и лѣтомъ всегда свирѣпствуетъ сильная лихорадка; она проявляется по большей части на пришломъ населенія, къ которому, въ данномъ случаѣ, принадлежала и 4-я батарея. По этому обстоятельству; чины батареи всѣ безъ исключенія переболѣли лихорадкою; иной разъ для занятія карауловъ едва хватало людей. Къ счастью, лихорадка не принимала злокачественнаго характера и ограничивалась только сильнымъ истощеніемъ организма,—рѣдко смертью.

Послѣ того, какъ 1-я гренадерская дивизія прошла въ закавказскій край, 4-я батарея получила предписаніе командующаго войсками Кубанской области и Черноморскаго округа двинуться въ гор. Владикавказъ. Ей былъ выданъ маршрутъ, руководствуясь которымъ она и должна была выступить 5-го октября. До Армавира потянулись пѣшимъ маршемъ, по знакомой уже дорогѣ; въ Армавирѣ же нагрузили батарею на платформы и прибыли во Владикавказъ 14-го октября. Съ этого числа 4-я батарея поступила въ распоряженіе начальника Терской области. Въ это время дѣла наши на театрѣ военныхъ дѣйствій приняли весьма благопріятный для насъ оборотъ: армія Мухтаръ-паши была уже разбита, Карсъ обложенъ, войска Измаила-паши, преслѣдуемыя по пятамъ эриванскимъ отрядомъ, также были близки къ пораженію, и русскій солдатъ шагнулъ за Соганлугъ. Въ виду этого, присутствіе 4-й батареи могло быть нелишнимъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, что и подтвердилось отвѣтной телеграммой Его Высочества на запросъ начальника Терской области касательно участи батареи. Телеграмма гласила слѣдующее: „предложить начальнику Дагестанской области 4-ю батарею для усмиренія горцевъ". Но и тутъ батарея оказалась лишнею: вопервыхъ, въ Дагестанѣ было уже достаточно нашихъ войскъ; вовторыхъ, 4-я батарея 38-й бригады, какъ четырехъ-фунтовая, не могла принести много пользы въ горной войнѣ, которая велась въ Дагестанѣ; напротивъ же, въ большинствѣ случаевъ она

навѣрно бы послужила даже въ затрудненіе для войскъ дагестанскаго отряда. Вслѣдствіе этого, а также и сильнаго изнуренія майкопскою лихорадкою, 4-я батарея была направлена 13-го ноября 1877-го года въ свою штабъ квартиру, въ ст. Кисловодскую, гдѣ и простояла до августа 1878-го года. Во время стоянки въ Кисловодскѣ не произошло никакихъ особенныхъ перемѣнъ. Списочное состояніе 4-й батареи въ январѣ 1878-го года было: офицеровъ, съ командиромъ, 4: подполковникъ Мищенко, капитанъ Кругликовъ, подпоручики Зинкевичъ и Кавтарадзе; числившійся же по спискамъ батареи, выпущенный въ іюнѣ 1877-го года изъ 2-го Константиновскаго училища прапорщикъ Золотаревъ, находился въ командировкѣ при 20-й артилерійской бригадѣ, съ 4-го ноября 1877-го года; фейерверкеровъ 13, трубачей 4, рядовыхъ 139, обозныхъ, съ денщиками, 26; больныхъ 16, въ командировкѣ 1 офицеръ и 11 рядовыхъ; лошадей строевыхъ 9, артилерійскихъ 144, подъемныхъ 18.

Въ августѣ 1878-го года, въ управленіи бригадою, которое также въ означенное время располагалось въ Кисловодскѣ, было получено предписаніе окружнаго артилерійскаго управленія, отъ 15-го августа за № 17455, послѣдовавшее на основаніи приказанія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго арміею, чтобы всѣ батареи 38-й бригады сосредоточить въ Закавказьи. Поэтому, 4-я батарея, въ концѣ августа, тронулась въ новую штабъ-квартиру, въ гор. Ахалцыхъ, куда и прибыла 19-го сентября 1878-го года, въ слѣдующемъ составѣ: офицеровъ, съ командиромъ, 5; фейерверкеровъ 8, трубачей 2, рядовыхъ 200, нестроевыхъ 14; лошадей строевыхъ и офицерскихъ 21, артилерійскихъ упряжныхъ 143, подъемныхъ 24, артельныхъ 4. Кромѣ того, съ батареею выступило: орудій 8, зарядныхъ ящиковъ 16, запасныхъ лафетовъ 2, денежный ящикъ 1, артилерійскаго обоза 5 повозокъ, интендантскаго 4, артельнаго 2, офицерскаго 3.

6-я батарея 38-й бригады начала готовиться къ выступленію на театръ военныхъ дѣйствій съ минуты объявленія войны— хотя не было ничего извѣстно о предстоящей дѣятельности бригады. Приготовленія ея въ общемъ были тѣ же, что и прочихъ

батарей бригады; такъ же, какъ и въ прочихъ батареяхъ, въ ней было пересмотрѣно и повѣрено взводными командирами все артиллерійское имущество, а снаряды и заряды были уложены возможно тщательнѣе *). Нижнимъ чинамъ были выданы на руки мундиры перваго срока; всѣ же лишнія вещи, какъ то: остальная мундирная одежда, полушубки и т. п. были сданы въ цейхгаузъ. Съ наступленіемъ весенняго времени, батарея постоянно занималась проѣздками, пріучая лошадей къ ровной тягѣ; проѣздки эти производились преимущественно по тѣмъ неровнымъ мѣстамъ, которыми можно было пользоваться для означенной цѣли въ штабъ-квартирѣ батареи, въ гор. Георгіевскѣ. Къ началу мая 1877-го года, батарея была совершенно готова къ выступленію по первому требованію. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали этого распоряженія, будучи вполнѣ увѣрены, что прійдется направиться въ закавказскій край. Но 14-го мая была получена телеграмма помощника начальника Терской области, по которой батарея предназначена была въ Кубанскую область.

Вызовъ въ Кубанскую область имѣлъ тѣ же причины, что и относительно 4-й батареи, и произвелъ такое же непріятное дѣйствіе. Черезъ два дня, т. е. 16-го мая, получена новая телеграмма и маршрутъ на слѣдованіе въ гор. Майкопъ. Передъ выступленіемъ, 18-го мая, былъ отслуженъ напутственный молебенъ, послѣ котораго тронулись на ст. Незлобную, отстоящую отъ Георгіевска въ трехъ верстахъ. Прійдя на станцію, батарея тотчасъ же приступила къ нагрузкѣ.

Въ семь часовъ вечера, 18-го мая, изъ Незлобной отбылъ первый эшелонъ, состоявшій изъ платформъ, нагруженныхъ всею матеріальною частью, а также небольшимъ количествомъ лошадей. Съ эшелономъ отправилась и часть людей со всѣми взводными фейерверкерами. Второй эшелонъ, изъ людей и лошадей, тронулся въ одиннадцать часовъ ночи и на другой день прибылъ на ст. Армавиръ, гдѣ такимъ образомъ и собралась вся батарея. Отъ Армавира до Майкопа 119 верстъ; разстояніе это было пройдено

*) Въ 6-й батареѣ были сдѣланы деревянные молотки для подкладыванія подъ колеса во время остановокъ на подъемахъ и спускахъ.

въ четыре перехода. Выступивъ 20-го мая изъ Армавира, батарея пришла въ ст. Урупскую, сдѣлавъ 21 версту. Дорога была легка для движенія, такъ какъ вопервыхъ, шла все время по ровной мѣстности, а вовторыхъ, благодаря сухой погодѣ и глинистому грунту, была хорошо накатана. Но слѣдующій сорокаверстный переходъ въ ст. Лабинскую былъ не особенно легокъ, потому что путь пролегалъ по подъемамъ и спускамъ. Посерединѣ дороги былъ сдѣланъ большой привалъ, на которомъ батарея пережидала самое жаркое время отъ одиннадцати до трехъ часовъ; 22-го мая она подтянулась въ ст. Ярославскую, сдѣлавъ 22 слишкомъ версты, а 23-го, приведя себя въ чистый и щеголеватый видъ, тронулась въ Майкопъ. Переходъ былъ въ 33 слишкомъ версты; день выдался ужасно жаркій, вслѣдствіе чего людямъ позволено было растегнуть мундиры и снять галстухи, а послѣ перваго привала ѣздовымъ приказано идти пѣшкомъ, держа въ поводу подручныхъ лошадей; къ подсѣдельнымъ же приставили нумеровъ. Въ такомъ видѣ батарея сдѣлала почти весь переходъ. Лошади, благодаря большому облегченію, шли очень бодро. Посланный въ Майкопъ съ квартирьерами подпоручикъ Павловичъ встрѣтилъ батарею въ трехъ верстахъ отъ города. Смотра никто не дѣлалъ, и батарея прямо вступила на мѣсто лагеря, разбитаго на берегу рѣки Бѣлой, гдѣ въ мирное время собиралась 19-я дивизія.

Батарея вступила въ Майкопъ въ слѣдующемъ составѣ: офицеровъ, съ командиромъ, 5 *); фейерверкеровъ 12, трубачей 4, рядовыхъ 188, нестроевыхъ 29, больныхъ 14; въ командировкѣ: 1 офицеръ и 19 нижнихъ чиновъ; лошадей строевыхъ 9, упряжныхъ артиллерійскихъ 144, подъемныхъ 18.

Черезъ два дня по прибытіи въ Майкопъ 6-й батареи, туда же подтянулась 4-я батарея бригады, а также два баталіона черноморскаго полка и конный казачій полкъ. Такимъ образомъ, у Майкопа собрался отрядъ, начальство надъ которымъ принялъ атаманъ майкопскаго отдѣла генералъ-маіоръ Семенкинъ. Не успѣла еще 6-я батарея оглядѣться на новомъ мѣстѣ, какъ 25-го мая

*) Подполковникъ Витцель, переведенный изъ 4-й батареи капитанъ Ельчаниновъ, поручикъ Соколовъ, подпоручики Тачаловъ и Павловичъ.

была получена телеграмма начальника Кубанской области, въ которой предписывалось одной изъ полубатарей выступить въ ст. Хадыжинскую. 31-го числа 2-я полубатарея, подъ командою капитана Ельчанинова, выступила изъ майкопскаго лагеря. Отъ Майкопа до ст. Хадыжинской считается 79-ть верстъ, и разстояніе это полубатарея прошла въ четыре перехода, сдѣлавъ первый переходъ (24 версты) до ст. Бѣлорѣченской, второй ($20\frac{1}{2}$ верстъ) до ст. Кубанской, третій ($14\frac{1}{2}$ верстъ) до ст. Апшеронской и четвертый (20 верстъ) до ст. Хадыжинской, въ которую и вступила 3-го іюня. Весь этотъ путь батарея прошла безъ всякихъ задержекъ. Дорога была по большей части хорошая, да и лошади уже попривыкли къ тягѣ, тѣмъ болѣе, что, благодаря сухому времени, грунтовое полотно дороги было хорошо укатано.

По приходѣ въ ст. Хадыжинскую, полубатарея вступила въ составъ отряда, состоявшаго изъ конно-казачьяго, екатеринодарскаго казачьяго полковъ и одного пластунскаго баталіона. Командованіе этимъ отрядомъ было ввѣрено командиру конно-казачьяго полка полковнику Косякину.

Лагерь былъ разбитъ на окраинѣ станицы, на берегу рѣки, имѣвшей чистую и здоровую воду. Лошади полубатареи были поставлены частью въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, частью же подъ группою большихъ и тѣнистыхъ деревьевъ. Лагерь былъ вскорѣ приведенъ въ надлежащее устройство, и начались обыденныя занятія.

Полубатарея простояла въ Хадыжинской станицѣ до 18-го сентября. Лѣто было очень жаркое. Днемъ палящіе лучи солнца положительно мѣшали производить какую бы то ни было работу, ночью же, а въ особенности подъ утро, было очень прохладно. Подобный рѣзкій переходъ отъ жары къ холоду не могъ не повліять на здоровье людей полубатареи: какъ мухи, начали они валиться въ лихорадкѣ. Вскорѣ дѣло дошло до того, что полубатарея должна была прекратить занятія, такъ какъ на ученье могло выходить только по одному нумеру прислуги на орудіе, но и этотъ одинъ, что называется, еле передвигалъ ноги. Въ данномъ случаѣ, цифры краснорѣчивѣе всего могутъ показать процентъ

заболѣвшихъ чиновъ обѣихъ полубатарей 6-й батареи: въ іюнѣ 21 человѣкъ, въ іюлѣ 1 офицеръ и 18 рядовыхъ, въ августѣ 1 офицеръ и 33 рядовыхъ, въ сентябрѣ 84 рядовыхъ, въ октябрѣ 95 рядовыхъ, въ ноябрѣ (съ прибытіемъ батареи въ Георгіевскъ) 1 офицеръ и 50 рядовыхъ, въ декабрѣ 27 рядовыхъ. Только съ января 1878-го года батарея начала мало по малу поправляться, и число больныхъ въ ней замѣтно уменьшилось. Такъ, въ январѣ 1878-го года больныхъ было: 2 офицера и 29 рядовыхъ, въ февралѣ 1 офицеръ и 26 рядовыхъ, въ мартѣ 2 офицера и 21 рядовой, въ апрѣлѣ 15 рядовыхъ и т. д. Какъ видно изъ приведенныхъ числовыхъ данныхъ, процентъ заболѣваемости былъ очень значительный, и батарея впослѣдствіи долго не могла оправиться отъ докучливыхъ лихорадокъ. Черезъ три дня по уходѣ изъ Майкопа 2-й полубатареи въ ст. Хадыжинскую, было получено предписаніе командира бригады, отъ 2-го іюня за № 1370, о выступленіи 1-й полубатареи въ гор. Екатеринодаръ.

4-го іюня 1-я полубатарея двинулась по маршруту, подъ командою командира батареи подполковника Витцеля. Отъ Майкопа до Екатеринодара считается 139¼ верстъ; разстояніе это было пройдено въ 7 переходовъ, такъ что 10-го іюня полубатарея прибыла благополучно въ гор. Екатеринодаръ. Въ Екатеринодарѣ она застала управленіе бригадою, которое, выступивъ изъ Кисловодска вмѣстѣ съ 4-ю батареею, было направлено черезъ Майкопъ въ Екатеринодаръ, гдѣ и простояло до ноября. Недолго оставалась 1-я полубатарея въ Екатеринодарѣ: 13-го іюня она получила предписаніе командующаго войсками Кубанской области и Черноморскаго округа о выступленіи 18-го числа того же мѣсяца въ ст. Смоленскую, отстоящую въ 36-ти верстахъ отъ Екатеринодара. Прибывъ по назначенію 19-го іюня, 1-я полубатарея вступила въ составъ отряда, состоявшаго изъ двухъ сотенъ пластуновъ и двухъ сотенъ 2-го коннаго кавказскаго полка и находившагося подъ командою войсковаго старшины Барсукова.

Какъ только кончилось устройство лагеря, полубатарея принялась за ученья. Иногда начальникъ отряда производилъ ихъ совмѣстно съ казаками и пластунами. Во время одного изъ та-

кихъ ученій, сдѣлался жертвою несчастной случайности поручикъ Соколовъ. Дѣло было такъ: однажды, по выходѣ полубатареи на ученье, пошелъ сильный дождь, превратившій почву мѣстами въ скользкую грязь. Поручику Соколову, считавшемуся всегда смѣлымъ и хорошимъ ѣздокомъ, какимъ онъ и былъ въ дѣйствительности, приходилось, какъ командиру полубатареи, скакать съ одного фланга на другой. Во время подобной скачки, лошадь Соколова, поскользнувшись на крутомъ поворотѣ, упала, и онъ переломилъ себѣ ногу. Конечно, сейчасъ сдѣлали перевязку и положили больнаго въ палатку. Онъ пролежалъ болѣе недѣли; всѣ старанія перевезти его въ екатеринодарскій госпиталь были тщетны, такъ какъ бывшее въ это время сильное разлитіе Кубани препятствовало всякому сообщенію съ городомъ. Между тѣмъ, погода испортилась, пошли частые дожди, и началъ дуть сильный, пронизывающій до костей, вѣтеръ. Даже здоровому человѣку была не въ мочь постоянная сырость и холодъ, а о больномъ нечего и говорить. Наконецъ, открылась возможность перевезти Соколова въ госпиталь, находившійся въ ст. Ключевой, но было уже поздно: желѣзный организмъ, которымъ онъ обладалъ, не вынесъ слишкомъ тяжелыхъ условій обстановки, окружавшей его во время болѣзни, и гангрена сдѣлала свое дѣло: черезъ нѣсколько дней по переѣздѣ въ Ключевую, Соколовъ умеръ и отъ гангрены, и отъ воспаленія мозга.

Въ ст. Смоленской, подобно тому, какъ и въ Хадыженской, нижніе чины полубатареи сильно страдали отъ лихорадки. Многіе изъ нихъ были отправлены въ разные госпитали, а большая часть лежала въ околоткѣ.

Волненій въ Кубанской области не было никакихъ, а потому на зиму и предполагалось поставить батарею въ ст. Урупскую. 9-го сентября было получено объ этомъ предписаніе командующаго войсками Кубанской области, по которому полубатареѣ слѣдовало выступить изъ ст. Смоленской 12-го сентября. Осень 1877-го года въ этихъ мѣстахъ была ужасно дождливая; съ сентября начались холодные и непрерывные дожди. До Урупской станицы полубатареѣ пришлось сдѣлать 250-тъ верстъ; дорога была уже знакомая, съ тою только разницею, что на этотъ разъ полубатарея

не заходила въ Майкопъ, а, не доходя до него 25 верстъ, прямо поворотила на Урупскую станицу, куда и прибыла 27-го сентября. Черезъ два дня, т. е. 29-го сентября, туда же подтянулась и 2-я полубатарея, которая выступила изъ ст. Хадыжинской 18-го сентября.

Глинистый грунтъ дороги окончательно раскисъ отъ непрерывныхъ дождей, вслѣдствіе чего движеніе явилось довольно затруднительнымъ. На первый переходъ до ст. Апшеронской, 20-ть верстъ, полубатарея употребила 20-ть часовъ, двигаясь со скоростью одной версты въ часъ. Люди и лошади до того утомились, что командиръ полубатареи ходатайствовалъ объ измѣненіи маршрута, на что и получилъ дозволеніе. При дальнѣйшемъ движеніи было не мало затрудненій при переправѣ черезъ рѣку Бѣлую, которая, вслѣдствіе постоянныхъ дождей, разлилась на полверсты. Орудія совершенно закрывались водою, а отъ передковъ и ящиковъ выставлялись одни только крышки. Во время похода шелъ дождь, не дававшій людямъ обсушиться. Походъ этотъ былъ трудный вообще, а въ особенности потому, что, по случаю громаднаго числа больныхъ, въ полубатареѣ при каждомъ орудіи оставалось отъ 2—3 человѣкъ прислуги. Наконецъ, 29-го сентября 2-я полубатарея, окончательно измученная, вступила въ ст. Урупскую.

Благодаря блестящему для насъ исходу сраженія 3-го октября, въ Кубанской области не предвидѣлось надобности въ большомъ скопленіи войскъ, а потому командующій войсками предписалъ 6-й батареѣ выступить немедленно въ гор. Владикавказъ, на присоединеніе къ войскамъ Терской области. Простоявъ полторы недѣли въ Урупской станицѣ и приведя себя хотя немного въ порядокъ, батарея 9-го октября выступила на ст. Армавиръ, гдѣ, за неимѣніемъ свободныхъ платформъ и вагоновъ, простояла три дня и только 13-го числа тронулась во Владикавказъ, куда и прибыла 14-го октября. По распоряженію штаба войскъ Терской области отъ 15-го октября за № 6077, батарея была оставлена во Владикавказѣ впредь до особаго распоряженія.

26-го октября, 6-я батарея получила предписаніе за № 6234,

отъ помянутаго штаба, о выступленіи въ прежнюю свою штабъ-квартиру, въ гор. Георгіевскъ, куда и прибыла 28-го октября 1877-го года, имѣя слѣдующій списочный составъ: офицеровъ, съ командиромъ, 5 *); фейерверкеровъ 12, трубачей 3, рядовыхъ 120, нестроевыхъ съ денщиками 20; больныхъ 95 человѣкъ и въ командировкахъ 16 человѣкъ; лошадей строевыхъ 9, упряжныхъ артилерійскихъ 144, подъемныхъ 18. Общая убыль батареи за все время была: 1 офицеръ и 35% нижнихъ чиновъ. Въ Георгіевскѣ батарея простояла до половины августа и была въ это время переформирована въ горную. Переформированіе это совершилось на основаніи предписанія окружнаго артилерійскаго управленія отъ 15-го августа 1878-го года за № 17455, въ которомъ, вмѣстѣ съ приказаніемъ о перемѣщеніи бригады въ закавказскій край, было сказано: „Его Высочеству угодно было приказать перевооружить 6-ю батарею въ горную“.

Переформированіе производилось слѣдующимъ образомъ: командиръ батареи подполковникъ Витцель, подъ руководствомъ командира бригады, отобралъ изъ лошадей своей батареи самыхъ лучшихъ и удовлетворяющихъ, какъ по росту, такъ и по складу для службы въ горной артилеріи. Всѣхъ лошадей было выбрано 106, изъ нихъ 10 верховыхъ офицерскихъ, 67 артилерійскихъ, 18 подъемныхъ, 7 подъ офицерскій и 4 подъ артельный обозы. Изъ оставшихся затѣмъ 53-хъ лошадей часть была отобрана для замѣны негодныхъ лошадей въ 4-й батареѣ, а затѣмъ, какъ негодныя, изъ 4-й батареи: 16-ть орудійныхъ и 12-ть ящичныхъ, такъ равно и оставшіяся послѣ выбора въ нее отъ 53-хъ лошадей 29-ть лошадей 6-й батареи, были проданы съ аукціоннаго торга. Изъ обоза было оставлено только двѣ повозки интендантскаго вѣдомства и къ нимъ 4 лошади съ упряжью; остальной же обозъ, конскую аммуницію, а равно артилерію и всѣ прочіе предметы артилерійскаго снаряженія, батареѣ приказано было оставить въ гор. Георгіевскѣ, для передачи въ 3-ю батарею 3-й ре-

*) Подполковникъ Витцель, капитанъ Ельчаниновъ, подпоручики Тачаловъ и Павловичъ, и выпущенный изъ 2-го Константиновскаго училища прапорщикъ Романовъ.

зервной артиллерійской бригады. Такимъ образомъ, по окончаніи переформированія, батарея осталась только съ одними лошадьми и людьми; всю же матеріальную часть артиллеріи, положенную содержать въ горныхъ батареяхъ, батарея, на основаніи вышеупомянутаго предписанія, должна была получить по прибытіи въ Тифлисъ.

Окончивъ такимъ образомъ переформированіе, батарея, на основаніи телеграммы начальника артиллеріи округа, выступила 26-го августа 1878-го года изъ Георгіевска въ Тифлисъ, имѣя слѣдующій составъ: офицеровъ, съ командиромъ батареи, 3; фейерверкеровъ 9, трубачей 1, рядовыхъ 118, нестроевыхъ съ деньщиками 25; лошадей офицерскихъ верховыхъ 10, артиллерійскихъ 67, подъемныхъ 18, офицерскаго обоза 7, артельныхъ 4. Изъ обоза, при батареѣ слѣдовало: 3 офицерскихъ повозки и двѣ артельныхъ.

Во время стоянки въ Георгіевскѣ, въ 6-й батареѣ замѣтно перемѣнился составъ офицеровъ; такъ, приказомъ по бригадѣ отъ 5-го ноября 1877-го года за № 261, былъ переведенъ въ батарею поручикъ, впослѣдствіи штабсъ-капитанъ, Лишевъ; приказомъ по бригадѣ отъ 5-го мая за № 125, зачисленъ кончившій курсъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ подпоручикъ Сергѣевъ и, приказомъ по бригадѣ отъ 9-го мая за № 156, зачисленъ въ батарею кончившій курсъ въ Константиновскомъ училищѣ прапорщикъ Сосновскій.

Принявъ въ гор. Тифлисѣ артиллерію и все положенное по штату горныхъ батарей артиллерійское имущество, а также и лошадей, предназначенныхъ на пополненіе штата, батарея въ концѣ сентября 1878-го года вступила въ новую штабъ-квартиру, въ гор. Батумъ. Составъ ея къ означенному времени былъ слѣдующій: офицеровъ, съ командиромъ, 4; фейерверкеровъ 8, трубачей 1, рядовыхъ 104, нестроевыхъ съ деньщиками 20; больныхъ числилось 3 офицера и 39 нижнихъ чиновъ, въ командировкѣ 53 нижнихъ чина. Лошадей было: артиллерійскихъ 135 и подъемныхъ 65.

Что касается до бригаднаго управленія, то оно, простоявъ

все лѣто въ Екатеринодарѣ, осенью было двинуто во Владикавказъ, куда и прибыло съ 4-й батареей; оттуда, вмѣстѣ съ тою же батареею, отправилось въ гор. Ахалцыхъ.

И такъ, къ ноябрю 1878-го года всѣ батареи и управленіе бригадою расположились въ новыхъ штабъ-квартирахъ, причемъ въ Ардаганѣ были размѣщены 2-я и 5-я (впослѣдствіи 3-я) батареи, въ Ахалцыхѣ управленіе бригадою, 1-я и 4-я батареи, въ Кутаисѣ 3-я (впослѣдствіи 5-я) батарея, и въ Батумѣ 6-я. До конца ноября батареи все еще находились въ томъ составѣ, въ какомъ онѣ были во время кампаніи; 28-го же ноября 1878-го года было получено предписаніе окружнаго артилерійскаго управленія (отъ 21-го ноября за № 25129), въ которомъ требовалось, чтобы командиры батарей выбрали въ штатъ каждой изъ нихъ слѣдующее число лошадей:

	Строев.	упр. арт.	ар. обозн.	подъем.	итого.
Въ 9-ти-фунтовыя	9	142	9	14	174.
Въ 4-хъ-фунтовыя	18	141	9	14	182.
Въ горныя	»	101	11	35	147.

Всѣхъ остальныхъ, сверхъ означенныхъ чиселъ, лошадей, на основаніи того же предписанія, батареи должны были передать земству по описямъ и подъ квитанціи, кромѣ 6-й батареи, которая должна была продать лошадей съ аукціоннаго торга.

На основаніи этого предписанія, батареи сдали лошадей въ слѣдующемъ количествѣ:

	Упряж. артил.	ящич.	обозн.	подъем.	итого.
1-я батарея	8	16	5	4	33.
2-я —	8	16	5	4	33.
3-я горная	»	»	»	»	97.
4-я батарея	20	»	»	3	23.
5-я —	»	»	»	»	37 *).

Списочное состояніе батарей, къ концу 1878-го года, было слѣдующее:

*) 6-й батареѣ, по случаю назначенія ея лошадей въ продажу съ публичнаго торга, пришлось ихъ удержать при себѣ до времени этой продажи.

НАЗВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	НАЛИЦО.						ЛОШАДЕЙ.			Нестроевыхъ съ деньщиками.	Больныхъ съ нестроевыми.	Въ командировкахъ офицеровъ.	Въ командировкахъ нижнихъ чиновъ.	Въ командировкахъ лошадей.	
	Генераловъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Фейерверкеровъ.	Трубачей.	Рядовыхъ.	Строевыхъ.	Артиллерійскихъ.	Подъемныхъ.						
Управ. бригадою.	»	»	2	»	»	»	1	»	»	»	»	»	»	»	
1-я батарея. .	»	1	1	8	3	215	9	131	14	20	7	3	26	»	
2-я батарея. .	»	»	1	3	1	202	7	131	14	9	11	3	27	2	
3-я батарея. .	»	»	2	6	4	249	»	110	34	19	4	3	33	»	Горная.
4-я батарея. .	»	1	3	12	3	207	18	150	14	16	13	1	17	»	
5-я батарея. .	»	1	2	12	3	140	18	150	14	28	1	3	22	»	
6-я батарея. .	»	»	5	9	3	260	»	142	35	51	13	1	44	»	Горная.
Итого.	»	3	16	50	17	1273	53	826	125	143	49	16	169	2	

Квартирное расположеніе батарей въ новыхъ штабъ-квартирахъ было такого рода:

Въ Ардаганѣ люди обѣихъ девяти-фунтовыхъ батарей—3-й и 4-й, всѣ были размѣщены въ турецкихъ казармахъ, представлявшихъ длинное одноэтажное зданіе, съ двухъ-этажными флигелями по флангамъ. Внутри, казармы раздѣлены были поперечными корридорами, изъ которыхъ направо и налѣво шли двери (по двѣ съ каждой стороны) въ каморы. Вслѣдствіе неудовлетворительной планировки казармы, одна ея половина была постоянно освѣщена солнцемъ, другая же, наоборотъ, выходя окнами на сѣверъ, была постоянно сыра и холодна. Недостатокъ этотъ можно было бы исправить пробитіемъ арокъ въ глухой стѣнѣ, раздѣлявшей каморы, но, къ сожалѣнію, этого не сдѣлано. Для обѣихъ батарей было отведено пять каморъ: для 2-й батареи три, и для 3-й—двѣ. Не смотря на достаточную величину ихъ, размѣщеніе людей оказалось до крайности тѣснымъ. Кромѣ этого недостатка, были еще другіе весьма важные: ни въ одной изъ каморъ не имѣлось кирпичныхъ печей, которыя были замѣняемы

на зиму маленькими желѣзными печами; пока топили эти печи— было жарко, а переставали топить—и сейчасъ же теплота улетучивалась. Потолки, на которыхъ лежалъ аршинный слой земли, замѣнявшей собою крышу, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грозили паденіемъ и требовали капитальнаго исправленія; многія изъ оконныхъ рамъ, благодаря сильнымъ поломкамъ, а также и ветхости, положительно отказывались выполнять свое назначеніе; стекла были всюду побиты, и хотя скоро замѣнены новыми, но, будучи вставлены въ гнилыя и дырявыя рамы, также не выполняли своего назначенія. Словомъ, въ казармахъ дуло и изъ оконъ, и изъ дверей, и онѣ настоятельно нуждались въ капитальномъ исправленіи; кромѣ того, при казармахъ не было ни кухонъ, ни шорень, ни швалень, ни помѣщеній для батарейныхъ школъ, цейхгаузовъ, аммуничниковъ, отхожихъ мѣстъ и т. п. необходимыхъ службъ казарменнаго расположенія. Всѣ эти помѣщенія, а также и мастерскія, были отведены въ частныхъ домахъ и были крайне тѣсныя, темныя и холодныя. Для помѣщенія лошадей обѣихъ батарей не было рѣшительно никакихъ построекъ. Въ виду этого, окружное интендантское управленіе ассигновало на постройку конюшенъ въ обѣихъ батареяхъ 5200 рублей, по 2600 рублей на каждую, которые и были препровождены въ управленіе бригадою при отзывѣ отъ 11-го января 1879-го года за № 1323.

На эти деньги командиромъ 3-й батареи были построены конюшни, въ которыхъ очень свободно размѣстились лошади всей батареи. Конюшни были сооружены изъ досокъ, подъ деревянной крышей, и оказались настолько прочны, что до сихъ поръ стоятъ безъ всякихъ исправленій и ремонтовъ, да и будутъ, вѣроятно, еще долго стоять. Что касается 2-й батареи, то она наняла на отпущенныя деньги конюшни отъ города, хотя теплыя и довольно обширныя, но представлявшія то неудобство, что, находясь въ различныхъ пунктахъ города, разбивали лошадей батареи на части.

Для парковъ обѣихъ батарей помѣщеній не нашлось, а потому они находились все время на открытомъ воздухѣ. Впослѣдствіи, командиромъ 3-й батареи былъ построенъ каменный сарай за 5000 руб. сер.; паркъ же 2-й батареи былъ помѣщенъ въ

зданіи, отведенномъ отъ города. Что касается до офицерскихъ квартиръ, то положительно можно сказать, что хуже тѣхъ квартиръ, которыя они имѣли въ Ардаганѣ, трудно себѣ вообразить. Всѣ офицеры жили все въ томъ же злополучномъ „домѣ паши"; лучшаго помѣщенія и не нашлось; это былъ не домъ, а какой-то ажурный сарай, пропускавшій во всѣ точки своей поверхности наружный воздухъ, нагрѣть который не было положительно никакой возможности. Жильцы этого замѣчательнаго дома въ продолженіе зимы совершенно позабыли, что въ комнатѣ люди ходятъ безъ пальто. Да и возможно было забыть, когда цѣлые дни напролетъ приходилось, кутаясь въ теплое пальто или въ полушубокъ, сидѣть около раскаленной желѣзной печи и поддерживать въ ней огонь. Ночью, когда некому было подтапливать печь, температура воздуха понижалась до того, что вода замерзала; спать нужно было не иначе, какъ закутавшись съ головою въ одѣяло и наваливъ на себя возможныя, имѣвшіяся подъ рукою, ткани. Случилось разъ, что одинъ изъ жильцовъ вздумалъ провести ночь съ открытой головой, и каково же было его удивленіе, когда, проснувшись на другое утро, онъ ощутилъ, что его ухо сильно оттопырилось и припухло. Не мудрено, что, благодаря столь удобнымъ помѣщеніямъ, многіе изъ жильцовъ злополучнаго дома нажили себѣ ревматизмы. Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что разстояніе батарей отъ штаба бригады было въ 150—160 верстъ по весьма трудной и дурной дорогѣ.

Таковы были удобства, предоставленныя для батарей, заброшенныхъ судьбою въ Ардаганъ. Трудно было во время военныхъ походовъ и дѣйствій, но врядъ ли стало легче въ холодной комнатѣ при тридцати-градусномъ морозѣ.

Въ Ахалцыхѣ люди 1-й батареи были размѣщены въ казармахъ инженернаго вѣдомства, очень тѣсныхъ и уже довольно ветхихъ. Въ нихъ едва ли приходилось по одной кубической сажени воздуха на человѣка. Что касается людей 4-й батареи, то для нихъ казенныхъ помѣщеній въ Ахалцыхѣ не имѣлось, и батарея помѣщалась въ пяти зданіяхъ, отведенныхъ отъ города (впослѣдствіи была построена инженернымъ вѣдомствомъ казарма); лошади 4-й

батареи, а также и паркъ, были размѣщены въ имѣвшихся для этой надобности въ Ахалцыхѣ казенныхъ постройкахъ, занимавшихся ранѣе стоявшею тутъ батареею 39-й артиллерійской бригады. Для 1-й же батареи такія помѣщенія были построены инженернымъ вѣдомствомъ еще осенью 1878-го года. Всѣ остальныя помѣщенія батарей, какъ то: шорни и швальни, аммуничники и т. п. были отведены отъ города. Управленіе бригадою также было расположено въ отведенномъ отъ города зданіи. Разстояніе, отдѣляющее расположеніе обѣихъ батарей отъ штаба бригады, было не болѣе версты. Офицеры, конечно, не терпѣли такой нужды въ квартирахъ, какъ въ Ардаганѣ.

5-я батарея, квартировавшая въ гор. Кутаисѣ, занимала двѣ казармы: первая казарма была расположена около станціи желѣзной дороги и нанималась инженернымъ вѣдомствомъ за плату въ 3000 руб. въ годъ; вторая находилась въ бывшемъ генералъ-губернаторскомъ домѣ, отведенномъ батареѣ безвозмездно. Казармы, передъ занятіемъ ихъ батареею, были тщательно дезинфецированы. Батарейныя кузницы, мастерскія, шорни, швальни и т. п. помѣщенія находились около казармы—на батарейномъ дворѣ. Лошади были размѣщены въ казенныхъ конюшняхъ; но не успѣли онѣ простоять тамъ и мѣсяцъ, какъ начали болѣть инфлюэнціей. Болѣзнь эта видимо стала принимать эпидемическій характеръ, а потому командиръ батареи постарался принять всѣ мѣры къ искорененію ея; при этомъ, такъ какъ все зло заключалось въ дурномъ устройствѣ конюшни, то и приступили къ передѣлкѣ ея, которая заключалась въ вынутіи изъ подъ пола полуаршиннаго слоя земли и замѣщеніи его новымъ, съ примѣсью достаточнаго количества хлористой извести; доски отъ пола, ясли и т. п. конюшенныя принадлежности были обильно смочены растворомъ желѣзнаго купороса и карболовой кислоты. Тогда болѣзненность между лошадьми прекратилась.

Что касается до 6-й батареи, расположенной въ гор. Батумѣ, то она, за неимѣніемъ въ городѣ казармъ, была размѣщена въ 16-ти госпитальныхъ наметахъ, въ которыхъ инженерное вѣдомство поставило желѣзныя печи. Для цейхгаузовъ, мастерскихъ и учеб-

ной команды имѣлись помѣщенія, но они требовали капитальныхъ исправленій и дезинфекціи на сумму около 500 рублей; исправленія эти такъ и не были произведены, не смотря на позднее зимнее время и на ходатайство командира бригады.

Для размѣщенія лошадей конюшенъ не было; объ устройствѣ ихъ также ходатайствовалъ командиръ бригады. Для храненія артилеріи хотя и былъ назначенъ вполнѣ удобный навѣсъ, но онъ принадлежалъ интендантскому вѣдомству, которое отказывалось передать его артилеріи. Въ виду всѣхъ этихъ неудобствъ, которыя, не смотря на довольно значительное время стоянки батареи въ Батумѣ, почти не были устранены, батарея въ 1880-мъ году, послѣ лагернаго сбора, была перемѣщена въ гор. Ахалкалаки, гдѣ осталась и по настоящее время, занимая для своего расположенія зданія, принадлежащія инженерному вѣдомству.

Съ переходомъ въ новыя штабъ-квартиры, въ бригадѣ послѣдовали различныя перемѣны. Такъ, предписаніемъ начальника артилеріи округа отъ 15-го ноября 1878-го года за № 24517, командиръ бригады генералъ-маіоръ Вевернъ назначенъ начальникомъ кавказскихъ артилерійскихъ парковъ и долженъ былъ, впредь до воспослѣдованія Высочайшаго приказа, сдать бригаду начальнику осадной артилеріи бывшаго дѣйствующаго корпуса кавказской арміи генералъ-маіору Кохапову, который и вступилъ въ командованіе бригадою 9-го декабря 1878-го года. Онъ командовалъ бригадою до марта 1880-го года, послѣ чего, будучи назначенъ командиромъ 2-й бригады 38-й пѣхотной дивизіи, сдалъ артилерійскую бригаду бывшему командиру 1-й конной батареи полковнику Галафѣеву. Командиромъ 4-й батареи съ 19-го декабря 1878-го года назначенъ бывшій командиръ кавказскаго конно-артилерійскаго полупарка подполковникъ Меликъ-Гайказовъ, бывшій же командиръ батареи полковникъ Мищенко назначенъ командиромъ александропольской крѣпостной артилеріи; наконецъ, 8-го іюля 1879-го года командиромъ 6-й батареи бригады назначенъ завѣдывающій практическими занятіями александропольской крѣпостной артилеріи подполковникъ Готскій-Даниловичъ; прежній же командиръ батареи подполковникъ Витцель подалъ въ отставку.

Результатъ, добытый путемъ опыта войны, по нѣкоторымъ предметамъ заслуживаетъ вниманія:

Довольствіе людей и кухонная посуда. Въ продолженіе всей кампаніи люди нашихъ дѣйствующихъ батарей довольствовались очень хорошо, получая по полтора или даже по два фунта мяса на человѣка въ день. (О довольствіи спиртомъ уже было сказано выше; слѣдуетъ только замѣтить, что не всегда въ интендантствѣ имѣлся положенный запасъ спирта, а потому иной разъ солдату и не приходилось получать того, что ему полагалось отъ казны). Во все время кампаніи пища въ батареяхъ варилась въ артельныхъ котлахъ, возимыхъ либо на фургонахъ, либо на вьюкахъ; въ тѣ же дни, когда обозы, отставая, не могли поспѣвать за частью, пищу варили въ десяточныхъ котлахъ. Но подобнаго рода довольствіе въ большинствѣ случаевъ неудобно: мало того, что требуется большое количество дровъ, но самое устройство котловъ не удовлетворяетъ тому, чтобы можно было въ нихъ варить пищу; вмѣстимость ихъ мала для десяти человѣкъ и, кромѣ того, они, имѣя тонкія стѣнки, мнутся и дырявятся при перевозкахъ. Большой недостатокъ ощущался постоянно въ маленькихъ котелкахъ, или такъ называемыхъ манеркахъ, которыхъ артиллеристы не имѣли вовсе; между тѣмъ, въ походѣ манерка составляетъ всю солдатскую посуду и становится вещью весьма необходимою: принести ли воды, или заварить чай, наконецъ сходить на кухню за обѣдомъ—солдатъ можетъ не иначе, какъ съ помощью все той же манерки. Правда, въ батареяхъ въ мирное время была для этихъ цѣлей мелкая деревянная посуда, но на войнѣ, при условіи постоянныхъ передвиженій, подобная посуда непримѣнима по причинѣ своей ломкости и отчасти громоздкости; десяточные котлы также не всегда бывали свободны, такъ какъ и въ нихъ нерѣдко варилась пища, и въ такихъ-то случаяхъ артиллеристу приходилось бѣдствовать. Варка чаю въ батареяхъ производилась самымъ оригинальнымъ образомъ: чай обыкновенно заваривался въ большихъ артельныхъ котлахъ, при чемъ потребители могли пить его не иначе, какъ съ помощью ложки; между тѣмъ, пѣхотный солдатъ, имѣя чай и сахаръ при себѣ, могъ всегда сварить

его въ своей манеркѣ и пить изъ крышки.

Съ приходомъ на бивакъ, пѣхота обыкновенно тотчасъ принималась за варку чая, причемъ каждый солдатъ пилъ его съ сухарями; артиллеристъ же имѣлъ возможность размочить свой сухарь только въ холодной водѣ. Для носки воды, а также и пищи, въ батареяхъ нерѣдко употреблялись парусинныя ведра, но и эти скоро пришли въ негодность. Вообще, артиллеристъ за все время кампаніи нуждался въ мелкой посудѣ, и ужъ если кому удавалось раздобыть ее, то онъ хранилъ свое пріобрѣтеніе, какъ какую нибудь драгоцѣнность.

Довольствіе сухарями. Въ продолженіе всей кампаніи люди получали сухари въ количествѣ 1³/₄ фунта въ день на каждаго. Дача эта оказывалась совершенно достаточною, только при условіи усиленнаго довольствія мясомъ. Но не всегда производилась эта дача: бывали примѣры, хотя и не особенно частые, что приходилось растягивать сухари на болѣе продолжительный срокъ,— такъ напримѣръ, во время движенія къ Эрзеруму люди 2-й батареи получали только по фунту сухарей въ день, потому что запоздалъ сухарный транспортъ; но это продолжалось только пять дней. Артиллеристъ постоянно носилъ при себѣ не болѣе четырехдневнаго запаса сухарей (7 ф.). Ноша эта не могла быть обременительной для солдата, тѣмъ болѣе, что допускалось класть сухарныя сумы на лафеты или же подвязывать ихъ къ передкамъ. Хлѣбомъ, во время походовъ, батареи не довольствовались, за исключеніемъ развѣ 2-й батареи, которая два раза получала хлѣбъ отъ жителей, при слѣдованіи изъ подъ Эрзерума въ Алашкертъ на зимовку; только во время зимнихъ стоянокъ пекли хлѣбъ изъ казеннаго провіанта.

Подковы. Положеннаго на батарею числа запасныхъ подковъ далеко недостаточно, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ ихъ хватало только на два, на три и на четыре мѣсяца, послѣ чего батареи принуждены были постоянно прикупать или заготовлять новыя подковы. Такъ напримѣръ: 2-я батарея, выступивъ изъ своей штабъ-квартиры въ маѣ мѣсяцѣ съ полнымъ числомъ запасныхъ подковъ, къ іюлю должна была заготовлять новыя, такъ

какъ весь запасъ былъ израсходованъ; 5-я батарея, при выступленіи, взяла съ собою 480 паръ подковъ, но къ октябрю 1877-го года уже всѣ ихъ израсходовала *), и пришлось покупать въ Александрополѣ и въ Ахалкалакахъ новыя. Все зло, конечно, заключалось въ дорогахъ, по которымъ постоянно двигались батареи.

Мундштуки. О мундштукѣ слѣдуетъ отозваться, какъ о вещи совершенно непригодной и только составляющей лишнюю обузу для лошади. Даже кавалерія, и та бросила мундштуки во время кампаніи. Мнѣніе, будто лошадью трудно управлять безъ мундштука—ошибочное.

Обозъ. Объ обозѣ слѣдуетъ сказать, что онъ выполнилъ свое назначеніе вполнѣ удовлетворительно. Имѣвшіеся въ батареяхъ фургоны нѣмецкаго образца оказались прочными и достаточно подвижными. При движеніи полубатарей 5-й батареи, обозъ всегда слѣдовалъ за колонною, за исключеніемъ только движенія 2-й полубатареи на Ольты, когда, по причинѣ весьма неудовлетворительнаго состоянія дорогъ, обозъ былъ замѣненъ десятью вьючными лошадьми. Во 2-й батареѣ обозъ, впрочемъ, нерѣдко отставалъ, но причиною тому были опять-таки весьма дурныя дороги. При батареѣ постоянно слѣдовала только лазаретная фура и ящикъ для казны и письменныхъ дѣлъ; всѣ же остальныя повозки, въ большинствѣ случаевъ, отставали. Тогда-то именно и сознавался недостатокъ въ батареяхъ вьючнаго обоза, введеніе котораго въ кавказской артиллеріи было бы далеко нелишнимъ. Во 2-й батареѣ были даже заведены для обозныхъ лошадей черводарскія вьючныя сѣдла, на которыхъ возили все имущество.

Говоря о лазаретной фурѣ, слѣдуетъ замѣтить, что она, будучи безъ ресоръ, совсѣмъ не выполняетъ своего назначенія. Правда, при движеніи по шоссе она не даетъ сильныхъ толчковъ, но на дорогахъ Анатоліи выходило совсѣмъ иное: больной, прежде чѣмъ доѣзжалъ до мѣста высадки, испытывалъ всѣ муки Тантала.

Количество при батареяхъ артиллерійскаго обоза совершенно

*) Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что до 17-го августа 5-я батарея стояла въ Тифлисѣ.

достаточное. Что же касается до интендантскаго, то полезно было бы его увеличить. Хорошо, еслибы при каждой батареѣ имѣлось по два артельныхъ фургона, такъ какъ весьма нерѣдко въ минувшую кампанію батареи дробились на полубатареи, которыя дѣйствовали въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ совершенно отдѣльно другъ отъ друга; слѣдовало бы также имѣть одинъ (но если возможно, то и два) фургонъ спеціально для возки батарейныхъ палатокъ. Послѣднія въ продолженіе всей кампаніи возились на хоботахъ лафетовъ и на ящикахъ—что, конечно, неминуемо вліяло на подвижность артиллеріи, тѣмъ болѣе, что какъ орудія, такъ и ящики, нагружались постоянно четырехдневнымъ запасомъ ячменя и однодневнымъ (и болѣе) запасомъ сѣна, безъ чего иной разъ, дѣйствительно, было крайне рисковано пускаться въ путь.

Офицерскій обозъ также недостаточно помѣстителенъ, но съ этимъ все-таки легко мириться при тѣхъ трудностяхъ, которыя переноситъ каждый во время войны.

Инструменты, запасныя колеса и прочее имущество. Имущество, взятое батареями въ походъ, все безъ исключенія оказалось крайне необходимымъ и даже въ нѣкоторомъ ощущался недостатокъ, какъ напримѣръ въ столярномъ и кузнечномъ инструментахъ, а еще болѣе въ запасныхъ колесахъ. Столярный и кузнечный инструменты скоро пришли въ окончательную негодность вслѣдствіе слишкомъ частаго примѣненія ихъ къ дѣлу и недостаточно бережнаго съ ними обращенія. Трудно, впрочемъ, было и требовать этой бережливости при той постоянной спѣшности, которою сопровождалась всякая работа. Замѣнить испорченный инструментъ новымъ было очень трудно, достать его у обывателей немыслимо, такъ какъ имъ даже неизвѣстно употребленіе какого нибудь долота или стамески, и приходилось добывать эти пустяки, безъ которыхъ невозможно обойтись, въ Александрополѣ или въ Эривани.

Еще большій недостатокъ ощущался въ запасныхъ колесахъ; въ особенности терпѣла его 2-я батарея при движеніи въ октябрѣ мѣсяцѣ къ Эрзеруму. Имѣя передъ этимъ движеніемъ полный комплектъ запасныхъ колесъ, батарея черезъ нѣсколько перехо-

довъ пустила ихъ въ дѣло, такъ какъ каждый разъ ломалось одно и иногда два колеса. Конечно, главная причина такой поломки заключалась опять-таки въ невообразимо дурной дорогѣ, но, говоря справедливо, поломку также слѣдуетъ отнести и къ неудовлетворительному устройству нашего колеса, которое въ большинствѣ случаевъ разсыпалось чуть не въ щепки, собрать и скрѣпить которыя снова не было никакой физической возможности. И приходилось тогда приспособлять повозку для движенія безъ колеса—что, конечно, было крайне неудобно. Поэтому, желательно бы имѣть такое колесо, которое бы легко разбиралось на составныя части, и въ которомъ замѣна поломанныхъ частей новыми, запасными, производилась бы скоро и удобно. Типомъ подобнаго колеса, какъ кажется, можетъ служить колесо, принятое въ турецкой артиллеріи. Имѣя металлическую ступицу, оно отчасти удовлетворяетъ двумъ качествамъ, которыхъ надо искать въ хорошо устроенномъ колесѣ, а именно: прочности и не особенно трудной разборкѣ на составныя части. Конечно, и турецкое колесо имѣетъ свои недостатки, но, по устраненіи ихъ, оно могло бы подойти подъ типъ образцоваго.

Кузница. Не малую обузу составляла кузница Рейтгейма, пригодная только для производства мелкихъ подѣлокъ и вовсе негодная для подѣлки и починки крупныхъ вещей. Нерѣдко случалось батареямъ производить перешиновку колесъ: тутъ-то кузница и отказывалась служить, въ особенности на холодѣ. Будучи открыта со всѣхъ сторонъ, кузница эта скоро охлаждалась, не смотря на то, что истребляла весьма много угля. Не говоря о томъ, что кузница Рейтгейма требуетъ весьма тщательной укладки, при отсутствіи которой легко можетъ помяться, она имѣетъ еще и тотъ существенный недостатокъ, что, снабженная внутреннимъ мѣхомъ, весьма трудно починяется при порчѣ послѣдняго. При поломкѣ воздухопроводныхъ трубъ, кузница обращается въ совершенно непригодный предметъ, составляющій несомнѣнную тягость для батареи. При передвиженіи 2-й батареи къ Эрзеруму, двигавшейся съ малымъ обозомъ, оказалось возможнымъ приспособить кузницу къ запасному лафету, положивъ ее бокомъ на спицу пе-

редка. Во время одного изъ переходовъ, кузница помялась, и въ ней сломалась воздухопроводная труба; батарея осталась совершенно безъ кузницы, а между тѣмъ время было весьма спѣшное, и поминутно нужно было дѣлать различныя исправленія въ поломанныхъ частяхъ артилеріи и обоза, вслѣдствіе чего приходилось обращаться съ просьбою о кузницѣ къ другимъ батареямъ. Для батареи во время похода совершенно было бы достаточно имѣть только мѣхъ и наковальню. Мѣхъ можно весьма удобно приспособить къ дѣйствію на поверхности земли: стоитъ только вырыть въ землѣ небольшую канавку, въ одинъ конецъ которой вложить трубу кузнечнаго мѣха, обсыпать ее тщательнѣе землею—и кузница готова. Подобнаго рода кузница дѣйствуетъ весьма удовлетворительно, и батареи, въ которыхъ имѣлись кузнечные мѣха старой конструкціи, нерѣдко примѣняли ихъ къ дѣлу по вышеизложенному способу.

Вещевое довольствіе людей и письмоводство. Вещевое довольствіе людей во время кампаніи было весьма неудовлетворительное. Недостатокъ истекалъ изъ слишкомъ сложной канцелярской процедуры, которую принуждена была выполнить часть передъ полученіемъ вещей. Составленіе различныхъ табелей, отчетностей и всего подобнаго возможно и примѣнимо только въ мирное время; въ военное же время полученіе вещей должно быть обставлено самыми простыми и скоро осуществляемыми пріемами. Желательно, чтобы пришедшія въ негодность вещи, послѣ освидѣтельствованія ихъ коммисіею изъ наличныхъ офицеровъ батареи, браковались, а вмѣсто ихъ изъ передовыхъ складовъ, подъ квитанцію, выдавались бы новыя вещи. Подобный порядокъ вовсе несложенъ, и съ введеніемъ его бытъ нашего солдата навѣрно бы улучшился: не пришлось бы ему больше ходить въ безподошвенныхъ сапогахъ или же носить ажурную одежду—что сплошь и рядомъ случалось въ минувшую кампанію.

Что касается до письмоводства, то, не находя нужнымъ распространяться на эту тему, такъ какъ она съ достаточною рельефностью и ясностью разработана въ описаніи боевой жизни кавказской гренадерской артилерійской бригады, слѣдуетъ, однако, замѣтить,

что батареи постоянно были завалены канцелярскими работами, а между тѣмъ для нихъ нельзя было имѣть ни удобствъ, ни располагать тѣмъ числомъ писарей, которымъ можно пользоваться въ мирное время. Батарейному командиру вовсе не оставалось времени слѣдить за канцеляризмомъ, потому что всѣ минуты приходилось посвящать строевой части. Желательно бы было поэтому, чтобы изъ вѣдѣнія командировъ батарей было совсѣмъ изъято хозяйство. Осуществленіе этой идеи отразится благотворнымъ образомъ на строевой службѣ и навѣрное развяжетъ руки многимъ нехозяйственнымъ, но строевымъ и знающимъ свое дѣло, батарейнымъ командирамъ.

Полушубки. Необходимо, чтобы полушубки, выдаваемые въ части, были съ болѣе длинными полами. Короткій полушубокъ не можетъ такъ удовлетворить своему назначенію, какъ длинный, прикрывающій полами бедра и колѣна человѣка. Также слѣдуетъ замѣтить, что полушубки въ батареяхъ были получены далеко не вовремя: 5-я (бывшая 3-я) батарея получила ихъ только въ половинѣ февраля, когда въ нихъ никто почти и не нуждался; до этого же времени люди принуждены были ходить въ своихъ изношеныхъ пальто.

Холодное оружіе. Ниразу не пришлось примѣнить къ дѣлу холодное оружіе; имѣющееся нынѣ на артиллеристѣ, т. е. шашка— оружіе весьма непрактичное и стѣснительное, когда постоянно приходится работать около своего орудія. Въ походѣ то и дѣло солдатъ освобождаетъ его изъ канавы или изъ грязи, откуда утомленныя или плохо выѣзженныя лошади не въ состояніи его вытянуть; въ другихъ случаяхъ онъ поддерживаетъ это же орудіе на крутыхъ косогорахъ, такъ нерѣдко попадающихся по первобытнымъ путямъ благодатнаго востока; наконецъ, онъ помогаетъ дышловымъ лошадямъ при спускахъ съ горъ, налегая всѣмъ своимъ тѣломъ на конецъ дышла. На позиціи солдатъ дѣйствуетъ около орудія и накатываетъ его послѣ каждаго выстрѣла. При всѣхъ этихъ условіяхъ его чрезвычайно обременяетъ укороченнаго образца драгунская шашка. Она нерѣдко попадаетъ въ колеса, ломается и тѣмъ подвергаетъ немалой опасности даже жизнь ея

владѣльца. Всѣ движенія артиллериста въ походѣ отнюдь не должны быть ничѣмъ стѣсняемы, и самое лучшее, еслибы можно было достигнуть крайняго облегченія не только въ его вооруженіи, но въ снаряженіи и одеждѣ. Если же представляется положительно необходимымъ снабдить артиллериста ручнымъ оружіемъ, то въ этомъ случаѣ было бы всего цѣлесообразнѣе дать ему револьверъ, и притомъ облегченный. Говорятъ, что артиллеристу не слѣдуетъ давать ручнаго огнестрѣльнаго оружія, потому что онъ тогда плохо и невнимательно станетъ относиться къ своей пушкѣ; но противное видимъ на солдатѣ горной батареи, который имѣетъ у себя въ кобурѣ револьверъ, а все же не забываетъ своей пушки, и стрѣляетъ изъ нея также меѣко, какъ и не обладалъ бы имъ. Въ случаѣ, если, по какимъ нибудь причинамъ, револьверъ считается непригоднымъ для пѣшихъ батарей, тогда не мѣшало бы остановиться на маленькомъ кинжалѣ, на кортикѣ, или на какомъ нибудь другомъ ножѣ, приспособленномъ неподвижно къ поясной портупеѣ, и непремѣнно неподвижно, потому что качающееся и болтающееся въ разныя стороны оружіе всегда составитъ обузу для артиллериста.

Снаряды. Пополненіе батарей снарядами производилось быстро, безъ всякихъ задержекъ. Обыкновенно, въ паркъ посылался офицеръ или фейерверкеръ, получалъ тамъ снаряды и помѣчалъ карандашемъ, сколько ихъ получилъ; тѣмъ дѣло и кончалось. Снаряды принимались изъ парковъ несравненно хуже тѣхъ, которые батареи заготовляли въ собственныхъ лабораторіяхъ. Трудно объяснить причину, но все-таки приходится невольно предполагать, что въ паркахъ обращалось меньше вниманія на снаряженіе боеваго комплекта, нежели въ батареяхъ, а между тѣмъ нельзя не согласиться, что вопросъ о снаряженіи снарядовъ въ артиллеріи есть вопросъ первой важности, и относиться къ этому дѣлу слегка не слѣдовало бы. Артиллеристъ долженъ помнить, что самое хорошее орудіе, но съ дурно приготовленными снарядами, все-равно, что пила съ притупленными зубцами. Картечныя гранаты съ двухъ-ярусными трубками дѣйствовали изъ рукъ вонъ плохо. Кромѣ того, нерѣдко замѣчались разрывы картечныхъ гранатъ въ каналахъ орудій,

и послѣднія отъ этого портились. Разрывы картечныхъ гранатъ объясняются трещинами въ равномѣрно горящемъ составѣ; трещины же появляются отъ сырости, которой случалось подвергаться трубкамъ во время ихъ долгаго храненія. Неразрывы обыкновенныхъ гранатъ весьма нерѣдко происходили и отъ поломки чеки, которая, застрявъ въ соскѣ трубки, ломалась при ударѣ объ какой нибудь твердый предметъ,—что и случалось наблюдать офицерамъ 2-й батареи послѣ деве-бойнскаго сраженія; послѣ разрядки нѣсколькихъ нашихъ неразорванныхъ гранатъ, оказалось, что въ трехъ концы чекъ находились внутри коробки—что и ясно доказывало причину неразрыва. Желательно бы поэтому устроить трубку, неимѣющую чеки, и приспособить ее не въ головную часть снаряда, а въ дно его, такъ какъ слѣдствіемъ подобнаго перемѣщенія будетъ увеличеніе меткости снаряда, потому что головная часть пріиметъ совершенно правильную стрѣльчатую форму.

Случаи примѣненія саперныхъ работъ. Въ продолженіе всей кампаніи эти случаи были не особенно часты, такъ напримѣръ: 1-й батареѣ не пришлось ниразу производить саперныя работы; 2-й батареѣ привелось примѣнять ихъ только два раза—одинъ разъ при устройствѣ оборонительной позиціи у селенія Хошъ-Хабаръ (7-го сентября), второй же разъ на оборонительной позиціи, занимаемой полубатареями поочередно на караванъ-сарайской дорогѣ. О примѣненіи этихъ работъ, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаяхъ, было сказано подробно въ текстѣ. 3-й батареѣ пришлось примѣнить саперныя работы два раза: въ августѣ мѣсяцѣ, при занятіи ардаганскихъ фортовъ Сингеръ и Дюзъ-табія, когда ждали нападенія непріятеля, расположеннаго у селенія Пенякъ (по ольтинской дорогѣ), и при занятіи турецкихъ ложементовъ у Хаджи-Вали (30-го сентября). О работахъ этихъ также говорилось своевременно. 5-й батареѣ не пришлось производить саперныхъ работъ.

Во время кампаніи, саперными работами, къ сожалѣнію, манкировали не только въ артиллеріи, но и въ пѣхотѣ, въ особенности самоокапываніемъ. Вѣроятно, прятаться за закрытіемъ—не лежитъ въ натурѣ русскаго человѣка, за что, конечно, онъ самъ

себя и наказываетъ.

Убыль въ лошадяхъ. Убыль показана ниже, въ особой таблицѣ, (см. особ. приложеніе), въ которой обозначена только убыль, происшедшая отъ дѣйствія непріятельскаго огня. Кромѣ этого, слѣдуетъ еще оговорить, что во 2-й батареѣ за все время походовъ пало пять лошадей, въ 5-й же батареѣ пало 10 лошадей. Главныя болѣзни, которымъ подвергались лошади, были брюшныя; причину ихъ надо искать въ недоброкачественности корма и въ неумѣренномъ иной разъ его употребленіи, а также въ зловредности мѣстнаго корма въ Эриванской губерніи, именуемаго сижей. Этотъ кормъ очень вкусенъ и въ маломъ количествѣ не вредитъ, но вопервыхъ, трудно опредѣлить, при неопытности, количество его для желудка лошади, а вовторыхъ—онъ соблазнителенъ, и лошадь имъ невольно объѣдается, въ особенности на пастьбѣ. Нерѣдко лошадямъ приходилось выносить двухъ и трехдневный голодъ, вслѣдствіе котораго онѣ съ жадностью набрасывались на ячмень, глотая зерна цѣликомъ, не пережевывая; по случаю подобной жадности являлся чмеръ—и лошадь дохла.

Въ батареяхъ всегда было много лошадей больныхъ ногами. Въ этомъ отношеніи табунныя лошади оказывались несравненно болѣе выносливы, чѣмъ русскихъ породъ. У русскихъ лошадей зачастую попадались столь скверныя копыта, что ихъ съ трудомъ можно было ковать. Во время движенія батарей по каменистымъ дорогамъ, у нѣкоторыхъ лошадей до того обламывались копыта, что положительно некуда было загнать гвоздь, и такія лошади постоянно составляли только обузу для батареи: сдать ихъ на излеченіе—некуда, оставить не на кого, и приходилось брать больную лошадь въ походъ безъ всякой нужды и лишь въ отягощеніе батареи.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

КЪ ГЛАВѢ ПЕРВОЙ.

ОФИЦЕРЫ, ЗАЧИСЛЕННЫЕ ВЪ БАТАРЕИ ПРИ СФОРМИРОВАНІИ 38-Й АРТИЛЕРІЙСКОЙ БРИГАДЫ.

Въ батарейную батарею.

Съ какого времени.	Изъ какой части.	Чинъ и фамилія.	Отмѣтка.
Приказомъ по бригадѣ отъ 5-го іюня 1864-го года.	Кавказской гренадерской артилерійской бригады. . .	Поручикъ Прозоркевичъ.	Вскорѣ переведенъ въ 1-ю парковую бригаду.
Тѣмъ же приказомъ.	20-й артилерійской бригады	Поручикъ Гекъ 1-й.	Былъ командированъ въ гор. Москву для отвода оттуда партіи нижнихъ чиновъ, назначенныхъ во вновь сформированную тогда въ Туркестанской области оренбургскую артилерійскую бригаду, куда и былъ переведенъ.

Приказомъ начальника артилерін войскъ Терской области отъ 6-го іюня 1864-го года.	20-й артилерійской бригады. . . .	Поручикъ Островинскій.	Приказомъ по артилеріи кавказскаго военнаго округа отъ 22-го декабря 1865-го года прикомандированъ къ полевой фейерверкерской школѣ въ гор. Тифлисѣ, въ качествѣ учителя.
Приказомъ по артилеріи Терской области отъ 1-го января 1865-го года.	Кронштадтской крѣпостной артилеріи.	Поручикъ Преображенскій.	
Приказомъ по кавказскому военному округу отъ 20-го октября 1865-го года.	19-й артилерійской бригады. . . .	Подпоручикъ Чернявскій.	
Приказомъ начальника артилеріи войскъ Терской области отъ 6-го іюня 1864-го года.	Нижегородскаго драгунскаго полка. .	Поручикъ князь Вачнадзе.	Переведенъ въ бригаду подпоручикомъ и откомандированъ вскорѣ въ кавказскую гренадерскую бригаду, а оттуда въ фейерверкерскую школу учителемъ.

Въ облегченную батарею.

Приказомъ по бригадѣ 5-го іюня 1864-го года.	20-й артилерійской бригады	Поручикъ Хохловъ.	
Приказомъ по артилеріи кавказской арміи 17-го іюля 1864-го года.	Окончившій курсъ въ Михайловской артилерійской академіи.	Поручикъ Васильевъ.	
Высочайшимъ приказомъ 26-го января 1865-го года.	Варшавской крѣпостной артилеріи. .	Поручикъ Янковскій.	
Приказомъ по бригадѣ 15-го декабря 1864-го года.	Уволенный въ отставку изъ 19-й артилерійской бригады.	Поручикъ Матюшевъ.	Переведенъ въ 37-ю артилерійскую бригаду въ маѣ 1866-го года.
Приказомъ по бригадѣ 5-го іюня 1864-го года.	19-й артилерійской бригады. . . .	Подпоручикъ Стежинскій.	
Высочайшимъ приказомъ отъ 28-го сентября 1865-го года.	34-го Сѣвскаго пѣхотнаго полка . .	Поручикъ Аполлонъ Татлинъ 2.	Переведенъ подпоручикомъ.

Приказомъ по бригадѣ отъ 5-го іюня 1864-го года.	21-й артилерійской бригады	Прапорщикъ Пересвѣтовъ.	Къ батареѣ не прибылъ; вмѣсто него былъ пазначенъ прапорщикъ Орнадскій, который вскорѣ, по волѣ начальства, былъ переведенъ въ 21-ю артилерійскую бригаду.
19-го іюля 1864-го года.	Легкой батареи 21-й артилерійской бригады	Прапорщикъ Дингельштедтъ.	
— — —	— — — — —	Прапорщикъ Флейтеръ.	

Въ нарѣзную батарею.

Приказомъ по бригадѣ отъ 5-го іюня 1864-го года.	19-й артилерійской бригады. . . .	Поручикъ Гадачевскій.	
Въ іюнѣ 1864-го года.	Батарейной батареи 19-й артилерійской бригады. . . .	Поручикъ Дрилевичъ.	Приказомъ по бригадѣ отъ 14-го февраля 1866-го года назначенъ въ учебную пѣшую батарею.
Высочайшимъ приказомъ отъ 31-го мая 1865-го года.	Новогеоргіевской крѣпостной артилеріи.	Поручикъ Садиковъ.	

Приказомъ по бригадѣ отъ 5-го іюня 1864-го года.	19-й артилерійской бригады. . . .	Прапорщикъ Сумерковъ.	
Тѣмъ же приказомъ.	21-й артилерійской бригады. . . .	Прапорщикъ Касинскій.	
Въ іюнѣ 1864-го года.	Батарейной батареи 19-й артилерійской бригады. . . .	Прапорщикъ Ключевскій.	Переведенъ въ тифлисскую крѣпостную артилерію въ мартѣ 1866-го года.
— — —	7-й роты грозненской крѣпостной артилеріи. . . .	Прапорщикъ Жалкевскій.	

Штабъ бригады состоялъ изъ слѣдующихъ офицеровъ: приказомъ по бригадѣ отъ 16-го іюня 1864 года за № 25, назначенъ бригаднымъ адъютантомъ прапорщикъ облегченной батареи Флейтеръ; бригаднымъ казначеемъ назначенъ, приказомъ по бригадѣ отъ 26-го сентября 1864-го года за № 60, состоявшій при облегченной батареѣ прапорщикъ Орнадскій, который, какъ уже выше и было сказано, переведенъ, по волѣ начальства, въ 21-ю артилерійскую бригаду, и на его мѣсто назначенъ, приказомъ по бригадѣ отъ 10-го іюля 1865-го года, поручикъ батарейной батареи Преобра-

женскій. Въ должность бригаднаго квартермистра былъ назначенъ въ 1864-мъ году поручикъ батарейной батареи Прозоркевичъ, который скоро и былъ откомандированъ по собственному желанію, а на мѣсто его назначенъ нарѣзной батареи прапорщикъ Ключевскій, переведенный, какъ уже извѣстно, въ мартѣ 1866-го года въ тифлисскую крѣпостную артилерію. Тогда, въ маѣ 1866-го года, въ должность бригаднаго квартермистра вступилъ бывшій бригадный казначей поручикъ Преображенскій, а на освободившееся такимъ образомъ мѣсто бригаднаго казначея вступилъ поручикъ нарѣзной батареи Садиковъ.

Наблюденіе за лазаретомъ поручено было младшему врачу бригады Бадовскому, который, по окончаніи медико-хирургической академіи, былъ назначенъ въ іюлѣ 1864-го года. При сформированіи, старшимъ врачемъ въ оную былъ назначенъ надворный совѣтникъ Грузиновъ, но онъ вскорѣ перевелся въ 154-й дербентскій полкъ; тогда, приказомъ медицинскаго инспектора кавказскаго военнаго округа отъ 23-го сентября 1865-го года, старшимъ врачемъ въ бригаду, вмѣсто убывшаго Грузинова, назначенъ старшій ординаторъ владикавказскаго военнаго госпиталя, надворный совѣтникъ Жуковскій. Означенный врачъ вскорѣ перевелся въ казачью терскую бригаду, въ хасавъ-юртовскій военный госпиталь; его же мѣсто въ бригадѣ занялъ старшій лекарь 19-й артилерійской бригады коллежскій асессоръ Кригеръ; онъ тоже, вскорѣ по прибытіи, былъ переведенъ во владикавказскій военный госпиталь, а на его мѣсто прибылъ старшій ординаторъ хасавъ-юртовскаго военнаго госпиталя Гришковскій.

Составъ штаба бригады за 1867, 1868, 1869 и 1870-й годы перемѣнился. Такъ, приказомъ по бригадѣ за декабрь 1867 года, откомандированъ бригадный адъютантъ поручикъ Флейтеръ въ 3-ю батарею бригады: откомандированіе это совершилось вслѣдствіе изъявленія согласія командующаго кавказскою арміею на ходатайство Флейтера о назначеніи его дѣлопроизводителемъ окружнаго суда аргунскаго округа. По отбытіи поручика Флейтера, мѣсто его занялъ штабсъ-капитанъ 2-й батареи Николай Васильевъ. Въ 1867-мъ году полученъ приказъ военнаго министра

за № 81 о томъ, что должность бригаднаго казначея и квартермистра соединяются въ одну казначейскую, и на эту должность былъ избранъ, или вѣрнѣе сказать, оставленъ штабсъ-капитанъ Садиковъ; онъ и пробылъ въ ней до 18-го декабря 1868-го года, послѣ чего отчисленъ во 2-ю батарею: его же мѣсто заступилъ поручикъ 1-й батареи Дингельштедтъ, остававшійся въ этой должности до декабря 1870-го года; послѣ него избранъ былъ казначеемъ штабсъ-капитанъ 1-й батареи Славинскій, переведенный въ іюлѣ этого же года изъ 35-й артиллерійской бригады. Что касается до должности бригаднаго адъютанта, то она, въ періодъ отъ 1867-го до 1870-го года, часто переходила отъ одного офицера къ другому и наконецъ, 31-го января ее занялъ штабсъ-капитанъ 2-й батареи Садиковъ.

Въ должности бригаднаго казначея, оставшейся за Славинскимъ, этотъ послѣдній пробылъ до 25-го марта 1872-го года, послѣ чего онъ былъ откомандированъ въ 4-ю батарею бригады; его же мѣсто заступилъ, на основаніи приказа по артиллеріи кавказскаго военнаго округа отъ 2-го марта 1872-го года за № 61, штабсъ-капитанъ 4-й батареи Корниловичъ, который и пробылъ въ этой должности до 25-го октября 1872-го года; послѣ чего онъ, будучи, приказомъ по округу отъ означеннаго числа за № 334, отчисленъ во 2-ю батарею бригады, умеръ 1-го февраля 1873-го года. По отчисленіи штабсъ-капитана Корниловича, мѣсто казначея бригады было занято прапорщикомъ Хомиченко, который и былъ утвержденъ въ этой должности въ ноябрѣ 1872-го года. Пробывъ въ оной два года, прапорщикъ Хомиченко былъ переведенъ въ ноябрѣ 1874-го года въ 15-ю артиллерійскую бригаду, его же мѣсто занялъ переведенный изъ 19-й артиллерійской бригады подпоручикъ Сукачевъ; онъ же продолжаетъ оставаться въ этой должности и до сихъ поръ. Что касается до бригаднаго адъютанта штабсъ-капитана Садикова, то онъ, согласно собственному рапорту, откомандированъ 22-го сентября 1872-го года въ 4-ю батарею бригады, а на его мѣстѣ утвержденъ 25-го октября 1872-го года выпущенный изъ Константиновскаго училища прапорщикомъ—Иванъ Соколовъ; онъ же и пребывалъ въ этой должности и во время кампаніи.

СПИСОКЪ

офицерамъ, поступившимъ въ бригаду въ 1870-мъ году.

Когда прибылъ.	Откуда прибылъ.	Чинъ и фамилія.	Куда зачисленъ.
Въ іюлѣ 1870-го года.	Изъ 35-й артиллерійской бригады.	Штабсъ-капитанъ Славинскій. . . .	Въ 1-ю батарею бригады.
25-го ноября 1870 года.	Изъ кавказской гренадерской бригады.	Поручикъ Корниловичъ. .	Во 2-ю батарею.
Въ сентябрѣ 1870 года.	Изъ юнкеровъ Михайловскаго артиллерійскаго училища.	Подпоручикъ Прикащиковъ.	Въ 1-ю батарею.
6-го октября 1870 года.	— — — —	Подпоручикъ Емельяновъ.	Во 2-ю батарею.
28-го сентября 1870 года.	— — — —	Подпоручикъ Макшеевъ. .	Въ 1-ю батарею.
24-го октября 1870 года.	Изъ юнкеровъ 1-го военнаго Павловскаго училища.	Прапорщикъ Прозоркевичъ.	Въ 3-ю батарею.
27-го сентября 1870 года.	Изъ юнкеровъ 2-го военнаго Константиновскаго училища.	Прапорщикъ Евсюковъ . .	Во 2-ю батарею.

Кромѣ этихъ офицеровъ, къ бригадѣ, по случаю предполагаемаго Высочайшаго смотра, были прикомандированы, на время ла-

герныхъ сборовъ, въ періодъ которыхъ предполагался и самый смотръ, слѣдующіе офицеры: изъ 39-й артиллерійской бригады капитаны Новосельцевъ, Макаровъ и изъ 19-й артиллерійской бригады капитанъ Сухоруковъ. Офицеры эти были распредѣлены по батареямъ, въ каждую по одному, въ видахъ недостатка старшихъ офицеровъ при оныхъ.

ОФИЦЕРЫ, НАЗНАЧЕННЫЕ ВО ВНОВЬ СФОРМИРОВАННУЮ 4-Ю БАТАРЕЮ.

Капитанъ Неймейеръ, штабсъ-капитанъ Славинскій, поручики: Гадачевскій, Жалкевскій и Корниловичъ, подпоручикъ Макшеевъ. Вмѣстѣ съ формированіемъ 4-й батареи, при бригадѣ, 13-го февраля 1871-го года, учрежденъ судъ общества офицеровъ. Предсѣдателемъ суда избранъ командиръ 3-й батареи подполковникъ Ахвердовъ; члены же, избранные по большинству голосовъ, были слѣдующіе: Дрилевичъ, Гадачевскій, Славинскій и Дингельштедтъ, а кандидатами штабсъ-капитанъ баронъ Майдель и поручикъ Жалкевскій.

СПИСОКЪ

ОФИЦЕРАМЪ БРИГАДЫ ПО ПРИВЕДЕНІИ ЕЯ ВЪ ШЕСТИ-БАТАРЕЙНЫЙ СОСТАВЪ.

1-й батареи.

Старшинство въ чинахъ.			Чинъ, имя, отчество и фамилія.	Отмѣтка.
1874	Августа	30	*Полковникъ.* Александръ Борисовичъ Бучкіевъ.	Выпущенъ изъ 2-го кадетскаго корпуса 11-го августа

				1844-го года, переведенъ изъ 39-й артилерійской бригады и утвержденъ въ должности командира батареи 8-го октября 1876-го года, при выступленіи батареи въ походъ, и во время кампаніи находился налицо.
1871	Октября	31	*Капитанъ.* Никита Николаевичъ Якубовскій.	Приказомъ по артилеріи кавказскаго военнаго округа отъ 7-го октября 1872-го года за № 269, переведенъ изъ 23-й артилерійской бригады, состоялъ при георгіевскомъ окружномъ артилерійскомъ складѣ съ 19-го января 1877-го года; при выступленіи батареи и въ кампаніи при ней находился.
1873	Декабря	29	*Штабсъ-капитанъ.* Владиміръ Афанасьевичъ Прикащиковъ. . . .	Выпущенъ изъ портупей-юнкеровъ Михайловскаго артилерійскаго училища 20-го іюня 1870-го года; командиръ 2-й полубатареи съ 26-го января 1875-го года; при выступленіи батареи въ походъ находился при оной; впослѣдствіи же былъ переведенъ въ 3-ю батарею бригады.
1874	Ноября	26	*Поручикъ.* Петръ Матвѣевичъ Салодиловъ.	Былъ откомандированъ къ одесскимъ береговымъ батареямъ въ качествѣ субалтернъ-офицера съ 27-го октября

				1876-го года; въ дѣлахъ и походахъ съ батареею не участвовалъ.
			Подпоручики:	
1875	Октября	25	Владиміръ Федоровичъ Куликъ.	Приказомъ по артилеріи кавказскаго военнаго округа отъ 19-го ноября 1874-го года, зачисленъ, изъ юнкеровъ Павловскаго училища, въ 38-ю бригаду. Командиръ 1-го взвода съ 10-го октября 1871-го года; при выступленіи батареи въ походъ былъ при ней, потомъ откомандированъ въ озургетскую мѣстную батарею и впослѣдствіи въ 41-ю артилерійскую бригаду.
1876	Августа	10	Александръ Герасимовичъ Прозоркевичъ. . .	Выпущенъ въ 1876-мъ году изъ Михайловскаго артилерійскаго училища. Командиръ 4-го взвода съ 10-го октября 1876-го года; былъ при батареѣ налицо.
			Прапорщики:	
1875	Августа	4	Иванъ Ивановичъ Мамышевъ. . .	Приказомъ по артилеріи кавказскаго военнаго округа отъ 18-го ноября 1875-го года за № 364, зачисленъ изъ Константиновскаго училища въ бригаду. Командиръ 3-го взвода съ 10-го октября 1876-го года; завѣдывалъ лабораторіею; былъ при батареѣ налицо.

1875	Августа	4	Михаилъ Варламовичъ Лапилинъ.	Тѣмъ же приказомъ зачисленъ изъ Константиновскаго училища въ бригаду. Командиръ 2-го взвода съ 10-го октября 1876-го года; завѣдывалъ батарейною канцеляріею и былъ при батареѣ налицо.

2-й батареи.

			Полковникъ.	
1873	Сентяб.	9	Егоръ Ивановичъ Парфененко.	Командиръ батареи съ 13-го мая 1864-го года.
			Капитанъ.	
1873	Декабря	29	Александръ Николаевичъ Кругликовъ	Былъ прикомандированъ къ бригадѣ изъ конной артиллеріи и находился въ командировкѣ при бригадной учебной командѣ съ 16-го сентября 1876-го года; въ походахъ и дѣлахъ съ батареею не участвовалъ, будучи откомандированъ совсѣмъ отъ бригады.
			Поручикъ.	
1874	Ноября	26	Александръ Карловичъ Штуссъ.	Приказомъ по округу 5-го сентября 1874-го года, переведенъ изъ 2-го кавказскаго сапернаго баталіона въ бригаду. Командиръ 2-й полубатареи и 3-го взвода съ 20-го сентября 1875-го года; во всѣхъ походахъ и дѣлахъ съ батареей участвовалъ.

			Подпоручики:	
1874	Ноября	26	Николай Лукичъ Поспѣловъ. . .	Высочайшимъ приказомъ отъ 26-го іюня 1874-го года, переведенъ въ бригаду изъ 32-й артилерійской бригады. Былъ переведенъ впослѣдствіи въ 3-ю батарею бригады, при которой и отбылъ кампанію.
1875	Октября	25	Константинъ Сергѣевичъ Соловьевъ.	Приказомъ по артилеріи кавказскаго военнаго округа 19-го ноября 1874-го года, зачисленъ изъ юнкеровъ Павловскаго училища въ бригаду; находился въ командировкѣ при александропольской крѣпостной артилеріи съ 9-го октября 1876-го года; въ походахъ и дѣлахъ съ батареей не участвовалъ.
1876	Августа	10	Александръ Григорьевичъ Сукачевъ.	Къ батареѣ не прибылъ.
			Прапорщики:	
1875	Августа	4	Сергѣй Павловичъ Грязновъ.	Приказомъ по артилеріи кавказскаго военнаго округа отъ 18-го ноября 1875-го года за № 364, изъ Александровскаго училища зачисленъ въ бригаду. Командиръ 1-го взвода съ 20-го сентября 1875-го года и завѣдывалъ батарейною лабораторіею; въ дѣлахъ и походахъ съ батареей участвовалъ.

1875	Августа	4	Григорій Васильевичъ Громъ. .	Тѣмъ же приказомъ зачисленъ изъ Павловскаго училища въ бригаду. Командиръ 4-го взвода съ 20-го сентября 1875-го года и завѣдывающій батарейной школой; въ походахъ и дѣлахъ съ батареей участвовалъ.

3-й батареи.

			Подполковникъ.	
1871	Сентяб.	31	Николай Николаевичъ Босяцкій.	Командиръ батареи съ 1-го августа 1874-го года; находился налицо.
			Капитанъ.	
1869	Сентяб.	30	Антонъ Михайловичъ Гадачевскій.	Въ бригадѣ съ самаго ея основанія; находился при георгіевскомъ окружномъ артилерійскомъ складѣ съ 10-го января 1876-го года; въ походахъ и дѣлахъ съ батареей не былъ.
			Поручикъ.	
1873	Декабря	29	Григорій Тимофеевичъ Тупицынъ 1-й. . .	Былъ переведенъ въ бригаду, по выдержаніи экзамена при окружномъ артилерійскомъ управленіи, изъ 77-го пѣхотнаго Тенгинскаго Его Императорскаго Высочества Великаго

				Князя Алексѣя Александровича полка, 1872-го года августа 14-го. Въ походахъ и дѣлахъ съ батареей участвовалъ.
			Подпоручикъ.	
1874	Ноября	26	Василій Тимофеевичъ Тупицынъ 2-й. . .	Переведенъ въ бригаду изъ крѣпостной артиллеріи 1875-го года января 22-го; во время кампаніи отъ батареи былъ откомандированъ, но во всѣхъ дѣлахъ и походахъ участвовалъ.
			Прапорщики:	
1876	Августа	10	Николай Николаевичъ Шосте.	Выпущенъ въ бригаду изъ портупей-юнкеровъ Константиновскаго училища. Командиръ 3-го взвода. Въ походахъ и дѣлахъ съ батареей участвовалъ.
1876	Августа	10	Иванъ Дмитріевичъ Поповъ. .	Выпущенъ въ бригаду изъ юнкеровъ Константиновскаго училища. Командиръ 2-го взвода съ 27-го сентября 1876-го года; въ походахъ и дѣлахъ съ батареей участвовалъ.

4-й батареи.

			Подполковникъ.	
1874	Августа	30	Николай Николаевичъ Мищенко *). . . .	Командовалъ батареею съ 11-го января 1877-го года. Въ дѣлахъ съ батареей не участвовалъ.
			Капитанъ.	
1875	Октября	25	Григорій Григорьевичъ Ельчаниновъ. . .	Переведенъ 14-го декабря 1874-го года въ бригаду изъ брестъ-литовской крѣпостной артилеріи. Командиръ 2-й полубатареи съ 29-го декабря 1875-го года; въ походахъ и дѣлахъ съ батареей не участвовалъ.
			Подпоручики:	
			Гавріилъ Ивановичъ Волжинскій.	Приказомъ по артилеріи кавказскаго военнаго округа ноября 19-го 1874-го года, зачисленъ изъ юнкеровъ Константиновскаго училища въ бригаду; съ началомъ войны былъ откомандированъ во 2-ю батарею бригады.
1875	Октября	25	Николай Дмитріевичъ Будкевичъ.	Тѣмъ же приказомъ зачисленъ изъ юнкеровъ Павловскаго училища въ бригаду.

*) Прежній же командиръ 4-й батареи полковникъ Николай Өедоровичъ Ахвердовъ откомандированъ для принятія кавказскаго осаднаго артилерійскаго полупарка, съ 11-го января 1877-го года.

				Командиръ 1-го взвода съ 12-го апрѣля 1876-го года; находился въ командировкѣ въ александропольской крѣпостной артилеріи, впредь до перевода въ оную, съ 8-го октября 1876-го года; въ дѣлахъ и походахъ не участвовалъ.
1876	Августа	10	Михаилъ Игнатьевичъ Зинкевичъ.	Зачисленъ въ бригаду изъ юнкеровъ Михайловскаго артилерійскаго училища. Командиръ 4-го взвода и завѣдывающій батарейной школой съ 8-го декабря 1876-го года; въ дѣлахъ не былъ.
			Прапорщики:	
1875	Августа	4	Григорій Николаевичъ Никогосовъ	Приказомъ по артилеріи кавказскаго военнаго округа 18-го ноября 1875-го года за № 364, зачисленъ изъ юнкеровъ Павловскаго училища въ бригаду. Командиръ 2-го взвода съ 29-го декабря 1875-го года; въ дѣлахъ не участвовалъ.
1875	Августа	4	Константинъ Дмитріевичъ Кавторадзе	Тѣмъ же приказомъ зачисленъ изъ юнкеровъ Павловскаго училища въ бригаду. Командиръ 3-го взвода съ 29-го декабря 1875-го года; въ дѣлахъ не участвовалъ.

5-й батареи.

			Подполковникъ.	
1871	Сентяб.	24	Николай Доминиковичъ Шредерсъ	Командиръ батареи съ 1-го мая 1871-го года; въ походахъ и дѣлахъ съ батареей участвовалъ.
			Капитаны:	
1871	Октября	31	Павелъ Антоновичъ Славинскій.	Командиръ 1-й полубатареи и 1-го взвода съ 6-го декабря 1874-го года; въ дѣлахъ съ батареей не былъ, такъ какъ былъ откомандированъ на должность начальника передоваго запаса.
1871	Октября	31	Адольфъ Людвиговичъ Жалкевскій.	Находился въ бригадѣ съ самаго ея сформированія. Находился въ командировкѣ при 2-мъ кавказскомъ артилерійскомъ паркѣ съ 3-го декабря 1876-го года; въ дѣлахъ съ батареей не былъ.
			Поручики:	
1873	Декабря	29	Николай Ивановичъ Затеплинскій.	20-го ноября 1873-го года, приказомъ по артилеріи кавказскаго военнаго округа, зачисленъ изъ юнкеровъ артилерійскаго училища въ бригаду. Командиръ 2-й полубатареи съ 1-го сентября 1876-го года; въ дѣлахъ и походахъ съ батареей участвовалъ.

1874	Ноября	26	Николай Людвиговичъ Подеревскій.	8-го сентября 1872-го года, изъ юнкеровъ Константиновскаго училища прибылъ въ бригаду. Командиръ 3-го взвода съ 15-го іюня 1875-го года; въ походахъ и дѣлахъ съ батареей былъ.
			Подпоручикъ.	
1875	Октября	25	Иналъ Дудировъ Кануковъ. . .	Переведенъ изъ кавказской гренадерской Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича артилерійской бригады, въ концѣ 1875-го года. Командиръ 4-го взвода съ 1-го ноября 1875-го года; въ дѣлахъ съ батареей не участвовалъ, такъ какъ, съ объявленіемъ войны, былъ переведенъ въ восточно-сибирскую бригаду.
			Прапорщики:	
1875	Октября	25	Максимиліанъ Константиновичъ Артамановъ. .	Выпущенъ въ бригаду изъ юнкеровъ Павловскаго училища; въ командировкѣ при 1-мъ кавказскомъ артилерійскомъ паркѣ съ 3-го декабря 1876-го года; въ дѣлахъ съ батареей не участвовалъ.

1877	Іюня	10	Леонидъ Николаевичъ Бѣльковичъ.	Прибылъ въ бригаду изъ портупей-юнкеровъ Павловскаго училища; въ походахъ и дѣлахъ съ батареей участвовалъ.
1877	Іюня	10	Михаилъ Владиславовичъ Ломиковскій. . . .	Прибылъ въ бригаду изъ юнкеровъ Павловскаго училища; въ походахъ и дѣлахъ съ батареей участвовалъ.

6-й батареи.

			Подполковникъ.	
1873	Октября	20	Константинъ Егоровичъ Витцель.	Командиръ батареи съ 1-го января 1874-го года. Въ дѣлахъ съ батареей не участвовалъ.
			Капитанъ.	
1870	Декабря	5	Александръ Ивановичъ Садиковъ.	Командиръ 1-й полубатареи съ 5-го ноября 1874 го года. Въ дѣлахъ съ батареей не участвовалъ и во время войны былъ переведенъ изъ батареи въ паркъ.
			Штабсъ-капитанъ.	
1873	Декабря	29	Николай Николаевичъ Кармановъ.	Командиръ 2-й полубатареи съ 5-го ноября 1874-го года;

				находился въ командировкѣ въ ставропольскомъ временномъ судѣ съ 2-го ноября 1876-го года; впослѣдствіи переведенъ въ 41-ю артилерійскую бригаду.
			Поручикъ.	
1875	Октября	25	Владиміръ Дмитріевичъ Мокрицкій.	Командиръ 1-го взвода съ 15-го мая 1875-го года; былъ въ командировкѣ при александропольской крѣпостной артилеріи.
			Подпоручики:	
1875	Августа	4	Александръ Васильевичъ Соколовъ.	Приказомъ по артилеріи кавказскаго военнаго округа отъ 18-го ноября 1875-го года № 364, зачисленъ изъ юнкеровъ Михайловскаго артилерійскаго училища въ бригаду. Командиръ 4-го взвода съ 15-го сентября 1875-го года; въ дѣлахъ не былъ.
1875	Октября	25	Василій Алексѣевичъ Тачаловъ. .	Приказомъ по артилеріи кавказскаго военнаго округа 19-го ноября 1874-го года, зачисленъ въ бригаду изъ юнкеровъ Константиновскаго училища. Въ дѣлахъ не участвовалъ.
			Прапорщики:	
1876	Августа	10	Алексѣй Феликсовичъ Павловичъ.	Произведенъ по выдержаніи

				экзамена при Михайловскомъ артилерійскомъ училищѣ. Въ концѣ кампаніи переведенъ во 2-ю батарею бригады; въ дѣлахъ не участвовалъ.
1877	Іюня	10	Сергѣй Александровичъ Романовъ.	Выпущенъ изъ портупей-юнкеровъ Константиновскаго училища; въ дѣлахъ не участвовалъ.

Бригадное управленіе.

			Полковникъ.	
1868	Марта	31	Иванъ Павловичъ Куликовскій . .	Командиръ бригады съ 14-го декабря 1873-го года. Въ дѣлахъ послѣдней кампаніи не участвовалъ.
			Поручики:	
1873	Декабря	29	Иванъ Платоновичъ Соколовъ. .	Бригадный адъютантъ съ 25-го октября 1872-го года. Въ дѣлахъ не былъ.
1874	Ноября	24	Федоръ Григорьевичъ Сукачевъ. .	Бригадный казначей съ 16-го мая 1875-го года. Въ дѣлахъ не былъ.

			Коллежскій совѣтникъ. Константинъ Никандровичъ Ярцовъ.	Старшій врачъ бригады съ 19-го августа 1866-го года. Въ дѣлахъ не былъ.
			Прикомандированный ко 2-й батареѣ бригады:	
1873	Ноября	29	*Штабсъ-капитанъ.* Иванъ Владиміровичъ Непенинъ.	Изъ 11-й артилерійской бригады ко 2-й батареѣ 5-го февраля 1877-го года.

КЪ ГЛАВѢ III.

ЗА ДѢЛА 11-ГО И 12-ГО ІЮНЯ ОФИЦЕРЫ 1-Й И 3-Й БАТАРЕЙ ПОЛУЧИЛИ СЛѢДУЮЩІЯ НАГРАДЫ.

Кому именно.	Какія пожалованы награды.
1-й батареи.	*Ордена:*
Командиру батареи полковнику Бучкіеву.	Св. Владиміра 3-й ст. съ мечами.

Поручикамъ:	
Прозоркевичу.	Св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ.
Лпилипу.	Св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ.
Мамышеву. :	Св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ.
Кулику. . . . . : . .	Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ.
3-й батареи.	
Штабсъ-капитану Прикащикову.	Св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ.
Штабсъ-капитану Тупицыну.	Св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ.

Диспозиція кобулетскому отряду на 11-е іюня 1877-го года.

Бивакъ на высотахъ Хуцубани. Іюня 10-го дня 1877-го года.

Завтра, 11-го іюня, войскамъ кобулетскаго отряда, подъ моимъ личнымъ начальствомъ, атаковать турецкій укрѣпленный лагерь, расположенный на высотахъ Квирике, Дегви и Цихисдзири.

Лѣвая колонна, подъ начальствомъ командующаго кавказскою стрѣлковою бригадою флигель-адъютанта полковника Гурчина, занимаетъ заблаговременно, до начатія наступленія, пространство отъ сомкнутыхъ укрѣпленій на высотахъ Самеба до центральныхъ батарей, воздвигнутыхъ надъ долиною рѣки Кинтышъ.

Правая колонна, подъ начальствомъ командира 1-й бригады 41-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Шелеметьева, займетъ позицію по обѣимъ сторонамъ „Столовой горы".

Резервная колонна полковника Бучкіева занимаетъ артилеріею центральныя батареи, воздвигнутыя надъ долиною Кинтыша, и располагается на лѣвомъ берегу Кинтриши, около средняго моста.

Войска укрѣпленныхъ пунктовъ Самеба (сомкнутыя укрѣпленія) Худубани, Ачкуа и Муха-Эстате получаютъ специальныя назначенія.

Въ назначенный день и часъ сраженіе начинается артилерійскимъ огнемъ изъ сомкнутыхъ укрѣпленій на Самеба; послѣ чего, по распоряженію начальника артилеріи полковника Филимонова, демаскируются всѣ батареи, стоящія въ центрѣ, послѣдовательно одна за другой, отъ лѣваго фланга къ правому. Артилерія лѣваго фланга и центра, за исключеніемъ батареи на „Столовой горѣ", имѣетъ ближайшею цѣлью сбить батареи непріятеля, расположенныя на высотахъ Квирике, особенно же „желтую" батарею, и подготовить атаку на эту батарею. Батарея, расположенная на „Столовой горѣ", имѣетъ ближайшею цѣлью сбить такъ называемую „амбразурную" батарею и подготовить атаку на эту батарею.

Движеніе войскъ впередъ начинается по особому сигналу съ горы Худубани (3 ракеты, послѣ которыхъ будетъ поднято бѣлое знамя).

По этому знаку начинается наступленіе лѣвой колонны къ „желтой" батареѣ, утвердившись на которой, колонна ведетъ атаку на главную цихисдзирскую позицію со стороны деревни Дегви.

Одновременно съ утвержденіемъ лѣвой колонны на „желтой" батареѣ, правая колонна начинаетъ свое рѣшительное наступленіе на такъ называемую батарею „съ амбразурами" и атакуетъ цихисдзирскую позицію со стороны передняго турецкаго лагеря; до того же времени производитъ демонстрацію движенія по этому же направленію, для поддержанія наступленія лѣвой колонны.

Резервная колонна, занимая артилеріею центръ нынѣшняго боеваго порядка, поддерживаетъ наступленіе колоннъ по мѣрѣ на-

добности; кавалерія резерва демонстрируетъ по берегамъ Кинтриши.

О снабженіи и снаряженіи колоннъ, равно какъ и о распредѣленіи санитарныхъ средствъ, предлагается начальнику отряда сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія.

Начальники колоннъ обязаны имѣть при себѣ значки, по которымъ ординарцы могли бы видѣть мѣсто ихъ расположенія.

Начальникъ кобулетскаго отряда, съ своимъ штабомъ, будетъ находиться при лѣвой колоннѣ, а по соединеніи лѣвой и правой колоннъ въ долинѣ рѣки Кинтышъ—руководить дѣйствіями обѣихъ колоннъ.

Я буду находиться: до наступленія лѣвой колонны—на дениѣековскомъ курганѣ; послѣ же этого—при резервной колоннѣ; мѣсто моего пребыванія будетъ обозначаться бѣлымъ значкомъ.

Дополненіе къ диспозиціи.

Снабженіе и снаряженіе войскъ, упомянутыхъ въ диспозиціи, должно быть слѣдующее:

А) При войскахъ:

1) На людяхъ сухарей на 2 дня, вареной говядины по 2 фунта на человѣка.

2) Фуражъ для лошадей на 2 дня.

3) Патроновъ для пѣхоты, кромѣ носимыхъ въ сумкахъ, половина возимаго количества.

4) Шанцеваго инструмента: въ каждомъ баталіонѣ имѣть шанцевый инструментъ въ одной ротѣ, въ количествѣ: 20 топоровъ, 40 лопатъ, 12 кирокъ и 12 мотыгъ; всего 84 инструмента.

5) Санитарная часть въ каждой колоннѣ устроивается по соглашенію начальниковъ колоннъ съ старшими врачами, коими назначаются: въ лѣвой колоннѣ старшій врачъ закатальскаго полка Страховъ, въ правой—старшій врачъ ленкоранскаго полка Шведовъ.

Врачамъ будутъ приданы изъ дивизіоннаго подвижнаго ла-

зарета специальныя средства, распредѣленіе коихъ зависитъ отъ колонныхъ начальниковъ. Для перевозки раненыхъ будутъ высланы къ среднему и нижнему мостамъ фургоны подвижнаго лазарета.

Б) Остаются на позиціяхъ, нынѣ занимаемыхъ войсками:

1) Ранцы.

2) Необходимая часть обоза 2-го разряда, и

3) ½ возимаго запаса патроновъ.

На Хуцубани—часть обоза 2-го разряда.

Диспозиція лѣвой колонны на 11-е іюня, отданная флигель-адъютантомъ полковникомъ Гурчинымъ.

Бивакъ на лѣвомъ берегу Кинтриши. Іюня 10-го дня 1877-го года.

Завтра, 11-го іюня, войска кобулетскаго отряда атакуютъ турецкій укрѣпленный лагерь на высотахъ Квирике, Дегви и Цихисдзири.

Войска, предназначенныя для атаки, дѣлятся на колонны: лѣвую, среднюю и вмѣстѣ резервную, и правую.

Лѣвая колонна, подъ моимъ начальствомъ, заблаговременно, до начала движенія, дѣлится на правый флангъ, лѣвый флангъ и общій резервъ, и расположится согласно указаній, данныхъ мною, слѣдующимъ образомъ:

1) Правый флангъ занимаетъ вершину и правый склонъ «лѣсистаго бугра», причемъ пластуны поддерживаютъ связь съ лѣвымъ флангомъ; 5-я батарея займетъ укрѣпленіе, для нея устроенное.

(Подполковникъ Козелковъ: 1-й и 4-й кавказскіе стрѣлковые баталіоны, пластунскій баталіонъ, 5-я батарея 41-й бригады; всего—3 баталіона, 8 орудій).

2) Лѣвый флангъ, поддерживая связь съ пластунами, располагается за лѣвымъ склономъ «лѣсистаго бугра» и влѣво отъ землянаго укрѣпленія для 5-й батареи.

(Подполковникъ князь Чавчавадзе: 1-я гурійская дружина, 2-й баталіонъ закатальскаго полка, 4 орудія горной батареи; все-

го—3 баталіона, 4 орудія).

3) Резервъ расположится за «лѣсистымъ бугромъ», правѣе развѣтвленій коммуникаціоннаго пути.

(Подполковникъ Мачканинъ: 3-й и 4-й баталіоны кубанскаго полка; всего—2 баталіона).

Въ назначенный часъ сраженіе открывается артиллерійскимъ огнемъ.

Послѣ подготовки атаки, общее движеніе начинается по сигналу (3 ракеты и поднятіе бѣлаго знамени), поданному командующимъ войсками съ высотъ Хуцубани. По сигналу, войска лѣвой колонны направляются къ Кинтышу:

1) Правый флангъ—правѣе «лѣсистаго бугра», по дорогѣ, указанной подполковнику Козелкову, по переправѣ черезъ Кинтышъ, атакуетъ «желтую» батарею и, занявъ эту батарею и мѣстность влѣво, входитъ въ связь направо—съ правой колонной генералъ-маіора Шелеметьева, и налѣво—съ лѣвымъ флангомъ подполковника князя Чавчавадзе.

2) Лѣвый флангъ спускается къ рѣкѣ Кинтышу по дорогѣ лѣвѣе «лѣсистаго бугра»; по переправѣ, направляется лѣвѣе «желтой» батареи, занимаетъ хребетъ и затѣмъ входитъ въ связь съ правымъ флангомъ для совмѣстной атаки «желтой» батареи.

Начальникъ лѣваго фланга подполковникъ князь Чавчавадзе долженъ обратить особое вниманіе на обезпеченіе своего лѣваго фланга.

3) Резервъ по моему указанію будетъ двинутъ за тою колонною, гдѣ укажетъ необходимость.

4) Занявъ «желтую» батарею и утвердившись на ней, вся лѣвая колонна ведетъ атаку на главную цихисдзирскую позицію со стороны деревни Дегви.

5) Перевязочный пунктъ назначается за серединой боеваго расположенія, близь развѣтвленія коммуникаціоннаго пути.

6) Относительно снаряженія и снабженія войскъ, а равно и при распредѣленіи санитаровъ и войсковыхъ служителей, руководствоваться приказомъ по колоннѣ отъ 9-го іюня и моимъ циркулярнымъ предписаніемъ отъ сего числа. Я буду находиться въ

началѣ боя при резервѣ; въ должности начальника штаба при мнѣ состоитъ генеральнаго штаба капитанъ Шатиловъ; приказанія будутъ отдаваться черезъ старшаго адъютанта кавказской стрѣлковой бригады, 2-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона поручика Шуберскаго, и 4-го стрѣлковаго баталіона поручика Худѣева. Высланные за приказаніями найдутъ меня по значку (на голубомъ полѣ красный крестъ).

Приказъ по кобулетскому отряду (№ 18-й. 17-го іюня 1877-го года).

„Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со дня объявленія войны, вы, войска кобулетскаго отряда, понесли труды, достойные полнаго вниманія. Въ это время, не говоря о ежедневныхъ перестрѣлкахъ съ кобулетцами, вы соорудили болѣе 70-ти верстъ прекрасныхъ колесныхъ дорогъ, разработанныхъ заново въ чрезвычайно пересѣченной и лѣсистой мѣстности; построили четыре укрѣпленныя позиціи значительныхъ размѣровъ, совершили четыре блестящихъ горныхъ экспедиціи и имѣли три крупныхъ дѣла, въ числѣ которыхъ одно двухдневное сраженіе, въ которомъ противъ васъ дѣйствовала большая часть батумскаго корпуса.

„Во всѣхъ этихъ дѣлахъ, не смотря на то, что мы не имѣли никакихъ крупныхъ трофеевъ, вы вели себя героями и оставались побѣдителями. Противникъ, значительно превосходившій насъ числомъ войскъ, только одинъ разъ рискнулъ атаковать нашу позицію и, потерявъ нѣсколько сотенъ лучшихъ своихъ войскъ, снова заперся въ своемъ укрѣпленномъ цихисдзирскомъ лагерѣ.

„Нынѣ, когда высшему начальству угодно, чтобы нѣсколько баталіоновъ и батарей изъ состава кобулетскаго отряда поспѣшили на другіе театры военныхъ дѣйствій, и намъ указана новая цѣль дѣйствія, мы должны покинуть позиціи, занятыя вашими геройскими усиліями, и отойти нѣсколько назадъ, чтобы исполнить съ прежнимъ геройствомъ новую задачу, предназначенную намъ начальствомъ.

„Прощаясь съ частями войскъ, исключаемыми изъ состава

кобулетскаго отряда, я приношу какъ имъ, такъ и остающимся со мною генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ, мое душевное спасибо за ихъ честную, геройскую службу въ составѣ кобулетскаго отряда".

КЪ ГЛАВѢ IV.

ЗА ДѢЛА 6-ГО И 13-ГО АВГУСТА ВЪ ГЛАВНЫХЪ СИЛАХЪ, ОФИЦЕРАМЪ ПОЛУБАТАРЕИ 3-Й БАТАРЕИ ПОЖАЛОВАНЫ СЛѢДУЮЩІЯ НАГРАДЫ.

Кому именно.	Какія пожалованы награды.
Командиру батареи подполковнику Петрашу.	Орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ.
Штабсъ-капитану Прикѣщикову.	Орденъ св. Станислава 2-й ст. съ мечами.
Поручику Поспѣлову	Орденъ св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ.

КЪ ГЛАВѢ V.

ДИСПОЗИЦІЯ ПО ГЛАВНЫМЪ СИЛАМЪ ДѢЙСТВУЮЩАГО КОРПУСА НА КАВКАЗСКО-ТУРЕЦКОЙ ГРАНИЦѢ НА 20-Е СЕНТЯБРЯ 1777-ГО ГОДА. ЛАГЕРЬ НА КАРАЯЛѢ.

§ 1.

Завтра, 20-го сентября, согласно указанію Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго арміею, я имѣю въ виду

атаковать части войскъ карсскаго гарнизона, выдвинувшіяся къ малымъ и большимъ Ягны и Визинкею для поддержанія лѣваго фланга арміи Мухтаръ-паши. Исходъ этого предпріятія опредѣлитъ дальнѣйшія наши дѣйствія.

§ 2.

Съ указанною цѣлью, войска получаютъ слѣдующія назначенія:

	Баталіоновъ.	Эскадрон. и сотенъ.	Орудій. Пѣш.	Орудій. Кон.
2-й, 3-й и 4-й полки 1-й гренадерской дивизіи.	9	»	»	»
2-й, 3-й и 4-й полки кавказской гренадерской дивизіи.	12	»	»	»
2-й полкъ 40-й пѣхотной дивизіи. . .	3	»	»	»
1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ. . .	1	»	»	»
1-й кавказскій саперный баталіонъ. . .	1	»	»	»
15-й драгунскій тверской полкъ. . . .	»	4	»	»
Кубанскаго коннаго казачьяго полка. . .	»	4	»	»
Ейскаго	»	3	»	»
2-го владикавказскаго	»	4	»	»
1-го горско-моздокскаго.	»	2	»	»
2-го горско-моздокскаго.	»	4	»	»
2-й дагестанскій конно-иррегулярный . .	»	6	»	»
Чеченскій.	»	6	»	»
Кавказская гренадерская артилерійская бригада	»	»	48	»

2-я батарея 21-й артиллерійской бригады.	»	»	8	»
3-я и 4-я батареи 39-й артил. бригады.	»	»	16	»
3-я батарея 40-й артиллерійской бригады.	»	»	8	»
2-я и 5-я конныя батареи кубанскаго казачьяго войска	»	»	»	16
Сотня кубанскаго коннаго полка съ ракетами.	»	1	»	»
	26	34	80	16

Итого: 26 баталіоновъ, 34 эскадрона и сотни и 96 пѣшихъ и конныхъ орудій и ракетная команда, въ соединеніи съ войсками ардаганскаго отряда, ожидаемаго въ составѣ 6-ти баталіоновъ, 3-хъ сотенъ и 8-ми орудій, образуютъ правое наступающее крыло.

Войскамъ этимъ ставится цѣлью: удерживая частью силъ лѣвый флангъ Мухтара-паши, расположенный отъ Хаджи-Вали къ Суботану, и препятствуя движенію онаго на помощь карсскимъ отрядамъ, атаковать всѣми остальными силами эти отдѣлившіяся части непріятеля и нанести имъ возможно полное пораженіе.

а) 4-й полкъ кавказской гренадерской и 2-й полкъ 40-й пѣхотной дивизій, рота 1-го кавказскаго сапернаго баталіона, 1-я, 2-я, 3-я и 5-я батареи кавказской гренадерской и 2-я батарея 21-й артиллерійскихъ бригадъ и двѣ сотни 1-го горско-моздокскаго полка (7¹/₄ баталіоновъ, двѣ сотни и 40 орудій), подъ начальствомъ генералъ-маіора фонъ-Шака, составляютъ лѣвую колонну, которая, занявъ позиціи на высотахъ противъ Хаджи-Вали, обстрѣливаетъ сильнымъ огнемъ расположеннаго здѣсь непріятеля и препятствуетъ движеніямъ его къ сторонѣ Визинкея.

б) 4-й полкъ 1-й гренадерской дивизіи, 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, рота 1-го кавказскаго сапернаго баталіона, 4-я батарея 39-й артиллерійской бригады, 15-й драгунскій тверской полкъ, четыре сотни кубанскаго коннаго полка и 2-й владикавказскій полкъ съ 5-ю конно-артиллерійскою батареею кубанскаго казачьяго войска (4¹/₄ баталіона, 12 эскадроновъ и сотенъ и 16 орудій) подъ начальствомъ генералъ-маіора Шереметева, составляютъ среднюю колонну, которая, занявъ съ возможною быстротою

большіе Ягны, тотчасъ же выдвигаетъ кавалерію къ сторонѣ Визинкея и визинкей-орлокскихъ высотъ для раскрытія силъ непріятеля.

в) Третьи полки обѣихъ гренадерскихъ дивизій, рота 1-го кавказскаго сапернаго баталіона, 4-я и 6-я батареи кавказской гренадерской и 3-я батарея 39-й артилерійскихъ бригадъ, ейскаго коннаго полка три сотни, одна сотня кубанскаго коннаго полка, съ ракетною командою, и взводъ 2-й конной батареи кубанскаго казачьяго войска, 2-й дагестанскій и чеченскій конно-иррегулярные полки (7¼ баталіоновъ, 16 сотенъ и 26 орудій), подъ начальствомъ генералъ-маіора графа Граббе, образуютъ, въ соединеніи съ войсками ардаганскаго отряда генералъ-маіора Комарова (6 баталіоновъ, 3 сотни и 8 орудій), правую колонну, которая назначается для атаки непріятеля, занимающаго малые Ягны.

г) Вторые полки обѣихъ гренадерскихъ дивизій, рота 1-го кавказскаго сапернаго баталіона, 3-я батарея 40-й артилерійской бригады, 2-й горско-моздокскій полкъ и 6 орудій 2-й кубанской конной батареи (7¼ баталіоновъ, 4 сотни и 14 орудій) образуютъ резервъ праваго крыла, подъ начальствомъ генералъ-маіора Соловьева.

Общее руководство дѣйствіями праваго крыла я принимаю на себя; общее начальствованіе надъ лѣвою и среднею колоннами возлагается на генералъ-лейтенанта Геймана, а правою—на генералъ-лейтенанта Роопа. Ближайшее наблюденіе за дѣйствіями артилеріи праваго крыла поручается генералъ-маіору Губскому.

Съ вечера, наканунѣ боя, войска, входящія въ составъ праваго крыла, изъ кюрюкъ-даринскаго и джемуслинскаго лагерей собираются въ лощинѣ палдырванъ-янинской балки, не доходя Кабахъ-тапы, на мѣстахъ, кои будутъ указаны исправляющимъ должность начальника штаба, генералъ-маіоромъ Гурчинымъ; войска же ардаганскаго отряда располагаются на Карсъ-чаѣ, въ одномъ изъ пунктовъ между Заимомъ и Паргетомъ.

Наступленіе начинается съ такимъ расчетомъ, чтобы съ разсвѣтомъ захватить внезапно большіе Ягны, занять позицію противъ Хаджи-Вали и одновременно атаковать малые Ягны.

При успѣшномъ занятіи б. и м. Ягны, пункты эти тотчасъ

же должны быть приведены въ оборонительное положеніе; войска же, ихъ атаковавшія, поддерживаемыя резервомъ, должны немедленно продолжать свое наступленіе, направляясь на визинкей-орлокскія высоты и Визинкей. Въ случаѣ пораженія здѣсь непріятеля, наши войска преслѣдуютъ его и укрѣпляются на вновь занятыхъ позиціяхъ, а въ случаѣ нерѣшительнаго исхода дѣла, занимаютъ укрѣпленныя позиціи на б. и м. Ягны, гдѣ и ожидаютъ дальнѣйшихъ распоряженій.

	Баталіоновъ.	Сотенъ.	Орудій.	
			Пѣш.	Кон.
2-я бригада 40-й пѣхотной дивизіи. . .	6	»	»	»
152-го пѣхотнаго владикавказскаго полка.	1	»	»	»
156-го пѣхотнаго елисаветпольскаго полка.	3	»	»	»
4-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ. .	1	»	»	»
Рота 3-го кавказскаго сапернаго баталіона.	¼	»	»	»
1-й волгскій конный полкъ.	»	4	»	»
2-го волгскаго коннаго полка. . . .	»	1	»	»
3-й дагестанскій конно-иррегулярный полкъ.	»	6	»	»
Александропольскій.	»	4	»	»
1-я, 2-я, 4-я и 5-я батареи 40-й артиллерійской бригады.	»	»	32	»
1-я конная батарея терскаго казачьяго войска.	»	»	»	8
	11¼	15	32	8

Итого, 11¼ баталіоновъ, 15 сотенъ и 40 орудій образуютъ

лѣвое крыло, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Лазарева.

Назначеніе его: занявъ кюльверанскія высоты и часть башъ-кадыкляро-кюльверанской балки, удерживать войска праваго непріятельскаго фланга, дѣйствуя на нихъ преимущественно артиллерійскимъ огнемъ.

Войска эти къ разсвѣту сосредоточиваются впереди Караяла; у огузлынской балки, фронтомъ къ Кизилъ-тапѣ и Кюльверану, и съ разсвѣтомъ открываютъ огонь.

Къ составу лѣваго крыла причисляются и войска, расположенныя на Учь-тапѣ, а именно: четыре орудія изъ парка обложенія (съ конною запряжкою), двѣ роты 3-го сапернаго баталіона, одна сотня 2-го волгскаго полка и сотня тіонетская. Войска эти, предназначаемыя для отвлеченія вниманія непріятеля дѣйствіемъ изъ орудій по Кизилъ-тапѣ, остаются на позиціи только до тѣхъ поръ, пока имъ не угрожаетъ опасность; въ случаѣ же наступленія непріятеля, они своевременно отходятъ къ Кякячу. Охраненіе Учь-тапы отъ нечаяннаго нападенія въ ночь, предшествующую бою, предоставляется распоряженію начальника лѣваго крыла.

	Баталіоновъ.	Эскадрон. и сотенъ.	Орудій.	
			Пѣш.	Кон.
Первые полки обѣихъ гренадерскихъ и 40-й пѣхотной дивизій.	10	»	»	»
Нижегородскій и сѣверскій драгунскіе полки.	»	8	»	»
Астраханскій казачій полкъ.	»	4	»	»
6-й батареи 19-й артиллерійской бригады.	»	»	4	»
6-я батарея 40-й артиллерійской бригады.	»	»	8	»
13-я и 14-я конныя батареи донскаго казачьяго войска.	»	»	»	16

А въ случаѣ прибытія—и 1-я, 2-я и 5-я батареи 1-й гренадерской артиллерійской бригады.	»	»	24	»
	10	12	36	16

Итого: 10 баталіоновъ, 12 эскадроновъ и сотенъ и 52 орудія образуютъ общій резервъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Шатилова.

Войска эти къ ночи собираются по дорогѣ изъ Кюрюкъ-Дара въ Суботанъ, впереди настоящей позиціи 1-й бригады кавказской гренадерской дивизіи.

Къ составу резерва причисляются и войска, расположенныя на Караялѣ, а именно: баталіонъ александропольскаго крѣпостнаго полка и 16 орудій парка обложенія (съ конною запряжкою).

Камбинскій отрядъ генералъ-маіора Шелковникова, въ составѣ:

	Баталіо-новъ.	Эскадрон. и сотенъ.	Орудій.	
			Пѣш.	Кон.
74-го пѣхотнаго севастопольскаго полка.	3	»	»	»
152-го пѣхотнаго владикавказскаго полка.	1	»	»	»
156-го пѣхотнаго елисаветпольскаго полка.	1	»	»	»
Одна рота 3-го сапернаго баталіона. . .	¼	»	»	»
Полубатарея 6-й батареи 19-й артиллерійской бригады.	»	»	4	»
Полубатарея 3-й батареи 38-й артиллерійской бригады.	»	»	4	»
Полубатарея 6-й батареи 39-й артиллерійской бригады.	»	»	4	»

Кизляро-гребенской казачій полкъ. . .	»	4	»	»
Сотня кубанскаго коннаго казачьяго полка.	»	1	»	»
Двѣ сотни 2-го волгскаго казачьяго полка съ ракетами.	»	2	»	»
Сводно-милиціонный полкъ.	»	3	»	»
	5¼	10	12	»

Итого: 5¼ баталіоновъ, 10 сотенъ и 12 орудій, съ ракетною командою, назначаются для дѣйствій въ тылу праваго фланга непріятельскаго расположенія.

Въ случаѣ же прибытія къ Камбинскому посту ожидаемыхъ подкрѣпленій эриванскаго отряда (не менѣе двухъ баталіоновъ), генералъ-маіору Шелковникову предоставляется развить свое наступленіе въ тылу непріятеля; причемъ, однако, будучи отдѣленъ отъ главныхъ силъ всею массою непріятеля, онъ не можетъ расчитывать на своевременную поддержку, и потому долженъ дѣйствовать съ надлежащею осмотрительностью, чтобы не подвергнуться отдѣльному пораженію.

§ 3.

Подробныя диспозиціи по войскамъ, ввѣреннымъ генералъ-лейтенантамъ Лазареву, Роопу и Гейману, должны быть ими мнѣ представлены утромъ 19-го сентября.

§ 4.

Его Императорское Высочество Главнокомандующій арміею во время боя будетъ находиться на Караялѣ; я же первоначально буду находиться на Кабахъ-тапа.

§ 5.

Военно-походному телеграфу имѣть станціи: у наблюдательнаго пункта на Караялѣ, на Учь-тапѣ, а также въ пунктахъ ночнаго расположенія войскъ праваго и лѣваго крыльевъ и общаго резерва; телеграфная линія слѣдуетъ за войсками, устанавливая станціи по указанію моему и начальника лѣваго крыла, для чего при войскахъ праваго крыла имѣть запасъ линіи на 25 верстъ,

а лѣваго на 10 верстъ; резерву телеграфнаго парка находиться на Караялѣ. Сношеніе съ камбинскимъ отрядомъ производится чрезъ телеграфную станцію на Камбинскомъ посту, отъ котораго, по мѣрѣ движенія отряда, должна быть установлена линія казачьихъ постовъ. Подобными же постами начальникъ ардаганскаго отряда, по прибытіи на Карсъ-чай, долженъ возможно скорѣе войти въ связь съ начальникомъ правой колонны праваго крыла.

§ 6.

Подвижнымъ дивизіоннымъ лазаретамъ находиться: 1-й кавказской гренадерской дивизіи при правомъ крылѣ, 40-й пѣхотной при лѣвомъ крылѣ, 21-й дивизіи и Краснаго Креста при общемъ резервѣ, а 39-й дивизіи при камбинскомъ отрядѣ. Мѣста перевязочныхъ пунктовъ должны быть назначены въ диспозиціяхъ главныхъ начальниковъ. Два военно-временные госпиталя (№№ 3-й и 8-й) будутъ находиться на сѣверной сторонѣ Караяла: тамъ же находиться частямъ интендантскаго транспорта, въ количествѣ 80-ти повозокъ, для дальнѣйшей перевозки раненыхъ. Корпусному врачу повѣрить достаточность назначенія врачей на перевязочные пункты.

§ 7.

Распредѣленіе артиллерійскихъ парковъ, соотвѣтственно распредѣленію войскъ, сдѣлать начальнику корпусной артиллеріи заблаговременно. Начальникамъ отдѣльныхъ частей принять мѣры къ снаряженію изъ состава войсковыхъ обозовъ вьючныхъ лошадей, съ мѣшками, для развоза патроновъ въ цѣпи, не менѣе одной лошади на роту.

§ 8.

Войскамъ выступить безъ ранцевъ, но съ шинелями и шанцевымъ инструментомъ на людяхъ, имѣя съ собою сухарей на четыре дня и по два фунта мяса. Для своевременной перевозки ранцевъ будетъ назначено съ вечера, наканунѣ боя, въ каждую часть необходимое число повозокъ изъ интендантскаго транспорта. Начальникамъ колоннъ праваго крыла озаботиться назначеніемъ особыхъ саперныхъ командъ для расчистки по пути слѣдованія войскъ родниковъ и колодцевъ, а также устройствомъ подвоза воды къ войскамъ.

§ 9.

Главнымъ войсковымъ начальникамъ имѣть въ виду, чтобы ввѣренныя имъ части, подступая къ позиціямъ непріятеля, устроивали при всякой возможности прикрытія для орудій и стрѣлковъ. Съ этою цѣлью, саперныя роты, сопровождающія колонны, будутъ имѣть запасъ шанцеваго инструмента и земляныхъ мѣшковъ.

§ 10.

При войскахъ, кромѣ патронныхъ ящиковъ и повозокъ для раненыхъ, а гдѣ нужно повозокъ для воды, другаго обоза не имѣть. Затѣмъ, остальному обозу сосредоточиться въ двухъ вагенбургахъ: а) на сѣверной сторонѣ Караяла—для войскъ настоящаго кюрюкъ-даринскаго отряда и 1-й гренадерской дивизіи и б) въ Пирвали—для войскъ нынѣшняго байрахтарскаго отряда. Прикрытіе вагенбурга у Караяла составятъ команды отъ частей войскъ, согласно отданному на сей предметъ приказанію, а въ Пирвали вагенбургъ будетъ охраняться двумя ротами осадной артиллеріи и своднымъ баталіономъ изъ нижнихъ чиновъ 39-й пѣхотной дивизіи; кромѣ того, въ оба пункта, по особому распоряженію, будетъ назначено опредѣленное число жандармовъ.

КЪ ГЛАВѢ VI.

ЗА ДѢЛА 20-го, 21-го И 22-го СЕНТЯБРЯ ВЪ ГЛАВНЫХЪ СИЛАХЪ, ОФИЦЕРЫ 3-Й И 5-Й БАТАРЕЙ ПОЛУЧИЛИ СЛѢДУЮЩІЯ НАГРАДЫ.

3-й батареи.

Кому именно.	Какія пожалованы награды.
	Ордена:
Штабсъ-капитану Тупицыну. .	Св. Станислава 2-й ст. съ мечами.

Прапорщику Шосте. . . .	Св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость".

5-й батареи.

	Ордена:
Командиру батареи подполковнику Шредерсу.	Св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ.
Штабсъ-капитану Затеплинскому.	Св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ.

За дѣло 3-го октября офицеры 3-й и 5-й батарей получили слѣдующія награды.

3-й батареи.

Кому именно.	Какія пожалованы награды.
	Ордена:
Командиру батареи, подполковнику Петрашу.	Золотое оружіе съ надписью „за храбрость".
Поручику Поспѣлову. . . .	Св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ.
Прапорщику Попову. . . .	Св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость".

5-й батареи.

Командиру батареи, подполковнику Шредерсу	Чинъ полковника.

Прапорщику Бѣльковичу. . .	Орд. св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ.

КЪ ГЛАВѢ VII.

ДИСПОЗИЦІЯ НА 23-Е ОКТЯБРЯ, ПО ВОЙСКАМЪ ОТРЯДА ГЕНЕРАЛА ГЕЙМАНА, СОСТОЯЛА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ:

„Первая колонна, подъ командою генералъ-маіора Броневскаго: три баталіона крымскаго полка, три баталіона ставропольскаго, два баталіона таманскаго полка и 30 орудій девятифунтовыхъ эриванскаго отряда, а всего—8 баталіоновъ и 30 орудій. Колонна эта имѣетъ назначеніе: въ 6-ть часовъ утра двинуться изъ лагеря, развернуть въ одну линію на полные интервалы артилерію, подъ прикрытіемъ своей пѣхоты, и, подойдя на 1000 саженей къ лѣвому флангу непріятельской позиціи, что правѣе эрзерумской дороги, открыть усиленный артилерійскій огонь по непріятелю; затѣмъ, послѣ обстрѣла, когда 2-я колонна откроетъ артилерійскій огонь—артилерія 1-й колонны побатарейно подвигается впередъ на 800 саженей и открываетъ усиленный огонь картечными гранатами. Первая колонна отнюдь не ведетъ фронтальной атаки, а только ведетъ бой демонстративный.

«Вторая колонна, подъ командою полковника князя Амираджиби: два баталіона бакинскаго полка, одинъ баталіонъ кубинскаго, три баталіона елисаветпольскаго полковъ, 3-й стрѣлковый баталіонъ, 3-я батарея 39-й бригады, всего—7 баталіоновъ и 8 орудій. Назначеніе этой колонны: одновременно съ первой, выстроившись правѣе ея, дѣйствовать во флангъ непріятелю съ лѣваго его фланга, а когда артилеріею первой колонны будетъ достаточно подготовлена атака, пятью баталіонами атаковать позицію во флангъ непріятеля, и въ томъ случаѣ, остающіеся два баталіона, съ батареею, обстрѣливаютъ правый скатъ оврага, иду-

щаго черезъ Деве-Бойну, по дну котораго пролегаетъ дорога. Полковникъ князь Амираджиби, опрокинувъ флангъ непріятеля самымъ энергическимъ образомъ, долженъ обратить все вниманіе на скорѣйшее занятіе единственной дороги, продѣланной для выѣзда на это плато, и стрѣлками обстрѣливать непріятельскій лагерь, стоящій на большой дорогѣ; а когда обскачетъ Деве-Бойну кавалерія и приблизится къ этому лагерю, то всѣми силами поддерживать эту атаку. Когда же овладѣетъ лагеремъ, то занимаетъ позицію на мѣстѣ этого лагеря—чѣмъ отрѣзываетъ отступленіе непріятельскихъ передовыхъ войскъ къ Эрзеруму; но кавалерія высылаетъ сильные аванпосты къ сторонѣ Эрзерума. Два баталіона, съ батареей, оставшіеся для обстрѣла праваго ската оврага, слѣдуютъ за кавалеріею, не форсируя движеніемъ. Первая и вторая колонны, составляя правый флангъ, состоятъ подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Тергукасова.

«Третья колонна, подъ командой генералъ-маіора Авинова: 1-я бригада гренадеръ, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я батареи гренадерской бригады и 2-я батарея 21-й артилерійской бригады, всего—8 баталіоновъ и 36 орудій. Назначеніе этой колонны: одновременно съ первою, въ такомъ же порядкѣ, двинуться лѣвѣе большой эрзерумской дороги, также развернуть свою артилерію, и съ 1000 саженей начать свои дѣйствія по правому флангу непріятеля; дѣйствовать также демонстративно, отнюдь не переходить въ общую атаку.

„Четвертая колонна, подъ командою генералъ-маіора фонъ-Шака: двѣ роты саперъ, 2-я бригада гренадеръ, 4-я батарея 19-й артилерійской бригады, три сотни волгскаго полка, всего—8½ баталіоновъ, 6 орудій и три сотни. Назначеніе этой колонны: одновременно съ первою двинуться значительно лѣвѣе ея, по дорогѣ, идущей у ската Паланъ-Текена, черезъ деревни Гюлли и Тополахъ, и стараться охватить непріятельскій правый флангъ, но отнюдь не форсировать и дѣйствовать крайне осторожно, до тѣхъ поръ, пока не достигнутся успѣхи противъ лѣваго непріятельскаго фланга, и затѣмъ, когда получится отъ меня приказаніе, или лично начальникъ колонны замѣтитъ въ непріятель-

скихъ войскахъ колебаніе—что будетъ показывать, что они обойдены—тогда только перейти въ самое энергическое наступленіе.

„Третья и четвертая колонны состоятъ подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Соловьева. Для конвоя и въ распоряженіе начальника праваго фланга, генералъ-лейтенанта Тергукасова, назначается одна сотня екатеринодарскаго полка, а другая сотня этого полка назначается въ распоряженіе генералъ-маіора Соловьева для той-же надобности.

„Вся кавалерія, состоя подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, дѣлится на двѣ колонны: первая кавалерійская колонна, подъ командою хана Нахичеванскаго: переяславскій драгунскій полкъ (4 эскадрона), 2-й сунженскій казачій полкъ (4 сотни), 4-й астраханскій казачій полкъ (4 сотни), кавказская ракетная батарея (1 сотня), 1-я батарея кубанскаго войска (6 орудій), всего—12 сотенъ и эскадроновъ, при 6-ти орудіяхъ. Колонна эта, при началѣ боя, располагается внѣ пушечнаго выстрѣла, между 1-й и 2-й колоннами; когда же колонна полковника кн. Амираджиби достигнетъ успѣха, то первая кавалерійская колонна слѣдуетъ на полныхъ рысяхъ по оврагу, идущему черезъ Деве-Бойну, въ тылъ непріятельскому лагерю, расположенному на большой эрзерумской дорогѣ; но для начала движенія она ожидаетъ приказанія начальника кавалеріи и, совмѣстно съ полковникомъ княземъ Амираджиби, энергически атакуетъ упомянутый лагерь и отрѣзываетъ отступленіе непріятельскаго праваго фланга.

„Вторая кавалерійская колонна, подъ командою генерала кн. Амилахвари: сводный драгунскій (дивизіоны нижегородскаго и сѣверскаго полковъ—4 эскадрона), второй горско-моздокскій и кавказскій казачьи полки (8 сотенъ), волгская ракетная батарея (1 сотня), 4 орудія 1-й терской батареи, всего—13 эскадр. и сотенъ и 4 орудія. Вторая кавалерійская колонна выстраивается впереди селенія Куруджухъ, и когда колонна полковника князя Амираджиби достигнетъ результатовъ, то слѣдуетъ на рысяхъ по большой эрзерумской дорогѣ, или же на походѣ перемѣняетъ фронтъ и атакуетъ правую половину непріятеля въ лѣвый ея флангъ, со стороны большой эрзерумской дороги; но тоже ожидаетъ приказанія для

движенія отъ начальника кавалеріи или моего личнаго.

„Когда начнутъ достигаться результаты атаки полковника князя Амираджиби, то войска первой колонны передвигаются частями на мѣсто первой гренадерской бригады, которая, по смѣнѣ также частями, будетъ направлена по большой эрзерумской дорогѣ.

„Перевязочные пункты: для праваго фланга—у деревни Эзырмыкъ, для лѣваго фланга—за деревнею Ханджи, внѣ пушечнаго выстрѣла. Въ прикрытіе перевязочныхъ пунктовъ назначается по двѣ роты отъ баталіона, остающагося для сей цѣли отъ 1-й колонны, по два орудія отъ 6-й батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады, и команды отъ 2-го уманскаго коннаго полка. При каждомъ перевязочномъ пунктѣ назначить по 2 жандарма.

„Всѣ фургоны, какъ войсковые, такъ и лазаретные, должны быть при перевязочныхъ пунктахъ и выѣзжаютъ впередъ только тогда, когда будутъ направлены за ранеными; при войскахъ же отнюдь не должны быть. Въ прикрытіе лагеря остается одинъ кубинскій баталіонъ и два орудія 6-й гренадерской батареи. Съ выступленіемъ войскъ, остающимся слабымъ снять палатки, а жандармскому офицеру весь обозъ собрать въ общій вагенбургъ и ожидать дальнѣйшаго приказанія.

„Парки располагаются сзади Куруджуха, но начальникъ артилеріи согаплугскаго отряда имѣетъ распорядиться, чтобы они были распредѣлены соразмѣрно съ войсками праваго и лѣваго фланговъ, имѣя въ виду родъ вооруженія пѣхоты.

„При началѣ боя я буду находиться впереди Куруджуха, а потомъ—гдѣ укажутъ обстоятельства; но, вѣроятно, въ центрѣ. Отъ всѣхъ колоннъ выслать ко мнѣ по одному конному ординарцу, но ихъ послать тогда, когда войска займутъ первыя свои позиціи".

ЗА ДѢЛО 23-ГО ОКТЯБРЯ ПРИ ДЕВЕ-БОЙНУ ОФИЦЕРЫ ПОЛУЧИЛИ СЛѢДУЮЩІЯ НАГРАДЫ:

Кому именно.	Какія награды.
Подполковнику Колодѣеву. . .	Орденъ св. Георгія 4 класса.
Капитану Непенину	Орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ.
Штабсъ-капитану Штуссу. . .	Золотое оружіе съ надписью „за храбрость".
Прикомандированному къ сей батареѣ подпоручику 41-й артилерійской бригады Фріауфу.	Орденъ св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ.

Нижнимъ чинамъ пожаловано 10 знаковъ отличія военнаго ордена.

КЪ ГЛАВѢ VIII.

ЗА ДѢЛО 24-ГО ОКТЯБРЯ ПОДЪ КАРСОМЪ ОФИЦЕРЫ 3-Й БАТАРЕИ ПОЛУЧИЛИ СЛѢДУЮЩІЯ НАГРАДЫ:

Прапорщику Шосте.	Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ.
— Попову.	

ЗА ШТУРМЪ КАРСА ОФИЦЕРЫ 3-й И 5-й БАТАРЕЙ ПОЛУЧИЛИ СЛѢДУЮЩІЯ НАГРАДЫ:

3-й батареи.

Кому именно.	Какія награды.
Штабсъ-капитану Прикащикову.	Св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ.
Поручику Тупицыну	Св. Станислава 2-й ст. съ мечами.
Прапорщику Попову	Св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ.

5-й батареи.

Командиру батареи полковнику Шредерсу.	Золотое оружіе съ надписью „за храбрость".
Поручику Подеревскому . . .	Св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ.
Прапорщику Ломиковскому . .	Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ.

Описаніе подвига 3-й (бывшей 5-й) батареи 38-й артиллерійской бригады обознаго унтеръ-офицера Леонтія Швеца.

Въ день штурма Карса, 6-го ноября, рано утромъ, унтеръ-офицеръ 5-й батареи Леонтій Швецъ, какъ завѣдывающій коновязью батареи, былъ посланъ на мѣсто стараго бивака батареи,

къ сел. Самаватъ, для того, чтобы забрать оставленное тамъ батареею сѣно и ячмень. Взявъ съ собою нѣсколько осѣдланныхъ лошадей, унтеръ-офицеръ Швецъ отправился къ Самавату, прибывъ къ которому и приступилъ къ работѣ. Покончивъ съ сѣномъ, Швецъ хотѣлъ забрать и ячмень, но въ это время увидѣлъ толпу турокъ, бѣжавшихъ изъ Карса по большой эрзерумской дорогѣ. Всѣ они были вооружены и успѣли уже уложить нѣсколько человѣкъ изъ отдѣленія парка, оставшагося въ ночь штурма у Самавата. Бѣжавшіе, состоявшіе изъ пѣхотинцевъ и кавалеристовъ, бросились и на Швеца, но онъ не оплошалъ: выхвативъ изъ ноженъ саблю, онъ началъ ею отмахиваться, но, чувствуя, что саблей рубиться не очень-то ловко, бросилъ ее и накинулся на враговъ съ кулаками. Ударивъ одного изъ ближайшихъ наотмашь кулакомъ въ високъ, Швецъ сшибъ его съ ногъ, и турокъ замертво повалился на землю. Покончивъ съ первымъ, Швецъ уложилъ подобнымъ же образомъ еще двухъ, послѣ чего враги, изумленные храбростью русскаго солдата, не рѣшились уже больше на него насѣдать, а сочли за лучшее продолжать свое постыдное бѣгство, оставивъ на мѣстѣ побоища три бездыханныхъ трупа. Между прочимъ, Швецъ, отдѣлавшись столь рѣшительнымъ образомъ отъ докучливыхъ турокъ, поднялъ брошенную имъ шашку и, сѣвъ на обозную лошадь, поѣхалъ къ своей батареѣ. Но на дорогѣ ему суждено было отразить еще одно нападеніе, а именно: отъѣхавъ съ версту отъ Самавата, Швецъ наткнулся на новую толпу бѣглецовъ. Одинъ изъ нихъ, вооруженный револьверомъ, приблизился къ Швецу и въ упоръ сдѣлалъ въ него четыре выстрѣла; но только, надо полагать, что турокъ былъ сильно взволнованъ, такъ какъ ни одна изъ пущенныхъ въ упоръ четырехъ пуль даже и не коснулась Швеца; только послѣднимъ выстрѣломъ турокъ смертельно ранилъ бывшую подъ нашимъ храбрецомъ обозную лошадь, которая и повалилась на землю. Возмущенный этимъ, Швецъ быстро высвободился изъ подъ убитой лошади и опять съ кулаками бросился на врага; завязалась борьба, изъ которой снова побѣдителемъ вышелъ Швецъ, придушившій и на этотъ разъ турка на-смерть. Такимъ образомъ, унтеръ-офицеръ Швецъ, благодаря своей отвагѣ

и силѣ, уложилъ одинъ четырехъ турокъ—и чѣмъ же? Кулакомъ. По приходѣ въ батарею, унтеръ-офицеръ Швецъ доложилъ о всемъ случившемся командиру батареи, который, въ свою очередь, доложилъ объ этомъ начальнику отряда, прося его наградить дѣйствительно достойнаго того Швеца. И не одинъ командиръ батареи просилъ о награжденіи Швеца за оказанный имъ подвигъ, но просилъ объ этомъ же и командиръ сѣверскаго драгунскаго полка полковникъ (нынѣ генералъ-маіоръ) Батіевскій, на глазахъ котораго и совершился вышеописанный подвигъ, и который послѣ того, какъ Швецъ покончилъ съ неумѣлымъ стрѣлкомъ изъ револьвера, подозвалъ его (Швеца) къ себѣ, похвалилъ за храбрость, спросилъ его фамилію и обѣщалъ хлопотать о награжденіи его у начальства.

За таковой подвигъ Швецъ, дѣйствительно, былъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена 4-й степени.

Все сказанное тутъ подтвердилъ, какъ очевидецъ, командиръ сѣверскаго драгунскаго полка полковникъ Батіевскій.

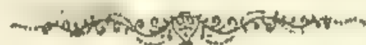
Въ заключеніе этого описанія слѣдуетъ сказать, что обозный унтеръ-офицеръ Швецъ за все время своей службы постоянно высказывалъ смѣлость и отвагу. Такъ, нерѣдко на ученьяхъ и проѣздкахъ случалось, что застоявшіяся или непривычныя къ упряжи лошади (по преимуществу въ ящикахъ троечной запряжки) начнутъ горячиться подъ ѣздовымъ, и въ заключеніе дѣло кончается тѣмъ, что ящикъ, выдѣлившись изъ строя, носится по полю, не видя передъ собою никакихъ препятствій. Растерявшійся ѣздовой въ большинствѣ случаевъ броситъ поводья и, испугавшись, не думаетъ даже останавливать упрямую тройку. Къ носящемуся ящику обыкновенно бросались со всѣхъ сторонъ люди, но всегда они достигали до него тогда, когда Швецъ, забѣжавъ наперерѣзъ, схватывалъ лошадей подъ уздцы, и одинъ останавливалъ тройку.

КЪ ГЛАВѢ X.

РАСХОДЪ ОФИЦЕРОВЪ 1-Й БАТАРЕИ КО ВРЕМЕНИ ВЫСТУПЛЕНІЯ ЕЯ ИЗЪ ТИФЛИСА ВЪ ГОРИ.

Старшинство въ чинахъ.			Чинъ, имя, отчество и фамилія.	Чѣмъ командуетъ, съ какого времени, и гдѣ въ отсутствіи или налицо.
годъ.	мѣсяцъ.	чис.		
1874	Августа	30	*Полковникъ.* Александръ Борисовичъ Бучкіевъ (православнаго) .	Командиръ батареи съ 8-го октября 1876-го года (налицо).
1871	Октября	30	*Капитанъ.* Никита Николаевичъ Якубовскій (православнаго)	При георгіевскомъ окружномъ артилерійскомъ складѣ съ 19-го января 1877-го года.
1873	Декабря	29	*Штабсъ-капит.* Николай Николаевичъ Кармановъ (православнаго)	При 41-й артилерійской бригадѣ для завѣдыванія батареею осадныхъ орудій, воздвигаемыхъ на муха-эстатской позиціи, съ 4-го октября 1877-го года.
1874	Ноября	26	*Поручикъ.* Петръ Матвѣевичъ Салодиловъ (православнаго) .	При одесскихъ батареяхъ съ 27-го октября 1876-го года.

			Подпоручики:	
1875	Октября	25	Владимiръ Федоровичъ Куликъ (православнаго) .	Какъ уже и было сказано въ текстѣ.
1876	Декабря	9	Иванъ Ивановичъ Мамышевъ (православнаго) . . .	При 42-мъ дивизiонномъ летучемъ паркѣ съ 4-го октября 1877-го года.
1875	Августа	10	Александръ Герасимовичъ Прозоркевичъ (православнаго) . . .	При кавказской горной полубатареѣ съ 3-го декабря 1877-го года.
1876	Декабря	9	Григорiй Николаевичъ Никогосовъ (арм.-григорiанскаго) . . .	Въ распоряженiи губернатора завоеванной эрзерумской области съ 6-го января 1878-го года; откомандированъ вслѣдствiе знанiя языковъ.

ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

СПИСОКЪ

офицерамъ 38-й артилерійской бригады, участвовавшимъ въ кампаніи 1877-го—1878-го годовъ, съ обозначеніемъ, кто какія получилъ награды.

№№ по порядку.	Чины и фамиліи.	Награды.
	1-й батареи.	
1	Командиръ батареи полковникъ Александръ Барисовичъ Бучкіевъ.	Орденъ св. Владиміра 3-й ст. съ мечами.
2	Командиръ 4-го взвода подпоручикъ Александръ Герасимовичъ Прозоркевичъ . . (Переведенъ изъ бригады).	Орденъ св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ.
3	Командиръ 3-го взвода прапорщикъ Иванъ Ивановичъ Мамышевъ . . . . . . (Переведенъ изъ бригады).	Тотъ же орденъ.

4	Командиръ 2-го взвода прапорщикъ Михаилъ Варламовичъ Липилинъ. . . . . (Переведенъ изъ бригады).	Орденъ св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ.
5	Командиръ 1-го взвода подпоручикъ Владиміръ Федоровичъ Куликъ . . . . (Переведенъ изъ бригады).	Орденъ св. Станислава 4-й ст. съ мечами и бантомъ.
	2-й батареи.	
	Командиры батареи:	
6	Полковникъ Егоръ Ивановичъ Парфененко. . . . . . . (Переведенъ изъ бригады).	Свѣтло-бронзовую медаль.
7	Подполковникъ Александръ Николаевичъ Колодѣевъ. . (Переведенъ изъ бригады).	Св. Георгія 4-й ст. Свѣтло-бронзовую медаль.
8	Подполковникъ Владиміръ Ивановичъ Свищевъ . . .	Свѣтло-бронзовую медаль.
9	Командиръ 1-й полубатареи штабсъ-капитанъ (затѣмъ капитанъ) Иванъ Владиміровичъ Непенинъ . . . . (Прикомандированный изъ 11-й артилерійской бригады).	Золотое оружіе съ надписью „за храбрость". Св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ. Св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ. Св. Станислава 2-й ст. и св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ. Свѣтло-бронзовую медаль въ память войны.

10	Командиръ 2-й полубатареи поручикъ Александръ Карловичъ Штуссъ 1-й. . . . (Нынѣ капитанъ).	Золотое оружіе съ надписью „за храбрость". Св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ. Св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ. Св. Станислава 2-й ст. и св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ. Свѣтло-бронзовую медаль въ память кампаніи.
11	Командиръ 4-го взвода поручикъ Гавріилъ Ивановичъ Волжинскій. . . . . . (Переведенъ изъ бригады).	Св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость". Свѣтло-бронзовую медаль.
12	Командиръ 1-го взвода подпоручикъ Сергѣй Павловичъ Грязновъ . . . . . . (Переведенъ изъ бригады).	Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ. Свѣтло-бронзовую медаль.
13	Командиръ 2-го взвода прапорщикъ Василій Эдуардовичъ Фріауфъ. . . . . (Переведенъ изъ бригады).	Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ. Свѣтло-бронзовую медаль.
14	Сотникъ Альфредъ Карловичъ Штуссъ 2-й. . . . (Прикомандированъ изъ оренбургской казачьей артиллеріи; переведенъ изъ бригады).	Свѣтло-бронзовую медаль.
15	Поручикъ Георгій Васильевичъ Громъ . . . . . . (Переведенъ изъ 4-й батареи бригады; въ отставкѣ).	Свѣтло-бронзовую медаль.

	3-й батареи.	
	Командиры батареи:	
16	Полковникъ Николай Николаевичъ Босяцкій. . . . (Переведенъ изъ бригады).	Свѣтло-бронзовую медаль.
17	Полковникъ Илья Федоровичъ Петрашъ. . . . . . . (Переведенъ изъ бригады).	Золотое оружіе съ надписью „за храбрость". Св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ и серебряную медаль за участіе въ штурмѣ Карса.
18	Командиръ 1-й полубатареи штабсъ-капитанъ Владиміръ Афанасьевичъ Прикащиковъ. (Нынѣ капитанъ).	Св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ. Св. Анны 2-й ст. съ мечами и св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ. Св. Станислава 2-й ст. съ мечами. Свѣтло-бронзовую медаль.
19	Командиръ 2-й полубатареи штабсъ-капитанъ Григорій Тимофеевичъ Тупицынъ 1-й. (Нынѣ капитанъ).	Св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ. Св. Станислава 2-й ст. съ мечами. Свѣтло-бронзовую медаль.
20	Командиръ 1-го взвода поручикъ Николай Лукичъ Поспѣловъ. . . . . . . (Нынѣ штабсъ-капитанъ).	Св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ. Св. Станислава 2-й ст. съ мечами. Медаль.

21	Командиръ 2-го взвода поручикъ Василій Тимофеевичъ Тупицынъ 2-й. . . . . (Нынѣ штабсъ-капитанъ).	Орденъ св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ. Орденъ св. Станислава 2-й ст. съ мечами и св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ. Медаль.
22	Командиръ 3-го взвода прапорщикъ Николай Николаевичъ Шосте. . . . . . (Нынѣ поручикъ).	Св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость". Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ. Медаль.
23	Командиръ 4-го взвода прапорщикъ Иванъ Дмитріевичъ Поповъ . . . . (Нынѣ поручикъ).	Св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ. Св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ и св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость". Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ. Медаль.
	5-й батареи.	
24	Командиръ батареи полковникъ Николай Доминиковичъ Шредерсъ	Золотое оружіе съ надписью „за храбрость". Св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ. Чинъ полковника. Медаль.
25	Командиръ 1-й полубатареи штабсъ-капитанъ Николай Ивановичъ Затеплинскій. . (Переведенъ изъ бригады).	Св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ. Медаль.

26	Командиръ 2-й полубатареи поручикъ Николай Людвиговичъ Подеревскій . . . (Переведенъ изъ бригады).	Св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ. Медаль.
27	Командиръ 1-го взвода прапорщикъ Леонидъ Николаевичъ Бѣльковичъ. . . . (Нынѣ поручикъ).	Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ. Медаль.
28	Командиръ 3-го взвода прапорщикъ Михаилъ Владиславовичъ Ломиковскій . . . (Переведенъ изъ бригады).	Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ. Медаль.

Итого, всѣхъ офицеровъ, участвовавшихъ въ кампаніи и бывшихъ подъ огнемъ непріятеля, въ бригадѣ состояло 28. Изъ этого числа только одинъ, именно командиръ 2-й батареи подполковникъ Александръ Николаевичъ Колодѣевъ, за подвиги въ сраженіи подъ Деве-Бойну, награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

II.

СПИСОКЪ

нижнимъ чинамъ 38-й артилерійской бригады, получившимъ знаки отличія военнаго ордена въ кампанію 1877-го—1878-го годовъ.

№№ по порядку.	Званіе, имена и фамиліи.	Какой степени.	№№ крестовъ.
	1-й батареи.		
	Фельдфебель.		
1	Алексѣй Прохоровъ. . . .	3	3008
		4	35222
	Фейерверкеры.		
2	Алексѣй Косенко. . . .	4	62638
3	Петръ Ефремовъ. . . .	4	62639
4	Тарасъ Федотовъ. . . .	4	62640
5	Федулъ Барабинъ. . . .	4	62641
6	Митрофанъ Козловъ. . .	4	62642
7	Павелъ Синепученко. . .	4	81262
8	Федоръ Чиленко.	4	81263
	Бомбардиръ.		
9	Никифоръ Голодинъ. . .	4	35225
	2-й батареи.		
	Фельдфебель.		
1	Филиппъ Ружицкій. . .	3	3167
		4	35736
	Старшіе фейерверкеры:		
2	Василій Мельниковъ. . .	3	3009
		4	57169
3	Николай Клинюковъ. . .	3	3174
		4	74739

4	Кузьма Скрынниковъ. . .	4	57170
	Младшіе фейерверкеры:		
5	Артемъ Ефременко. . . .	3	3010
		4	38521
6	Федотъ Макуха.	4	50525
7	Младшій фельдшеръ унтеръ-офицерскаго званія Ефимъ Бабаевъ.	4	57161
	Бомбардиры:		
8	Никита Косенко. . . .	3	
		4	74740
9	Федотъ Сметана. . . .	4	38527
10	Алексѣй Аркатовъ. . . .	3	3029
		4	38526
11	Павелъ Зацѣпинъ. . . .	4	38524
12	Егоръ Борнышевъ. . . .	3	
		4	74741
13	Василій Бойко.	4	57162
14	Федотъ Горшковъ. . . .	4	57163
15	Сергѣй Мойсѣевъ. . . .	4	57164
16	Василій Перковскій. . . .	4	57165
17	Степанъ Сидоровъ. . . .	4	43263
18	Григорій Эктовъ. . . .	4	74186
19	Трофимъ Лубинецъ. . . .	4	74187
20	Никифоръ Лобода. . . .	4	74734
21	Онуфрій Дмитріенко. . .	4	74735
22	Иванъ Акуловъ.	4	74736
23	Степанъ Титовскій. . . .	4	81264
24	Михаилъ Жуленковъ. . .	4	81265
25	Григорій Алябутевъ. . .	4	81266
26	Елисей Шепиловъ. . . .	4	81267
	Канониры:		
27	Иванъ Кузнецовъ. . . .	4	38533
28	Павелъ Цинковскій. . . .	4	57166
29	Иванъ Киселевъ.	4	57167
30	Венедиктъ Васильевъ. . .	4	57168
31	Антонъ Куцоевъ. . . .	4	43262
32	Иванъ Тихановъ. . . .	4	50526

33	Эдмундъ Одынскій. . . .	4	74737
34	Николай Степановъ. . . .	4	74738
	3-й батареи.		
	Фельдфебель.		
1	Викторъ Любіевскій. . .	3	
		4	36538
	Старшіе фейерверкеры:		
2	Николай Еринъ.	3	3030
		4	
3	Прокофій Никонецъ. . .	4	61046
4	Максимъ Никанцевъ. . .	4	56366
5	Старшій мастеровой деревяннаго дѣла Францъ Граховальскій.	4	62647
6	Старшій мастеровой металлическаго дѣла Фридрихъ Фишеръ.	4	81271
	Младшіе фейерверкеры:		
7	Иванъ Козыренко. . . .	3	
		4	62643
8	Иванъ Шестеркинъ. . . .	4	56468
9	Кириллъ Гущукъ. . . .	3	3031
		4	73545
10	Романъ Пимановъ. . . .	4	73547
11	Моисей Деревянко. . . .	3	3001
		4	
12	Унтеръ-офицеръ Андрей Веркевичъ.	4	62645
	Бомбардиры:		
13	Семенъ Усовъ.	3	
		4	62646
14	Павелъ Скоробогатовъ. . .	3	
		4	56470
15	Николай Степановъ. . .	3	3032
		4	
16	Константинъ Засимовъ. .	4	42282
17	Іосифъ Гайдукъ.	4	49049

18	Спиридонъ Шегуновъ. . .	4	61010
19	Филиппъ Шенкаренко. . .	4	56367
20	Спиридонъ Негуновъ. . .	4	56368
21	Максимъ Кобылянскій. . .	4	62648
22	Сидоръ Смагинъ. . . .	4	73548
23	Адамъ Пташекъ.	4	62643
24	Иванъ Василенко. . . .	4	35223
25	Иванъ Шеманюкъ. . . .	4	35227
26	Филиппъ Булатовъ. . . .	4	81268
27	Петръ Грибовъ.	4	81269
28	Матвѣй Гуляевъ.	4	82882
29	Иванъ Липовецъ	4	82884
	Канониры:		
30	Иванъ Груша.	3 4	3375 56369
31	Егоръ Пьянзинъ.	4	56370
32	Янъ Редке.	4	56371
33	Александръ Петрукъ. . .	4	56372
34	Арсеній Ковалевъ. . . .	4	56373
35	Павелъ Снѣговскій. . . .	4	56374
36	Яковъ Яценко.	4	73546
37	Семенъ Кночковъ. . . .	4	73549
38	Мартынъ Лаунахъ. . . .	4	73550
39	Акимъ Дубининъ. . . .	4	73551
40	Несторъ Арбузовъ. . . .	4	73552
41	Антонъ Багуринъ . . .	4	73553
42	Василій Аркафьевъ. . . .	4	73554
43	Григорій Шарпиловъ. . .	4	62646
44	Савва Туркенчеевъ. . . .	4	81270
45	Павелъ Качанъ.	4	82883
	Младшіе фейерверкеры:		
46	Евстафій Асавальчукъ. .	4	62644
47	Степанъ Качинскій. . . .	4	56469
	5-й батареи.		
	Фельдфебель.		
1	Дмитрій Александровъ. . .	3 4	3033 49045

	Старшіе фейерверкеры:		
2	Федоръ Зудовъ.	3	3000
		4	56375
3	Леопольдъ Бакальскій. . .	4	63217
	Младшіе фейерверкеры:		
4	Алексѣй Варакинъ. . . .	4	81272
5	Өедоръ Алексѣевъ. . . .	4	81273
6	Обозный унтеръ-офицеръ Леонтій Швецъ.	3	3035
		4	73560
7	Младшій мастеровой металлическаго дѣла Карлъ Санковскій.	4	73559
	Бомбардиры:		
8	Кондратъ Гайдковъ. . . .	4	49082
9	Степанъ Гриценко. . . .	4	49076
10	Дмитрій Безсоновъ. . . .	4	56376
11	Ефимъ Веревейко. . . .	4	56377
12	Яковъ Цыбулька	4	73555
13	Никита Долгополовъ. . .	4	81274
14	Андрей Долгановъ. . . .	4	81275
	Канониры:		
15	Николай Галовановъ. . .	4	73556
16	Иванъ Журавлевъ. . . .	4	73557
17	Алексѣй Степановъ. . . .	4	73558
18	Василій Садовниковъ. . .	4	63218

Итого, всѣхъ кавалеровъ въ батареяхъ состояло 108.

Всего пожаловано крестовъ 128.

НАЗВАНІЕ БАТАРЕЙ.	ЧИСЛО УБИТЫХЪ, РАНЕНЫХЪ И КОНТУЖЕНЫХЪ НИЖНИХЪ ЧИНОВЪ И ЧИСЛО ВЫБЫВШИХЪ ИЗЪ СТРОЯ ЛОШАДЕЙ.																													
	НАЗВАНІЕ ОТРЯДОВЪ.																													
	Приріонскій отрядъ.				ГЛАВНЫЯ СИЛЫ.												ЭРИВАНСКІЙ ОТРЯДЪ.										ОБЩАЯ УБЫЛЬ.			
	14-го и 12-го іюня.		18-го іюня.		6-го августа.		13-го августа.		19-го сентября, подъ Кизилъ-Гуя.		20-го, 21-го и 22-го сентяб.		3-го октября.		Штурмъ Карса.		Подъ Баязетомъ.		7-го сентября, у сел. Хошъ-Хабаръ.		15-го сентября.		Подъ Девебойну.		Штурмъ Эрзерума.		Всего нижнихъ чиновъ.			Убыло лошадей.
	Убито.	Ранено.	Убито.	Ранено.	Убито.	Ранено.	Убито.	Ранено.	Убито.	Ранено.	Убито.	Ранено.	Убито.	Ранено.	Убито.	Ранено.	Убито.	Ранено.	Убито.	Ранено.	Убито.	Ранено.	Убито.	Ранено.	Убито.	Ранено.	Убито.	Ранено.	Конт.	
1-я батарея.																														
Нижнихъ чиновъ. .	1	2	•	•	•	•	•	•	•	»	»	•	»	•	•	•	•	•	•	•	•	»	•	•	»	•	1	2	•	•
Лошадей. . . .	3	•	•	2	•	•	•	»	•	•	•	»	•	•	•	•	•	•	•	»	•	•	»	•	•	•	—	—	—	5
2-я батарея.																														
Нижнихъ чиновъ. .	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	»	•	•	•	•	•	•	»	•	1	»	2	1	2	1	•	2	5	6	
Лошадей. . . .	»	•	•	»	•	•	•	»	»	•	»	»	•	•	•	•	1 ко 1	нт. •	2	•	5 ко 9	нт. •	19		1	•	—	—	—	32
3-я батарея.																														
Нижнихъ чиновъ. .	2	2	•	•	•	•	»	•	•	•	»	1	•	4	1	»	»	»	•	»	»	»	•	•	»	•	3	7	1	
Лошадей. . . .	2	•	•	•	•	3	1	•	1 ко »	нт. •	Неи	зв.	7	•	Неи	зв.	•	•	•	•	»	•	•	•	•	•	—	—	—	13
5-я батарея.																														
Нижнихъ чиновъ. .	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	1	•	•	2	2	•	»	»	»	•	•	•	•	•	•	2	3	2	
Лошадей. . . .	•	•	»	•	•	•	»	•	•	•	1 ко •	нт. 9	•	•	1 ко •	нт. 5	»	•	•	•	»	•	•	•	•	•	—	—	—	14
Итого. . .	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	»	•	•	•	•	•	•	•	»	•	•	•	•	•	•	8	17	9	64

IV.

НАЗВАНІЕ БАТАРЕЙ.	ПЕРЕЧИСЛЕНІЕ ДѢЛЪ ПО ОТРЯДАМЪ, ВЪ КОТОРЫХЪ УЧАСТВОВАЛИ БАТАРЕИ, СЪ УКАЗАНІЕМЪ ЧИСЛА ВЫПУЩЕННЫХЪ БАТАРЕЯМИ ВЪ КАЖДОМЪ ДѢЛѢ СНАРЯДОВЪ. Названіе отрядовъ. Пририонскій отрядъ. Сраженіе 11-го и 12-го іюня.		Пририонскій отрядъ. 18-го іюня, при салютаціи залпами.		Главныя силы. 6-го августа, на рекогносцировкѣ у большихъ Ягны.		Главныя силы. 13-го августа, въ бою за Кизилъ-Тапу.		Главныя силы. 18-го сентября, въ отрядѣ генерала Комарова, у сел. Порцухло.		Главныя силы. 19-го сентября, при Кизилъ-Гулѣ, въ отрядѣ генерала Шелковникова.		Главныя силы. 20-го, 21-го и 22-го сентября, у малыхъ Ягны, въ отрядѣ генерала Комарова.		Главныя силы. 3-го октября, въ отрядѣ генерала Кузьминскаго.		Главныя силы. При штурмѣ Карса, въ отрядѣ генерала Комарова.		Эриванскій отрядъ. 28-го іюня, подъ Баязетомъ.		Эриванскій отрядъ. 7-го сентября, у сел. Хошъ-Хабаръ, въ отрядѣ генерала Броневскаго.		Эриванскій отрядъ. 15-го сентября, на караванъ-сарайской дорогѣ, въ отрядѣ генерала Броневскаго.		Эриванскій отрядъ. 6-го октября, у сел. Али-Качагъ, въ отрядѣ генерала Девеля.		Эриванскій отрядъ. Подъ Деве-Бойну, въ отрядѣ генерала Тергукасова.		Эриванскій отрядъ. При штурмѣ Эрзерума, въ отрядѣ генерала Тергукасова.		Въ разновременныхъ перестрѣлкахъ.		Всего въ батареяхъ выпущено.	Число снарядовъ, приходящееся на орудіе.
	Гранатъ.	Картеч. гран.	Гранатъ.	Картеч. гран.	Гранатъ.	Картеч. гран.	Гранатъ.	Картеч. гран.	Гранатъ.	Картеч. гран.	Гранатъ.	Картеч. гран.	Гранатъ.	Картеч. гран.	Гранатъ.	Картеч. гран.	Гранатъ.	Картеч. гран.	Гранатъ.	Картеч. гран.	Гранатъ.	Картеч. гран.	Гранатъ.	Картеч. гран.	Гранатъ.	Картеч. гран.	Гранатъ.	Картеч. гран.	Гранатъ.	Картеч. гран.	Гранатъ.	Картеч. гран.		
1-я батарея.	488	554	39	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	1081	135,1
2-я батарея.	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	120	»	127	»	125	123	70	»	249	180	18	9	15	»	1036	129,4
3-я батарея.	683 20 ка	579 ртеч.	28	5	37	3	42	40	»	»	53	19	184	102	262	100	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	4	»	2168	271
5-я батарея.	»	»	»	»	»	»	»	»	8	»	»	»	160	242	»	44	6	7	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	467	58,3
ИТОГО. .	1171 20 ка	1133 ртеч.	67	5	37	3	42	40	8	»	53	19	344	344	269	144	6	7	120	»	127	»	125	123	70	»	249	180	18	9	19	»	4752	148,16

Примѣчаніе. Во время кампаніи батареи не имѣли шрапнелей. Число выпущенныхъ 3-й батареею, снарядовъ за время блокады Карса не показано, такъ какъ объ этомъ не осталось никакихъ свѣдѣній.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.* Свер.	Сн.	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
82		1	20-й бригады	19-й бригады
213		2	штабсъ-капитана Непенина	капитана Непенина
248		15	3-й и 4-й	3-й и 2-й
252	3		позд	позд-